

МОСКВА

Город холмов и оврагов,
Город зеленых садов,
Уличных пестрых вигзагов,
Чистых и всяких прудов.

Город — церковей не дочтешься:
Их колокольный напев
Слушая, к вебу несешься,
Душу молитвой согрев.

Гордым величьем красуясь,
Город с кремлевских вершин
Смотрит в поляны, любуясь
Прелестью свежих картин.

Лентой река голубая
Тихо струится кругом,
Жатвы, леса огибаая,
Стены боярских хором. <...>

Город — восточная сказка!
Город — российская быль!
Хартий нам родственных связка!
Святы их ветхость и пыль.

Молча читает их время!
С заревом славных веков
Льется на позднее племя
Доблестный отблеск отцов. <...>

И. Вяземский

На переднем плане — революционерка Екатерина А. М. Савина
«Вид на Московский Кремль». 1878

ЛИТЕРАТУРА

8 класс

Учебник

для общеобразовательных
учреждений

В двух частях

Часть 1

Авторы-составители:

В. Я. Коровина

В. П. Журавлев

В. И. Коровин

Рекомендовано
Министерством образования и науки
Российской Федерации

8-е издание

Москва «Просвещение» 2009

УДК 373.167.1:82.09

ББК 83я72

Л64

На переплете — репродукция картины А. К. Саврасова
«Вид на Московский Кремль. Весна». 1873

Разработка серии — художники
О. В. Шиян, О. П. Богомолова

На учебник получены положительные заключения
Российской академии наук (№ 10106-5215/13
от 31.10.2007) и Российской академии образования
(№ 01-250/5/7д от 15.10.2007)

Литература. 8 класс. Учеб. для общеобразоват. уч-
Л64 реждений. В 2 ч. Ч. 1 / авт.-сост. В. Я. Коровина
[и др.]. — 8-е изд. — М. : Просвещение, 2009. —
399 с. : ил. — ISBN 978-5-09-021338-7.

УДК 373.167.1:82.09
ББК 83я72

ISBN 978-5-09-021338-7(1)
ISBN 978-5-09-021339-4(общ.)

© Издательство «Просвещение»,
2002, 2008

© Художественное оформление.
Издательство «Просвещение»,
2002, 2004, 2008

Все права защищены

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ИСТОРИЯ

Человек с самого детства связан живыми нитями с историческими судьбами страны, где он рожден, того общества, которое его воспитывает и которое, в свою очередь, испытывает на себе воздействие мировой истории.

Когда-то история, публицистика и литература были вообще нерасчленимы. Достаточно назвать древние летописные своды, в частности «Повесть временных лет», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Сказание о Мамаевом побоище». Это сочинения одновременно и исторические, и литературные, и публицистические.

Примерно с XVIII столетия историческая наука в России выделилась в самостоятельную область знания. Но и в XVIII, и в XIX веках сохраняется ее близость к художественной литературе. Ряд историков (М. В. Ломоносов, Н. М. Карамзин) были одновременно и писателями. Некоторые произведения чисто исторического характера (например, «История государства Российского» Н. М. Карамзина) имеют несомненные художественные достоинства.

Одной из характерных черт русской литературы был немеркнущий интерес ее творцов, великих писателей, к историческому прошлому своего народа, своей страны, тесно связанный с их неослабным вниманием к историческим судьбам всего человечества. В этом отчетливо и ярко проявились такие присущие русской литературе качества, как народность и гражданственность. Нельзя правильно отразить жизнь, чувства и мысли народа, не зная пройденного им сложного исторического пути, не осознав всего того, чем он жил, что радовало и печалило его в течение многих веков, что определило его быт и характер. Обличая в

своих произведениях несправедливость современного им общественного строя и стараясь найти путь в будущее, передовые деятели русской литературы не могли не обратить внимания на прошлое своего Отечества. Для них это было и выполнением гражданского долга, и проявлением национального самосознания, и, наконец, выражением органичной потребности обогатиться мыслями, образами, бытовыми красками, богатствами народного языка — всем многообразием национальной культуры, складывающейся веками.

К вопросам истории писатели подходили по-разному. Некоторые из них, как А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, выступают в отдельных своих произведениях (труды Пушкина о Петре I, о Пугачеве) даже как историки-профессионалы и тем самым становятся в ряд тех, кто внес непосредственный вклад в развитие исторической науки в России. Но и те из писателей, кто не ставил перед собой чисто исследовательских задач в области исторической науки своего времени, например И. С. Тургенев, оставили в своих заметках, дневниках, письмах оригинальные мысли об историческом прошлом.

Наконец, всему творчеству классиков русской литературы присущ *историзм*. Это значит, что даже в художественных произведениях, повествующих о современной писателю действительности, события и герои произведений предстают на фоне большого исторического полотна. Кроме того, большинство русских писателей интересовались проблемами не только русской, но и всемирной истории. Многие из них (И. С. Тургенев, Н. В. Гоголь, Ф. И. Тютчев) подолгу жили за границей, были свидетелями важнейших событий современной им европейской жизни (франко-прусская война 1870—1871 годов, Парижская коммуна и пр.). Эти события наводили писателей на размышления о прошлых и грядущих судьбах человечества. И. С. Тургенев сыграл большую роль в развитии культурных связей между Россией и странами Запада, содействуя распространению достижений русской исторической науки за границей.

Классики русской литературы XIX в. А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, И. С. Тургенев, Ф. И. Тютчев, Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстой и русские писатели XX века, представляющие собой гордость русской литературы, связаны своим творчеством с самыми значительными страницами русской истории.

Л. В. Черепнин

Паразмышляем над прочитанным...

1. В каком столетии историческая паука выделилась в самостоятельную отрасль знания?
2. Вспомните, с какими выдающимися деятелями русской истории вы встречались в художественных произведениях, изучаемых в школе или прочитанных самостоятельно.
3. Какие важные исторические события были воспроизведены писателями в литературных произведениях, прочитанных вами? Назовите эти произведения.
4. Подготовьте пересказ вступительной статьи, сопроводив его примерами из прочитанных вами стихотворений, поэм.

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Несказанно прекрасен мир народной песни. Песни разнообразны, как труд людей, их обычаи и обряды. Бытовые песни можно разделить на несколько групп. Обширна группа *календарных песен* — их пели в определенные дни года, по праздникам. Календарная песня — это песня, исполнение которой в другое время, вне праздничного обычая, было бы лишено всякого смысла.

Новый год встречали в надежде на доброе житье. Всюду по деревням и городам на так называемых Святках из дома в дом ходили подростки и величали хозяев; величальные песни на юге называли колядой, около Москвы, Владимира и Рязани — о-се-не-ем, на севере — виноградьем. Тема, смысл и образы их, однако, были одни и те же. Обычай обязывал угощать певцов. Чем щедрее было подарение — кусок пирога, пышка, ломоть хлеба, денежка, тем ближе казалось исполнение доброго пожелания. Хозяева дома и певцы вступали в обрядовую игру.

Название «коляда» возникло из названия первых дней каждого месяца в римском календаре — «календ». Календарь римлян был перенят в давние-давние времена славянами.

Весну закликали песнями в е-с-н-я-н-к-а-м-и, в майские дни чествовали деревья и цветы. С календарными песнями по-своему связаны хороводные, игровые, плясовые песни.

Обширны группы песен, не связанных ни с обрядами, ни с пляской, — это *лирические песни*, медленные, протяжные, песни-раздумья, песни-сетования.

Любовные песни не единственный вид народной лирики. Не менее обширна группа *семейных песен*: в них выражалась печаль домашних неурядиц. Перед нами встают картины старинного житья-бытья. В особенности горьки песни о вдовьей и сиротской жизни.

Как ни тяжела была жизнь народа, неистребимой оставалась шутка. *Шуточные песни* — особая группа лирических песен. Народ трунил над незадачливыми женихами, спесивыми невестами, неумелыми стряпухами. А. С. Пушкин упомянул об одной такой песне в стихотворении «Зимний вечер»:

Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила...

1. Песня «Ах, барыня, барыня...». Гравюра на меди. 1877
2. Песня «Во лузях...». Раскрашенная литография. 1889

От лирических песен отличаются свадебные *обрядовые песни*, предназначенные для исполнения на свадьбе. Пение этих песен предусмотрено самим обрядом. Эти песни были пленительной поэзией, которая украшала свадьбу, делала ее памятным событием в жизни человека. На свадьбе звучали причитания невесты.

Причитания-плачи звучали и на похоронах, при отъезде в дальнюю дорогу, на похоронные плачи были похожи причитания по рекруту-новобранцу.

Во второй половине XIX столетия в народе появились *частушки*. Среди частушек были лирические попевки:

Лучше нету того цвету,
Когда яблоня цветет,
Лучше нету той минуты,
Когда миленький придет.

Особое место в народной песне занимает *песня историческая*, которая говорит о действительно живших людях, чем-то заслуживших известность, прославившихся, а также о реальных событиях.

В песнях поется о том, как Иван IV завоевал Казань, как Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский во главе ополчения пришли спасти Москву от захватчиков, как Степан Разин бороздил Волгу на своих стругах, как в Полтавском бою солдаты Петра одержали победу над шведами, как Пугачев пригрозил графу Панину, как Суворов велел армии переплыть море, как Кутузов вступился за честь России.

Минувшая история проходит в народных песнях такой, какой ее пережил народ, как он понял ее.

В. Аникин

Хороводные и лирические песни

* * *

В темном лесе, в темном лесе,
В темном лесе, в темном лесе,
За лесью, за лесью,
Распашу ль я, распашу ль я,
Распашу ль я, распашу ль я,
Пашенку, пашенку,
Я посею, я посею,
Я посею, я посею

Лен-конопель, лен-конопель,
Тонок, долог, тонок, долог,
Тонок, долог, тонок, долог,
Бел-волокнист, бел-волокнист.
Как повадился, как повадился,
Как повадился, как повадился
Вор-воробей, вор-воробей
В мою конопельку, в мою конопельку,
В мою конопельку, в мою конопельку
Летати, летати,
Мою конопельку, мою зелененьку,
Мою конопельку, мою зелененьку
Клевати, клевати.
Уж я ж его, уж я ж его,
Уж я ж его, уж я ж его,
Его изловлю, его изловлю,
Крылья-перья, крылья-перья,
Крылья-перья, крылья-перья
Ему оциплю, ему оциплю.
Он не будет, он не станет,
Позабудет, перестанет
Летати, летати,
Мою конопельку, мою зелененьку,
Мою конопельку, мою зелененьку
Клевати, клевати.

* * *

Уж ты, ночка, ты, ноченька темная,
Ты, темная ночка, осенняя!
Нет у ноченьки светлого месяца,
Светлого месяца, ни частых звездочек!
Нет у девицы родного батюшки,
Нет ни батюшки, нет ни магушки,
Нет ни братца, ни родной сестры,
Нет ни рода, нет ни племени!
Уж как был-то у ней мил-сердечный друг,
Да и тот теперь далеко живет...

* * *

Вдоль по улице метелица метет;
За метелицей мой миленький идет.

— Ты постой, постой, красавица моя,
Дай мне наглядеться, радость, на тебя!
На твою ли на прекрасну красоту,
На твое ли да на белое лицо.
Ты постой, постой, красавица моя,
Дай мне наглядеться, радость, на тебя!
Красота твоя с ума меня свела,
Сокрушила добра молодца меня.
Ты постой, постой, красавица моя,
Дай мне наглядеться, радость, на тебя!

Исторические песни

Исторические песни — песни, в которых рассказывается об определенных исторических событиях и конкретных исторических лицах. По форме старые исторические песни близки к лирическим крестьянским: в них часто встречаются образы лирических песен — удалый добрый молодец, солдатушки, общие для народной песни эпитеты, сравнения, запевы.

Пугачев в темнице

Ты, звезда ли моя, звездочка,
Высоко ты, звездочка, восходила:
Выше леса темного,
Выше садика зеленого.
Становилась та звездочка
Над воротами решетчатыми.
Как во темнице, во тюремнице
Сидел добрый молодец,
Добрый молодец Емельян Пугачев.
Он по темнице похаживает,
Кандалами побрякивает:
«Кандалы мои, кандалики,
Кандалы моя тяжелые!
По ком вы, кандалики, доставались?
Доставались мне кандалики,
Доставались мне тяжелые
Не по тятеньке, не по маменьке —
За походы удалые, за житье свободное!»

Пугачев казнен

Нет больше народного заступника.
Емельян, ты, наш родный батюшка!
На кого ты нас покинул?
Красное солнышко закатилось...
Как остались мы, сироты горемычны,
Некому за нас заступиться,
Крепку думушку за нас раздумать...

ЧАСТУШКИ

Народные частушки — небольшие лирические песни, обычно имеющие форму четырехстрочного рифмованного куплета.

Частушки — поздний жанр по времени своего происхождения. Первые упоминания о частушках относятся к 60-м годам XIX века.

Частушки как художественный материал использовались М. Горьким, В. Маяковским, А. Твардовским и другими писателями и поэтами.

Среди художественных особенностей частушек фольклористы отмечают параллелизм (чаще всего параллельное изображение явлений природы и состояний человека, его переживаний), например:

Снежки белы, снежки белы
Были да растаяли,
Любили меня, девоньку,
Любили да оставили.

Иногда в частушках встречается сравнение:

Не даешь мне, мамка, воли,
Улечу, как пташка, в поле...

Чаще в частушках встречаются эпитеты, уменьшительные суффиксы (девонька, лесок, колечко, аленький цветочек). Частушки богаты различными повторами, служащими для эмоциональной выразительности. В частушках постоянно присутствует рифма. Исполнялись частушки двумя девушками или парнем и девушкой, иногда под гармонику или другие инструменты, иногда безо всякого музыкального сопровождения.

* * *

Под твою, милый, игру
Песен не напеться,
На тебя, хороший мой,
Век не наглядеться.

* * *

Мое сердце взволновалось,
Как на Волхове вода.
Вода на время устоится —
Мое сердце никогда.

* * *

Проводила я забаву
За литой чугунный мост.
От росы ли тропка смокла,
От моих ли горьких слез?!

* * *

Я вечер, вечер, вечер
Простояла у ветел.
Я ветелочки рвала —
Сказали: милого ждала.

Вопросы и задания

1. Расскажите о народных песнях. Какие существуют группы народных песен? Что вам известно об обрядовом фольклоре? Какие народные песни вы знаете и какие из них вам нравятся?
2. Каковы особенности лирических, исторических песен? Какие настроения передает каждая из них и какие чувства сообщает слушателям?
3. В чем сходство и различие народных исторических песен и былин?
4. Расскажите о своеобразии жанра частушек. Как они исполняются? Какие музыкальные инструменты сопровождают народные песни и частушки? Умее ли вы исполнять частушки? Как в частушках отражается время?
5. Какую роль в народной песне играют повторы отдельных слов и целых строк? Приведите примеры.
6. Какое отношение народа к Пугачеву передают исторические песни? Чего в них больше — уважения, жалости, сострадания, осуждения? Какие литературные приемы помогают народным певцам сообщить эти чувства слушателям?

Будьте внимательны к слову

1. Какие чувства привносят в народные песни слова: *зеленеьку, конопельку, ноченька, звездочка, сердечный, родной, миленький*?
2. Какие мысли подчеркиваются в народной исторической песне словами: *добрый молодец, походы удалые, житье свободное, народный заступник*?
3. Есть ли какая-то связь слова *частушка* со словами *часто, частить*?

1. Подготовьте одну из народных песен к исполнению или речитативному произнесению.
2. Подготовьте собственный текст частушки на школьную тему или исполнение одной из частушек (напевное произнесение).

ПРЕДАНИЯ

Прочитайте предания, связанные с Пугачевым и донским казаком Ермаком. Вспомним, что предания отражают события давно минувших лет и восприятие их современниками.

О Пугачеве

Пугачев-то был-то был, да под именем Петра III, Петр Федорович. Он только лазывался Пугачевым. В конце-то концов он здесь женился из нашего поселка, здесь формировал казаков.

Он сошелся не то с итальянской барышней, не то с княгиней. Она заняла его престол, а его скинула и дала известие поймать его и доставить живым. Его поймали.

Взвод полковников, не полковников, а оборотней казаков устроили выпивку. А Пугачев и жену с собой взял. Ну вот, обратился Пугачев к казаку и попросил чарку водки. А главный-то говорит:

— Ему и воды много.

А казак попросил:

— Я ему свой пай отдам.

Когда туда доставили Екатерине Пугачева, сказали, мол: «Привели». Вышла она, посмотрела и говорит:

— Ну что, набегался?

— Ну да, — говорит.

Сошла она с престола и отдала ему престол. Этого казака, что водку ему давал, полковником сделала, а полковнику голову велела отрубить.

А у Петра уже ребенок родился. Жену он отправил в монастырь, а сам на престоле остался. Это все точно было.

О покорении Сибири Ермаком

Услыхал царь Иван, что за Уралом лежит земля богаче той, которая ему подвластна. Знал он, что ту землю Сибирью зовут, много в ней всякого добра таится, да только далеко она от его царства. Много ночей и дней не спал царь Иван, все думу думал: как это царство хана покорить, а его землю к своему царству прирезать? Думал, думал Иван, но ничего придумать не мог, не было у него той силы, которая бы покорила Кучумово царство. Занемог царь и слег в постель. Прислужники его, бояре, запечалились, боялись, как бы им без царя-спасителя не остаться, что же они тогда делать будут. Подошли они к его постели и спрашивают:

— Отчего же ты, царь-батюшка, занемог, какая дума тяжелая на сердце твоём лежит?

Царь закрыл глаза и подумал, сказать ли им про свою думу или нет? Он знал, что бояре в деле ему не помогут, что потрясут они бородами да кафтанами, повздыхают, на том их совет и кончится. Так оно и получилось. Ушли бояре к себе восвояси. Подходит к царю один его бедный слуга из крестьян и спрашивает:

— Откуда на тебя, царь-батюшка, хвороба навалилась?

— Издалека, — ответил царь.

— Может, помогу я тебе?

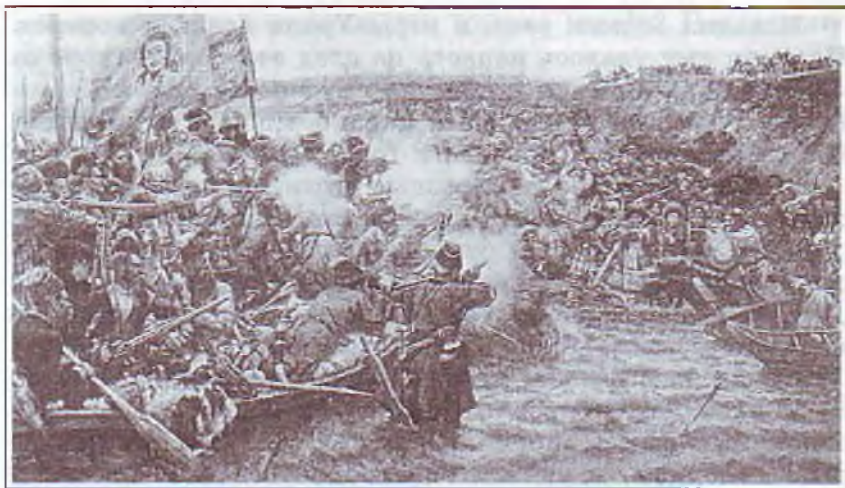
— Бояре были — не помогли, а тебе и Бог не велел. Ты скажи-ка лучше, кто есть в моем царстве храбрый да удалый, кто смерти не боится, кого молния не ударит и гром не оглушит?

Подумал слуга и говорит:

— Найдется в твоём царстве такой человек, слышал я про него с малых лет, зовут его Ермак Тимофеевич, удалый казак донской, службу верную, царь-батюшка, он тебе сослужит.

— Да и то верно, слышал про него я, да только где он теперь есть, наверное, как в поле ветер, гуляет, где ночь проведет, где день просвищет.

Встал Иван-царь с постели, позвал к себе слуг верных и отправил их на Дон казака Ермака Тимофеевича искать. Объездили слуги весь Дон, всех конных и пеших порасспросили, все знают удалого казака Ермака, но никто не

«Покорение Сибири Ермаком». Худ. В. Суриков

знает, где он теперь гуляет. Вернулись слуги через год и сказали царю:

— Всех птиц на Дону повидали, всех баб и мужиков пересчитали, а казака Ермака Тимофеевича нету.

Выгнал царь своих слуг из палат царских и позвал к себе верного слугу-крестьянина.

— Разыщи ты мне Ермака, службу верную сослужи, тогда ты у меня будешь слугой над всеми слугами, а бояре тебе в пояс будут кланяться.

— Ничего мне, царь-батюшка, от тебя не надо, а службу верную для Руси святой отслужу.

Надавал царь Иван мужику разные доспехи, из своей конюшни велел ему коня вывести, благословил его своей рукой и в добрый путь отправил. Только выехал мужик за Москву, снял с себя все доспехи, облачился в крестьянскую одежду и пошел пешочком с посохом по дороге, куда глаза глядят. Долго шел мужик по дороге против солнца, борода по колено выросла, а про Ермака ни слуху ни духу. Не опечалился мужик, идет себе потихоньку и идет. Не заметил он, как дошел до крутых гор. Осмотрелся и видит — навстречу ему идет такой же странник, как и он. Встретились, остановились и завели разговор. Долго ли разговор шел, но только мужик узнал от странника, что Ермак бродит по Уралу.

Исходил мужик реки и горы Урала вдоль и поперек. Наконец ему удалось напасть на след атамана. Вскоре он нашел семью Ермака и передал ему просьбу царя Ивана. Ермак Тимофеевич явился к царю без поклона, в шапке. Царь посмотрел на атамана и говорит:

— Слышал я про тебя разные вести, не носить бы тебе головы на плечах, да царь милостив. Искупи свою вину, сослужи мне службу добрую. За Уралом непохожая земля: да лежит, на земле той богатства несметные, ты пройди ту землю, излови хана Кучума, а людей его под власть Руси подведи.

Ермак Тимофеевич не стал перечить царю, вышел из царских палат, попросил есть-пить и пошел к своим казакам на Урал. Пришел. Рассказал обо всем своим удачным молодцам, и начали они собираться в поход, в чужую землю, куда русская душа не хаживала.

Летом в тот же год Ермак Тимофеевич дошел до Тобола, там построил лодки и добрался до Иртыша. Здесь он встретился с людьми из Кучумова царства. Долго бился Ермак с Кучумовыми людьми, пока они не испробовали казацкую силу и пока их много не полегло. Казаков погибло тоже немало, но Ермак все же одолел сибирского хана и привел его людей под власть русского царя. самого страшного — Кучума — Ермак Тимофеевич хотел доставить в Москву, но он несколько раз обманывал атамана, и за это его казаки убили. Когда Кучумовы люди покорились Ермаку, казаки ему сказали:

— Поезжай, наш атаман, и скажи, что теперь русские могут жить в Сибири, да и Кучумовым людям с нами легче будет. Царь их был злой, как волк, а жадный, как поп.

Ермак Тимофеевич не поехал в Москву, а послал туда своего верного казака. Узнал царь Иван, что в Сибирь ворота открыты, и стал посылать в нее разных людей, кого по доброй воле, а кого так, силком. Вот и появились русские на сибирской земле и по сей час живут, а добра в ней всем хватит. Потому мы и про Ермака Тимофеевича помним, и про его удачных казаков.

Вопросы и задания

1. Какой из текстов преданий вам понравился? Какими илрод представляет себе Пугачева и Ермака?

2. Уверены ли рассказчики, что говорят правду? Подтвердите примерами.
3. Так ли вы представляли себе эпизод покорения Сибири, как его изобразил художник В. Суриков на картине «Покорение Сибири Ермаком»?

Развивайте дар слова

1. Подготовьте пересказ предания «О покорении Сибири Ермаком», включив характерную для этого предания лексику, например: *много в ней всякого добра таится, занемог, хвороба, доспехи, завел разговор, богатства несметные, нехоженная земляца лежит, одолел сибирского хана* и т. д.
2. В чем сходство и различие преданий и народных сказок? Покажите это на примерах в процессе пересказа фрагментов.
3. Какие слова и выражения из этого предания можно использовать в нашей речи и сегодня?

Каждая победа русских воинов в тяжкие годы привлекала к себе восхищенное внимание современников. Был провозглашен святым Новгородский, а затем и великий Владимирский князь Александр Ярославич, одержавший две славные победы на западных рубежах Новгородской земли. «Повесть о житии Александра Невского», строго говоря, лишь отдаленно напоминает традиционное житие святого: на первый план в ней выступают воинские подвиги, а не христианские добродетели князя, хотя он предстает перед читателем как благородный христианин, с горячими молитвами обращавшийся к Богу, хотя на помощь ему и его воинам приходят небесные силы, предводительствуемые святыми воителями, князьями Борисом и Глебом. Особенно подробно описано в «Повести...» сражение на Ижоре, притоке Невы; в память об этой победе над шведами Александр и получил почетное прозвание Невский.

Главное новшество литературы XVII века состоит в том, что она отказывается от стремления изображать только действительно бывшее и все чаще обращается к откровенному литературному вымыслу.

Героями литературных произведений становятся теперь не только князья и бояре, но и простые люди: купеческий сын, крестьянин из «Повести о Шемякином суде» и т. д. «Повесть о Шемякином суде» — это не только сатира на судебные порядки (судья Шемяка судит в пользу обвиняемого, надеясь на взятку), но прежде всего это рассказ о злоключениях неудачника: ведь все свои «преступления» убогий совершает невольно, по недоразумению. Приговоры судьи — зеркальное отражение самих проступков: так, судья предлагает богачу, чью лошадь убогий вернул без хвоста, снова отдать виновному лошадь, и пусть он владеет ею до тех пор, пока хвост снова не отрастет. Бессмысленность и комичность приговора очевидна. Но читатель при этом замечал, что решения Шемяки вполне соответствовали тогдашним законам, по которым за убийство убивали, за поджог

сжигали, за чеканку фальшивой монеты заливали в горло расплавленной свинец, т. е. наказание как бы соответствовало самому преступлению.

О. В. Творогов

Вопросы и задания

1. Что вы помните из древнерусской литературы по предыдущим классам? Какие произведения запомнились? Расскажите об одном из них.
2. Какие темы привлекали внимание авторов древнерусской литературы? В чем своеобразие русской литературы XVII века?

Повесть о житии и о храбрости благородного и великого князя Александра Невского¹

«Повесть о житии... Александра Невского» была написана, как считают ученые, вскоре после смерти великого князя, в 80-х годах XIII века, книжником монастыря Рождества Богородицы во Владимире. Здесь было погребено тело князя, здесь же в конце XIII века началось его почитание как святого. Автор жития называет себя современником князя, «самовидцем», свидетелем его жизни; по своим воспоминаниям и рассказам соратников Александра он и создает его жизнеописание.

Автор «Повести о житии... Александра Невского» был человеком широко начитанным и писал в соответствии с лучшими образцами мировой литературы... Он последовательно рассказывает о трех подвигах Александра: о битве на Неве, о Ледовом побоище и о поездке в Орду. Два первых подвига — бранные, последний — подвиг самопожертвования. Александр поехал к хану «отмолить людей от беды», чтобы татары не заставляли русских людей нести военную службу. Существует предположение, что смерть Александра на обратном пути из Орды вызвана тем, что он был отравлен в ханской ставке...

«Повести о житии... Александра Невского» подражали, ее цитировали, ей следовали как литературному образцу. Она оставила заметный след в развитии древнерусской литературы, ее

¹ В рукописях житие Александра Невского не имеет устойчивого заголовка и называется «Повесть о житии и о храбрости...», «Слово о великом князе...», «Житие блаженного великого князя...».

«Александр Невский».

Центральная часть триптиха «Александр Невский».

Худ. П. Корин

влияние сказывается во многих других княжеских житиях и воинских повестях.

Я, ничтожный, многогрешный и неразумный, решаюсь писать житие святого князя Александра¹, сына Ярослава, внука Всеволода. Слышал я о нем от отцов своих и был

¹ Александр Невский (1220—1263) — русский князь Новгородский, затем Владимирский.

самонидец деяний его, потому и рад поведать о честной и славной жизни его.

Сей князь Александр родился от князя великого Ярослава и от матери Феодосии. Рост его был больше других людей, а голос его как труба в народе, лицо же его как лицо Иосифа¹, которого поставил египетский царь вторым царем в Египте. Сила же его была частью силы Самсона. И дал ему Бог премудрость Соломонову, а храбрость царя римского Веспасиана², который пленил всю землю Иудейскую. Так и князь Александр побеждал, но был непобедим.

Потому и пришел из западных стран некий знатный человек по имени Андрейш³, из тех, кто называют себя слугами Божьими. Он желал увидеть дивную силу князя Александра. Увидев его, он возвратился к своим и сказал:

— Я прошел многие страны и народы, но не видел такого ни в царях, ни в князьях князя.

И услышал король полуночной части Римской страны⁴ о таком мужестве князя Александра и подумал про себя: «Пойду и пленю землю Александрову».

И собрал король силу великую⁵, наполнил множество кораблей полками своими и двинулся в силе тяжкой, дыша духом ратным. И когда он пришел в Неву, шатаясь от безумия, послал он, загородившись, послов своих в Новгород к князю Александру, говоря:

— Я уже здесь, пленяю землю твою. Можешь ли противиться мне?

Александр же, услышав слова эти, разгорелся сердцем и вошел в церковь Святой Софии и пал на колени перед алтарем, и начал молиться со слезами:

— Боже великий и крепкий, основавший землю и положивший пределы народам и повелевший им жить, не преступая в чужую часть! Рассуди меня, Господи, с

¹ *Иосиф* — герой Библии, за красоту его прозвали Прекрасным. Братясь из зависти продал: его в рабство в Египет, где фараон, пораженный его мудростью, назначил его вторым царем.

² *Веспасиан* — главнокомандующий римскими войсками в Иудейскую войну, когда был взят и разрушен Иерусалим.

³ *Андрейш* — магистр Ливонского ордена. Орден учрежден в 1237 году для покорения Прибалтики, называвшейся тогда Ливонией.

⁴ Римской страной назывались все земли католического Запада.

⁵ Во главе шведского войска стояли князь Биргер и Ульф Фасн.

обидящими меня, побори борющихся со мною, возьми оружие и щит, стань в помощь мне!

Окончив молитву, Александр встал и поклонился архиепископу. Архиепископ же благословил его и отпустил. Он же вышел из церкви, утер слезы и начал укреплять дух дружины своей, говоря:

— Не в силе Бог, но в правде.

И пошел на врагов в малой дружине июля 15-го, не дожидаясь, когда соберется вся сила его, но крепко веря в помощь святых мучеников Бориса и Глеба¹.

Был некий муж, старейшина в земле Ижорской, по имени Пелгусий. Ему была поручена ночная стража морская. Пелгусий принял святое крещение и жил среди своего рода, остававшегося в язычестве. И жил он богоугодно, в среду и в пятницу соблюдая пост. Потому и сподобил его Бог увидеть видение страшное в тот день. Скажем о том вкратце.

Увидел он силу ратную, идущую против князя Александра, и решил рассказать князю о станах их. Стоял он у края моря и следил за путем их и был всю ночь в бдении. И когда начало всходить солнце, услышал он шум страшный на море и увидел насад, плывущий по морю. Посреди насада стояли святые мученики Борис и Глеб в одеждах червленых, положив руки друг другу на плечи. Гребцы же сидели, словно одетые мглой. Сказал Борис:

— Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру.

Видя такое видение и слыша такие слова мученика, Пелгусий стоял в трепете, пока насад не скрылся от очей его.

После этого вскоре приехал князь Александр, и Пелгусий с радостью в очах рассказал ему одному о видении. Князь же сказал ему:

— Никому не рассказывай сего.

И решил Александр напасть на врагов в шестом часу дня². И была сеча велика над римлянами, и избил их Александр бесчисленное множество, и самому королю возложил печать на лицо острым своим копьем.

¹ Борис и Глеб — сыновья Владимира Святославича, убитые братом Святославом Окаянным.

² Часы считались от восхода солнца.

Здесь же в полку Александровом явилось шесть мужей храбрых, которые вместе с ним крепко сражались.

Один — Гаврила Алексич. Он на коне въехал по доске до самого корабля. И побежали враги перед ним на корабль, а затем обернулись и сбросили его с доски вместе с конем в Неву. Божьею милостью он вышел из реки невредим и снова бросился на врагов и бился с самим воеводой среди полка их.

Другой — новгородец, по имени Збыслав Якунович. Он много раз нападал на полк их и бился с ними одним топором, не зная страха в сердце своем. И пало несколько человек от руки его. И подивился Александр силе и храбрости его.

Третий — Яков, полочанин, был ловчим¹ у князя. Он ваехал на полк с мечом и мужествовал, и похвалил его князь.

Четвертый — новгородец, по имени Миша. Он пешим бросился на корабли и погубил три корабля с дружиной своей.

Пятый, по имени Савва, был из младшей дружины. Он ваехал на великий шатер короля златоверхий и подсек столп его. Полки же Александровы обрадовались, увидев падение шатра.

Шестой был одним из слуг князя Александра, по имени Ратмир. Он бился пешим, и много врагов окружили его. Он же упал от многих ран и так скончался.

Все это я слышал от господина своего великого князя Александра и от других, кто был тогда в той сече.

И победил Александр короля, а остальные побежали и покидали убитых на кораблях и потопили их в море. Князь же Александр возвратился с победою, хваля и слава имя своего Творца.

На третий год после победы над королем князь Александр в зимнее время пошел в великой силе на землю Немецкую, дабы не похвалялись, говоря: «Посрамям народ славянский».

Уже был тогда град Псков взят² и наместники немецкие посажены там. Князь же Александр вскоре взял город Псков

¹ Ловчий — охотник.

² Был тогда град Псков взят — Псков был взят ливонскими рыцарями в 1240 году.

и немцев иссек, а иных в плен взял и город освободил от безбожных немцев. А землю их повоевал и пожег и полоня взял без числа. Другие же города немецкие собрались и сказали: «Пойдем и победим Александра и возьмем его руками».

Когда они приблизились, заметила их стража. Князь же Александр ополчился и пошел против них, я сошлись они на Чудском озере. И покрылось озеро Чудское множеством воинов.

Отец же его, Ярослав, прислал ему брата меньшего Андрея на помощь со множеством дружины. Также и у князя Александра было множество храбрых, как в древности у Давида царя, сильных и крепких. Так и мужи Александровы исполнились духом ратным, ибо были сердца их как сердца львов, и сказали они:

— О княже наш честный! Ныне пришло нам время сложить головы свои за тебя.

Князь же Александр, воздев руки к небу, сказал:

— Суди меня, Боже, и рассуди распрю мою с народом высокомерным и помоги мне, Господи, как в древности помог Моисею на Амалика¹ и прадеду нашему Ярославу на окаянном Сятополка.

Была тогда суббота. Когда взошло солнце, сошлись обе стороны. И была сеча злая, и треск от ломления копий, и звук от сечения мечей, словно замерзшее озеро двинулось. И не было видно льда, ибо покрылся кровью.

Слышал же я от самовидца, который говорил мне:

— Видел я в воздухе полк Божий, пришедший на помощь Александру.

И так победил он врагов с помощью Божией. Показали они плечи свои. Он сек и гнал их, словно летел по воздуху, и некуда было им бежать. И прославил Бог Александра перед всеми полками, как Иисуса Навина² у Иерихона. И тех, кто говорил: «Возьмем Александра руками», — предал Бог в руки его. И не было ему равного в брани. И возвратился князь Александр с победою славною. И было множество пленных в полку его, и вели босыми подле коней тех, кто называет себя Божьими рыцарями.

¹ *Моисей* — ветхозаветный пророк, *Амалик* — вождь племени амаликитян, оказавший сопротивление израильтянам на их пути из Египта.

² *Иисус Навин* — ветхозаветный пророк и полководец.

И когда приблизился князь к граду Пскову, игумены, и воиы, и весь народ встретили его перед городом с крестами, и воздали хвалу Богу, и вели славу господину князю Александру.

И было прославлено имя его по всем странам до моря Египетского и до гор Араратских, по ту сторону моря Варяжского¹ и до великого Рима.

В то время был царь сильный в стране Восточной². Ему покори́л Бог многие народы от востока и до запада. Тот царь, услышав, что Александр так славен и храбр, послал к нему послов и сказал:

— Знаешь ли ты, Александр, что Бог покори́л мне многие народы? Неужто ты один не покори́шься мне? Если хочешь уберечь землю свою, то приезжай скорей ко мне и увидишь честь царства моего.

Князь же Александр по смерти отца своего приехал во Владимир в силе великой. И был грозен приезд его. Промчалась весть о нем до устья Волги. И начали жены моавитянские³ пугать детей своих, говоря:

— Александр едет!

Подумал князь Александр с дружиной своей, и благословил его епископ Кирилл, и поехал он к царю в Орду.

Увидев его, царь Батый подивился и сказал вельможам своим:

— Истину мне сказали: нет подобного этому князю.

Почтил его царь и с честью отпустил.

Позже разгневался царь Батый на брата его меньшего, Андрея, и послал воеводу своего Невруя разорять землю Суздальскую. После Неврусва разорения князь великий Александр церкви поставил, города восстановил, людей разбежавшихся собрал в дома свои. И наполнил Бог землю его богатством и славою.

Было тогда великое притеснение от иноплеменников, и сгоняли они христиан, веля им воевать вместе с ними⁴.

¹ *Море Египетское* — часть Средиземного моря, *море Варяжское* — Балтийское море.

² *Царь в стране Восточной* — хан Батый.

³ *Моавитяне* — библейское племя. Автор повести так называет татарских женщин.

⁴ Русские должны были платить дань Орде, но они не участвовали в войнах монголо-татар. Требование «воевать вместе» так и не было удовлетворено.

Князь же великий Александр пошел к царю, дабы отмо-
лить людей от беды той. И возвратился он из Орды от ца-
ря, и остановился в Нижнем Новгороде, а дойдя до Го-
родца¹, разболелся.

О, горе тебе, бедный человек! Как можешь ты описать
кончину господина своего! Как не выпадут зеницы² твои
вместе со слезами! Как не разорвется сердце твое от печа-
ли! Отца человек может оставить, а доброго господина не
может. Если бы мог, в гроб лег бы с ним.

И так Богу дух свой предал с миром в лето 1263, месяца
ноября в 14-й день. Митрополит же Кирилл сказал:

— Чада мои! Разумейте, зашло солнце земли Суздаль-
ской.

Иереи и диаконы, черноризцы, нищие и богатые и все
люди говорили:

— Уже погибает!

Святое же тело его понесли к городу Владимиру. Мит-
рополит, князья и бояре и весь народ, малые и великие,
встречали его в Боголюбове со свечами и кадилами. И бы-
ли вопль, и кричание, и тоска, как никогда не бывало, и
земля сотрясалась. Положено же тело его в церкви Рожде-
ства Святой Богородицы ноября в 24-й день.

Воинская повесть — произведение древнерусской литерату-
ры о военных походах, сражениях, нашествиях, осаде городов,
подвигах воинов.

Житие — описание жизни святого, совершившего подвиги
во имя христианской православной веры. Среди святых были и
полководцы, например Александр Невский, которого Церковь
причислила к лику святых за его заслуги перед православием,
которое он защищал в стане ордынцев. Если в произведении
рассказывается о святом и о полководце, то переплетаются эле-
менты «жития» и «воинской повести». Попробуйте вычленить эти
элементы. Прочитайте избранные фрагменты. Обоснуйте свой
выбор.

¹ *Городца* — город на Волге.

² *Зеницы* — глаза.

1. Какой теме посвящена повесть и какие чувства вызывает при чтении? Как называет себя рассказчик и что хочет подчеркнуть этим? Как он говорит о том, что был современником Александра?
2. Каким героям удобляет рассказчик князя? О каких его подвигах рассказывает? Какими словами Александр укрепляет дух своей дружины? С помощью каких средств создается образ героя?
3. Обратите внимание на особенности описаний, поэтические образы, постарайтесь проникнуть в их суть. Например, какие картины видятся вам за словами рассказчика: *Словно замерзшее озеро двинулось?*

Будьте внимательны к слову

1. Как вы понимаете слова Александра Невского, которыми он укреплял «дух дружины своей»: «Не в силе Бог, но в правде»? Как звали шестерых мужей храбрых, которые «вместе с ним крепко сражались»? С чем сравнивает автор сердца «мужей Александровых»? Кого Александр Невский называет народом «высокомерным» и кто похвалялся: «Посрамят народ славянский». «Возьмем Александра руками»?
2. Каков последний подвиг Александра? Зачем он пошел к царю? Как об этом говорится в повести?
3. Какими словами и от чьего лица автор описывает горе от утраты, погребенной землей Суздальской со смертью Александра? Произнесите эти слова вслух и объясните их смысл.
4. Составьте небольшой словарь характерных для этого текста слов, которые могут использоваться сегодня и которые «ушли в прошлое», например: *самовидец, деяния, разгорелся сердцем, сеча, распря, отмолать от беды* и т. д.

Развивайте дар слова

1. Подготовьте устную или письменную характеристику князя Александра, используя художественные средства повести.
2. Подготовьте выразительное чтение по ролям отдельных фрагментов повести.

Князь и воитель Александр Невский стремился не только к
«Государь великий Александр Ярославич отиде от Рязани
к Володимирю Святославичю, Дядю Рязанский Невский»

Победа на Неве принесла великую славу Руси и среди иноземцев. Важное значение она имела потому, что в случае победы шведов большая опасность грозила и вере православной.

Вскоре после торжества русского оружия на Неве князю Александру Невскому пришлось уехать из Новгорода. Горожане признавали Александра как военачальника, но не нравилось им,

Эскиз картины
«Александр Невский принимает папских легатов»,
Худ. Г. Семирадский

«Въезд Александра Невского в Псков после Ледового побоища».
Худ. В. Серов

что он хотел править по своей воле, мало обращая внимания на вечевые порядки, заведенные в городе. Рассорившись с новгородцами, Александр Невский с семьей уехал к отцу в Переславль-Залесский. За время его отсутствия произошло немало бед. Ливонские немцы перешли в наступление на Балтийском побережье, покорили эстов и латышей, взяли Изборск, сожгли его и перебили все население — уничтожали всех, кто отказывался принять католическую религию. Псковская рать, направленная против рыцарей-меченосцев (крестоносцев), была разбита, вскоре пал и сам Псков. Продвигаясь к Новгороду, рыцари взяли городок Тесов и основали недалеко от побережья Финского залива крепость Копорье. Новгородцы, чувствуя смертельную опасность, обратились за помощью к прежнему своему защитнику, Александру Невскому. Видя Русскую землю в опасности, Александр забыл прежние обиды, вернулся в Новгород и скоро освободил Новгородскую землю от немецких рыцарей. Особенно сильное поражение нанес он им около Пскова, на льду Чудского озера, 5 апреля 1242 года. Битва эта известна под названием «Ледовое побоище»...

Слава о подвигах Александра распространилась не только по всей Руси, но и дошла до отдаленного Запада. Несмотря на неудачи крестоносцев в борьбе с русскими, Папа Римский Иннокен-

тий IV не оставил мысли подчинить их себе, только обратился к другим средствам. Видя, что силой не навязать русским католицизма, папа отправил к Александру Невскому в Новгород посольство с богатыми дарами и льстивым собственноручным письмом. Во главе этого посольства стояли два хитрейших кардинала (высшие духовные лица в Католической церкви, избиравшие папу)... которые должны были вручить Александру послание от папы с требованием принять ему и всему русскому народу католическую веру, лживо утверждая, что покойный его отец Ярослав обещал это перед смертью его послу...

Прибыв в Новгород в 1251 году, кардиналы в красных мантиях, с блестящей свитой были приняты Александром Невским и митрополитом Киевским и всея Руси Кириллом на торжественной аудиенции.

Хитрые кардиналы вручили Александру папское послание, стали уговаривать князя выслушать их учение и утвердить католицизм, уверяя, что, только отрекшись от православия, он найдет помощь у западных государей и тем спасет себя и свой народ от татар. Возмущенный Александр в ответ на их льстивые речи разорвал послание папы и велел передать ему, что сам знает, какое вероисповедание лучше, и что он ни в чьей помощи не нуждается. Сообщив этот же ответ папе в письме, Александр отправил кардиналов в Рим. Еще не раз поднимались против непокорного русского князя шведы и рыцари. Но и эти новые походы были безуспешны.

Александр Невский пользовался большой любовью на Руси. Глубока была скорбь после его смерти (1263). Церковь причислила князя к лику святых.

В. Шевченко

Вопросы и задание

1. Рассмотрите иллюстрации художников П. Кориня, Г. Семирадского, В. Серова. Таким ли вы представляли себе Александра Невского, когда читали повесть о нем?
2. Что вы знаете об исторических событиях, изображенных на картинах этих художников?

В XVII веке широкое распространение получила демократическая литература — литература, которая создавалась в народной среде и отражала народные идеалы и представления о власти, суде, Церкви, правде, смысле жизни. Героями произведений такой литературы были простые люди, не совершившие ничего значительного для истории, ничем не прославившиеся. Часто это неудачники, бедняки, но демократическая литература полна сострадания к этим обыкновенным героям и их судьбам. Авторы видели и понимали, что причина несчастий «маленьких людей» не в них самих, не в дурных свойствах их натуры (злобе, жадности, зависти, лени и т. д.), а в общем устройстве жизни — несправедливости суда например, равнодушии и жестокости власти богатых. Одним из произведений демократической литературы является «Повесть о Шемякином суде».

«Повесть...» осуждает не только корыстолюбивых судей, но и всё судопроизводство в целом, и прежде всего нелепые законы, которые можно трактовать как угодно или обойти. Приговоры, которые выносит судья, кажутся нам невероятными, комическими. Но люди XVII века узнавали в этих приговорах судебную практику своего времени.

Сходство с жизнью усиливает критический смысл «Повести...» — законы нелепы, а хитрые, продажные судьи творят беззаконие, соблюдая видимость законности.

Несмотря на комические ситуации, «Повесть о Шемякином суде» оставляет грустное впечатление. За исключением судьи, все герои этой «Повести...» либо были, либо стали несчастными. Бедный крестьянин избавляется от своих бед, и мы ему сочувствуем. Но нам понятно и негодование брата крестьянина, которому сначала вернули лошадь без хвоста, а потом и вообще ее забрали, и горе попа, у которого бедняк нечаянно задавил сына, и печаль горожанина, у которого из-за бедняка умер отец. И горожанин, и поп, и даже богатый брат не виноваты в том, что произошло. И если вдуматься, то оправдательный приговор Шемяки издевательски несправедлив по отношению к ним. В «Повести...» все по-своему несчастны, а на справедливость нет надежды. В суде если и оправдают одного, то засудят другого. Те, кто должен осуществлять закон, думают прежде всего о деньгах и посулах, а не о правде и справедливости.

К таким печальным мыслям о судьбе человека, о правде и кривде в этой жизни, о справедливости и законности приводит нас «Повесть о Шемякином суде». «Повесть...» пользовалась широкой популярностью в XVII и XVIII веках. Выражение «Шемякин суд» стало поговоркой, обозначающей несправедливый, неправедный суд.

В. И. Охотникова

Шемякин суд

В некоем месте жили два брата земледельцы, один богат, другой убог. Богатый много лет осуждал убогого и не мог наполнить скудости его. Пришел однажды убогий к богатому просить лошади дров привезти. Брат же не хотел давать ему лошади и сказал ему:

— Много тебе, брат, осуждал, а наполнить не мог.

А когда дал ему лошадь, убогий начал у него хомут просить. И рассердился на него брат, начал поносить его убожество:

— Даже своего хомута и того у тебя нет!

И не дал ему хомута.

Пошел убогий от богатого, взял свои дровни, привязал за хвост лошади, поехал в лес и привез ко двору своему. Ударил лошадь кнутом, а забыл выставить подворотню. Лошадь изо всей мочи бросилась через подворотню с возом и оторвала себе хвост.

Убогий привел к брату лошадь без хвоста. Брат, увидев, что лошадь его без хвоста, начал поносить своего брата убогого за то, что, выпросив лошадь, испортил ее, и, не взяв лошади, пошел бить на него челом в город к Шемяке-судье.

Убогий, видя, что его брат пошел бить на него челом, пошел за братом своим, ведая, что если он сам не пойдет, то за ним из города пришлют и придется за проезд приставам платить.

И пришли оба к некоему селу, не доходя до города. Богатый пошел ночевать к попу того села, ибо был ему знаком. Убогий пришел к тому же попу и, придя, лег у него на полатах. А богатый начал рассказывать, что случилось с его лошадью и чего ради идет он в город. И потом начал поп с богатым ужинать, убогого же не зовут к себе есть. Убогий начал с полатах смотреть, что поп с братом его ест.

и сорвался с полатей на зыбку и удавил попова сына до смерти. Поп также поехал с братом в город бить челом на убогого о смерти сына своего.

И пришли ко граду, где жил судья. Убогий же шел за ними. Пошли через мост в город. Некий житель того града вез под мостом по рву отца своего в баню мыться. Бедняк же, зная, что будет ему погибель от брата и от попа, решил себя смерти предать и бросился прямо с мосту в ров, желая расшибиться до смерти. Бросившись, упал на старика и удавил отца до смерти. Сын схватил его и привел к судье. Он же стал думать, как бы избежать напасти и что бы такое дать судье. И, ничего у себя не найдя, взял камень и, обернув его в платок, положил в шапку и встал перед судьей. Принес богатый брат челобитную исковую на убогого и начал на него бить челом судье Шемяке.

Выслушал Шемяка челобитную и сказал убогому:

— Отвечай.

Убогий же, не ведая, что сказать, вынул из шапки завернутый камень, показал его судье и поклонился. Судья же надеялся, что ему от убогого будет посул, и сказал брату:

— Коли он у лошади твоей оторвал хвост, так ты у него лошади своей не бери, покамест у нее не вырастет хвост. А как вырастет хвост, тогда лошадь свою возьмешь.

Потом начался другой суд. Поп бил челом судье, что убогий у него сына удавил. Убогий также вынул из шапки завернутый камень и показал судье. Судья же, видев то, что он опять сулит ему узел злата, и сказал попу:

— Коли он у тебя ушиб сына до смерти, так ты отдай ему свою жену попадью, покамест не приживет он тебе с нею ребенка. Тогда возьми у него попадью и ребенка.

И начался третий суд. Убогий опять показал судье завернутый в платок камень. Судья же решил, что ему сулят третий узел, и сказал тому, у кого был убит отец:

— Взойди на мост, а убивший отца твоего станет под мостом, и ты бросься с моста на него и убей его так же, как он убил отца твоего.

После суда истцы вышли со ответчиком из приказа. Начал богатый просить у убогого свою лошадь. Убогий же ему сказал:

— По судейскому приказу, как у нее хвост вырастет, так и отдам тебе твою лошадь.

Шемякин суд.

Брат же богатый дал ему за свою лошадь пять рублей, чтобы ему и без хвоста отдал. Он же взял у брата своего пять рублей и отдал ему лошадь.

Тогда стал убогий просить у попа по судейскому указу попадью. Поп же начал ему бить челом, чтобы у него попадьи не брал. Он же взял у попа десять рублей.

Гравюра на меди. XIX в.

Тут убогий начал и третьему истцу говорить:

— По судейскому указу я стану под мостом, ты же взойди на мост и на меня бросься, как я на отца твоего.

Он же размышлял сам с собою: «Брошусь, а если его не убью, а сам расшибусь». И начал с ним мириться, дал ему мзду.

Так убогий со всех троих себе взял. Судья же выслал человека ко ответчику и велел у него взять три узла, которые он показывал. Человек судьи начал у него узлы просить:

— Дай, дескать, то, что ты из шапки судье показывал в узлах, он велел у тебя то взять.

Убогий же вынул из шапки завязанный камень и показал. Человек стал ему говорить:

— Чего ты камень показываешь?

Ответчик же сказал:

— То я и судье показывал.

— Для чего же ты камень показывал?

— Я потому ему камень показывал, что, кабы он не за меня судил, я бы его тем камнем зашибил.

И пришел человек и сказал судье. Судья же, слыша то, сказал:

— Слава Богу, что я за него судил, если бы я не за него судил, он бы меня убил.

Потом убогий вернулся в дом свой, радуясь и хваля Бога. Аминь.

Вопросы и задания

1. Кто герой «Повести о Шемякинском суде»? Кто из них прав? На чьей стороне автор? Каковы преступления героя повести? Кто из героев наказан?
2. Кого высмеивает повесть? Кто из героев вызывает у вас сочувствие и почему?
3. О каком суде говорят: «Шемякин суд»?
4. Какие приемы сатирического изображения (гротеск, гипербола¹) используются в повести? Приведите примеры использования этих приемов в тексте повести.

Развивайте дар слова

1. Подготовьте повесть к выразительному чтению в классе.
2. Какое впечатление производит на вас повесть? Подготовьте развернутый ответ, включив в него выражение *Шемякин суд* как поговорку.
3. Рассмотрите иллюстрации к «Повести о Шемякинском суде». Выберите по своему усмотрению несколько эпизодов, изображенных на них. Перескажите их близко к тексту повести.

¹ *Гипербола* — художественный прием, основанный на преувеличении.

Денис Иванович ФОНВИЗИН

1745—1792

Фамилию его писали по-разному: Фон-Визин, Фон-Висин, Фон-Визен и т. д. Только к концу XIX века утвердилось принятое сейчас написание. Но А. С. Пушкин еще в начале века внушал брату Льву: «Не забудь Фон-Визина писать Фонвизин... Он русский, из перерусских русский».

Род писателя по отцу действительно давно обрусел. Денис родился в Москве, рос в семье, о которой сам сказал: «В доме нашем дурных людей не было». Грамоте начали учить мальчика с четырех лет, а потом он продолжил свое образование в гимназии при Московском университете. План преподавания в ней составил Ломоносов, сказавший: «Университет без гимназии, как пашня без семян».

Десятилетний Денис учился очень хорошо. И в 1760 году среди лучших студентов Фонвизин был привезен в Петербург, где встретился с самим Ломоносовым, о чем вспоминал всю жизнь. Не менее сильное впечатление произвел и театр. Через 30 лет после посещения Северной столицы Фонвизин писал:

«Действия, произведенного во мне театром, почти описать невозможно».

За годы учения в университете Фонвизин овладел латинским, немецким и французским языками настолько, что переводы его не раз появлялись в печати. Острые слова его носились по Москве, из-за чего он нажил много врагов и приобрел друзей. Литературную деятельность Фонвизин начал с переводов басен и пьес. Сам Денис Иванович сказал: «Весьма рано появилась во мне склонность к сатире».

Вот, например, некоторые нравоучения Лисицы из переведенной Фонвизиным басни Гольдберга «Лисицыно нравоучение»:

— Ни в чем правды не держись, когда желаешь найти в свете свое счастье.

— Когда хочешь воровать, то промышляй столько, чтоб мог откупиться, для того что наказывают обыкновенно малых воров, а не больших.

Первым опытом будущего комедиографа был перевод трагедии Вольтера, хотя впоследствии Фонвизин отзывался о трагедиях как о жанре с насмешкой.

После коронации летом 1762 года в Москве Екатерины II один из ее придворных устроил Дениса переводчиком в Коллегию иностранных дел, с которой затем Фонвизин переезжает в Петербург. Первая оригинальная комедия Фонвизина «Бригадир» закончена была в особое время. Готовились реформы, от которых Фонвизин ожидал ограничений крепостного права при полной вольности дворянства, а это значило и ограничение власти царя. Руководитель Коллегии иностранных дел граф Никита Иванович Панин выделил молодого Фонвизина и приблизил к себе. Государыня же Екатерина терпеть не могла Панина: чтобы отставить его от дел, даже наградила весьма милостиво, но тут же написала: «...богатством его осыпала выше его заслуг...»

Панин разделил четыре тысячи душ из подаренных ему девяти между своими сотрудниками, среди которых был и Фонвизин, преданный соратник. Граф Н. И. Панин, как и Екатерина II, народа не знал, но хотел ему добра, потому что видел в этом благо для государства.

Все это выразилось в комедии Фонвизина «Бригадир». О ней сказано, что автор казнил в ней дикое невежество старого поколения и поверхностный лоск европейского полуобразования нового поколения, говорящего о себе: «Тело мое родилось в России... однако дух мой принадлежит короне французской».

Конфликт несколько иного плана лежит в основе замечательной комедии «Недоросль». В отличие от «Бригадира», где крепостное право напрямую не затрагивалось, новая комедия выступала против таких порядков, когда одни люди являются собственностью других. Сильно прозвучали в ту эпоху слова, произнесенные одним из героев «Недоросля»: «Угнетать рабством себе подобных — незаконно».

Первое представление «Недоросля» состоялось 24 сентября 1782 года — это и есть день рождения великой русской комедии. И в те дни о ней было сказано: «Сия комедия... заслужила внимание от публики. Для сего и принята с отменным удовольствием».

Но не все приняли комедию с одобрением. «Плохо приходится мне жить! — сказала Екатерина II. — Уж и господин Фонвизин хочет учить меня царствовать». И Фонвизину весной 1783 года пришлось выйти в отставку.

И в отставке он продолжал литературную деятельность, решив задать ряд острых вопросов будто бы неизвестному автору, хотя все знали, что им была Екатерина II. Вот некоторые из вопросов:

— Отчего в век законодательный никто в сей части не промышляет отличиться?

(Царица ответила резко: «Оттого, что сие не есть дело каждого».)

— Как истребить два сопротивные и оба вреднейшие предрассудка: будто у нас все дурно, а в чужих краях все хорошо; второй, будто в чужих краях все дурно, а у нас все хорошо?

— Отчего у нас не стыдно не делать ничего?

Конечно, такие вопросы не могли понравиться императрице, как и фонвизинская сатира «Всеобщая придворная грамматика». В результате писателю был закрыт путь в печать, а вскоре он заболел тяжело и надолго. Ему было всего 40 лет, а он с трудом мог передвигаться и даже говорить. Через семь лет он умер.

Сохранилась легенда, будто князь Г. А. Потемкин-Таврический, выходя из театра и увидя Фонвизина, сказал ему о «Недоросле»: «Умри, Денис, — „Недоросль“ тебя увенчал». Правда, слова Потемкина передаются по-разному, но одно ясно — современники понимали значение Фонвизина. «Недоросль» — комедия о воспитании. Воспитание тогда, как и сейчас, — злободневная политическая тема. Отсюда так много сходного в высказываниях Фонвизина о своем веке и мыслях нашего современника, россиянина конца XX — начала XXI столетия.

Прочитайте дома самостоятельно всю комедию «Недоросль», выберите себе роль, которую хотели бы исполнить, подготовьте с товарищами одну из сцен для чтения. При подготовке к чтению используйте материал статьи о комедии Фонвизина.

«САТИРЫ СМЕЛЫЙ ВЛАСТЕЛИН»

Фонвизин — это «Недоросль». Он стал собою, Фонвизиним, написав «Недоросля», как Грибоедов стал Грибоедовым, написав «Горе от ума»... Не комедия состояла при сочинителе, а он при ней. Сегодня «Недоросль» совсем не то, чем был в пору, когда его разыгрывали на нынешнем Марсовом поле и публика «аплодировала пиесе метанием кошельков» (был такой обычай). Ныне часто говорят: это спектакль для школьников. В этом нет ничего обидного: стать книгой для детей — удел наипочетнейший, выпавший на долю сказок Пушкина, «Робинзона» и «Гулливера», романов Вальтера Скотта, Дюма, Гюго, отчасти даже «Дон Кихота»... Но все же «Недоросль», воспринимаемый как учебная пьеса, многое теряет. Иногда — почти все: педагогическая притча, наглядное пособие, дразнилка для второгодников: «не хочу учиться, хочу жениться».

«Все в этой комедии кажется чудовищной карикатурой на все русское. А между тем нет в ней ничего карикатурного: все взято живьем с природы...» (Н. В. Гоголь.)

На многих персонажах от древности кора выросла, они обросли предрассудками, вот пример простейший.

Сколько лет Простаковой?.. Зритель почти наверняка скажет: старуха... А ей чуть более тридцати. И уж никак не более сорока.

И Митрофан невежда, но не дурак, нет: ни в умении подлеститься к матери, ни в сцене похищения Софьи... Он мог бы сказать о себе словами Петруши Гринева: «Я жил недорослем, гонял голубей и играл в чехарду с дворовыми мальчишками. Между тем мне минуло шестнадцать лет. Тут судьба моя переменилась».

Все, решительно все совпадает: голубятня, возраст, перемена судьбы и характер перемены. «Пошел-ка служить...» — говорит Митрофану Правдин. «Пора его в службу», — решает старик Гринева. И учителя у них одинаковые. «По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман» (кучер); парикмахер Бопре «обязан был учить... по-французски, по-немецки и всем на-

укам». Пушкин даже подчеркнул эти слова не потому ли, что они прямая цитата из «Недоросль»?

Рождение писателя Фонвизина — это рождение русской литературы. Юность Фонвизина совпала с младенчеством нашей литературы... «Недоросль» стал общим детищем, общей победою. Фонвизин как писатель — в гоголевской эпохе... с «Женитьбою» и «Ревизором» Митрофан и Скотинин ничего, уживутся. Между ними расстояние и большое, но не пропасть.

Умрет Денис Иванович, и всего через два года родится его преемник в комедии Грибоедов. Началась непрерывная цепь, и начальное звено — Державин и Фонвизин, первые гении русской словесности.

Ст. Рассадин

Недоросль¹

Комедия в пяти действиях
(В сокращении)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Простаков.

Г-жа Простакова, жена его.

Митрофан, сын их, недоросль.

Еремеевна, мама² Митрофанова.

Правдин.

Стародум.

Софья, племянница Стародума.

Милон.

Скотинин, брат г-жи Простаковой.

Кутейкин, семинарист.

Цыфиркин, отставной сержант.

Вральман, учитель.

Гришка, портной.

Слуга Простакова.

Камердинер Стародума.

Действие в деревне Простаковых.

¹ Так официально назывались дворяне, преимущественно молодые, не получившие документа об образовании и не поступившие на службу. Вместе с тем слово «недоросль» обозначало любого дворянина, не достигшего совершеннолетия.

² *Мама*, т. е. кормилица.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Г-жа Простакова, Митрофан, Еремеевна.

Г-жа Простакова (*осматривая кафтан на Митрофане*). Кафтан весь испорчен. Еремеевна, введи сюда мошенника Тришку. (*Еремеевна отходит.*) Он, вор, везде его обузил. Митрофанушка, друг мой! Я чаю, тебя жмет до смерти. Цозови сюда отца.

Митрофан отходит.

ЯВЛЕНИЕ II

Г-жа Простакова, Еремеевна, Тришка.

Г-жа Простакова (*Тришке*). А ты, скот, подойди поближе. Не говорила ль я тебе, воровская харя, чтоб ты кафтан пустил шире. Дитя, первое, растет; другое, дитя и без узкого кафтана деликатного сложения. Скажи, болван, чем ты оправдывешься?

Тришка. Да вить¹ я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вам докладывал: ну, да извольте отдавать портному.

Г-жа Простакова. Так разве необходимо надобно быть портным, чтобы уметь шить кафтан хорошенько. Экое скотское рассуждение!

Тришка. Да вить портной-то учился, сударыня, а я нет.

Г-жа Простакова. Ища² он же и спорит. Портной учился у другого, другой у третьего, да первоет³ портной у кого же учился? Говори, скот.

Тришка. Да первоет портной, может быть, шил хуже и моего.

Митрофан (*вбегает*). Звал батюшку. Изволил сказать: тотчас.

Г-жа Простакова. Так поди же вытаци его, коли добром не дозовешься.

Митрофан. Да вот и батюшка.

¹ Вить (простореч.) — ведь.

² Ища (простореч.) — еще.

³ Первоет (народное выражение) — вместо «первый-то».

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Простаков.

Г-жа Простакова. Что, что ты от меня прятаться изволишь? Вот, сударь, до чего я дожидла с твоим петворством. Какова сыну обновка к дядину сговору? Каков кафтанец Тришка сшить изволил?

Простаков *(от робости запинаясь)*. Ме... мешковат немного.

Г-жа Простакова. Сам ты мешковат, умная голова.

Простаков. Да я думал, матушка, что тебе так кажется.

Г-жа Простакова. А ты сам разве ослен?

Простаков. При твоих глазах мой ничего не видят.

Г-жа Простакова. Вот каким муженьком наградил меня Господь: не смыслит сам разобрать, что широко, что узко.

Простаков. В этом я тебе, матушка, и верил и верю.

Г-жа Простакова. Так верь же и тому, что я холопам потакать не намерена. Поди, сударь, и теперь же нажи...

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Скотинин.

Скотинин. Кого? За что? В день моего сговора! Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказание до завтра; а завтра, коль изволишь, я и сам охотно помогу. Не будь я Тарас Скотинин, если у меня не всякая вина виновата. У меня в этом, сестрица, один обычай с тобою. Да за что ж ты так прогневалась?

Г-жа Простакова. Да вот, братец, на твои глаза пошлюсь. Митрофанушка, подойди сюда. Мешковат ли этот кафтан?

Скотинин. Нет.

Простаков. Да я и сам уже вижу, матушка, что он узок.

Скотинин. Я и этого не вижу. Кафтанец, брат, сшит изряднехонько.

Г-жа Простакова (*Тришке*). Выйди вон, скот. (*Еремеевне*.) Поди ж, Еремеевна, дай позавтракать ребенку. Вить, я чаю, скоро и учителя придут.

Еремеевна. Он уже и так, матушка, пять булочек скушать изволил.

Г-жа Простакова. Так тебе жаль шестой, бестия? Вот какое усердие! Изволь смотреть.

Еремеевна. Да во здравие, матушка. Я вить сказала это для Митрофана же Терентьевича. Протосковал¹ до самого утра.

Г-жа Простакова. Ах, Мати Божия! Что с тобою сделалось, Митрофанушка?

Митрофан. Так, матушка. Вчера после ужина схватило.

Скотинин. Да видно, брат, поужинал ты плотно.

Митрофан. А я, дядюшка, почти и новсе не ужинал.

¹ Протосковал — здесь: плохо себя чувствовал.

Простаков. Помнится, друг мой, ты что-то скушать изволил.

Митрофан. Да что! Солонины ломтика три, да подовых¹, не помню, пять, не помню, шесть.

Еремеевна. Ночью то и дело испить просил. Квасу целый кувшинец выкушать изволил.

Митрофан. И теперь как шальной хожу. Ночь всю така дрянь в глаза лезла.

Г-жа Простакова. Какая ж дрянь, Митрофанушка?

Митрофан. Да то ты, матушка, то батюшка.

Г-жа Простакова. Как же это?

Митрофан. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

Простаков *(в сторону)*. Ну, беда моя! Сон в руку!

Митрофан *(разнежась)*. Так мне и жаль стало.

Г-жа Простакова *(с досадою)*. Кого, Митрофанушка?

Митрофан. Тебя, матушка: ты так устала, колотя батюшку.

Г-жа Простакова. Обойми меня, друг мой сердечный! Вот сынок, одно мое утешение.

Скотинин. Ну, Митрофанушка, ты, я вижу, матушкин сынок, а не батюшкин!

Простаков. По крайней мере я люблю его, как надлежит родителю, то-то умное дитя, то-то разумное, забавник, затейник; иногда я от него вне себя и от радости сам истинно не верю, что он мой сын.

Скотинин. Только теперь забавник наш стоит что-то нахмурясь.

Г-жа Простакова. Уж не послать ли за доктором в город?

Митрофан. Нет, нет, матушка. Я уж лучше сам выздоровлю. Побегутка теперь на голубятню, так авось-либо...

Г-жа Простакова. Так авось-либо Господь милостив. Поди, порезвись, Митрофанушка.

Митрофан с Еремеевною отходят.

¹ *Подовые пироги* — пироги из кислого теста, которые пекутся на поду, т. е. на кирпичной настилке внутри печи.

Г-жа Простаковл, Простаков, Скотинин.

Скотинин. Что ж я не вижу моей невесты? Где она? Вечеру быть уже словору, так не пора ли ей сказать, что выдают ее замуж?

Г-жа Простакова. Успеем, братец. Если ей это сказать прежде времени, то она может еще подумать, что мы ей докладываемся. Хотя по муже, однако я ей свойственница; а я люблю, чтоб и чужие меня слушали.

Простаков (*Скотинину*). Правду сказать, мы поступили с Софьюшкой, как с существом сироткой. После отца осталась она младенцем. Тому с полгода, как ее матушке, а моей сватьяшке, сделался удар...

Г-жа Простакова (*показывая, будто крестит сердце*). С нами сила крестная.

Простаков. От которого она и на тот свет пошла. Дядюшка ее, господин Стародум, поехал в Сибирь; а как несколько уже лет не было о нем ни слуху, ни вести, то мы и считаем его покойником. Мы, видя, что она осталась одна, взяли ее в нашу деревеньку и надзираем над ее имением, как над своим.

Г-жа Простакова. Что, что ты сегодня так разоврался, мой батюшка? Ища братец может подумать, что мы для интересу ее к себе взяли.

Простаков. Ну как, матушка, ему это подумать? Ведь Софьюшкино недвижимое имение нам к себе придвинуть не можно.

Скотинин. А движимое хотя и выдвинуто, я не челобитчик. Хлопотать я не люблю, да и боюсь. Сколько меня соседи ни обижали, сколько убытку ни делали, я ни на кого не бил челом, а всякий убыток, чем за ним ходить, сдери с своих же крестьян, так и концы в воду.

Простаков. То правда, братец: весь околоток говорит, что ты мастерски оброк собираешь.

Г-жа Простакова. Хотя бы ты нас поучил, братец батюшка; а мы никак не умеем. С тех пор как все, что у крестьян ни было, мы отобрали, ничего уже содрать не можем. Такая беда!

Скотинин. Изволь, сестрица, поучу вас, поучу, лишь жените меня на Софьюшке.

Г-жа Простакова. Неужели тебе эта девчонка так понравилась?

Скотинин. Нет, мне нравится не девчонка.

Простаков. Так по соседству ее деревеньки?

Скотинин. И не деревеньки, а то, что в деревеньках-то ее водится и до чего моя смертная охота.

Г-жа Простакова. До чего же, братец?

Скотинин. Люблю свиней, сестрица, а у нас в околотке такие крупные свиньи, что нет из них ни одной, которая, став на задни ноги, не была бы выше каждого из нас целой головою.

Простаков. Странное дело, братец, как родня на родню походить может. Митрофанушка наш весь в дядю. И он до свиней сызмала такой же охотник, как и ты. Как был еще трех лет, так, бывало, увидя свинку, задрожит от радости.

Скотинин. Это подлинно диковинка! Ну пусть, братец, Митрофан любит свиней для того, что он мой племянник. Тут есть какое-нибудь сходство; да отчего же я к свиньям-то так сильно пристрастился?

Простаков. И тут есть же какое-нибудь сходство, я так рассуждаю.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и Софья.

Софья вошла, держа письмо в руке и имея веселый вид.

Г-жа Простакова (*Софье*). Что так весела, матушка? Чему обрадовалась?

Софья. Я получила сейчас радостное известие. Дядюшка, о котором столь долго мы ничего не знали, которого я люблю и почитаю, как отца моего, на сих днях в Москву приехал. Вот письмо, которое я от него теперь получила.

Г-жа Простакова (*испугавшись, с злобою*). Как! Стародум, твой дядюшка, жив! И ты изволишь затевать, что он воскрес! Вот изрядный вымысел!

Софья. Да он никогда не умирал.

Г-жа Простакова. Не умирал! А разве ему и умереть нельзя? Нет, сударыня, это твои вымыслы, чтоб дядюшкою своим нас застрашать, чтоб мы дали тебе волю. Дядюшка-де человек умный; он, увидя меня в чужих руках, найдет способ меня выручить. Вот чему ты рада, сударыня; однако, пожалуй, не очень веселись: дядюшка твой, конечно, не воскресал.

Скотинин. Сестра, ну да коли он не умирал?

Простаков. Избави Боже, коли он не умирал!

Г-жа Простакова *(к мужу)*. Как не умирал! Что ты бабушку путаешь? Разве ты не знаешь, что уж несколько лет от меня его и в памятцах за упокой поминали? Неужто так и грешные-то мои молитвы не доходили! *(К Софье.)* Письмецо-то мне пожалуй. *(Почти вырывает.)* Я об заклад бьюсь, что оно какое-нибудь амурное. И догадываюсь от кого. Это от того офицера, который искал на тебе жениться и за которого ты сама идти хотела. Да которая бестия без моего спросу отдает тебе письма! Я доберусь. Вот до чего дожили. К деушкам письма пишут! деушки грамоте умеют!

Софья. Прочтите его сами, сударыня. Вы увидите, что ничего невиднее быть не может.

Г-жа Простакова. Прочтите его сами! Нет, сударыня, я, благодаря Бога, не так воспитана. Я могу письма подучать, а читать их всегда велю другому. *(К мужу.)* Читай.

Простаков *(долго смотря)*. Мудрено.

Г-жа Простакова. И тебя, мой батюшка, видно, воспитывали, как красную девицу. Братец, прочти, потрудись.

Скотинин. Я? Я отроду ничего не читывал, сестрица! Бог меня избавил этой скуки.

Софья. Позвольте мне прочесть.

Г-жа Простакова. О матушка! Знаю, что ты мастерица, да лих не очень тебе верю. Вот, я чаю, учитель Митрофанушкин скоро придет. Ему велю...

Скотинин. А уж зачали молодца учить грамоте?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка братец! Уж года четыре как учится. Нечего, грех сказать, чтоб мы не старались воспитывать Митрофанушку. Троицким учителям денежки платим. Для грамоты ходит к нему дячок от Покрова, Кутейкин. Арифметике учил его, батюшка, один

отставной сержант, Цыфиркин. Оба они приходят сюда из города. Вить от нас и город в трех верстах, батюшка. По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман. Этому по триста рубликов на год. Сажаем за стол с собою. Белые его наши бабы моют. Куда надобно — лошадь. За столом стакан вина. На ночь сальная свеча, и парик направляет наш же Фомка даром. Правду сказать, и мы им довольны, батюшка братец. Он ребенок не неволит. Вить, мой батюшка, пока Митрофанушка еще в недорослях, пота¹ его и понежить; а там лет через десяток, как войдет, избави Боже, в службу, всего натерпится. Как кому счастье на роду написано, братец. Из нашей же фамилии Простаковых, смотри-тка, на боку лежа, летят себе в чины². Чем же плоше их Митрофанушка? Ва! да вот пожаловал кетати дорогой наш постоялец.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Правдин.

Г-жа Простакова. Братец, друг мой! Рекомендую вам дорогого гостя нашего, господина Правдина; а вам, государь мой, рекомендую брата моего.

Правдин. Радуюсь, сделав ваше знакомство.

Скотинин. Хорошо, государь мой! А как по фамилии, я не дослышал.

Правдин. Я называюсь Правдин, чтоб вы дослышали.

Скотинин. Какой уроженец, государь мой? Где деревеньки?

Правдин. Я родился в Москве, ежели вам то знать надобно, а деревни мои в здешнем наместничестве.

Скотинин. А смею ли спросить, государь мой, — имени и отчества не знаю, — в деревеньках ваших водятся ли свинки?

¹ *Пота* — до тех пор.

² Дворяне в XVIII веке могли получать чины и звания не служа, числясь в многолетнем отпуске.

Д. И. Фонвизин. «Нескоросль». Худ. Н. Казима

Г-жа Простакова. Полно, братец, о свивьях-то начинать. Поговорим-ка лучше о нашем горе. (*К Правдину.*) Вот, батюшка! Бог велел нам взять на свои руки девицу. Она изволит получать грамотки от дядюшек. К ней с того света дядюшки пишут. Сделай милость, мой батюшка, потрудиись, прочти всем нам вслух.

Правдин. Извините меня, сударыня. Я никогда не читаю писем без позволения тех, к кому они писаны.

Софья. Я вас о том прошу. Вы меня тем очень одолжите.

Правдин. Если вы приказываете. (*Читает.*) «Любезная племянница! Дела мои принудили меня жить несколько лет в разлуке с моими ближними; в дальность лицила меня удовольствия иметь о вас известии. Я теперь в Москве, прожив несколько лет в Сибири. Я могу служить примером, что трудами и честностью состояние свое сделать можно. Сими средствами, с помощью счастья, нажил я десять тысяч рублей доходу...»

Скотинин и оба Простаковы. Десять тысяч!

Правдин (*читает*). «...которым тебя, моя любезная племянница, тебя делаю наследницею...»

Г-жа Простакова. Тебя наследницею!

Простаков. Софью наследницею!

Скотинин. Ее наследницею!

(*Вместе.*)

Г-жа Простакова (*бросаясь обнимать Софью*). Поздравляю, Софьюшка! Поздравляю, душа моя! Я вне себя от радости! Теперь тебе надобен жених. Я, я лучшей невесты и Митрофанушке не желаю. То-то дядюшка! То-то отец родной! Я и сама все-таки думала, что Бог его хранит, что он еще здравствует.

Скотинин (*протянув руку*). Ну, сестрица, скорей же по рукам.

Г-жа Простакова (*тихо Скотинину*). Постой, братец. Сперва надобно спросить ее, хочет ли еще она за тебя вытти?

Скотинин. Как! Что за вопрос! Неужто ты ей докладывать станешь?

Правдин. Позвольте ли письмо дочитать?

Скотинин. А на что? Да хоть пять лет читай, лучше десяти тысяч не дочитаешься.

Г-жа Простакова (*к Софье*). Софьюшка, душа моя! пойдём ко мне в спальню. Мне крайняя нужда с тобой поговорить. (*Увела Софью.*)

Скотинин. Ва! так я вижу, что сегодня сговору-то вряд и быть ли. <...>

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Правдин, Милон.

Милон. Как я рад, мой любезный друг, что нечаянно увиделся с тобою! Скажи, каким случаем...

Правдин. Как друг, открою тебе причину моего здесь пребывания. Я определен членом в здешнем наместничестве. Имею повеление объехать здешний округ; а притом, из собственного подвига¹ сердца моего, не оставляю замечать тех злонравных неужд, которые, имея над людьми своими полную власть, употребляют ее во

¹ Подвига — здесь: побуждения.

зло бесчеловечно. Ты знаешь образ мыслей нашего наместника¹. С какою ревностью помогает он страждущему человечеству! С каким усердием исполняет он тем самым человеколюбивые виды вышней власти! Мы в нашем краю сами испытали, что где наместник таков, каковым изображен наместник в Учреждении², там благосостояние обитателей верно и надежно. Я живу здесь уже три дни. Нашел помещика дурака бесчисленного, а жену презлую фурию, которой адский нрав делает несчастье целого их дома. Ты что задумался, мой друг, скажи мне, долго ль здесь останешься?

Милон. Через несколько часов иду отсюда.

Правдин. Что так скоро? Отдохни.

Милон. Не могу. Мне велено и солдат нести без замедления... да, сверх того, я сам горю нетерпением быть в Москве.

Правдин. Что причиною?

Милон. Открою тебе тайну сердца моего, любезный друг! Я влюблен и имею счастье быть любим. Больше полугода, как я в разлуке с тою, которая мне дороже всего на свете, и, что еще горестнее, ничего не слыхал я о ней во все это время. Часто, приписывая молчание ее холодности, терзался я горестию; но вдруг получил известие, которое меня поразило. Пишут ко мне, что, по смерти ее матери, какая-то дальняя родня увезла ее в свои деревни. Я не знаю; ни кто, ни куда. Может быть, она теперь в руках каких-нибудь корыстолюбцев, которые, пользуясь сиротством ее, содержат ее в тиранстве. От одной этой мысли я вне себя.

Правдин. Подобное бесчеловечие вижу и в здешнем доме. Ласкаюсь³, однако, положить скоро границы злобе

¹ Россия в 1775 году была разделена на пятьдесят губерний. В отдельных случаях две-три губернии объединялись в руках представителя верховной власти — наместника, при котором создавалось правление. Правдин был членом правления наместничества.

² Закон о губерниях назывался «Учреждение для управления губерний Российской империи». Он был издан в 1775 году.

³ Ласкаюсь — здесь: авось, может быть, удастся.

жены и глупости мужа. Я уведомил уже о всех здешних варварствах нашего начальника и не сомневаюсь, что унять их возьмутся меры.

Милон. Счастлив ты, мой друг, будучи в состоянии облегчать судьбу несчастных. Не знаю, что мне делать в горестном моем положении.

Правдин. Позволь мне спросить об ее имени.

Милон (*в восторге*). А! вот она сама.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Софья.

Софья (*в восхищении*). Милон! тебя ли я вижу?

Правдин. Какое счастье!

Милон. Вот та, которая владеет моим сердцем. Любезная Софья! Скажи мне, каким случаем здесь нахожу тебя?

Софья. Сколько горестей терпела я со дня нашей разлуки! Бессовестные мои свойственники...

Правдин. Мой друг! не спрашивай о том, что столько ей прискорбно... Ты узнаешь от меня, какие груести...

Милон. Недостойные люди!

Софья. Сегодня, однако же, в первый раз здешняя хозяйка переменяла со мною свой поступок. Услыша, что дялюшка мой делает меня наследницею, вдруг из грубой и бранчивой сделалась ласковою до самой низкости, и я по всем ее обинякам вижу, что прочит меня в невесты своему сыну.

Милон (*с нетерпением*). И ты не изъявила ей тот же час совершенного презрения?..

Софья. Нет...

Милон. И не сказала ей, что ты имешь сердечные обязательства, что...

Софья. Нет...

Милон. А! теперь я вижу мою погибель. Соперник мой счастлив! Я не отрицаю в нем всех достоинств. Он, может быть, разумен, просвещен, любезен; но чтоб мог со мною сравниться в моей к тебе любви, чтоб...

Софья (*усмехаясь*). Боже мой! Если б ты его увидел, ревность твоя довела б тебя до крайности!

Милон (с негодованием). Я воображаю все его достоинства.

Софья. Всех и вообразить не можешь. Он хотя и шестнадцати лет, а достиг уже до последней степени своего совершенства и дале не пойдет.

Правдин. Как дале не пойдет, сударыня? Он доучивает часослов; а там, думать надобно, примутся и за псалтырь¹.

Милон. Как! Таков-то мой соперник! А, любезная Софья, на что ты и шуткою меня терзаешь? Ты знаешь, как легко страстный человек огорчается и малейшим подозрением.

Софья. Подумай же, как несчастно мое состояние! Я не могла и на это глупое предложение отвечать решительно. Чтоб избавиться от их грубости, чтоб иметь некоторую свободу, принуждена была я скрыть мое чувство.

Милон. Что ж ты ей отвечала?

Здесь Скотинин идет но театру, задумавшись, и никто его не видит.

Софья. Я сказала, что судьба моя зависит от воли дя-duшкиной, что он сам сюда приехать обещал в письме своем, которого (к Правдину) не позволил вам дочитать господин Скотинин.

Милон. Скотинин!

Скотинин. Я!

ЯВЛЕНИЕ П

Те же и Скотинин.

Правдин. Как вы подкрались, господин Скотинин! Этого бы я от вас и не чаял.

Скотинин. Я проходил мимо вас. Услышал, что меня кличут, я и откликнулся. У меня такой обычай: кто вскрикнет — Скотинин! А я ему: я! Что вы, братцы, и за правду? Я сам служивал в гвардии и отставлен капитаном. Бывало, на съезжке в переключке как закричат: Тарас Скотинин! А я во все горло: я!

¹ Часослов и псалтырь — церковные книги, по которым обучали грамоте, заставляя заучивать текст наизусть.

Правдин. Мы вас теперь не кликали, и вы можете идти, куда шли.

Скотинин. Я никуда не шел, а брожу, задумавшись. У меня такой обычай, как что заберу в голову, то из нее гвоздем не выколотишь. У меня, слышь ты, что вошло в ум, тут и засело. О том вся и дума, то только и вижу во сне, как наяву, а наяву, как во сне.

Правдин. Что ж бы вас так теперь занимало?

Скотинин. Ох, братец, друг ты мой сердешный! Со мною чудеса творятся. Сестрица моя вывезла меня скоро-наскоро из моей деревни в свою, а коли так же проворно вывезет меня из своей деревни в мою, то могу пред целым светом по чистой совести сказать: ездил я ни по что, привез ничего.

Правдин. Какая жалость, господин Скотинин! Сестрица ваша играет вами, как мячиком.

Скотинин *(озлобясь)*. Как мячиком? Оборони Бог! Да я и сам зашвырну ее так, что целой деревней в неделю не отыщут.

Софья. Ах, как вы рассердились!

Милон. Что с вами сделалось?

Скотинин. Сам ты, умный человек, порассуди. Привезла меня сестра сюда жениться. Теперь сама же подъехала с отводом: «Что-де тебе, братец, в жене; была бы-де у тебя, братец, хорошая свинья». Нет, сестра! Я и своих поросят завести хочу. Меня не проведешь.

Правдин. Мне самому кажется, господин Скотинин, что сестрица ваша помышляет о свадьбе, только не о вашей.

Скотинин. Эка притча! Я другому не помеха. Всякий женись на своей невесте. Я чужу не трону, и мою чужой не тронь же. *(Софье.)* Ты не боись, душенька. Тебя у меня никто не перебьет.

Софья. Это что значит? Вот еще новое!

Милон *(вскричал)*. Какая дерзость!

Скотинин *(к Софье)*. Чего ж ты испугалась?

Правдин *(к Милону)*. Как ты можешь осердиться на Скотинина!

Софья *(Скотинину)*. Неужели суждено мне быть вашей женою?

Милон. Я насилу могу удержаться!

Скотинин. Суженого конем не объедешь, душенька! Тебе на свое счастье грех пенять. Ты будешь жить со мною

припеваючи. Десять тысяч твоего доходу! Эко счастье привалило; да я столько родясь и не видывал; да я на них всех свиней со бела света выкуплю; да я, слышь ты, то сделаю, что все затрубят: в здешнем-де околотке и житье одним свиным.

Правдин. Когда же у вас могут быть счастливы одни только скоты, то жене вашей от них и от вас будет худой покой.

Скотинин. Худой покой! ба! ба! ба! да разве светлиц у меня мало? Для нее одной отдам угольную с лежанкой. Друг ты мой сердешный! коли у меня теперь, ничего не вида, для каждой свинки клевок¹ особливый, то жене найду светелку.

Милон. Какое скотское сравнение!

Правдин (*Скотинину*). Ничему не бывать, господин Скотинин! Я скажу вам, что сестрица ваша прочит ее за сынка своего.

Скотинин. Как! Племяннику перебивать у дяди! Да я его на первой встрече, как черта, изломаю. Ну, будь я свинной сын, если я не буду ее мужем или Митрофан уродом. <...>

ЯВЛЕНИЕ VI

Г-жа Простакова, Еремеевна, Митрофан,
Кутейкин и Цыфиркин.

Г-жа Простакова. Ну, так теперь хотя по-русски прочти зады, Митрофанушка.

Митрофан. Да, зады, как не так.

Г-жа Простакова. Век живи, век учись, друг мой сердешный! Такое дело.

Митрофан. Как не такое! Пойдет на ум ученье. Ты б еще навезла сюда дядюшек!

Г-жа Простакова. Что? Что такое?

Митрофан. Да! того и смотри, что от дядюшки таска; а там с его кулаков да за часослов. Нет, так я, спасибо, уж один конец с собою!

Г-жа Простакова (*испугавшись*). Что, что ты хочешь делать? Опомнись, душенька!

Митрофан. Вить здесь и река близко. Нырну, так поминай как звали.

¹ Клев — хлев, помещенье для скотины.

Г-жа Простакова (*вне себя*). Уморил! Уморил! Бог с тобой!

Еремеевна. Все дядюшка напугал. Чуть было в волосы ему не вцепился. А ни за что... ни про что...

Г-жа Простакова (*в злобе*). Ну...

Еремеевна. Пристал к нему: хочешь ли жениться?..

Г-жа Простакова. Ну...

Еремеевна. Дитя не потаил, уж давно-де, дядюшка, скота берет. Как он остервенится, моя матушка, как вскинется!..

Г-жа Простакова (*дрожа*). Ну... а ты, бестия, остолбенела, а ты не впилась братцу в харю, а ты не раздерила ему рыла по уши...

Еремеевна. Приняла было! Ох, приняла, да...

Г-жа Простакова. Да... да что... не твое дитя, бестия! По тебе ребенка хоть убей до смерти.

Еремеевна. Ах, Создатель, спаси и помилуй! Да кабы братец в ту ж минуту отойти не изволил, то б я с ним поломалась. Вот что б Бог не поставил. Притунились бы эти (*указывая на ногти*), я б и клыков беречь не стала.

Г-жа Простакова. Все вы, бестии, усердны на одних словах, а не на деле...

Еремеевна (*заплакав*). Я не усердна вам, матушка! Уж как больше служить, не знаешь... рада бы не токмо что... живота¹ не жалеешь... а все не угодно.

Кутейкин. Нам восвояси повелите?

Цыфиркин. Нам куда поход, ваше бла- } (*Вместе.*)
городию?

Г-жа Простакова. Ты ж еще, старая ведьма, и разревилась. Поди, накорми их с собою, а после обеда тотчас опять сюда. (*К Митрофану.*) Пойдем со мною, Митрофанушка. Я тебя из глаз теперь не выпущу. Как скажу я тебе нещичко², так пожить на свете слюбится. Не век тебе, моему другу, не век тебе учиться. Ты, благодаря Бога, столько

¹ *Живота* — жизни (славянск.).

² *Нещичко* — нечто, тайну.

уже смыслишь, что и сам взведешь деточек. (К Еремеев-
не.) С братцем переведаюсь не по-твоему. Пусть же все
добрые люди увидят, что мама и что мать родная. (Отхо-
дит с Митрофаном.)

Кутейкин. Житье твое, Еремеевна, яко тьма кро-
мешная. Пойдем-ка за трапезу, да с горя вылей сперва
чарку...

Цыфиркин. А там другую, вот те и умноженье.

Еремеевна (в слезах). Нелегкая меня не приберет!
Сорок лет служу, а милость все та же...

Кутейкин. А велика ль благодостыня?

Еремеевна. По пяти рублей на год, да по пяти поще-
чин на день.

Кутейкин и Цыфиркин отводят ее под руки.

Цыфиркин. Смекнем же за столом, что тебе доходу в
круглый год.

Конец второго действия.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Стародум и Правдин.

Правдин. Лишь только из-за стола встали, и я, подо-
шед к окну, увидел вашу карету, то, не сказав никому, вы-
бежал к вам навстречу обнять вас от всего сердца. Мос к
вам душевное почтение...

Стародум. Оно мне драгоценно. Поверь мне.

Правдин. Ваша ко мне дружба тем лестнее, что вы не
можете иметь ее к другим, кроме таких...

Стародум. Каков ты. Я говорю без чинов. Начинают-
ся чины — перестает искренность.

Правдин. Ваше обхождение...

Стародум. Ему многие смеются. Я это знаю. Быть
так. Отец мой воспитал меня по-тогдашнему, а я не нашел
и нужды себя перевоспитывать. Служил он Петру Велико-
му. Тогда один человек назывался *ты*, а не *вы*. Тогда не
знали еще заражать людей столько, чтоб всякий считал се-
бя за многих. Зато нонче многие не стоят одного. Отец мой
у двора Петра Великого...

Правдин. А я слышал, что он в военной службе...

Стародум. В тогдашнем веке придворные были воины, да воины не были придворные. Воспитание дано мне было отцом моим по тому веку наилучшее. В то время к научению мало было способов, да и не умели еще чужим умом набивать пустую голову.

Правдин. Тогдашнее воспитание действительно состояло в нескольких правилах...

Стародум. В одном. Отец мой непрестанно мне твердил одно и то же: имей сердце, имей душу, и будешь человек во всякое время. На все прочее мода: на умы мода, на знания мода, как на пряжки, на пуговицы.

Правдин. Вы говорите истину. Прямое достоинство в человеке есть душа...

Стародум. Без нее просвещеннейшая умица — жалкая тварь. *(С чувством.)* Невежда без души — зверь. Самый мелкий подвиг ведет его во всякое преступление. Между тем, что он делает, и тем, для чего он делает, никаких весков у него нет. От таких-то животных пришел я свободить...

Правдин. Вашу племянницу. Я это знаю. Она здесь. Пойдем...

Стародум. Постой. Сердце мое кипит еще негодованием на недостойный поступок здешних хозяев. Побудем здесь несколько минут. У меня правило: в первом движении ничего не начинать.

Правдин. Редкое правило ваше наблюдать умеют.

Стародум. Опыты жизни моей меня к тому приучили. О, если б я ранее умел владеть собою, я имел бы удовольствие служить долее отечеству.

Правдин. Каким же образом? Происшествия с человеком ваших качеств никому равнодушно быть не могут. Вы меня крайне одолжите, если расскажете...

Стародум. Я ни от кого их не таю для того, чтоб другие в подобном положении нашлись меня умнее. Вошед в военную службу, познакомился я с молодым графом, которого имени я и вспомнить не хочу, он был по службе меня моложе, сын случайного отца¹, воспитан в большом свете и имел особливый случай научиться то-

¹ Случайными людьми в XVIII веке называли людей, пользовавшихся особыми милостями царей и царич.

му, что в наше воспитание еще и не входило. Я все силы употребил снискать его дружбу, чтоб всегдашним с ним обхождением наградить недостатки моего воспитания. В самое то время, когда взаимная наша дружба утверждалась, услышали мы нечаянно, что объявлена война. Я бросился обнимать его с радостью. «Любезный граф! вот случай нам отличить себя. Пойдем тотчас в армию и сделаемся достойными звания дворянина, которое нам дала порода». Вдруг мой граф сильно наморщился и, обняв меня, сухо: «Счастливым тебе путь, — сказал мне, — а я ласкаюсь, что батюшка не захочет со мною расстаться». Ни с чем нельзя сравнить презрения, которое ощутил я к нему в ту ж минуту. Тут увидел я, что между людьми случайными и людьми почтенными бывает иногда неизмеримая разница, что в большом свете водятся премелкие души и что с великим просвещением можно быть великому скареду¹.

Правдин. Суцая истина.

Стародум. Оставляя его, поехал я немедленно, куда звала меня должность. Многие случаи имел я отличить себя. Раины мои доказывают, что я их и не пропускал. Доброе мнение обо мне начальников и войска было лестною наградою службы моей, как вдруг получил я известие, что граф, прежний мой знакомец, о котором я гнушался вспоминать, произведен чином, а обойден я, я, лежавший тогда от ран в тяжкой болезни. Такое несправосудие растерзало мое сердце, и я тотчас взял отставку.

Правдин. Что ж бы иное и делать надлежало?

Стародум. Надлежало образумиться. Не умел я остеречься от первых движений раздраженного моего любочестия. Горячность не допустила меня тогда рассудить, что прямо² любочестивый человек ревнует к делам, а не к чинам; что чины нередко выпрациваются, а истинное почтение необходимо заслуживается; что гораздо честнее быть без вины обойдену, нежели без заслуг пожаловану.

Правдин. Но разве дворянину не позволяется взять отставки ни в каком уже случае?

¹ *Скарעד* — скряга, скупец; здесь: бранное слово.

² *Прямо* — здесь: истинно, действительно.

Стародум. В одном только: когда он внутренно удостоверен, что служба его отечеству прямой пользы не приносит. А! тогда поди.

Правдин. Вы даете чувствовать истинное существо должности¹ дворянина.

Стародум. Взяв отставку, приехал я в Петербург. Тут слепой случай завел меня и такую сторону, о которой мне отроду и в голову не приходило.

Правдин. Куда же?

Стародум. Ко двору². Меня взяли ко двору. А? Как ты об этом думаешь?

Правдин. Как же вам эта сторона показалась?

Стародум. Любопытна. Первое показалось мне странно, что в этой стороне по большой прямой дороге никто почти не ездит, а все объезжают крюком, надеясь доехать поскорее.

Правдин. Хоть крюком, да просторна ли дорога?

Стародум. А такова-то просторна, что двое, встретись, разойтись не могут. Один другого сваливает, и тот, кто на ногах, не поднимает уже никогда того, кто на земли.

Правдин. Так поэтому тут самолюбие...

Стародум. Тут не самолюбие, а, так сказать, себялюбие. Тут себя любят отменно; о себе одном пекутся; об одном настоящем часе суетятся. Ты не поверишь. Я видел тут множество людей, которым во все случаи их жизни ни разу на мысль не приходили ни предки, ни потомки.

Правдин. Но те достойные люди, которые у двора служат государству...

Стародум. О! те не оставляют двора для того, что они двору полезны, а прочие для того, что двор им полезен. Я не был в числе первых и не хотел быть в числе последних.

Правдин. Вас, конечно, у двора не узнали?³

Стародум. Тем для меня лучше. Я успел убраться без хлопот, а то бы выжили ж меня одним из двух манеров.

Правдин. Каких?

¹ Должности — обязанностей, долга.

² Двор — ближайшее окружение государя, придворные.

³ Не узнали — не помяли.

Стародум. От двора, мой друг, выживают двумя манерами. Либо на тебя рассердятся, либо тебя рассердят. Я не стал дожидаться ни того, ни другого. Рассудил, что лучше вести жизнь у себя дома, нежели в чужой передней.

Правдин. Итак, вы отошли от двора ни с чем? (*Открывает свою табакерку.*)

Стародум (*берет у Правдина табак*). Как ни с чем? Табакерке цена пятьсот рублей. Пришли к купцу двос. Один, заплатя деньги, принес домой табакерку. Другой пришел домой без табакерки. И ты думаешь, что другой пришел домой ни с чем? Ошибаешься. Он принес назад свои пятьсот рублей целы. Я отошел от двора без деревень, без ленты¹, без чипов, да мое принес домой неповрежденно, мою душу, мою честь, мои правила.

Правдин. С вашими правилами людей не отпускать от двора, а ко двору призывать надобно.

Стародум. Призывать? А зачем?

Правдин. Затем, зачем к больным врача призывают.

Стародум. Мой друг! Ошибаешься. Тщетно звать врача к больным неисцельно. Тут врач не пособит, разве сам заразится.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Софья.

Софья (*к Правдину*). Сил моих не стало от их шуму.

Стародум (*в сторону*). Вот черты лица ее матери. Вот моя Софья.

Софья (*смотря на Стародума*). Боже мой! Он меня назвал. Сердце мое меня не обманывает...

Стародум (*обняв ее*). Нет. Ты дочь моей сестры, дочь сердца моего!

Софья (*бросаясь в его объятия*). Дядюшка! Я вне себя с радости.

¹ Без ленты, т. е. не получив первой степени одного из орденов, знаком которой, кроме звезды, была носимая через плечо широкая лента уставовленных для ордена цветов.

Стародум. Любезная Софья! Я узнал в Москве, что ты живешь здесь против воли. Мне на свете шестьдесят лет. Случалось быть часто раздраженным, иногда быть собой довольным. Ничто так не терзало мое сердце, как невинность в сетях коварства. Никогда не бывал я так собой доволен, как если случалось из рук вырвать добычу от порока.

Правдин. Сколь приятно быть тому и свидетелем!

Софья. Дядюшка! ваши ко мне милости...

Стародум. Ты знаешь, что я одной тобой привязан к жизни. Ты должна делать утешение моей старости, а мои попечения твое счастье. Пошел в отставку, положил я основание твоему воспитанию, но не мог иначе основать твоего состояния, как разлучась с твоей матерью и с тобою.

Софья. Отсутствие ваше огорчало нас несказанно.

Стародум (к Правдину). Чтоб оградить ее жизнь от недостатку в нужном, решился я удалиться на несколько лет в ту землю, где достают деньги, не променявая их на совесть, без подлой выслуги, не грабя отечества; где требуют денег от самой земли, которая по-правосуднее людей, лиценриятия не знает, а платит одни труды верно и щедро.

Правдин. Вы могли б обогатиться, как я слышал, несравненно больше.

Стародум. А на что?

Правдин. Чтоб быть богату, как другие.

Стародум. Богату! А кто богат? Да ведаешь ли ты, что для прихотей одного человека всей Сибири мало! Друг мой! Все состоит в воображении. Последуй природе, никогда не будешь беден. Последуй людским мнениям, никогда богат не будешь.

Софья. Дядюшка! Какую правду вы говорите!

Стародум. Я нашл столько, чтоб при твоем замужестве не останавливала нас бедность жениха достойного.

Софья. Во всю жизнь мою ваша воля будет мой закон.

Правдин. Но, выдав ее, не лишнее было бы оставить и детям...

Стародум. Детям? Оставлять богатство детям? В голове нет. Умны будут — без него обойдутся; а глупому сыну не в помощь богатство. Видал я молодцов в золотых кафтанах, да с свинцовой головою. Нет, мой друг! Наличные деньги — не наличные достоинства. Золотой болван¹ — все болван.

Правдин. Со всем тем мы видим, что деньги нередко ведут к чинам, чины обыкновенно к знатности, а знатным оказывается почтение.

Стародум. Почтение! Одно почтение должно быть лестно человеку — душевное; а душевного почтения достоин только тот, кто в чинах не по деньгам, а в знати не по чинам.

Правдин. Заключение ваше неоспоримо.

Стародум. Ба! Это что за шум! <...>

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и камердинер.

Камердинер подает письмо Стародуму.

Стародум. Откуда?

Камердинер. Из Москвы, с парочным. *(Отходит.)*

Стародум *(распечатывает и смотря на подпись)*. Граф Честан. А! *(Начиная читать, показывает вид, что глаза разобрать не могут.)* Софьюшка! Очки мои на столе, в книге.

Софья *(отходя)*. Тотчас, дядюшка.

ЯВЛЕНИЕ IV

Стародум.

Стародум *(один)*. Он, конечно, пишет ко мне о том же, о чем в Москве сделал предложение. Я не знаю Милона; но когда дядя его мой истинный друг, когда вся публика считает его честным и достойным человеком... Если свободно ее сердце...

ЯВЛЕНИЕ V

Стародум и Софья.

Софья *(подавая очки)*. Нашла, дядюшка.

¹ Золотой болван — статуя.

Стародум (*читает*). «...Я теперь только узнал... идет в Москву свою команду... Он с вами должен встретиться... Сердечно буду рад, если он увидится с вами... Возьмите труд узнать образ мыслей его». (*В сторону.*) Конечно. Без того ее не выдам... «Вы найдете... Ваш истинный друг...» Хорошо. Это письмо до тебя принадлежит. Я сказывал тебе, что молодой человек, похвальных свойств, представлен... Слова мои тебя смущают, друг мой сердечный. Я это и давеча заметил и теперь вижу. Доверенность твоя ко мне...

Софья. Могу ли я иметь на сердце что-нибудь от нас скрытое? Нет, дядюшка. Я чистосердечно скажу вам...

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, Правдин и Милон.

Правдин. Позвольте представить вам господина Милона, моего истинного друга.

Стародум (*в сторону*). Милон!

Милон. Я почту за истинное счастье, если удостоюсь вашего доброго мнения, ваших ко мне милостей...

Стародум. Граф Честан не свойственник ли ваш?

Милон. Он мне дядя.

Стародум. Мне очень приятно быть знакомому с человеком ваших качеств. Дядя ваш мне о вас говорил. Он отдает вам всю справедливость. Особливые достоинства...

Милон. Это его ко мне милость. В мои лета и в моем положении было бы непростительное высокомерие считать все то заслуженным, чем молодого человека ободряют достойные люди.

Правдин. Я наперед уверен, что друг мой приобретет вашу благосклонность, если вы его узнаете короче. Он бывал часто в доме покойной сестрицы вашей...

Стародум оглядывается на Софью.

Софья (*тихо Стародуму и в большой робости*). И матушка любила его, как сына.

Стародум (*Софье*). Мне это очень приятно. (*Милону.*) Я слышал, что вы были в армии. Неустранимость ваша...

Милон. Я делал мою должность. Ни леты мои, ни чин, ни положение еще не позволили мне показать прямой неустранимости, буде есть во мне она.

Стародум. Как! Будучи в сражениях и подвергая жизнь свою...

Милон. Я подвергал ее, как прочие. Тут храбрость была такое качество сердца, какое солдату велит иметь начальник, а офицеру честь. Признаюсь вам искренно, что показать прямой неустрашимости не имел я еще никакого случая, испытать же себя сердечно желаю.

Стародум. Я крайне любопытен знать, в чем же полагаете вы прямую неустрашимость?

Милон. Если позволите мне сказать мысль мою, я полагаю истинную неустрашимость в душе, а не в сердце. У кого она в душе, у того, без всякого сомнения, и храброе сердце. В нашем военном ремесле храбр должен быть воин, неустрашим восначальник. Он с холодной кровью усматривает все степени опасности, принимает нужные меры, славу свою предпочитает жизни; но что всего более — он для пользы и славы отечества не устращается забыть свою собственную славу. Неустрашимость его состоит, следовательно, не в том, чтоб презирать жизнь свою. Он ее никогда и не отваживает. Он умеет ею жертвовать.

Стародум. Справедливо. Вы прямую неустрашимость полагаете в восначальнике. Свойственна ли же она и другим состояниям?

Милон. Она добродетель; следовательно, нет состояния, которое ею не могло бы отличиться. Мне кажется, храбрость сердца доказывается в час сражения, а неустрашимость души во всех испытаниях, во всех положениях жизни. И какая разница между бесстрашием солдата, который на приступе отваживает жизнь свою паряду с прочими, и между неустрашимостью человека государственного, который говорит правду государю, отваживаясь его прогневить. Судья, который, не убоясь ни мщениа, ни угроз сильного, отдал справедливость беспомощному, в моих глазах герой. Как мала душа того, кто за безделицу вызовет на дуэль, перед тем, кто вступится за отсутствующего, которого честь при нем клеветники терзают! Я понимаю неустрашимость так...

Стародум. Как понимать должно тому, у кого она в душе. Обойми меня, друг мой! Извини мое простосердечие. Я друг честных людей. Это чувство вкоренено в мое воспитание. В твоем вижу и почитаю добродетель, украшенную рассудком просвещенным.

Милон. Душа благородная!.. Нет... не могу скрывать более моего сердечного чувства... Нет. Добродетель твоя извлекает силою своею все таинство души моей. Если мое сердце добродетельно, если стоит оно быть счастливым, от тебя зависит сделать его счастье. Я полагаю его в том, чтоб иметь женою любезную племянницу вашу. Взаимная наша склонность...

Стародум *(к Софье, с радостью)*. Как! Сердце твое умело отличить того, кого я сам предлагал тебе? Вот мой тебе жених...

Софья. И я люблю его сердечно.

Стародум. Вы оба друг друга достойны. *(В восхищении соединяя их руки.)* От всей души моей даю вам мое согласие.

Милон *(обнимая Стародума)*. Мое счастье несравненно!

Софья *(целуя руки Стародумовы)*. Кто может быть счастливее меня! } *(Вместе.)*

Правдин. Как искренно я рад!

Стародум. Мое удовольствие неизреченно!

Милон *(целуя руку Софьи)*. Вот минута нашего благополучия!

Софья. Сердце мое вечно любить тебя будет. <...>

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ III

Милон, Правдин, г-жа Простакова, Простаков и Митрофан.

Г-жа Простакова. Какая я госпожа в доме! *(Указывая на Милона.)* Чужой погрозит, приказ мой ни вот что!

Простаков. Я ли виноват?

Митрофан. За людей приниматься!

Г-жа Простакова. Жива быть не хочу! } *(Вместе.)*

Правдин. Злодеяние, которому я сам свидетель, дает право вам, как дяде, а вам, как жениху...

Г-жа Простакова. Жениху!

Простаков. Хороши мы!

Митрофан. Все к черту! } *(Вместе.)*

Правдин. Требовать от правительства, чтобы сделанная ей обида наказана была всей строгостью закона. Сейчас представляю ее перед суд, как нарушительницу гражданского спокойствия.

Г-жа Простакова (*бросаясь на колени*). Батюшка! Виновата! <...>

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Скотинин.

Скотинин. Ну, сестра, хорошо было шутку... Ва! что это? Все наши на коленях!

Г-жа Простакова (*стоя на коленях*). Ах, мои батюшки! Повинную голову меч не сечет. Мой грех! Не погубите меня. (*К Софье*.) Мать ты моя родная, прости меня. Умплосердись надо мною (*указывая на мужа и сына*) и над бедными сиротами.

Скотинин. Сестра! О своем ли ты уме!

Правдин. Молчи, Скотинин.

Г-жа Простакова. Бог даст тебе благополучие и с дорогим женихом твоим. Что тебе в голове моей?

Софья (*Стародуму*). Дядюшка, я мое оскорбление забываю.

Г-жа Простакова (*подняв руки к Стародуму*). Батюшка! Прости и ты меня грешную. Ведь я человек, не ангел.

Стародум. Знаю, знаю, что человеку нельзя быть ангелом, да и не надобно быть чертом.

Милон. И преступление, и раскаяние в ней презрения достойны.

Правдин (*Стародуму*). Ваша малейшая жалоба, ваше одно слово перед правительством... и уж спасти ее нельзя.

Стародум. Не хочу ничьей гибели. Я ее прощаю.

Все вскочили с колен.

Г-жа Простакова. Простил! Ах, батюшка! Ну, теперь-то дам я зорю¹ канальям, своим людям! Теперь-то я всех переберу поодиночке! Теперь-то допытываюсь, кто из

¹ Дать зорю (простореч.) — выказать, избить.

рук ее выпустили! Нет, мошенники! Нет, воры! Век не прощу этой насмешки!

Правдин. А за что вы хотите наказать людей наших?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка! Это что за вопрос? Разве я не властна и в своих людях?

Правдин. А вы считаете себя вправе драться тогда, когда вам вздумается?

Скотинин. Да разве дворянин не волен поколотить слугу, когда захочет?

Правдин. Когда захочет! Да что за охота? Прямой ты Скотинин! (Г-же Простаковой.) Нет, сударыня, тиранствовать никто не волен.

Г-жа Простакова. Не волен! Дворянин, когда захочет и слуги высечь не волен! Да на что ж дан нам указ-то о вольности дворянства¹.

Стародум. Мастерица толковать указы.

Г-жа Простакова. Изволь насмехаться; а я теперь же всех с головы на голову... (Порывается идти.)

Правдин (останавливая ее). Поостановитесь, сударыня. (Вынув бумагу и важным голосом Простакову.) Именем правительства вам приказывают сей же час собрать людей и крестьян ваших для объявления им указа, что за бесчеловечие жены вашей, до которого допустило ее ваше крайнее слабomyслие, повелевает мне правительство принять в опеку² дом ваш и деревни. <...>

ЯВЛЕНИЕ V

Г-жа Простакова, Стародум, Правдин, Митрофан, Софья, Еремеевна.

Г-жа Простакова (Правдину). Батюшка, не погуби ты меня, что тебе прибыли? Не возможно ли как-нибудь указ поотменить? Все ли указы исполняются?

¹ «Указ о вольности дворянской», изданный в 1762 году Петром III, предоставлял дворянству ряд преимуществ, в том числе освобождал дворян от обязательной государственной службы. Простакова же пошмает указ как разрешение дворянам делать все, что им захочется.

² Опека — наблюдение за лицами, которые не имеют юридических прав.

Правдин. Я от должности никак не отступлю.

Г-жа Простакова. Дай мне сроку хотя на три дни.
(*В сторону.*) Я дала бы себя знать...

Правдин. Ни на три часа.

Стародум. Да, друг мой! Она и в три часа напроказить может столько, что веком не пособишь.

Г-жа Простакова. Да как вам, батюшка, самому входить в мелочи?

Правдин. Это мое дело. Чужое возвращено будет хозяевам, а...

Г-жа Простакова. А с долгами-то разделаться?.. Недоплачено учителям...

Правдин. Учителям? (*Еремеевне.*) Здесь ли они? Введи их сюда.

Еремеевна. Чай, что прибрели. А немца-то, мой батюшка?..

Правдин. Всех позови.

Еремеевна отходит.

Правдин. Не заботься ни о чем, сударыня, я всех удовольствую.

Стародум (*видя в тоске г-жу Простакову*). Сударыня! Ты сама себя почувствуешь лучше, потеряв силу делать другим дурно.

Г-жа Простакова. Благодарна за милость! Куда я гожусь, когда в моем доме моим же рукам и воли нет!

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, Еремеевна, Вральман, Кутейкин
и Цыфиркин.

Еремеевна (*введя учителей, к Правдину*). Вот тебе и вся наша сволочь, мой батюшка.

Вральман (*к Правдину*). Ваше фысоко-и-плахоротие. Исфолили меня к сепе прасить?..

Кутейкин (*к Правдину*). Зван бых и придох.

Цыфиркин (*к Правдину*). Что приказу будет, ваше благородие?

Стародум (*с приходу Вральмана в него вглядывается*). Ва! Это ты, Вральман?

Вральман (*узнав Стародума*). Ай! ай! ай! ай! ай! Это ты, мой милостивый хоснодин! (*Целует полу Стародума.*) Старофенька ли, мой отес, пошифать исфолишь?

Правдин. Как? Он вам знаком?

Стародум. Как не знаком? Он три года у меня был кучером.

Все показывают удивление.

Правдин. Изрядный учитель!

Стародум. А ты здесь в учителях? Вральман! Я думал, право, что ты человек добрый и не за свое не возьмешься.

Вральман. Та што телать, мой патюшка? Не я перфый, не я последний. Три месеца ф Москфе шатался без мест, кутипер нихте не ната. Пришло мне липо с голот мереть, липо ушитье...

Правдин (*к учителям*). По воле правительства став опекуном над здешним домом, я вас отпускаю.

Цыфиркин. Лучше не надо.

Кутейкин. Отпускать благоволите? Да прежде разоцтмся...

Правдин. А что тебе надобно?

Кутейкин. Нет, милосливый господин, мой счетец зело не мал. За полгода за ученье, за обувь, что истаскал в три года, за простой, что сюда прибредешь, бывало, попустому, за...

Г-жа Простакова. Ненасытная душа! Кутейкин! За что это?

Правдин. Не мешайтесь, сударыня, я вас прошу.

Г-жа Простакова. Да коль пошло на правду, чему ты выучил Митрофанушку?

Кутейкин. Это его дело. Не мое.

Правдин (*Кутейкину*). Хорошо, хорошо. (*Цыфиркину*.) Тебе много ль заплатить?

Цыфиркин. Мне? Ничего.

Г-жа Простакова. Ему, батюшка, за один год дано десять рублей, а еще за год ни полушки не заплачено.

Цыфиркин. Так: на те десять рублей я износил сапогов в два года. Мы и квиты.

Правдин. А за ученье?

Цыфиркин. Ничего.

Стародум. Как ничего?

Цыфиркин. Не возьму ничего. Он ничего не пере-
ЕЯЛ.

Стародум. Да тем не меньше тебе заплатить надобно.

Цыфиркин. Не за что. Я государю служил с лишком двадцать лет. За службу деньги брал, по-пустому не бирал и не возьму.

Стародум. Вот прямо добрый человек!

Стародум и Милон вынимают из кошельков деньги.

Правдин. Тебе не стыдно, Кутейкин?

Кутейкин (*потупя голову*). Посрамился, окаянный.

Стародум (*Цыфиркину*). Вот тебе, друг мой, за добрую душу.

Цыфиркин. Спасибо, ваше высокородие. Благодарен. Дарить меня ты волен. Сам, не заслужа, век не потребую.

Милон (*давая ему деньги*). Вот еще тебе, друг мой!

Цыфиркин. И еще спасибо.

Правдин дает также ему деньги.

Цыфиркин. Да за что, ваше благородие, жалуете?

Правдин. За то, что ты не походишь на Кутейкина.

Цыфиркин. И! Ваше благородие. Я солдат.

Правдин (*Цыфиркину*). Поди ж, мой друг, с Богом.

Цыфиркин отходит.

Правдин. А ты, Кутейкин, пожалуй-ка сюда завтра да потрудишься расчесться с самой госпожою.

Кутейкин (*выбегая*). С самою! Ото всего отсутствуюсь.

Вральман (*Стародуму*). Старофа слуха не остафите, фаше фысокоротие. Фосмите меня апять к сепе.

Стародум. Да ты, Вральман, и чаю, отстал и от лошадей?

Вральман. Эй, нет, мой патюшка! Шнучи с стешним хоснотам, касалось мне, што я фсе с лопатками.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и камердинер.

Камердинер (*Стародуму*). Карета ваша готова.

Вральман. Прикажишь мне дофести сепя?

Стародум. Поди садись на козлы.

Вральман отходит.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Г-жа Простакова, Стародум, Милон, Софья,
Правдин, Митрофан, Еремеевна.

Стародум (*к Правдину, держи руки Софьи и Милона*). Ну, мой друг! Мы едем. Пожелай нам...

Правдин. Всего счастья, на которое имеют право честные сердца.

Г-жа Простакова (*бросаясь обнимать сына*). Один ты остался у меня, мой сердечный друг, Митрофанушка!

Митрофан. Да отвяжись, матушка, как навязалась...

Г-жа Простакова. И ты! И ты меня бросаешь! А! неблагодарный! (*Упала в обморок.*)

Софья (*подбежав к ней*). Боже мой! Она без памяти.

Стародум (*Софье*). Помоги ей, помоги.

Софья и Еремеевна помогают.

Правдин (*Митрофану*). Негодница! Тебе ли грубить матери? К тебе ее безумная любовь и довела ее всего больше до несчастья.

Митрофан. Ды она как будто неведомо...

Правдин. Грубиян!

Стародум (*Еремеевне*). Что она теперь? Что?

Еремеевна (*посмотрев пристально на г-жу Простакову и всплеснув руками*). Очнется, мой батюшка, очнется.

Правдин (*Митрофану*). С тобой, дружок, знаю что делать. Пошел-ко служить...

Митрофан (*махнув рукою*). По мне, куда велят.

Г-жа Простакова (*очнувшись в отчаянии*). Погибла я совсем! Отнята у меня власть! От стыда никому глаз показать нельзя! Нет у меня сына!

Стародум (*указав на г-жу Простакову*). Вот зловария достойные плоды!

КОНЕЦ КОМЕДИИ.

Вопросы и задания

1. Как вы думаете, почему комедия начинается сценой с портным Тришкой? Что мы узнаем о жизни в доме Простаковых при внимательном прочтении первого действия?
2. Каковы отношения между людьми в этом доме? Как характеризуются персонажи комедии в явлении VIII четвертого действия? Какими средствами (юмор, ирония, сарказм и т. д.)

пользуется автор для этой характеристики? Про «экзамен» Митрофава сказано, что в этой сцене происходит столкновение истинного просвещения и воинствующего невежества. Согласны ли вы с этим? Почему?

3. В афише с перечислением действующих лиц указано: Простакова, жена его (госпожина Простакова). Между тем в комедии ее персонажи характеризуют себя иначе: «Это я, сестрин брат», «Я женин муж», «А я матушкин сын». Как вы это объясняете? Как вы думаете, почему полным хозяином поместья у Фонвизина оказывается не помещик, а помещица? Связано ли это со временем, когда создана комедия «Недоросль»?
4. Проследите, как развивается конфликт между положительными и отрицательными персонажами. Как в этом конфликте раскрывается идея комедии («Угнетать рабством себя подобных — незаконно»)?
5. Кто из действующих лиц, по вашему мнению, больше других удался Фонвизину? Почему?
6. Каковы трудности при чтении этой старой комедии? Чем сегодня интересен нам «Недоросль»?

ФОНВИЗИН И КЛАССИЦИЗМ

Творчество Фонвизина, в том числе знаменитая комедия «Недоросль», теснейшим образом связаны с особым направлением в литературе и в искусстве (живописи, архитектуре), зародившимся в ряде европейских стран в пору подъема абсолютизма (личной власти монархов, олицетворявших единство, целостность, суверенитет (независимость) государств) в начале XVII века и получившим название **классицизма** (от лат. *classicus* — образцовый). Влияние классицизма на художественную жизнь Европы XVII—XVIII вв. было широким, долговременным и в целом плодотворным.

В литературе классицизм наиболее полно проявился в лирике и в драматургии.

Классицизм считал, что нужно опереться на нормы прекрасного в античном искусстве, то есть в искусстве Древней Греции и Древнего Рима, которые были изложены в трудах Аристотеля, Горация и других мыслителей и поэтов древности и строго их соблюдать, не отступая от творческих правил. Эти нормы и правила требовали от искусства, в частности от литературы, ясности изло-

жения, точности выражения мыслей, порядка в построении произведений.

Классицизм отдавал предпочтение культуре перед дикостью и настаивал на том, что природа и жизнь, преобразованные человеком, выше природы и жизни естественной, не подверженной еще благородным усилиям человеческого ума, чувств, воли и рук.

Перед взором классицистов всегда стоял идеал прекрасной и возвышенной жизни, преображенной искусством человека, и противостоящий ему хаос дикой естественной жизни, управляемой непонятными и казавшимися дурными законами. Следовательно, классицизму было свойственно отражать жизнь в образах идеальных, тяготеющих ко всеобщей «норме», образу, которым в классицизме выступает классическая древность как пример совершенного и гармонического искусства.

Так как в реальной жизни обозначился конфликт между разумом и чувствами, то классицизм стремился к его разрешению и преодолению посредством гармонического и полного сочетания личных интересов человека с велениями разума и нравственного долга. При этом интересы государства считались главными и преобладающими над интересами отдельной личности.

Наибольшего расцвета в литературе классицизма первоначально достигла драма как род словесного и сценического искусства.

Драма (от греч. *drama* — «действие»), как известно, — один из трех родов литературы, наряду с эпосом и лирикой. Основу драмы, согласно изначальному смыслу слова, составляет действие. В драме перед зрителем или читателем разворачиваются явления, составляющие внешний мир.

События предстают в качестве живого, разворачивающегося в настоящем времени (на глазах зрителя!) действия, показанного через конфликты и в форме диалога. **Драматург** исключен из непосредственного действия и не может говорить от своего лица за исключением ремарок, поясняющих действие или поведение персонажей (например, когда то или иное действующее лицо произносит реплику в ответ на слова другого лица, драматург может помечать — «в сторону», т. е. желая скрыть свое мнение).

Классицистическая драма обладает рядом особенностей. Для того, что действие сохраняло логическую стройность, классицисты выдвинули требование «трех единств» — **единства места, единства времени и единства действия.**

Первые два единства очень просты и носили формальный характер, из-за чего впоследствии не удержались в драматических произведениях.

Единство места требует, чтобы действие происходило в одном помещении и не выходило за его пределы, например в одном доме, но в разных комнатах. Так, действие комедии «Горе от ума» совершается в доме Фамусова, но то в кабинете Фамусова, то в спальне Софии, то в гостиной, то на лестнице и т. д.

Единство времени предполагает, что действие должно начаться и закончиться в течение одних суток. Например, действие начинается с приезда Чацкого в дом Фамусовых утром, а завершается его отъездом ночью.

Единство действия — наиболее принципиальное и глубокое требование теории классицизма. Законы драмы требуют напряженности и сосредоточенности действия, обусловленного, как правило, характерами героев, особой строгости в ведении сюжета: действие в драме и поведение героев должно быть направлено к одной цели, сохранять связь и стройность композиции во всех сценах и деталях и быть единым, сопряженным с основным противоборством действующих лиц.

Такое правило к драматическому сюжету и получило название «единство действия». «Действие драмы, — писал В. Г. Белинский, — должно быть сосредоточено на одном интересе и быть чуждо побочных интересов...» Это означает, что в драме «все должно быть направлено к одной цели, к одному намерению».

Благодаря единству действия в драме особенно четко и последовательно прослеживается трехчленное развитие сюжета: **завязка** — развитие действия (включая кульминацию) — **развязка**. Внешним выражением последовательности течения драматического действия является членение драмы на акты, каждый из которых является завершенной ступенью разворачивающегося конфликта.

Классицизм строго придерживался так называемой иерархии жанров. Трагедия, ода, эпопея относились к «высоким жанрам». Комедия, басня, сатира — к «низким».

В жанре трагедии Франция выдвинула двух крупнейших драматургов — Пьера Корнеля и Жана Расина. В основе их произведений лежит столкновение личных интересов и гражданского долга. В жанре басни прославился Лафонтен, а в жанре комедии — Мольер. Они смеялись над пороками людей, над несправедливыми социальными и общественными условиями и отношениями.

С течением времени противоречия между личностью и государством все более обострялись. Критике стали подвергаться не только низшие слои населения, непросвещенные и не затронутые деятельностью могучего разума, но и дворянство и духовенство,

стоявшие на высокой ступени общества. Наступило время комедии.

В основе комического (и смеха) лежит закон несоответствия: мнимое противоположно истинному, иллюзия — реальности, ожидаемое — результату. Несоответствие может быть легко обнаружено между словами и делами, как в баснях Крылова, между неоправданно заниженным или чрезмерно преувеличенным событием, несоответствие между претензиями персонажа, как в случае госпожи Простаковой, и ее действительной сущностью. Именно на почве несоответствия вырастают такие свойства комедии, как гипербола, заостренность, абсурд, гротеск и ее «высокий», часто смешанный со слезами отчаяния, смех. Чем нелепее несоответствие, чем оно более фантастично, тем более реалистичной, жизненно достоверной должна быть обстановка действия. Только в этом случае комедия с ее мудрым и возвышающим смехом будет убедительной и нравственно действенной.

Все эти замечания относятся в полной мере и к России, и к русскому классицизму, который обладал рядом национальных особенностей.

В России классицизм возник в 1730—1750-е годы. Для русского классицизма свойственна национально-патриотическая тематика, гражданский пафос, который основывался на крепнущей мощи Русского государства и был связан с преобразованиями Петровской эпохи.

вопросы и задания

1. В чем заключались основные правила, законы классицизма?
2. Можете ли вы определить, какие свойства классицизма наследует Фонвизин и какие он отвергает или преобразует?
3. Согласны ли вы со следующим высказыванием П. А. Вяземского:

«В комедии „Недоросль“ автор имел уже цель важнейшую: гибельные плоды невежества, худое воспитание и злоупотребления домашней власти выставлены им рукою смелою и раскрашены красками самыми ненавистными. В „Бригадире“ автор дурачит порочных и глупцов, язвит их стрелами насмешки; в „Недоросле“ он уже не шутит, не смеется, а негодует на порок и клеймит его без пощады... Невежество..., в котором рос Митрофанушка, и примеры домашние должны были готовить в нем изверга, какова мать его, Простакова».

Роли Милона и Софьи бледны... Правдин чиновник; он разрезывает мечом закон сплетение действия, которое должно б

быть развязано соображениями автора, а не полицейскими мерами наместника. Кутейкин, Цифиркин и Вральман забавные карикатуры; последний и слишком карикатурен, хотя, к сожалению, и не совсем несбыточное дело, что в старину немец кучер попал в учителя в дом Простаковых...».

Успех комедии «Недоросль» был решительный. Нравственное действие ее несомненно. Некоторые из имен действующих лиц сделались нарицательными и употребляются доныне в народном обращении. В сей комедии так много действительности, что провинциальные предания именуют еще и ныне несколько лиц, будто служивших подлинниками автору. Мне самому случалось встретиться в провинциях с двумя или тремя живыми экземплярами Митрофанушки, то есть будто служившими образцом Фонвизину... Если правда, что князь Потемкин после первого представления «Недоросля» сказал автору: «Умри, Денис, или больше ничего уже не ищи!», то жаль, что эти слова оказались пророческими и что Фонвизин не писал уже более для театра» (Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 197—198, 214—222).

4. Почему, с точки зрения Вяземского, положительные герои получились у Фонвизина менее художественно убедительными, чем отрицательные?
5. Прокомментируйте мнение русского историка В. О. Ключевского из его размышления «Недоросль Фонвизина (Опыт исторического объяснения учебной пьесы)»:

«Можно без риска сказать, что Недоросль доселе не утратил значительной доли своей былой художественной власти ни над читателем, ни над зрителем, несмотря ни на свою наивную драматическую постройку, на каждом шагу обнаруживающую нитки, которыми сшита пьеса, ни на устарелый язык, ни на обветшавшие сценические условности екатерининского театра, несмотря даже на разлитую в пьесе душистую мораль оптимистов прошлого века. ...надобно осторожно смеяться над Митрофаном, потому что Митрофаны мало смешны и притом очень мстительны, и мстят они неудержимой размножаемостью и неуловимой пронизательностью своей природы, родственной насекомым или микробам.

Да я и не знаю, кто смешон в Недоросле. Г-н Простаков? Он только цемный, совершенно беспомощный бедняга, не без совестливой чуткости и прямоты юродивого, но без капли воли и с жалким до слез избытком трусости, заставляющей его подличать даже перед своим сыном. Тарас Скотинин тоже мало комичен: в человеке... для которого свиной хлев заменяет и храм науки, и домашний очаг, — что комичного в этом благородном российском дворянине, который из просветительского соревнования с любимыми животными доцивилизовался до

четверенск? Не комична ли сама хозяйка дома, госпожа Простакова, урожденная Скотинина? Это лицо в комедии, необыкновенно удачно задуманное психологически и превосходно выдержанное драматически... она глупа и труслива, т. е. жалка — по мужу, как Простакова, безбожна и бесчеловечна, т. е. отвратительна — по брату, как Скотинина. Недоросль — комедия не лиц, а положений. Ее лица комичны, но не смешны, комичны как роли, и вовсе не смешны как люди. Они могут забавлять, когда видишь их на сцене, но тревожат и огорчают, когда встретишь вне театра, дома или в обществе. Фонвизин заставил нечально-дурных и глупых людей играть забавно-веселые и часто умные роли.

Сила впечатления в том, что оно составляется из двух противоположных элементов: смех в театре сменяется тяжелым раздумьем по выходе из него» (Ключевский В. О. Исторические портреты: Деятели исторической мысли. — М., 1990. — С. 342—349).

В чем разница между суждениями Вяземского и Ключевского и кто из них, по вашему мнению, более прав? Или, возможно, у вас есть другая точка зрения?

- По каким признакам можно определить, что комедия «Недоросль» относится к классицистическим произведениям (единство времени, места...)?

Иван Андреевич КРЫЛОВ

1769—1844

И. А. Крылов вступил в самостоятельную жизнь с широким кругом интересов, разносторонними знаниями, с удивительной начитанностью в истории, философии, словесности. Ему были ведомы западноевропейская и русская культура.

В 1780-х — начале 1790-х годов он стал известен как сатирик. С первых дней литературной деятельности и до 1810-х годов на сценах домашних и профессиональных столичных театров с успехом шли его комедии «Подшипа», «Пирог», «Модная лавка», «Урок дочкам» и комическая опера «Илья-богатырь». Современники по праву видели в Крылове преемника Д. И. Фонвизина.

Дебют¹ Крылова в жанре басни, если не считать первых басен, созданных в конце XVIII века, совпал с патриотическим воодушевлением, охватившим русское общество в первые годы XIX столетия.

¹ Дебют — здесь: начало блистательного творчества.

«И. А. Крылов, А. П. Вяземский,
В. А. Жуковский, М. Ю. Лермонтов, В. Г. Белинский
на вечере у В. Ф. Одоевского».
Худ. В. Лебедев. 1947

В басне «Обоз» Крылов коснулся стратегии и тактики Кутузова. Известно, что великий полководец подвергался постоянным нападкам со стороны Александра I, выговоры от которого следовали один за другим.

Басни Крылова об Отечественной войне 1812 года «превращались в живую историю», донося до простых солдат и всех русских людей истинный смысл событий.

Тогда же происходило постепенное изменение в общественных и литературных взглядах Крылова, которое состояло в том, что, отбросив абстрактные представления о добре и зле, бедности и богатстве, писатель обратился к реальным отношениям людей в обществе и высказал суждения о них, исходя из конкретных нравственных оценок. Тем самым поэт во многом по-новому взглянул на действительность.

Крылов по-прежнему не принимал существующий порядок, но теперь полагал, что исторически сложившийся общественный строй изживает себя также исторически. Иначе говоря, он стоял за

постепенное ненасильственное развитие общества. Этот взгляд отразился во многих его баснях. Баснописец отвергал мнение тех, кто не учитывал народного жизненного опыта, кто исходил только из представлений своего ума, как, например, в басне «Лягушки, просящие царя».

Вопросы и задания

1. Что нового вы узнали о взглядах великого баснописца?
2. Что вам известно о Крылове (вспомните уроки в предыдущих классах)? Как прошло его детство? Какие басни вы знаете? О чем они?

Лягушки, просящие царя

Лягушкам стало не угодно
Правление народно,
И показалось им совсем не благородно
Без службы и на воле жить.
Чтоб горю пособить,
То стали у богов Царя они просить.
Хоть слушать всякий вздор богам бы и не сродно,
На сей, однако ж, раз послушал их Зевес:
Дал им Царя. Летит к ним с шумом Царь с небес,
И плотно так он треснулся на царство,
Что ходенем пошло трясиною государство:
Со всех Лягушки ног
В испуге пометались,
Кто как успел, куда кто мог,
И шепотом Царю по кельям дивовались.
И подлинно, что Царь на диво был им дан:
Не суетлив, не вертопрашен,
Степенен, молчалив и важен;
Дородством, ростом великан,
Ну, посмотреть, так это чудо!
Одно в Царе лишь было худо:
Царь этот был осиновый чурбан.
Сначала, чтя его особу превысоку,
Не смеет подступить из подданных никто:
Со страхом на него глядят они, и то

Украдкой, издали, сквозь айр¹ и осоку;
Но так как в свете чуда нет,
К которому б не пригляделся свет,
То и они сперва от страху отдохнули,
Потом к Царю подползть с преданностью дерзнули
Сперва перед Царем ничком;
А там, кто посмелей, дай сесть к нему бочком:
Дай попытаться сесть с ним рядом;
А там, которые еще поудалей,
К Царю садятся уж и задом.
Царь терпит все по милости своей.
Немного погода, посмотришь, кто захочет,
Тот на него и вскочит.
В три дня наскучило с таким Царем житье.
Лягушки новое челобитье,
Чтоб им Юпитер в их болотную державу
Дал подлинно Царя на славу!
Молитвам теплым их внемля,
Послал Юпитер к ним на царство Журавля.
Царь этот не чурбан, совсем иного нрава:
Не любит баловать народа своего;
Он виноватых ест: а на суде его
Нет правых никого;
Зато уж у него,
Что завтрак, что обед, что ужин, то расправа.
На жителей болот
Приходит черный год.
В Лягушках каждый день великий недочет.
С утра до вечера их Царь по царству ходит
И всякого, кого ни встретит он,
Тотчас засудит и — проглотит.
Вот пуще прежнего и кваканье, и стон,
Чтоб им Юпитер снова
Пожаловал Царя иного;
Что нынешний их царь глотает их, как мух;
Что даже им нельзя (как это ни ужасно!)
Ни носа выставить, ни квакнуть безопасно;
Что, наконец, их Царь тошнее им засух.
«Почто ж вы прежде жить счастливо не умели?
Не мне ль, безумные, — всцал им с неба глас, —

¹ Айр — травянистое растение.

Покоя не было от вас?
Не вы ли о Царе мне уши прошумели?
Вам дан был Царь? — так тот был слишком тих:
Вы взбунтовались в вашей луже,
Другой вам дан — так этот очень лих;
Живите ж с ним, чтоб не было вам хуже!»

Поразмышляем над прочитанным...

1. Известно, что эта басня И. А. Крылова является переработкой басни французского баснописца Лафонтена, а сюжет ее восходит к басне Эзопа.
2. Что же происходит в басне И. А. Крылова? Какие мысли русского баснописца отражены в ней? Почему нам смешно и грустно одновременно?
3. Каким рассказом начинается басня? В чем заключалось управление Царей, которые были посланы к Лягушкам?
4. Как вы объясните слова и строки басни: *пособить, осиновый чурбан, в Лягушках каждый день великий недочет, приходит черный год.*
5. В каких строчках заключена мораль басни? Кто ее произносит? В каких случаях в обычной жизни можно использовать слова этого морального вывода?
6. Подготовьте инсценированное чтение басни, выделив характерные черты персонажей.

Обоз

С горшками шел Обоз,
И надобно с крутой горы спускаться.
Вот, на горе других оставя дожидаться,
Хозяин стал сводить легонько первый воз.
Конь добрый на крестце почти его понес,
Катиться возу не давая;
А лошадь сверху, молодая,
Ругает бедного коня за каждый шаг:
«Ай, конь хваленый, то-то диво!
Смотрите: лепится, как рак;
Вот чуть не зацепил за камень; косо! криво!
Смелес! Вот толчок опять.
А тут бы влево лишь принять.
Какой осел! Добро бы было в гору

И. А. Крылов. «Обоз». Худ. А. Лаптев. 1944

Или в ночную пору, —
А то и под гору, и днем!
Смотреть, так выйдець из терпенья!
Уж воду бы таскал, коль нет в тебе уменья!
Гляди-тко нас, как мы махнем!
Не бойсь, минуты не потратим,
И возик свой мы не свезем, а скатим!»
Тут, выгнувши хребет и понатужа грудь,
Тронулася лошадка с возом в путь;
Но только под гору она перевалилась,
Воз начал напирать, телега раскатилась;
Коня толкает назад, коня кидает вбок;
Пустился конь со всех четырех ног
На славу
По камням, рывинам; пошли толчки,

Скачки,
Левей, левей, и с возом — бух в канаву!
Прощай, хозяйские горшки!

Как в людях многие имеют слабость ту же:
Все кажется в другом ошибкой нам;
А примешься за дело сам,
Так напроказишь вдвое хуже.

О БАСНЕ «ОБОЗ»

Басня касается стратегии и тактики Кутузова в Отечественной войне 1812 года. Полководец подвергался постоянным нападкам со стороны Александра I и военной молодежи из-за уклонений от решительных сражений под стенами Москвы и после сдачи ее Наполеону. Крылов оправдывает неспешные, но продуманные действия Кутузова, должные, как понимал баснописец, привести к полному краху Наполеона, и порицал повеления Александра I, торопившего Кутузова и толкавшего его к промахам и ошибкам. Не менее досадны были для Кутузова ропот и горькие нарекания его молодых сподвижников. Вероятно, Крылов не знал о словах, сказанных старым фельдмаршалом принцу Вюртембергскому: «Наши молодые горячие головы негодуют на старика, что я удерживаю их порывы. Они не обращают внимания на обстоятельства, которые делают гораздо более, нежели могло бы сделать наше оружие». Тем значительнее историческое, политическое и военное чутье Крылова, чья басня защищала Кутузова и его план от наскоков неопытных молодых людей. Их патриотические чувства были объяснимы, но не становились от этого истинными.

Тем самым под образом «коня доброго» Крылов имел в виду Кутузова с его осторожностью и выдержкой при отражении наполеоновского нашествия. Обратим внимание, что слова: «А примешься за дело сам, Так напроказишь вдвое хуже» — прозрачный намек на Александра I, по вине которого было проиграно Аустерлицкое сражение.

В. Коровин

1. О чем рассказывает басня «Обоз»? Какую картину она рисует?
2. В какой степени она напоминает ситуацию с Кутузовым, которого упрекал император за уклонение от решительных сражений? В какой части басня намекает на Аустерлицкое сражение?
3. Какова мораль басни Крылова и к каким жизненным обстоятельствам она может быть применима? Подготовьте небольшой рассказ на любую тему, закончив его моралью этой басни.

Кондратий Федорович РЫЛОВ

1795—1826

Кондратий Федорович Рылов родился 18 (29) сентября 1795 года. После окончания кадетского корпуса участвовал в 1814 и 1815 годах в заграничных походах русской армии. Именно в ту пору он, по собственному позднему признанию, первоначально «заразился свободомыслием». Русская действительность укрепила революционные убеждения будущего декабриста. В октябре 1823 года Рылов стал членом Северного тайного общества, ратовал за установление в России республиканского строя. Он был одним из организаторов, вдохновителей и руководителей восстания на Сенатской площади.

Наиболее ранние из известных нам поэтических опытов Рылова относятся к 1813—1814 годам. В первые семь лет своего творческого пути молодой поэт пробует силы в разных жанрах. Среди его произведений того времени — патриотическая ода и дружеское послание, элегии и песни, эпиграммы¹ и альбомные мелочи.

Осенью 1820 года появляется знаменитая сатира «К временщику». Она привлекла к себе огромное внимание современников и снискала ее автору популярность в передовых кругах русского общества. Поразившие всех как выдающееся проявление гражд-

¹ *Ода* — песни торжественного, приподнятого содержания. *Дружеское послание* — стихотворное письмо. *Элегии* — стихотворение печального характера, чаще всего от первого лица, без отчетливой композиции. *Эпиграмма* — короткое сатирическое стихотворение, направленное против конкретного лица, либо отклик на злободневное, чаще всего политическое событие.

данского мужества, стихи эти в литературном отношении были достаточно традиционны, других подобных сатир Рылеев не писал.

Интенсивная работа над думами¹ поглотила Рылеева. Только в 1822 году в печати появляется 13 дум, причем некоторые из них перепечатываются по 2—3 раза. Публикации рылеевских дум в журналах и выход книги привлекли к себе внимание литературной общественности и получили почти единодушную благожелательную оценку. Современники отмечали «народность и благородные чувствования, заключающиеся в думах Рылеева, его простой и естественный рассказ», «чистый и легкий язык, наставительные истины» и другие достоинства этих произведений.

Вопросы и задания

1. Когда началась литературная деятельность К. Ф. Рылеева?
2. Работа над каким жанром увидела поэта? Почему думы Рылеева получили почти единодушную благожелательную оценку литературной общественности?

Смерть Ермака

П. А. Муханов²

Под словом Сибирь разумеется ныне неизмеримое пространство от хребта Уральского до берегов Восточного океана. Некогда Сибирским царством называлось небольшое татарское владение, коего столица, Искер, находилась на реке Иртыше, впадающей в Обь. В половине XVI века сие царство зависело от России. В 1569 году царь Кучум был принят под руку Иоанна Грозного и обязался платить дань. Между тем сибирские татары и подвластные им остяки и вогуличи вторгались иногда в пермские области. Это заставило российское правительство обратить внимание на обеспечение сих украин укрепленными местами и умножением в них народонасе-

¹ Дума — эпико-лирический жанр украинского словесно-музыкального народного творчества. Тематика дум по преимуществу историческая. При создании своих дум К. Ф. Рылеев использовал поэтические приемы украинских народных дум.

² П. А. Муханов (1798—1871) — декабрист, историк.

ления. Богатые в то время купцы Строгановы получили во владение обширные пустыни на пределах Пермии: им дано было право заселить их и обработать. Свывая вольницу, сии деятельные помещики обратились к казакам, кои, не признавая над собою никакой верховной власти, грабили на Волге промышленников и куческие караваны. Летом 1579 года 540 сих удальцов пришли на берега Камы; предводителей у них было пятеро, главный назывался Ермак Тимофеев. Строгановы присоединили к ним 300 человек разных висельников, снабдили их порохом, свинцом и другими припасами и отравили за Уральские горы (в 1581 г.). В течение следующего года казаки разбили татар во многих сражениях, взяли Искер, пленили Кучумова племянника, царевича Маметкула, и около трех лет господствовали в Сибири. Между тем число их мало-помалу уменьшалось, много погибло от оплошности. Сверженный Кучум бежал в киргизские степи и замыслил способы истребить казаков. В одну темную ночь (3 августа 1584г.), при сильном дожде, он учинил неожиданное нападение: казаки защищались мужественно, но не могли стоять долго; они должны были уступить силе и внезапности удара. Не имея средств к спасению, кроме бегства, Ермак бросился в Иртыш, в намерении переплыть на другую сторону, и погиб в волнах. Летописцы представляют сего казака-героя крепкотелым, осанистым и широкоплечим, он был роста среднего, имел плоское лицо, быстрые глаза, черную бороду, темные и кудрявые волосы. Несколько лет после сего Сибирь была оставлена россиянами; потом пришли царские войска и снова завладели ею. В течение XVII века беспрерывные завоевания разных удальцов-предводителей отнесли пределы Российского государства к берегам Восточного океана.

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии летали,
Беспрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...
Кто славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

К. Ф. Рылеев. «Смерть Ермака», Худ. Б. Дехтерев

Товарищи его трудов,
Побед и громозвучной славы,
Среди раскинутых шатров
Беспечно спали близ дубравы.
«О, спите, спите, — мнил герой, —
Друзья, под бурю ревущей:
С рассветом глас раздастся мой,
На славу иль на смерть зовущий!»

Вам нужен отдых; сладкий сон
И в бурю храбрых успокоит;
В местах напомнит славу он
И силы ратников удвоит,
Кто жизни не щадил своей
В разбоях, злато добывая,
Тот думать будет ли о ней,
За Русь святую погибая?

Своей и вражьей кровью смыв
Все преступленья буйной жизни

И за победы заслужив
Благословения отчины, —
Нам смерть не может быть страшна;
Свое мы дело совершили:
Сибирь царю покорена,
И мы — не праздно в мире жили!»

Но роковой его удел
Уже сидел с героем рядом
И с сожалением глядел
На жертву любопытным взглядом.
Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии летали,
Беспрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Иртыш кипел в крутых бресах,
Вздымались седые волны,
И рассыпались с ревом в прах,
Бия о брег, козачьи челны.
С вождем покой в объятьях сна
Дружина храбрая вкушала;
С Кучумом буря лишь одна
На их погибель не дремала!

Страшась вступить с героем в бой,
Кучум и шатрам, как тать¹ презренный,
Прокрался тайною тропой,
Татар толпами окруженный.
Мечи сверкнули в их руках —
И окровавилась долина,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина...

Ермак воспрянул ото сна
И, гибель зря, стремится в волны,
Душа отвагою полна,
Но далеко от берега челны!
Иртыш волнуется сильней —
Ермак все силы нацеляет

¹ Тать — вор.

И мощною рукой своей
Валы седые рассекает...

Плывет... уж близко челнока —
Но сила року уступила,
И, закипев страшной, река
Героя с шумом поглотила.
Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцирь — дар царя
Стал гибели его виною.

Ревела буря... вдруг луной
Иртыш кипящий осребрился,
И труп, извергнутый волной,
В бронзе медяной озарился.
Носились тучи, дождь шумел,
И молнии еще сверкали,
И гром вдали еще гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Размышляем над прочитанным...

1. Подготовьте небольшой рассказ о Рылееве на основе прочитанного о нем в учебнике-хрестоматии, в словарях-справочниках и энциклопедиях.
2. С какой целью перед думой автор дает историческую справку? Какие события, о которых рассказывается в ней, отражены в произведении?
3. Каковы тема и идея думы Рылеева? Какие чувства стремится передать автор читателю?
4. О чем думает Ермак в ночь перед битвой? Как вы понимаете слова героя: «И мы — не праздно в мире жили!»?
5. Как вы понимаете слова и строки из произведения: *жертва, Иртыш кипел в крутых берегах, И ветры в дебрях бушевали, С вождем покой в объятьях сна Дружина храбрая вкушала, мать презренный?*
6. Как погибла дружина Ермака? В чем видит автор причину ее гибели и кого осуждает за это? Какие взгляды Рылеева проявились в думе?
7. Какой эпизод из думы «Смерть Ермака» изобразил художник В. Дехтерев?
8. Какие произведения устного народного творчества близки к думам Рылеева?

9. Дума — название заимствовано у поляков и украинцев. Так называли рыцарскую песню или народную лироэпическую песню. Думы делятся на две основные группы — исторические и социально-бытовые. К какой группе можно отнести думу Рылеева?

Развивайте дар слова

1. Подготовьтесь к выразительному чтению думы в классе, подчеркнув ее драматический характер.
2. Приходилось ли вам слышать исполнение песни на слова рылеевской думы? Какое настроение она у вас вызвала? Сравните тексты думы Рылеева и народной песни. Подготовьте устный или письменный отзыв на думу Рылеева «Смерть Ермака».

Александр Сергеевич ПУШКИН

1799—1837

История была неотъемлемой частью жизни и творчества поэта. Пушкину органически присущ историзм, включающий память его собственных предков, прошлое народа, место и роль России в мировой цивилизации и раздумья о ее будущем.

Пушкина интересовали важнейшие проблемы истории: народные движения, историческая роль царей, трагизм столкновения государственного и личного начал в истории. Его привлекали переломные моменты российской истории, яркие исторические личности, исторические события, насыщенные глубоким содержанием. Пушкинское отношение к истории было лишено черно-белых оценок и подходов.

Большое значение он придает силе народного мнения. В «Борисе Годунове» даже измученные голодом и поборами люди из народа способны не только на скорую расправу с ненавистными боярами, но и на сочувствие погибшим родственникам Годунова. Пушкин симпатизирует руководителям народных восстаний (Рагин, Пугачев), но отрицает бунт «бессмысленный и беспощадный». Он показывает Петра I как гениального реформатора, гениального полководца, основателя Петербурга, радетеля о науке и культуре, но, с другой стороны, сочувствует «маленькому человеку», незащищенному и страдающему («Медный всадник»). Понимая величие Петровских реформ и их историческую необходимость, Пушкин не мог смириться с подавлением личности и свободы простого человека.

Пушкин выступает не только автором художественных произведений на историческую тему («Капитанская дочка», «Мед-

ный всадник» и др.), но также историком («История Пугачевского бунта», «История Петра» и др.). По сути, он был первым историком крестьянской войны под предводительством Пугачева.

Пушкин внимательно изучает исторические документы (летописи, исторические повести и т. д.), над которыми трудится «ревностно и добросовестно». Источником его исторических взглядов были и устные исторические предания.

В то же время А. С. Пушкин следил за современной ему исторической наукой, откликаясь на труды русских историков. Он обращался к античной и всемирной истории. Все это помогло ему осознать место России в мировом историческом процессе.

Е. Иванов

Вопросы и задания

1. Какие проблемы истории интересовали Пушкина? Как поэт относился к истории? Какие произведения на исторические темы, созданные Пушкиным, вам известны? Каким событиям они посвящены?
2. Как вы понимаете высказывание поэта: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие»?
3. «В творчестве Шекспира, Гёте, Скотта Пушкина привлекало, — пишет литературовед Л. Фризман, — умение передать историческую действительность как подлинно жизненную правду». Как вы понимаете эти слова?
4. В каком произведении, изученном вами в 7-м классе, Пушкин рассказывает об одном из событий Древней Руси и отталкивается при этом от летописного источника? Расскажите об этом. В каком из произведений поэта идет диалог двух героев в келье Чудова монастыря? Кто эти герои и о чем они ведут разговор? О каком труде «усердном, безымянном» идет речь, и с какой целью создаются «правдивые сказанья»? Из каких произведений эти строки?

Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не пужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен...

...Младая кровь играет;
Смирять себя молитвой и постом,
И сны твои видений легких будут
Исполнены...

История Пугачевского бунта

Отрывки

ГЛАВА ВТОРАЯ

Появление Пугачева. — Бегство его из Казани. — Показание Кожешникова. — Первые успехи Самозванца. — Измена плечных казаков. — Взятие крепости Рассыпной. — Нурали-Хан. — Распоряжение Рейнсдорна. — Взятие Нижне-Озерной. — Взятие Татищевой. — Совет в Оренбурге. — Взятие Чернореченской. — Пугачев в Сакмарске.

В смутное сие время по казачьим дворам шатался неизвестный бродяга, нанимаясь в работники то к одному хозяину, то к другому и принимаясь за всякие ремесла. Он был свидетелем усмирения мятежа и казни зачинщиков, уходил на время в Иргизские скиты; оттуда, в конце 1772 года, послан был для закупки рыбы в Яицкий городок, где и стоял у казака Дениса Пьянова. Он отличался дерзостью своих речей, поносил начальство и подговаривал казаков бежать в области турецкого султана; он уверял, что и донские казаки не замедлят за ними последовать, что у него на границе заготовлено двести тысяч рублей и товару на семьдесят тысяч и что какой-то паша, тотчас по приходу казаков, должен им выдать до пяти миллионов; покамест обещал он каждому по двенадцати рублей в месяц жалованья. Сверх того, сказывал он, будто бы противу яицких казаков из Москвы идут два полка и что около Рождества или Крещения непременно будет бунт. Некоторые из послушных хотели его поймать и представить как возмутителя в комендантскую канцелярию; но он скрылся вместе с Денисом Пьяновым и был пойман уже в селе Малыковке (что ныне Волгск) по указанию крестьянина, ехавшего с ним одною дорогою. Сей бродяга был Емельян Пугачев, донской казак и раскольник, пришедший с ложным письменным видом из-за польской границы, с намерением поселиться на реке Иргизе посреди тамошних раскольников. Он был отослан под стражею в Симбирск, а оттуда в Казань; и как всё, относящееся к делам Яицкого войска, по тогдашним обстоятельствам могло казаться важным, то оренбургский губернатор и почел за нужное уведомить о том государственную Военную коллегия донесением от 18 января 1773 года.

Яицкие бунтовщики были тогда не редки, и казанское начальство не обратило большого внимания на присланного преступника. Пугачев содержался в тюрьме не строже прочих невольников. Между тем сообщники его не дремали.

<ОПИСАНИЕ ПОРТРЕТА>

...Емельян Пугачев, Зимовейской стапицы служилый казак, был сын Ивана Михайлова, умершего в давних годах. Он был сорока лет от роду, росту среднего, смугл и худощав; волосы имел темно-русые, бороду черную, небольшую и клином. Верхний зуб был вышибен еще в ребячестве, в кулачном бою. На левом виску имел он белое пятно, а на обеих грудях знаки, оставшиеся после болезни, называемой черною немочью. Он не знал грамоты и крестился по-раскольничьи. Лет тому десять женился он на казачке Софье Недюжиной, от которой имел пятеро детей. В 1770 году был он на службе во второй армии, находился при взятии Бендер и через год отпущен на Дон по причине болезни. Он ездил для излечения в Черкасск. По его возвращении на родину зимовейский атаман спрашивал его на станичном сбору, откуда взял он карюю лошадь, на которой приехал домой? Пугачев отвечал, что купил ее в Таганроге; но казаки, зная его беспутную жизнь, не поверили и послали его взять тому письменное свидетельство. Пугачев уехал. Между тем узнали, что он подговаривал некоторых казаков, поселенных под Таганрогом, бежать за Кубань. Положено было отдать Пугачева в руки правительству. Возвратясь в декабре месяце, он скрывался на своем хуторе, где и был пойман, но успел убежать; скитался месяца три неизвестно где; наконец, в Великом посту, однажды вечером пришел тайно к своему дому и постучался в окошко. Жена впустила его и дала знать о нем казакам. Пугачев был снова пойман и отправлен под караулом к сыщнику, старшине Макарову, в Нижнюю Чирекую станицу, а оттуда в Черкасск. С дороги он бежал опять и с тех пор уже на Дону не являлся. Из показаний самого Пугачева, в конце 1772 года приведенного в Канцелярию дворцовых дел, известно уже было, что после своего побега скрывался он за польской границей, в раскольничьей слободе Бетке; потом взял паспорт с Добрянского форпоста, сказавшись

Емельян Пугачев. Портрет, приложенный А. С. Пушкиным к изданию «Истории Пугачевского бунта»

выходцем из Польши, и пробрался на Яик, питаясь милостыней. — Все сии известия были обнародованы; между тем правительство запретило народу толковать о Пугачеве, коего имя волновало чернь. Сия временная полицейская мера имела силу закона до самого восшествия на престол покойного государя, когда разрешено было писать и печатать о Пугачеве. Доныне престарелые свидетели тогдашнего смятения неохотно отвечают на вопросы любопытных.

<ПУГАЧЕВ ПОД КУРМЫШЕМ>

...20 июля Пугачев под Курмышем переправился вплавь через Суру. Дворяне и чиновники бежали. Чернь астретила его на берегу с образами и хлебом. Ей прочтен возмутительный манифест. Инвалидная команда приведена была к Пугачеву. Майор Юрлов, начальник оной, и унтер-офицер, коего имя, к сожалению, не сохранилось, одни не захотели присягнуть и в глаза обличали самозванца. Их повесили и мертвых били цапгиками. Вдова Юрлова спасена была ее дворовыми людьми. Пугачев велел раздать

чувацам казенное вино; повесил несколько дворян, приведенных к нему крестьянами их, и пошел к Ядринску, оставя город под начальством четырех яицких казаков и дав им в распоряжение шестьдесят приставших к нему холопов. Он оставил за собою малую шайку для задержания графа Меллина. Михельсон, шедший к Арзамасу, отрядил Харина к Ядринску, куда спешил и граф Меллин. Пугачев, узнав о том, обратился к Алатырю; но, прикрывая свое движение, послал к Ядринску шайку, которая и была отбита воеводою и жителями, а после сего встречена графом Меллиным и совсем рассеяна. Меллин успел к Алатырю, мимоходом освободил Курмыш, где повесил несколько мятежников, а казака, назвавшегося воеводою, взял с собою, как языка. Офицеры инвалидной команды, присягнувшие самозванцу, оправдывались тем, что присяга дана была ими *не от искреннего сердца, но для наблюдения интереса ее императорского величества.*

<ПУГАЧЕВ ПОЙМАН...>

...Пугачев скитался по той же степи. Войска отовсюду окружали его; Меллин и Муфель, также перешедшие через Волгу, отрезывали ему дорогу к северу; легкий полевой отряд шел ему навстречу из Астрахани; князь Голицын и Мансуров преграждали его от Яика; Дуидуков с своими калмыками рыскал по степи; разъезды учреждены были от Гурьева до Саратова и от Черного до Красного Яра. Пугачев не имел средств выбраться из сетей, его стесняющих. Его сообщники, с одной стороны видя неминуемую гибель, а с другой — надежду на прощение, стали сговариваться и решились выдать его правительству.

Пугачев хотел идти к Каспийскому морю, надеясь как-нибудь пробраться в киргиз-кайсацкие степи. Казаки на то притворно согласились; но, сказав, что хотят взять с собою жен и детей, повезли его на Узени, обыкновенное убежище тамошних преступников и беглецов. 14 сентября они прибыли в селения тамошних староверов. Тут произошло последнее совещание. Казаки, не согласившиеся отдаться в руки правительства, рассеялись. Прочие пошли ко ставке Пугачева.

Пугачев сидел один в задумчивости. Оружие его висело в стороне. Услыша вошедших казаков, он поднял голову и

спросил, чего им надобно? Они стали говорить о своем отчаянном положении и между тем, тихо подвигаясь, старались загородить его от висевшего оружия. Пугачев начал опять их уговаривать идти к Гурьеву городку. Казаки отвечали, что они долго ездили за ним и что уже ему пора ехать за ними. «Что же? — сказал Пугачев, — вы хотите изменить своему государю?» — «Что делать!» — отвечали казаки и вдруг на него кинулись. Пугачев успел от них отбиться. Они отступили на несколько шагов. «*Я давно видел вашу измену*», — сказал Пугачев и, подозвав своего любимца, илецкого казака Творогова, протянул ему свои руки и сказал: «*аяжи!*» Творогов хотел ему скрутить локти назад. Пугачев не дался. «*Разве я разбойник?*» — говорил он гневно. Казаки посадили его верхом и повезли к Яицкому городку. Во всю дорогу Пугачев им угрожал мстью великого князя. Однажды нашел он способ высвободить руки, выхватил саблю и пистолет, ранил выстрелом одного из казаков и закричал, чтобы вязали изменников. Но никто уже его не слушал. Казаки, подъехав к Яицкому городку, послали уведомить о том коменданта. Казак Харчев и сержант Бардовский высланы были к ним навстречу, прижали Пугачева, посадили его в колодку и привезли в город, прямо к гвардии капитан-поручику Маврину, члену следственной комиссии.

Маврин допросил самозванца. Пугачев с первого слова открылся ему. «*Богу было угодно*, — сказал он, — *наказать Россию через мое окаянство*». — Велено было жителям собраться на городскую площадь; туда приведены были и бунтовщики, содержавшиеся в оковах. Маврин вывел Пугачева и показал его народу. Все узнали его; бунтовщики потудили головы. Пугачев громко стал их уличать и сказал: «*Вы погубили меня; вы несколько дней сряду меня упрашивали принять на себя имя покойного великого государя; я долго отрицался, а когда и согласился, то всё, что ни делал, было с вашей воли и согласия; вы же поступали часто без ведома моего и даже вопреки моей воли*». Бунтовщики не отвечали ни слова.

Суворов между тем прибыл на Узени и узнал от пустынников, что Пугачев был связан его сообщниками и что они повезли его к Яицкому городку. Суворов поспешил туда же. Ночью сбился он с дороги и нашел на огни, раскладенные в степи вооруженными киргизами. Суворов на них на-

пал и прогнал, потеряв несколько человек и между ими своего адъютанта Максимовича. Через несколько дней прибыл он в Яицкий городок. Симонов сдал ему Пугачева. Суворов с любопытством расспрашивал славного мятежника о его военных действиях и намерениях и повез его в Симбирск, куда должен был приехать и граф Панин.

Пугачев сидел в деревянной клетке на двухколесной телеге. Сильный отряд при двух пушках окружал его. Суворов от него не отлучался.

...Народ живо еще помнит кровавую пору, которую — так выразительно — прозвал он пугачевщиною.

«ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПОХА, РАЗВИТАЯ В ВЫМЫШЛЕННОМ ПОВЕСТВОВАНИИ»

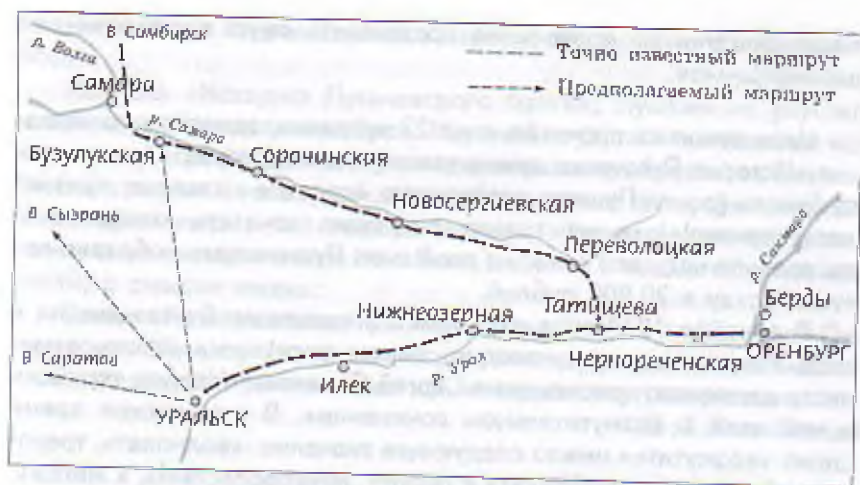
А. С. Пушкин заинтересовался событиями Пугачевского бунта (судя по его письму к брату) в 1824 году, во время михайловской ссылки; просил прислать известный, даже модный (хотя, как оказалось, полный нелепостей и вздора) роман «Ложный Петр III, или Жизнь и похождения бунтовщика Емельяна Пугачева».

Летом 1832 года (или, как полагают пушкинисты, несколько раньше) Пушкин набросал первый известный нам план повести или романа, в котором угадываются черты будущей «Капитанской дочки». Через некоторое время появился второй, а потом и третий; под ним — дата: «31 янв. 1833», но роман «не шел»... Почему? — Одну из причин видим в том, что Пушкин, скорее всего, не столь хорошо знал эпоху Пугачевского бунта, чтобы писать исторический роман.

Пушкин изучил газеты и книги и вскоре уже знал «все, что было обнародовано правительством касательно Пугачева».

В начале февраля 1833 года Пушкин обратился к военному министру графу Александру Ивановичу Чернышеву с просьбой о разрешении пользоваться материалами военного архива. Свое желание объяснил намерением писать «Историю генералиссимуса князя Италийского графа Суворова-Рымникского», но занимал Пушкина не блистательный полководец, а запрещенный «мужичий царь» Емелька Пугачев: истинные намерения до поры до времени приходилось скрывать.

Ответ пришел быстро — разрешение было получено. В конце февраля — начале марта Пушкин уже ознакомился с материалами

Карта-схема путешествия А. С. Пушкина

Секретной экспедиции Военной коллегии, архивными материалами Главного штаба, а в апреле приступил к «Истории Пугачева» и всего за пять недель вчерне завершил работу. Такая быстрота объясняется тем, что «История...» задумывалась, вероятно, как введение к роману, однако стремительно перерастала в самостоятельное исследование, не перечеркивающее замысел романа, но составляющее его выверенную историческую основу.

В сентябре Пушкин побывал в местах Пугачевского бунта — в Нижнем Новгороде, Казани, Симбирске, Оренбурге, Уральске, опрашивал стариков, современников и свидетелей крестьянской войны, записывал их рассказы, предания, песни; собирал материалы в провинциальных архивах.

В октябре приехал в Болдино; привел здесь в порядок бумаги, написал новое предисловие к «Истории Пугачева» и, вернувшись в Петербург, обратился к начальнику III отделения его императорского величества канцелярии генерал-адъютанту А. Х. Бенкендорфу с письмом:

«Милостивый государь
граф Александр Христофорович!

<...> Хотя я как можно реже старался пользоваться драгоценным мне дозволением утруждать внимание государя императора, но ныне осмеливаюсь просить на то высочайшего соизволения: я думал некогда написать исторический роман, относящийся ко времени Пугачева, но, нашед множество материалов, я оставил вымысел и написал историю Пугачевщины. Осмеливаюсь просить через

Ваше сиятельство дозволения представить оную на высочайшее рассмотрение».

Царь рукопись прочитал, внес 23 поправки, заметил, что название «История Пугачева» лучше заменить на «Историю Пугачевского бунта» (с чем Пушкин согласился: «царское название, признаемся, точнее!»), и не только разрешил печатать книгу, но и расходы по изданию отнес на свой счет: Пушкин заимообразно получил ссуду в 20 000 рублей.

В декабре 1834 года «История Пугачевского бунта» вышла в свет. Встретили книгу холодно. Тираж раскупался плохо, а министр народного просвещения Сергей Семенович Уваров «кричал» о ней «как о возмутительном сочинении». В пушкинское время слово «возмутить» имело следующее значение: «волновать, тревожить, беспокоить, побуждать к ропоту, неудовольствию, к мятежу, производить восстание».

Что же так взволновало, встревожило министра? Что «возмутительного» нашел он в «Истории Пугачевского бунта»? В чем вообще значение этого исторического труда великого Поэта России?

Пушкин первым пробил брешь в указе о предании вечному забвению самого имени Емельяна Пугачева. Он использовал не только официальные источники, малочисленные и откровенно враждебные бунтовщикам, но и неопубликованные, в том числе мемуарные, предоставленные друзьями, знакомыми, а также найденные или записанные им самим.

О восстании 1773—1774 годов Пушкин, гениальный ученик и последователь Николая Михайловича Карамзина, «рассказывал со всею верностию историка». Он создал первую в России научно-художественную летопись событий Пугачевского бунта, которая и по сей день не утратила своего значения; скорее, наоборот: исторических работ, объективно, без классовых или идеологических пристрастий анализирующих одну из самых трагичных страниц отечественной истории, у нас, к сожалению, нет до сих пор.

Пушкинское изображение мятежников и событий существенно отличалось от официальной точки зрения на восстание, потрясшее Россию, и Сергей Семенович Уваров о «возмутительном» характере «Истории Пугачевского бунта» «кричал» не случайно: пушкинский Пугачев не патологический изверг, вставший во главе людей, доведенных до крайности. Причины бунта (официальная историография их не называет) Пушкин склонен был видеть в производе чиновников, утеснявших казаков, в непродуманных и жестоких действиях правительственной администрации, в отсутствии зако-

нов, несвободе закрепощенного народа, беззащитного и бесправного.

Написав «Историю Пугачевского бунта», Пушкин не упустил «случая, чтобы сделать добро». Научный труд стал основанием исторического романа, в котором социальные проблемы и сами события отступают на второй план, ибо писателя в первую очередь интересуют люди — их миропонимание, характеры, их представления о вечных ценностях — о Боге, добре и зле, долге, чести, совести, о смысле жизни.

Роман «Капитанская дочка» неразрывно связан с «Историей Пугачевского бунта», хотя чаще всего эти произведения противопоставляют друг другу, не замечая или не видя их внутреннего единства.

В. А. Кожевников

Капитанская дочка

Береги честь смолоду.

Пословица.

ГЛАВА I

Сержант гвардии¹

- Был бы гвардии об завтра ж капитан.
- Того не надобно; пусть в армии послужит.
- Изрядно сказано! Пускай его потужит...

.....
Да кто его отец?

Княжнин².

Отец мой, Андрей Петрович Гринев, в молодости своей служил при графе Минихе³ и вышел в отставку премьер-майором⁴ в 17... году. С тех пор жил он в своей симбирской деревне, где и женился на девице Авдотье Васильевне Ю., дочери бедного тамошнего дворянина. Нас было девять

¹ *Гвардия* — специальные отборные войска. Первые гвардейские полки (Преображенский, Семеновский) появились в России при Петре I. В отличие от остального состава армии пользовались особыми преимуществами.

² *Я. Б. Княжнин* (1742—1791) — русский писатель, драматург.

³ *В. Х. Миних* (1683—1767) — военачальник и политический деятель XVIII века, командовал русскими войсками в войне с Турцией в 1735—1739 годах.

⁴ *Премьер-майор* — старинный офицерский чин (приблизительно соответствует должности помощника командира полка).

человек детей. Все мои братья и сестры умерли во младенчестве. Матушка была еще мною брюхата, как уже я был записан в Семеновский полк сержантом¹, по милости майора гвардии князя Б., близкого нашего родственника. Если б па-че всякого чаяния матушка родила дочь, то батюшка объявил бы куда следовало о смерти неявившегося сержанта, и дело тем бы и кончилось. Я считался в отпуску до окончания наук. В то время воспитывались мы не по-нынешнему. С пятилетнего возраста отдан я был на руки стремянному² Савельичу, за трезвое поведение пожалованному мне в дядьки³. Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого⁴ кобеля. В это время батюшка нанял для меня француза⁵, мосье⁶ Бопре, которого выписали из Москвы вместе с годовым запасом вина и прованского масла. Приезд его сильно не понравился Савельичу. «Слава Богу, — ворчал он про себя, — кажется, дитя умыт, причесан, накормлен. Куда как нужно тратить лишние деньги и нанимать мосье, как будто и своих людей не стало!»

Бопре в отечестве своем был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию pour être outchitel⁷, не очень понимая значение этого слова. Он был добрый малый, но ветрен и беспутен до крайности. Главную его слабость была страсть к прекрасному полу; нередко за свои нежности получал он толчки, от которых охал по целым суткам. К тому же не был он (по его выражению) и *врагом бутылки*, то есть (говоря по-русски) любил хлебнуть лишнее. Но как вино подавалось у нас только за обедом, и то по рюмочке, причем учителя обыкновенно и обносили⁸, то мой Бопре очень скоро привык к русской настойке и даже

¹ В XVIII веке дворянские дети с малых лет приписывались к какому-либо полку. Пока они росли, их повышали в чинах.

² *Стремянный* — слуга, ухаживавший за верховой лошастью своего господина.

³ *Дядька* — слуга, приставленный к мальчику в дворянской семье.

⁴ *Борзая* — охотничья собака особой породы.

⁵ Обычай приглашать иностранцев для воспитания детей широко распространился среди дворян в XVIII веке. Гонимая за модой, некультурные помещики часто нанимали воспитателями невежественных иностранцев.

⁶ *Мосье* (в просторечии *мусье*) (фр. monsieur) — господин.

⁷ Чтобы стать учителем. Русское слово *учитель* дано во французском написании для придания ему комического оттенка.

⁸ *Обносить* — здесь: приносить угощение мимо.

стал предпочитать ее винам своего отечества, как не в пример более полезную для желудка. Мы тотчас поладили, и хотя по контракту¹ обязан он был учить меня *по-французски, по-немецки и всем наукам*, но он предпочел наскоро выучиться от меня кое-как болтать *по-русски*, — и потом каждый из нас занимался уже своим делом. Мы жили душа в душу. Другого ментора² я и не желал. Но вскоре судьба нас разлучила, и вот по какому случаю.

Прачка Палашка, толстая и рябая девка, и кривая коровница Акулька как-то согласились в одно время кинуться матушке в ноги, винясь в преступной слабости и с плачем жалуясь на мусье, обольстившего их неопытность. Матушка шутить этим не любила и пожаловалась батюшке. У него расправа была коротка. Он тотчас потребовал каналью француза. Доложили, что мусье давал мне свой урок. Батюшка пошел в мою комнату. В это время Бопре спал на кровати сном невинности. Я был занят делом. Надобно знать, что для меня выписана была из Москвы географическая карта. Она висела на стене безо всякого употребления и давно соблазняла меня шириною и добротою бумаги. Я решился сделать из нее змей и, пользуясь сном Бопре, принялся за работу. Батюшка вошел в то самое время, как я прилаживал мочальный хвост к Мысу Доброй Надежды. Увидя мои упражнения в географии, батюшка дернул меня за ухо, потом подбежал к Бопре, разбудил его очень неосторожно и стал осыпать укоризнами. Бопре в смятении хотел было привстать и не мог: несчастный француз был мертво пьян. Семь бед, один ответ. Батюшка за ворот приподнял его с кровати, вытолкал из дверей и в тот же день прогнал со двора, к неописанной радости Савельича.

Тем и кончилось мое воспитание.

Я жил недорослем, гоня голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками. Между тем минуло мне шестнадцать лет. Тут судьба моя переменилась.

Однажды осенью матушка варила в гостиной медовое варенье, а я, облизываясь, смотрел на хидучие пенки. Ба-

¹ *Контракт* — договор, письменное соглашение.

² *Ментор* — наставник, воспитатель (от собственного имени героя древнегреческой поэмы «Одиссея», воспитателя сына мифического царя Одиссея).

тютюшка у окна читал Придворный календарь¹, ежегодно им получаемый. Эта книга имела всегда сильное на него влияние: никогда не перечитывал он ее без особенного участия, и чтение это производило в нем всегда удивительное волнение желчи². Матушка, зная наизусть все его свичай и обычай³, всегда старалась засунуть несчастную книгу как можно подалее, и таким образом Придворный календарь не попадался ему на глаза иногда по целым месяцам. Зато, когда он случайно его находил, то, бывало, по целым часам не выпускал из своих рук. Итак, батюшка читал Придворный календарь, изредка пожимая плечами и повторяя вполголоса: «Генерал-поручик⁴!.. Он у меня в роте был сержантом!.. Обоих российских орденов кавалер⁵!.. А давно ли мы?..» Наконец батюшка швырнул календарь на диван и погрузился в задумчивость, не предвещавшую ничего доброго.

Вдруг он обратился к матушке: «Авдотья Васильевна, а сколько лет Петруше?»

— Да вот пошел семнадцатый годок, — отвечала матушка. — Петруша родился в тот самый год, как окривела тетюшка Настасья Герасимовна, и когда еще...

— Добро, — прервал батюшка, — пора его в службу. Полно ему бегать по девичьим да лазить на голубятни.

Мысль о скорой разлуке со мною так поразила матушку, что она уронила ложку в кастрюльку, и слезы потекли по ее лицу.

Напротив того, трудно описать мое восхищение. Мысль о службе сливалась во мне с мыслями о свободе, об удовольствиях петербургской жизни. Я воображал себя офицером гвардии, что, по мнению моему, было верхом благополучия человеческого.

Батюшка не любил ни перемывать свои намерения, ни откладывать их исполнение. День отъезду моему был на-

¹ *Придворный календарь* (годы издания 1735—1917), помимо календарных и других сведений, содержал списки высших военных и гражданских чинов, роспись дворцовых приемов и др.

² Т. е. вызывало раздражение, злобу.

³ *Свичай и обычай* (устар.) — привычки.

⁴ *Генерал-поручик* — один из высших военных чинов царской армии.

⁵ *Кавалер* — лицо, награжденное орденом. Имеются в виду два высших российских ордена — Андрея Первозванного и Александра Невского.

значит. Накануне батюшка объявил, что намерен писать со мною к будущему моему начальнику, и потребовал пера и бумаги.

— Не забудь, Андрей Петрович, — сказала матушка, — поклониться и от меня князю Б.; я, дескать, надеюсь, что он не оставит Петрушу своими милостями.

— Что за вздор! — отвечал батюшка нахмурясь. — К какой стати стану я писать к князю Б.?

— Да ведь ты сказал, что изволишь писать к начальнику Петруши.

— Ну, а там что?

— Да ведь начальник Петрушин — князь Б. Ведь Петруша записан в Семеновский полк.

— Записан! А мне какое дело, что он записан? Петруша в Петербург не поедет. Чему научится он, служа в Петербурге? Мотать¹ да повесничать? Нет, пускай послужит он в армии, да потянет ляжку, да понюхает пороху, да будет солдат, а не шаматон². Записан в гвардии! Где его паспорт? Подай его сюда.

Матушка отыскала мой паспорт, хранившийся в ее шкапулке вместе с сорочкою, в которой меня крестили, и вручила его батюшке дрожащею рукою. Батюшка прочел его со вниманием, положил перед собой на стол и начал свое письмо.

Любопытство меня мучило: куда же отправляют меня, если уж не в Петербург? Я не сводил глаз с пера батюшкина, которое двигалось довольно медленно. Наконец он кончил, запечатал письмо в одном пакете с паспортом, снял очки и, подозвав меня, сказал: «Вот тебе письмо к Андрею Карловичу Р., моему старинному товарищу и другу. Ты едешь в Оренбург служить под его начальством».

Итак, все мои блестящие надежды рушились! Вместо веселой петербургской жизни ожидала меня гарнизонная скука в стороне глухой и отдаленной. Служба, о которой за минуту думал я с таким восторгом, показалась мне тяжелым несчастьем. Но спорить было нечего! На другой день поутру подвезена была к крыльцу дорожная кибитка³; уло-

¹ Мотать — безрассудно тратить деньги на развлечения и удовольствия.

² Шаматон (разг., устар.) — гуляка, шалопай, бездельник.

³ Кибитка — крытая повозка.

жили в нее чемодан, погребец¹ с чайным прибором и узлы с булками и пирогами, последними знаками домашнего ба-ловства. Родители мои благословили меня. Батюшка ска-зал мне: «Прощай, Петр. Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на служ-бу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смόлоду». Матуш-ка в слезах наказывала мне беречь мое здоровье, а Савель-ичу смотреть за дитятей. Надели на меня заячий тулуп, а сверху лисью шубу. Я сел в кибитку с Савельичем и отпра-вился в дорогу, обливаясь слезами.

В ту же ночь приехал я в Симбирск, где должен был про-быть сутки для закупки нужных вещей, что и было поруче-но Савельичу. Я остановился в трактире. Савельич с утра от-правился по лавкам. Соскуча глядеть из окна на грязный переулок, я пошел бродить по всем комнатам. Вошел в бил-лиардную, увидел я высокого барина, лет тридцати пяти, с длинными черными усами, в халате, с кием² в руке и с труб-кой в зубах. Он играл с маркером³, который при выигрыше выпивал рюмку водки, а при проигрыше должен был лезть под бильярд на четверинках. Я стал смотреть на их игру. Чем далее она продолжалась, тем прогулки на четверинках становились чаще, пока, наконец, маркер остался под бил-лиардом. Барин произнес над ним несколько сильных выра-жений в виде надгробного слова и предложил мне сыграть партию. Я отказался по неумению. Это показалось ему, по-видимому, странным. Он поглядел на меня как бы с со-жалением; однако мы разговорились. Я узнал, что его зовут Иваном Ивановичем Зуриным, что он ротмистр⁴ гусарского полка и находится в Симбирске при приеме рекрут⁵, а стоит в трактире. Зурин пригласил меня отобедать с ним вместе чем Бог послал, по-солдатски. Я с охотой согласился. Мы сели за стол. Зурин пил много и потчевал и меня, говоря,

¹ *Погребец* (устар.) — дорожный сундучок для посуды и съестных припасов.

² *Кий* — палка, употребляемая в бильярдной игре.

³ *Маркёр* (фр.) — лицо, прислуживающее при бильярде.

⁴ *Ротмистр* — офицерский чин в кавалерии (соответствовал чину капита-на в пехоте).

⁵ *Рекрут* (устар.) — солдат-позобранец. Лицо, только что призванное на военную службу. Здесь употреблена устаревшая форма родительного па-дежа множественного числа (вместо *рекрутов*).

что надобно привыкать ко службе; он рассказывал мне армейские анекдоты, от которых я со смеху чуть не валялся, и мы встали из-за стола совершенными приятелями. Тут вызвался он выучить меня играть на бильярде. «Это, — говорил он, — необходимо для нашего брата служивого. В походе, например, придешь в местечко — чем прикажешь заняться?.. Поневолу пойдешь в трактир и станешь играть на бильярде; а для того надобно уметь играть!» Я совершенно был убежден и с большим прилежанием принялся за учение. Зурин громко ободрял меня, дивился моим быстрым успехам и, после нескольких уроков, предложил мне играть в деньги, по одному грошу¹, не для выигрыша, а так, чтобы только не играть даром, что, по его словам, самая скверная привычка. Я согласился и на то, а Зурин велел подать пуншу² и уговорил меня попробовать, повторяя, что к службе надобно мне привыкать; а без пуншу что и служба! Я послушался его. Между тем игра наша продолжалась. Чем чаще прихлебывал я от моего стакана, тем становился отважнее. Шары поминутно летали у меня через борт; я горячился, бранил маркера, который считал Бог ведает как, час от часу умножал игру, словом, — вел себя как мальчишка, вырвавшийся на волю. Между тем время прошло незаметно. Зурин взглянул на часы, положил кий и объявил мне, что я проиграл сто рублей. Это меня немножко смутило. Деньги мои были у Савельича. Я стал извиняться. Зурин меня прервал: «Помилуй! Не изволь и беспокоиться. Я могу и подождать, а покамест поедем к Аринушке».

Что прикажете? День я кончил так же беспутно, как и начал. Мы отужинали у Аринушки. Зурин поминутно мне подливал, повторяя, что надобно к службе привыкать. Встав из-за стола, я чуть держался на ногах; в полночь Зурин отвез меня в трактир.

Савельич встретил нас на крыльце. Он ахнул, увидя несомненные признаки моего усердия к службе. «Что это, сударь, с тобою сделалось? — сказал он жалким голосом, — где ты это нагрузился? Ахти, Господи! отроду такого греха не бывало!» — «Молчи, хрыч! — отвечал я ему, запинаясь, — ты, верно, пьян, пошел спать... и уложи меня».

¹ Грош — в XVIII веке монета в две копейки.

² Пунш — напиток из рома, кипящего с сахаром, водой и фруктовыми приправами.

На другой день я проснулся с головной болью, смутно припоминая себе вчерашние происшествия. Размышления мои прерваны были Савельичем, вошедшим ко мне с чашкою чая. «Рано, Петр Андреич, — сказал он мне, качая головою, — рано начинаешь гулять. И в кого ты пошел? Кажется, ни батюшка, ни дедушка пьяницами не бывали; о матушке и говорить нечего: отроду, кроме квасу, в рот ничего не изволила брать. А кто всему виноват? проклятый мусье. То и дело, бывало, к Антипьевне забежит: „Мадам, же ву при!, водкою!“ Вот тебе и же ву при! Нечего сказать: добру наставил, собачий сын. И нужно было нанимать в дядьки басурмана, как будто у барина не стало и своих людей!»

Мне было стыдно. Я отвернулся и сказал ему: «Поди вон, Савельич; я чаю не хочу». Но Савельича мудро было унять, когда, бывало, примется за проповедь. «Вот видишь ли, Петр Андреич, какво подгуливать. И голове-то тяжело, и кушать-то не хочется. Человек пьющий ни на что не годен... Выпей-ка огуречного рассолу с медом, а всего лучше опохмелиться подстаканчиком настойки. Не прикажешь ли?»

В это время мальчик вошел и подал мне записку от И. И. Зурина. Я развернул ее и прочел следующие строки:

«Любезный Петр Андреевич, пожалуйста, пришли мне с моим мальчиком сто рублей, которые ты мне вчера проиграл. Мне крайняя нужда в деньгах.

Готовый к услугам
Иван Зурин».

Делать было нечего. Я взял на себя вид равнодушный и, обратясь к Савельичу, который был *и денег, и белья, и дел моих рачитель*², приказал отдать мальчику сто рублей. «Как! зачем?» — спросил изумленный Савельич. — «Я их ему должен», — отвечал я со всевозможной холодностью. «Должен! — возразил Савельич, час от часу приведенный в большее изумление, — да когда же, сударь, успел ты ему задолжать? Дело что-то неладно. Воля твоя, сударь, а денег я не выдам».

¹ Сударыня, я вас прошу (фр.).

² «*И денег, и белья, и дел моих рачитель*» — цитата из стихотворного «Послания к слугам моим» Д. И. Фоявизина. *Рачитель* (кшжп., устар.) — человек, заботящийся о чем-либо, ведающий чем-либо.

Я подумал, что если в сию¹ решительную минуту не переспору упрямого старика, то уж в последствии времени трудно будет мне освободиться от его опеки, и, взглянув на него гордо, сказал: «Я твой господин, а ты мой слуга. Деньги мои. Я их проиграл, потому что так мне вздумалось. А тебе советую не умничать и делать то, что тебе приказывают».

Савельич так был поражен моими словами, что сплеснул руками и остолбенел. «Что же ты стоишь!» — закричал я сердито. Савельич заплакал. «Батюшка Петр Андреич, — произнес он дрожащим голосом, — не умори меня с печали. Свет ты мой! послушай меня, старика: напиши этому разбойнику, что ты пошутил, что у нас и денег-то таких не водится. Сто рублей! Боже ты милостивый! Скажи, что тебе родители крепко-накрепко заказали не играть, кроме как в орехи...» — «Полно врать², — прервал я строго, — подавай сюда деньги, или я тебя взащеи прогоню».

Савельич поглядел на меня с глубокой горестью и пошел за моим долгом. Мне было жаль бедного старика; но я хотел вырваться на волю и доказать, что уж я не ребенок. Деньги были доставлены Зурину, Савельич поспешил вывезти меня из проклятого трактира. Он явился с известием, что лошади готовы. С беспокойной совестью и с безмолвным раскаянием выехал я из Симбирска, не простясь с моим учителем и не думая с ним уже когда-нибудь увидеться.

ГЛАВА II Вожатый

Сторона ль моя, сторонюшка,
Сторона незнакома!
Что не сам ли я на тебя зашел,
Что не добрый ли да меня конь
завез:
Завезла меня, доброго молодца,
Прытость, бодрость молодецкая
И хмелинушка кабацкая.

Старинная песня.

Дорожные размышления мои были не очень приятны. Проигрыш мой, по тогдашним ценам, был немаловажен. Я не мог не признаться в душе, что поведение мое в сим-

¹ Сей, сия, сие (устар.) — этот, эта, это.

² Врать — здесь (устар.): болтать.

бирском трактире было глупо, и чувствовал себя виноватым перед Савельичем. Все это меня мучило. Старик угрюмо сидел на облучке¹, отворотясь от меня, и молчал, изредка только покрякивая. Я непременно хотел с ним помириться и не знал, с чего начать. Наконец я сказал ему:

— Ну, ну, Савельич! полно, помиримся, виноват, вижу сам, что виноват. Я вчера напроказил, а тебя напрасно обидел. Обещаюсь вперед вести себя умнее и слушаться тебя. Ну, не сердись; помиримся.

— Эх, батюшка Петр Андреич! — отвечал он с глубоким вздохом. — Сержусь-то я на самого себя; сам я кругом виноват. Как мне было оставлять тебя одного в трактире! Что делать? Грех попутал: вздумал забрести к дьячихе, повидаться с кумою. Так-то: зашел к куме, да засел в тюрьме. Веда да и только! Как покажусь я на глаза господам? Что скажут они, как узнают, что дитя пьет и играет.

Чтобы утешить бедного Савельича, я дал ему слово впредь без его согласия не располагать ни одною копейкою. Он мало-помалу успокоился, хотя все еще изредка ворчал про себя, качая головою: «Сто рублей! легко ли дело!»

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересеченные холмами и оврагами. Все покрыто было снегом. Солнце садилось. Кибитка ехала по узкой дороге, или точнее по следу, проложенному крестьянскими санями. Вдруг ямщик стал поглядывать в сторону и наконец, сняв шапку, оборотился ко мне и сказал:

— Барин, не прикажешь ли воротиться?

— Это зачем?

— Время ненадежно: ветер слегка подымается; вишь, как он сметает порошу².

— Что ж за беда!

— А видишь там что? (Ямщик указал кнутом на восток.)

— Я ничего не вижу, кроме белой стены да ясного неба.

— А вон — вон; это облачко.

¹ *Облучки* — сиденье для кучера в повозке.

² *Порощи* — только что вывавший снег.

Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое принял было сперва за отдаленный холмик. Ямщик изъяснил мне, что облачко предвещало бурю.

Я слышал о тамошних метелях и знал, что целые обозы бывали ими занесены. Савельич, согласно с мнением ямщика, советовал воротиться. Но ветер показался мне не силен; я понадеялся добраться заблаговременно до следующей станции¹ и велел ехать скорее.

Ямщик поскакал; но все поглядывал на восток. Лошади бежали дружно. Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегалась небо. Пошел мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось с снежным морем. Все исчезло. «Ну, барин, — кричал ямщик, — беда: буря!»...

Я выглянул из кибитки: все было мрак и вихрь. Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным; снег засыпал меня и Савельича; лошади шли шагом — и скоро стали.

— Что же ты не едешь? — спросил я ямщика с нетерпением.

— Да что ехать? — отвечал он, слезая с облучка, — невесть и так куда заехали: дороги нет, и мгла кругом.

Я стал было его бранить. Савельич за него заступился.

— И охота было не слушаться, — говорил он сердито, — воротился бы на постоялый двор, накушался бы чаю, почивал бы себе до утра, буря б утихла, отправились бы далее. И куда спешим? Добро бы на свадьбу! — Савельич был прав. Делать было нечего. Снег так и валил. Около кибитки подымался сугроб. Лошади стояли, понуря голову и изредка вздрагивая. Ямщик ходил кругом, от нечего делать улаживая упряжь. Савельич ворчал; я глядел во все стороны, надеясь увидеть хоть признак жила² или дороги, но ничего не мог различить, кроме мутного кружения метели... Вдруг увидел я что-то черное.

— Эй, ямщик! — кричал я, — смотри: что там такое чернеется?

¹ Станция — пункт остановки и смены лошадей на больших дорогах, почтовых трактах.

² Жило (устар.) — жилье.

Ямщик стал всматриваться.

— А Бог знает, барин, — сказал он, садясь на свое место, — воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волк, или человек.

Я приказал ехать на незнакомый предмет, который тотчас стал подвигаться нам навстречу. Через две минуты мы поравнялись с человеком.

— Гей, добрый человек! — закричал ему ямщик. — Скажи, не знаешь ли, где дорога?

— Дорога-то здесь; я стою на твердой полосе, — отвечал дорожный, — да что толку?

— Послушай, мужичок, — сказал я ему, — знаешь ли ты эту сторону? Возьмешься ли ты довести меня до ночлега?

— Сторона мне знакомая, — отвечал дорожный, — слава Богу, искожена и изъезжена вдоль и поперек. Да, вишь, какая погода: как раз собьешься с дороги. Лучше здесь остановиться да переждать, авось буран утихнет да небо прояснится: тогда найдем дорогу по звездам.

Его хладнокровие ободрило меня. Я уже решился, предав себя Божией воле, ночевать посреди степи, как вдруг дорожный сел проворно на облучок и сказал ямщику: «Ну, слава Богу, жило недалеко; сворачивай вправо да поезжай».

— А почему ехать мне вправо? — спросил ямщик с неудовольствием. — Где ты видишь дорогу? Небось: лошади чужие, хомут не свой, погоняй не стой. — Ямщик казался мне прав.

«В самом деле, — сказал я, — почему думаешь ты, что жило недалече?» — «А потому, что ветер оттоле потянул, — отвечал дорожный, — и я слышу, дымом пахнуло; знать, деревня близко». Смелливость его и тонкость чутья меня изумили. Я велел ямщику ехать. Лошади тяжело ступали по глубокому снегу. Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушаясь в овраг и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это похоже было на плавание судна по бурному морю. Савельич охал, поминутно толкаясь о мой бок. Я опустил циновку¹, закутался в шубу и задремал, убаюканный пением бури и качкою тихой езды.

¹ Циновка — являющаяся из шестовой рогожл.

Мне приснился сон, которого никогда не мог я позабыть и в котором до сих пор вижу нечто пророческое, когда соображаю¹ с ним страшные обстоятельства моей жизни. Читатель извинит меня: ибо, вероятно, знает по опыту, как сродно человеку предаваться суеверию, несмотря на всевозможное презрение к предрассудкам.

Я находился в том состоянии чувств и души, когда существенность², уступая мечтаньям, сливается с ними в неясных видениях первосония. Мне казалось, буран еще свирепствовал и мы еще блуждали по снежной пустыне... Вдруг увидел я ворота и въехал на барский двор нашей усадьбы. Первою мыслию моею было опасение, чтоб батюшка не прогневался на меня за невольное возвращение под кровлю родительскую и не почел бы его умышленным ослушанием. С беспокойством я выпрыгнул из кибитки и вижу: матушка встречает меня на крыльце с видом глубокого огорчения. «Тише, — говорит она мне, — отец болен при смерти и желает с тобою проститься». Пораженный страхом, я иду за нею в спальню. Вижу, комната слабо освещена; у постели стоят люди с печальными лицами. Я тихонько подхожу к постели, матушка приподнимает полог и говорит: «Андрей Петрович, Петруша приехал: он воротился, узнав о твоей болезни; благослови его». Я стал на колени и устремил глаза мои на больного. Что ж?.. Вместо отца моего вижу в постели лежит мужик с черной бородою, весело на меня поглядывая. Я в недоумении оборотился к матушке, говоря ей: «Что это значит? Это не батюшка. И к какой мне стати просить благословения у мужика?» — «Все равно, Петруша, — отвечала мне матушка, — это твой посажёный отец; поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит...» Я не соглашался. Тогда мужик вскочил с постели, выхватил топор из-за спины и стал махать во все стороны.

Я хотел бежать... и не мог; комната наполнилась мертвыми телами; я спотыкался о тела и скользил в кровавых лужах... Страшный мужик ласково меня окликал, говоря:

¹ *Соображаю* — здесь: сопоставляю, согласую.

² *Существенность* (устар.) — действительность, окружающий мир, лвь.

«Не бойсь, подойди под мое благословение...» Ужас и недоумение овладели мною... И в эту минуту я проснулся; лошади стояли; Савельич держал меня за руку, говоря: «Выходи, сударь: приехали».

— Куда приехали? — спросил я, протирая глаза.

— На постоялый двор. Господь помог, наткнулись прямо на забор. Выходи, сударь, скорее да обогрейся.

Я вышел из кибитки. Буран еще продолжался, хотя с меньшею силою. Было так темно, что хоть глаз выколи. Хозяин встретил нас у ворот, держа фонарь под полою, и ввел меня в горницу, тесную, но довольно чистую; лучина освещала ее. На стене висела винтовка и высокая казачья шапка.

Хозяин, родом яицкий¹ казак, казался мужик лет шестидесяти, еще свежий и бодрый. Савельич внес за мною погребец, потребовал огня, чтобы готовить чай, который никогда так не казался мне нужен. Хозяин пошел хлопотать.

— Где же вожатый? — спросил я у Савельича.

— Здесь, ваше благородие, — отвечал мне голос сверху.

Я взглянул на полаты и увидел черную бороду и два сверкающих глаза.

— Что, брат, прозяб?

— Как не прозябнуть в одном худеньком армяке! Был тулун, да что греха таить? заложил вечер у целовальника², мороз показался не велик.

В эту минуту хозяин вошел с кипящим самоваром; и предложил вожатому нашему чашку чаю; мужик слез с полатей. Царужность его показалась мне замечательна. Он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В черной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское. Волоса были обстрижены в кружок; на нем был оборванный армяк и татарские шаровары. Я поднес ему чашку чаю; он отведал и поморщился. «Ваше благородие, сделайте мне такую милость — прикажите поднести стакан вина; чай не наше казацкое

¹ Яицкий — живущий на реке Яик (после Пугачевского восстания Яик был переименован Екатериной II в Урал, чтобы само название реки не напоминало о Пугачеве).

² Целовальник (устар.) — продавец вина в штейных домах, кабаках.

питье». Я с охотой исполнил его желание. Хозяин вынул из ставца¹ штоф² и стакан, подошел к нему и, взглянув ему в лицо: «Эхэ, — сказал он, — опять ты в нашем краю! Отколе Бог принес?» Вожатый мой мигнул значительно и ответил поговоркою: «В огороде летал, конопля клевал; швырнула бабушка камушком — да мимо. Ну, а что ващи?»

— Да что наши! — отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. — Стали было к вечерне³ звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте⁴.

— Молчи, дядя, — возразил мой бродяга, — будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит. Ваше благородие! за ваше здоровье! — При сих словах он взял стакан, перекрестился и выпил одним духом. Потом поклонился мне и воротился на полати.

Я ничего не мог тогда понять из этого воровского разговора, но после уж догадался, что дело шло о делах Яицкого войска, в то время только что усмиреного после бунта 1772 года. Савельич слушал с видом большого неудовольствия. Он посматривал с подозрением то на хозяина, то на вожатого. Постоялый двор, или, по-тамошнему, *умет*, находился в стороне, в степи, далече от всякого селения, и очень походил на разбойническую пристань⁵. Но делать было нечего. Нельзя было и подумать о продолжении пути. Беспокойство Савельича очень меня забавляло. Между тем я расположился ночевать и лег на лавку. Савельич решился убраться на печь; хозяин лег на полу. Скоро вся изба захрапела, и я заснул как убитый.

Проснувшись поутру довольно поздно, я увидел, что буря утихла. Солнце сияло. Снег лежал ослепительной пеленою на необозримой степи. Лошади были запряжены. Я расплатился с хозяином, который взял с нас такую умеренную плату, что Савельич с ним не заспорил и не стал торговаться по своему обыкновению, и вчерашние подозрения изгладились совершенно из головы его. Я позвал во-

¹ *Ставец* (устар.) — невысокий шкаф для посуды.

² *Штоф* — бутыл (объемом 1/10 ведра).

³ *Вечерня* — вечернее церковное богослужение.

⁴ *Погобст* — кладбище.

⁵ *Пристань* — здесь: пристанище, приют, убежище.

жато, благодарил за оказанную помощь и велел Савельичу дать ему полтину на водку. Савельич нахмурился.

— Полтину на водку! — сказал он, — за что это? За то, что ты же изволил подвезти его к постоялому двору? Воля твоя, сударь: нет у нас лициных полтин. Всякому давать на водку, так самому скоро придется голодать.

Я не мог спорить с Савельичем. Деньги, по моему обещанию, находились в полном его распоряжении. Мне было досадно однако ж, что не мог отблагодарить человека, выручившего меня если не из беды, то по крайней мере из очень неприятного положения.

— Хорошо, — сказал я хладнокровно, — если не хочешь дать полтину, то вынь ему что-нибудь из моего платья. Он одет слишком легко. Дай ему мой заячий тулуп.

— Помилуй, батюшка Петр Андреич! — сказал Савельич. — Зачем ему твой заячий тулуп? Он его пропьет, собака, в первом кабаке.

— Это, старинушка, уж не твоя печаль, — сказал мой бродяга, — пропью ли я или нет. Его благородие мне жалует! шубу с своего плеча: его да то барская воля, а твое холоное дело не спорить и слушаться.

— Бога ты не боишься, разбойник! — отвечал ему Савельич сердитым голосом. — Ты видишь, что дитя еще не смыслит, а ты и рад его обобрать, простоты его ради. Зачем тебе барский тулупчик? Ты и не напятишь его на свои окаянные плечища.

— Прошу не умничать, — сказал я своему дядьке, — сейчас неси сюда тулуп.

— Господи Владыко! — простонал мой Савельич. — Заячий тулуп почти новешенький! И добро бы кому, а то пьянице оголелому!

Однако заячий тулуп явился. Мужичок тут же стал его примеривать. В самом деле, тулуп, из которого успел и я вырасти, был немножко для него узок. Однако он кое-как умудрился и надел его, распоров по швам. Савельич чуть не завыл, услышав, как нитки затрещали. Бродяга был чрезвычайно доволен моим подарком. Он проводил меня до кибитки и сказал с низким поклоном: «Спасибо, ваше благородие! Награди вас Госнодь за вашу добродетель. Век не забуду ваших милостей». Он пошел в свою сторону, а я

¹ Жаловать (устар.) — награждать, дарить.

справился далее, не обращая внимания на досаду Савельича, и скоро позабыл о вчерашней выюге, своем вожатом и о вязьем тулупе.

Приехав в Оренбург, я прямо явился к генералу. Я увидел мужчину роста высокого, но уже сгорбленного старостию. Длинные волосы его были совсем белы. Старый малинялый мундир напоминал война времен Анны Иоанновны¹, а в его речи сильно отзывался немецкий выговор. Я подал ему письмо от бабушки. При имени его он взглянул на меня быстро. «Поже мой! — сказал он. — Тавно ли, кажется, Андрей Петрович был еще твоих лет; а теперь вот уж какой у него молотец! Ах, фремя, фремя!» Он распечатал письмо и стал читать его вполголоса, делая свои замечания: «Милостивый государь Андрей Карлович, надеюсь, что ваше превосходительство»... Это что за сержонки? Фуй, как ему не софестно! Конечно: дисциплина перво дело, но так ли пишут к старому камрад²?.. «ваше превосходительство не забыло»... Гм... «и... когда... покойным фельдмаршалом³. Мин... походе... также и... Каролинку»... Эхе, брудер!⁴ так он еще помнит стары наши проказ? «Теперь о деле... К вам моего повесу»... гм... «держатъ в ежовых рукавицах»... Что такое ешovy рукавиц? Это, должно быть, русска поговорк... Что такое «держатъ в ешovy рукавицах»? — повторил он, обращаясь ко мне.

— Это значит, — отвечал я ему с видом как можно более невинным, — обходиться ласково, не слишком строго, давать побольше воли, держатъ в ежовых рукавицах.

— Гм, понимаю... «и не давать ему воли»... нет, видно ешovy рукавицы значит не то... «При сем... его паспорт»... Где ж он? А, вот... «отписать в Семеновский»... Хорошо, хорошо: все будет сделано... «Позволишь без чивоз обнять тебя и... старым товарищем и другом» — а! наконец догадался... и прочая и прочая... Ну, бабушка, — сказал он, прочитав письмо и отложив в сторону мой паспорт, — все будет едслано: ты будешь офицером переведен в*** полк, и чтоб тебе времени не терять, то завтра же поезжай в Белогорскую крепость, где ты будешь в

¹ *Анна Иоанновна* (1693—1740) — русская царица.

² Друг, товарищ (нем.).

³ *Фельдмаршал* — высший воинский чин в царской армии.

⁴ Брат (нем.).

команде капитана Миронова, доброго и честного человека. Там ты будешь на службе настоящей, научишься дисциплине. В Оренбурге делать тебе нечего; рассеяние¹ вредно молодому человеку. А сегодня милости просим отобедать у меня.

«Час от часу не легче! — подумал я про себя, — к чему послужило мне то, что почти в утробе матери я был уже гвардии сержантом! Куда это меня завело? В*** полк и в глухую крепость на границу киргиз-кайсацких степей!..» Я отобедал у Андрея Карловича, втроем с его старым адъютантом. Строгая немецкая экономия царствовала за его столом, и я думаю, что страх видеть иногда лишнего гостя за своею холостою трапезою был отчасти причиною поспешного удаления моего в гарнизон. На другой день я простился с генералом и отправился к месту моего назначения.

ГЛАВА III

Крепость

Мы в фортеции² живем,
Хлеб едим и воду пьем;
А как лютые враги
Придут к нам на пироги,
Зададим гостям ширушку;
Зарядим картечью пушку.

Солдатская песня.

Старинные люди, мой батюшка.
«Недоросль».

Белогорская крепость находилась в сорока верстах от Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика. Река еще не замерзла, и ее свинцовые волны грустно чернели в однообразных берегах, покрытых белым снегом. За ними простирались киргизские степи. Я погружился в размышления, большею частью печальные. Гарнизонная жизнь мало имела для меня привлекательности. Я старался вообразить себе капитана Миронова, моего будущего начальника, и представлял его строгим, сердитым стариком, не знающим ничего, кроме своей службы, и готовым за всякую

¹ *Рассеяние* — здесь: развлечения, приятное времяпрепровождение.

² *Фортэция* (устар.) — крепость.

безделицу сажать меня под арест на хлеб и на воду. Между тем начало смеркаться. Мы ехали довольно скоро.

— Далече ли до крепости? — спросил я у своего ямщика.

— Недалече, — отвечал он. — Вон уж видна.

Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы¹, башни и вал; но ничего не видел, кроме деревушки, окруженной бревенчатым забором. С одной стороны стояли три или четыре скирды сена, полузанесенные снегом; с другой — скривившаяся мельница, с лубочными² крыльями, лениво опущенными.

— Где же крепость? — спросил я с удивлением.

— Да вот она, — отвечал ямщик, указывая на деревушку, и с этим словом мы в нее въехали. У ворот увидел я старую чугунную пушку; улицы были тесны и кривы; избы низки и большею частью покрыты соломой. Я велел ехать к коменданту, и через минуту кибитка остановилась перед деревянным домиком, выстроенным на высоком месте, близ деревянной же церкви.

Никто не встретил меня. Я пошел в сени и отворил дверь в переднюю. Старый инвалид³, сидя на столе, нашивал синюю заплату на локоть зеленого мундира. Я велел ему доложить обо мне. «Войди, батюшка, — отвечал инвалид, — ищи дома». Я вошел в чистенькую комнатку, убранную по-старинному. В углу стоял шкаф с посудой, на стене висел диплом офицерский⁴ за стеклом и в рамке; около него красовались лубочные картинки⁵, представляющие взятие Кистрина и Очакова⁶, также выбор невесты и погребение коша. У окна сидела старушка в телогрейке и с платком на голове. Она разматывала нитки, которые держал, распялив на руках, кривой старичок в офицерском мундире.

¹ *Бастион* — один из видов крепостных укреплений.

² *Лубочный* — здесь: лубяной, сделанный из липового лубка, т. е. водокоря.

³ *Инвалид* — здесь (устар.): военнослужащий, состарившийся на службе.

⁴ *Диплом офицерский* — свидетельство о присвоении офицерского звания.

⁵ *Лубочные картинки* — дешевые картинки, отпечатанные с гравировальных липовых досок, лубков.

⁶ *Кистрин* (*Кюстрин*) — прусская крепость, осажденная русскими войсками в 1758 году. *Очаков* — турецкая крепость, взятая русскими в 1737 году.

— Что вам угодно, батюшка? — спросила она, продолжая свое занятие. Я отвечал, что приехал на службу и явился по долгу своему к господину капитану, и с этим словом обратился было к кривому старичку, принимаемая его за коменданта; но хозяйка перебила затверженную мою речь. «Ивана Кузмича дома нет, — сказала она, — он пошел в гости к отцу¹ Герасиму; да все равно, батюшка, я его хозяйка. Прошу любить и жаловать. Садись, батюшка». Она кликнула девку и велела ей позвать урядника². Старичок своим одиноким глазом поглядывал на меня с любопытством. «Смею спросить, — сказал он, — вы в каком полку изволили служить?» Я удовлетворил его любопытству. «А смею спросить, — продолжал он, — зачем изволили вы перейти из гвардии в гарнизон?» Я отвечал, что такова воля начальства. «Чаятельно³, за неприличные гвардии офицеру поступки», — продолжал неутомимый вопрошатель⁴. «Полно врать пустяки, — сказала ему капитанша, — ты видишь, молодой человек с дороги устал; ему не до тебя... (держи-ка руки прямее...). А ты, мой батюшка, — продолжала она, обращаясь ко мне, — не печалься, что тебя унекли в наше захолустье. Не ты первый, не ты последний. Стерпится, слюбится. Швабрин Алексей Иванович вот уж пятый год как к нам переведен за смертоубийство. Бог знает, какой грех его попугал; он, изволишь видеть, поехал в город с одним поручиком, да взяли с собой шпаги, да и ну друг в друга пырять; а Алексей Иванович и заколол поручика, да еще при двух свидетелях! Что прикажешь делать? На грех мастера нет».

В эту минуту вошел урядник, молодой и статный казак. «Максимыч! — сказала ему капитанша. — Отведи господину офицеру квартиру, да почище». — «Слушаю, Василиса Егоровна, — отвечал урядник. — Не поместить ли его благородие к Ивану Полежаеву?» — «Врешь, Максимыч, — сказала капитанша, — у Полежаева и так тесно; он же мне кум и помнит, что мы его начальники. Отведи господина офицера... как ваше имя и отчество, мой

¹ *Отец* — так называли священников.

² *Урядник* — лицо младшего командного состава в казачьих войсках царской армии.

³ *Чаятельно* (устар.) — вероятно, по-видимому.

⁴ *Вопрошатель* (устар.) — спрашивающий, задающий вопрос.

Батюшка?» — «Петр Андреич». — «Отведи Петра Андреича к Семену Кузову. Он, мошенник, лошадь свою пустил во мне в огород. Ну что, Максимыч, все ли благополучно?»

— Все, слава Богу, тихо, — отвечал казак, — только капитан¹ Прохоров подрался в бане с Устиньей Негулиной за шайку горячей воды.

— Иван Игнатьич! — сказала капитанша кривому старичку. — Разбери Прохорова с Устиньей, кто прав, кто виноват. Да обоих и накажи. Ну, Максимыч, ступай себе с Богом. Петр Андреич, Максимыч отведет вас на вашу квартиру.

Я откланялся. Урядник привел меня в избу, стоящую на высоком берегу реки, на самом краю крепости. Половина избы занята была семьею Семена Кузова, другую отвели мне. Она состояла из одной горницы, довольно опрятной, разделенной надвое перегородкой. Савельич стал в ней расхаживать; я стал глядеть в узенькое окошко. Передо мною простиралась печальная степь. Нанскось стояло несколько избушек; по улице бродило несколько куриц. Старуха, стоя на крыльце с корытом, кликала свиней, которые отвечали ей дружелюбным хрюканьем. И вот в какой стороне осужден я был проводить мою молодость! Тоска жгла меня; я отошел от окошка и лег спать без ужина, несмотря на увещания Савельича, который повторял с сокрушением: «Господи владыка! Ничего кушать не изволит! Что скажет барыня, коли дитя занеможет?»

На другой день поутру я только что стал одеваться, как дверь отворилась и ко мне вошел молодой офицер невысокого роста, с лицом смуглым и отменно некрасивым, но чрезвычайно живым. «Извините меня, — сказал он мне по-французски, — что я без церемонии прихожу с вами познакомиться. Вчера узнал я о вашем приезде; желание увидеть наконец человеческое лицо так овладело мною, что я не вытерпел. Вы это поймете, когда проживете здесь еще несколько времени». Я догадался, что это был офицер, выписанный² из гвардии за поединок. Мы тотчас познакомились. Швабрич был очень не глуп. Разговор его был остер и занимателен. Он с большой веселостью описал мне семейство коменданта, его общество и край, куда завела

¹ Капитан — первый после рядового чин в армии XVIII века.

² Выписанный — здесь: исключенный, вычеркнутый из списков.

меня судьба. Я смеялся от чистого сердца, как вошел ко мне тот самый инвалид, который чинил мундир в передней коменданта, и от имени Василисы Егоровны позвал меня к ним обедать. Швабрия вызвался идти со мною вместе.

Подходя к комендантскому дому, мы увидели на площадке человек двадцать стареньких инвалидов с длинными косами и в треугольных шляпах. Они выстроены были во фронт. Впереди стоял комендант, старик бодрый и высокого роста, в колпаке и китайчатом¹ халате. Увидя нас, он к нам подошел, сказал мне несколько ласковых слов и стал опять командовать. Мы остановились было смотреть на учение; но он попросил нас идти к Василисе Егоровне, обещаясь быть вслед за нами.

— А здесь, — прибавил он, — нечего вам смотреть.

Василиса Егоровна приняла нас запросто и радушно и обошлась со мною, как бы век была знакома. Инвалид и Палашка накрывали на стол. «Что это мой Иван Кузмич сегодня так заучился! — сказала комендантша. — Палашка, позови барина обедать. Да где же Маша?» Тут вошла девушка лет осемнадцати, круглолицая, румяная, с светло-русыми волосами, гладко зачесанными за уши, которые у ней так и горели. С первого взгляда она не очень мне понравилась. Я смотрел на нее с предубеждением: Швабрия описал мне Машу, капитанскую дочь, совершенною дурочкою. Марья Ивановна села в угол и стала шить. Между тем подали щи. Василиса Егоровна, не видя мужа, вторично послала за ним Палашку. «Скажи барину: гости-де ждут, щи простынут; слава Богу, ученье не уйдет; успеет накричаться». Капитан вскоре явился, сопровождаемый кривым старичком. «Что это, мой батюшка? — сказала ему жена. — Кушанье давным-давно подано, а тебя не дозовешься» — «А слышь ты, Василиса Егоровна, — отвечал Иван Кузмич, — я был занят службой: солдатушек учил». — «И, полно! — возразила капитанша. — Только слава, что солдат учишь: ни им служба не дается, ни ты в ней толку не ведаешь. Сидел бы дома да Богу молился, так было бы лучше. Дорогие гости, милости просим за стол».

Мы сели обедать. Василиса Егоровна не умолкала ни на минуту и осыпала меня вопросами: кто мои родители,

¹ *Китайчатый* — сделанный из китайки — плотной гладкой набивной хлопчатобумажной ткани.

живы ли они, где живут и каково их состояние? Услышав, что у батюшки триста душ крестьян, «легко ли! — сказала она, — ведь есть же на свете богатые люди! А у нас, мой батюшка, всего-то душ одна девка Палашка; да слава Богу, живем помаленьку. Одна беда: Маша; девка на выданье, а какое у ней приданое¹? частый гребень, да веник, да алтын² денег (прости Бог!), с чем в баню сходять. Хорошо, коли найдется добрый человек; а то сиди тебе в девках вскопечной невестою». Я взглянул на Марью Ивановну: она вся покраснела, и даже слезы капнули на ее тарелку. Мне стало жаль ее, и я спешил переменить разговор. «Я слышал, — сказал я довольно нехотати, — что на вашу крепость собираются напасть башкирцы». — «От кого, батюшка, ты изволил это слышать?» — спросил Иван Кузмич. «Мне так сказывали в Оренбурге», — отвечал я. «Нустики! — сказал комендант. — У нас давно ничего не слышать. Башкирцы — народ надуганный, да и киргизцы проучены. Небось на нас не сунутся; а насунутся, так я такую задам острастку, что лет на десять угомоню». — «И вам не страшно, — продолжал я, обращаясь к капитанше, — оставаться в крепости, подверженной таким опасностям?» — «Привычка, мой батюшка, — отвечала она. — Тому лет двадцать как нас из полка перевели сюда, и не приведи Господи, как я боялась проклятых этих нехристей! Как увижу, бывало, рысьи шапки, да как заслышу визг, веришь, отец мой, сердце так и замрет! А теперь так привыкла, что и с места не тронусь, как придут нам сказать, что злодеи около крепости рыцуют».

— Василиса Егоровна прехрабрая дама, — заметил важно Швабрин. — Иван Кузмич может это засвидетельствовать.

— Да, слышь ты, — сказал Иван Кузмич, — баба-то же робкого десятка.

— А Марья Ивановна? — спросил я, — так же ли смела, как и вы?

— Смела ли Маша? — отвечала ее мать. — Нет, Маша трусиха. До сих пор не может слышать выстрела из

¹ Приданое — имущество, даваемое родными невесты при выдаче ее замуж.

² Алтын — старинная русская монета (равна трем копейкам).

ружья: так и затрепещется. А как тому два года Иван Кузмич выдумал в мои именины палить из нашей пушки, так она, моя голубушка, чуть со страху на тот свет не отиравилась. С тех пор уже и не палим из проклятой пушки.

Мы встали из-за стола. Капитан с капитаншею отпра- вились спать; а я пошел к Швабрину, с которым и провел целый вечер.

ГЛАВА IV Поединок

— Ии изволь, и стань же
в позитур¹!
Посмотришь, проколю как я
твою фигуру!
Княжнин.

Прошло несколько недель, и жизнь моя в Белогор- ской крепости сделалась для меня не только сносною, но даже и приятною. В доме коменданта был я принят как родной. Муж и жена были люди самые почтенные. Иван Кузмич, вышедший в офицеры из солдатских детей, был человек необразованный и простой, но самый честный и добрый. Жена его им управляла, что согласовалось с его беспечностью. Василиса Егоровна и на дела службы смотрела, как па свои хозяйские, и управляла крепо- стию так точно, как и своим домком. Марья Ивановна скоро перестала со мною дичиться. Мы познакомились. Я в ней нашел благоразумную и чувствительную девуш- ку. Незаметным образом я привязался к доброму семей- ству, даже к Ивану Игнатьевичу, кривому гарнизонному поручику, о котором Швабрин выдумал, будто бы он был в неопозволительной связи с Василисой Егоровной, что не имело и тени правдоподобия; но Швабрин о том не беспокоился.

Я был произведен в офицеры. Служба меня не огляща- ла. В богоспасаемой крепости не было ни смотров, ни уче- ний, ни караулов. Комендант по собственной охоте учил иногда своих солдат; но еще не мог добиться, чтобы все они знали, которая сторона правая, которая левая.

¹ *Политюра* — поза, положение, принимаемое при дуэли на шпагах.

У Швабрина было несколько французских книг. Я стал читать, и во мне пробудилась охота к литературе. По утрам я читал, упражнялся в переводах, а иногда и в сочинении стихов. Обедал почти всегда у коменданта, где обыкновенно проводил остаток дня и куда вечером иногда являлся отец Герасим с женою Акулиной Памфиловной, первою вестовщицею¹ во всем околотке. С А. И. Швабриным, разумеется, виделся я каждый день; но час от часу беседа его становилась для меня менее приятною. Всегдашние шутки его насчет семьи коменданта мне очень не нравились, особенно колкие замечания о Марье Ивановне. Другого общества в крепости не было; но я другого и не желал.

Несмотря на предсказания, башкирцы не возмущались. Спокойствие царствовало вокруг нашей крепости. Но мир был прерван внезапным междоусобием.

Я уже сказывал, что я занимался литературою. Опыты мои, для тогдашнего времени, были изрядны, а Александр Петрович Сумароков², несколько лет после, очень их похвалял. Однажды удалось мне написать песенку, которой был я доволен. Известно, что сочинители иногда, под видом требования советов, ищут благосклонного слушателя. Итак, переписав мою песенку, я понес ее к Швабрину, который один во всей крепости мог оценить произведение стихотворца. После маленького предисловия вынул я из кармана свою тетрадку и прочел ему следующие стишки:

Мысль любовну истребляя,
Тщусь³ прекрасную забыть,
И ах, Машу избегая,
Мышлю⁴ вольность получить!

Но глаза, что мя⁵ пленили,
Всемигнута предо мной;
Они дух во мне смутили,
Сокрушили мой покой.

¹ Вестовщица (устар.) — любительница рассказывать новости.

² А. П. Сумароков (1717—1777) — русский поэт и драматург.

³ Тщусь (устар.) — напрасно стараюсь.

⁴ Мышлю — мыслю, думаю.

⁵ Мя (устар.) — меня.

Ты, узнав мои напасти¹,
Сжался, Маша, надо мной,
Зря² меня в сей лютой части³,
И что я пленен тобой.

— Как ты это находишь? — спросил я Швабрина, ожидая похвалы, как дапи, мне непременно следующей. Но, к великой моей досаде, Швабрин, обыкновенно сплосхидительный, решительно объявил, что песня моя нехороша.

— Почему так? — спросил я его, скрывая свою досаду.

— Потому, — отвечал он, — что такие стихи достойны учителя моего, Василья Кирилыча Тредьяковского⁴, и очень напоминают мне его любовные куплеты⁵.

Тут он взял от меня тетрадку и начал немилосердно разбирать каждый стих и каждое слово, надеваясь надо мной самым колким образом. Я не вытерпел, вырвал из рук его мою тетрадку и сказал, что уж отроду не покажу ему своих сочинений. Швабрин посмеялся и над этой угрозой. «Посмотрим, — сказал он, — выдержишь ли ты свое слово: стихотворцам нужен слушатель, как Ивану Кузмичу графинчик водки перед обедом. А кто эта Маша, перед которой изъясняешься в нежной страсти и в любовной напасти? Уж не Марья ль Ивановна?»

— Не твое дело, — отвечал я нахмурясь, — кто бы ни была эта Маша. Не требую ни твоего мнения, ни твоих догадок.

— Ого! Самолюбивый стихотворец и скромный любовник! — продолжал Швабрин, час от часу более раздражая меня, — но послушай дружеского совета: коли ты хочешь успеть, то советую действовать не песенками.

— Что это, сударь, значит? Изволь объясниться.

— С охотою. Это значит, что ежели хочешь, чтоб Маша Миронова ходила к тебе в сумерки, то вместо нежных стишков подари ей пару серег.

¹ *Напасти* (разг.) — беды, горе, страдания.

² *Зря* (устар.) — зря.

³ *Часть* (устар.) — здесь: участь, судьба.

⁴ *В. К. Тредьяковский* (1703—1769) — русский поэт, переводчик, теоретик литературы. Нередко подвергался несправедливым обвинениям в бездарности и нападкам со стороны литературных противников.

⁵ *Куплет* — строфа, часть песни.

Кровь моя закипела.

— А почему ты об ней такого мнения? — спросил я, с трудом удерживая свое негодование.

— А потому, — отвечал он с адскою усмешкою, — что знаю по опыту ее нрав и обычай.

— Ты лжешь, мерзавец! — вскричал я в бешенстве, — ты лжешь самым бесстыдным образом.

Швабрин переменялся в лице.

— Это тебе так не пройдет, — сказал он, стиснув мне руку. — Вы мне дадите сатисфакцию¹.

— Изволь; когда хочешь! — отвечал я, обрадовавшись. В эту минуту я готов был растерзать его.

Я тотчас отправился к Ивану Игнатьичу и застал его с щепкою в руках: по препоручению комендантши он напильничал грибы для сушенья на зиму. «А, Петр Андреич! — сказал он, увидя меня, — добро пожаловать! Как это вас Бог принес? по какому делу, смею спросить?» Я в коротких словах объяснил ему, что поссорился с Алексеем Иванычем, а его, Ивана Игнатьича, прошу быть моим секундантом. Иван Игнатьич выслушал меня со вниманием, вытараща на меня свой единственный глаз. «Вы изволите говорить, — сказал он мне, — что хотите Алексея Иваныча заколоть и желаете, чтоб я при том был свидетелем? Так ли? смею спросить».

— Точно так.

— Помилуйте, Петр Андреич! Что это вы затеяли! Вы с Алексеем Иванычем побранились? Велика беда! Брань на воротах не виснет. Он вас побранил, а вы его выругайте; он вас в рыло, а вы его в ухо, в другое, в третье — и разойдитесь; а мы вас уж помирим. А то: доброе ли дело заколоть своего ближнего, смею спросить? И добро б уж закололи вы его; Бог с ним, с Алексеем Иванычем; я и сам до него не охотник. Ну, а если он вас просверлит? На что это будет похоже? Кто будет в дураках, смею спросить?

Рассуждения благоразумного поручика не поколебали меня. Я остался при своем намерении. «Как вам угодно, — сказал Иван Игнатьич, — делайте как разуместе. Да зачем же мне тут быть свидетелем? К какой стати? Люди дерутся; что за невидальщина, смею спросить?

¹ Сатисфакция — удовлетворение (в данном случае это означает вывоз на дуэль).

Слава Богу, ходил я под шведа и под турку¹: всего на-смотрелся».

Я кое-как стал изъяснять ему должность секунданта, но Иван Игнатьич никак не мог меня понять. «Воля ваша, — сказал он. — Коли уж мне и вмешаться в это дело, то разве пойти к Ивану Кузмичу да донести ему по долгу службы, что в фортеции умышляется злодействие, противное казенному интересу: не благоугодно ли будет господину коменданту принять надлежащие меры...»

Я испугался и стал просить Ивана Игнатьича ничего не сказывать коменданту; насилу его уговорил; он дал мне слово, и я решился от него отступиться.

Вечер провел я, по обыкновению своему, у коменданта. Я старался казаться веселым и равнодушным, дабы² не подать никакого подозрения и избежать докучных вопросов: но, признаюсь, я не имел того хладнокровия, которым хвалятся почти всегда те, которые находились в моем положении. В этот вечер я расположен был к нежности и умилению. Марья Ивановна нравилась мне более обыкновенного. Мысль, что, может быть, вижу ее в последний раз, придавала ей в моих глазах что-то трогательное. Швабрин явился тут же. Я отвел его в сторону и уведомил его о своем разговоре с Иваном Игнатьичем. «Зачем нам секунданты, — сказал он мне сухо, — без них обойдемся». Мы условились драться за скирдами, что находились подле крепости, и явиться туда на другой день в седьмом часу утра. Мы разговаривали, по-видимому, так дружелюбно, что Иван Игнатьич от радости проболтался. «Давно бы так, — сказал он мне с довольным видом, — худой мир лучше доброй ссоры, а и нечестен, так здоров».

— Что, что, Иван Игнатьич? — сказала комендантша, которая в углу гадала в карты, — я не вслушалась.

Иван Игнатьич, заметив во мне знаки неудовольствия и вспомня свое обещание, смутился и не знал, что ответить. Швабрин подоспел к нему на помощь.

— Иван Игнатьич, — сказал он, — одобряет нашу мировую.

— А с кем это, мой батюшка, ты ссорился?

¹ Т. е. участвовал в войнах со шведами и с турками.

² *Дабы* (устар.) — чтобы.

— Мы было поспорили довольно крупно с Петром Андреичем.

— За что так?

— За сущую безделицу: за песенку, Василиса Егоровна.

— Нашли за что ссориться! за песенку!.. да как же это случилось?

— Да вот так: Петр Андреич сочинил недавно песню и сегодня занял ее при мне, а я затянул мою любимую:

Капитанская дочь,

Не ходи гулять в полночь.

Вышла разлада. Петр Андреич было и рассердился; но потом рассудил, что всяк волен петь, что кому угодно. Тем дело и кончилось.

Бесстыдство Швабриня чуть меня не забесило; но никто, кроме меня, не понял грубых его обиняков¹; по крайней мере, никто не обратил на них внимания. От песенок разговор обратился к стихотворцам, и комендант заметил, что все они люди беспутные и горькие пьяницы, и дружески советовал мне оставить стихотворство, как дело службе противное и ни к чему доброму не доводящее.

Присутствие Швабриня было мне несносно. Я скоро простился с комендантом и его семейством; пришел домой, осмотрел свою шпагу, попробовал ее конец и лег спать, приказав Савельичу разбудить меня в седьмом часу.

На другой день в назначенное время я стоял уже за скирдами, ожидая моего противника. Вскоре и он явился. «Нас могут застать, — сказал он мне, — надобно поспешить». Мы сняли мундиры, остались в одних камзолах² и обважили шпаги. В эту минуту из-за скирды вдруг появился Иван Игнатьич и человек пять инвалидов. Он потребовал нас к коменданту. Мы повиновались с досадою; солдаты нас окружили, и мы отправились в крепость велед за Иваном Игнатьичем, который вел нас в торжестве, шагая с удивительной важностью.

Мы вопли в комендантский дом. Иван Игнатьич отворил двери, провозгласив торжественно: «Привел!» Нас встретила Василиса Егоровна. «Ах, мои батюшки! На что

¹ Обиняка — намеки.

² Камзол — короткая мужская одежда без рукавов, вроде жилета.

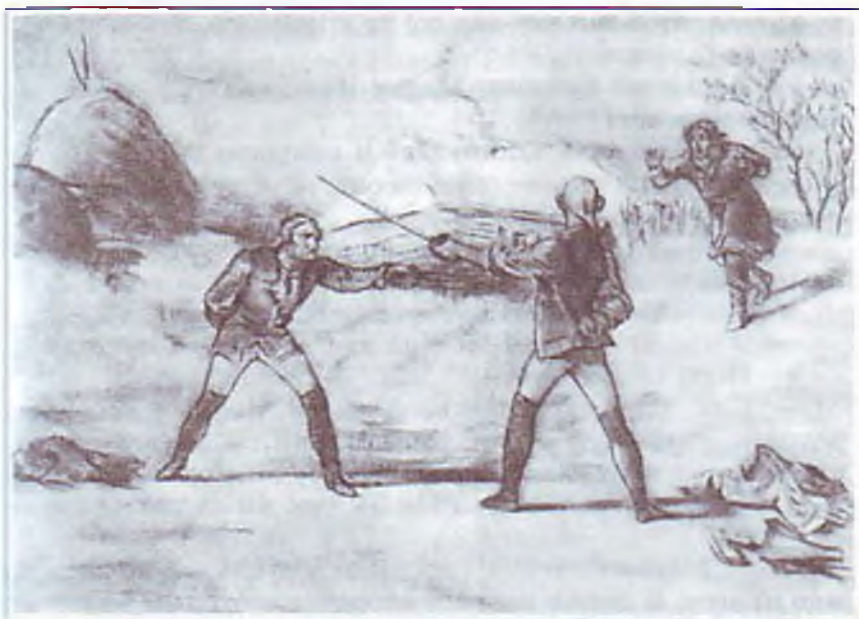
это похоже? как? что? в нашей крепости заводить смертоубийство! Иван Кузмич, сейчас их под арест! Петр Андреич! Алексей Иваныч! Подавайте сюда ваши шпаги, подавайте, подавайте. Палашка, отнеси эти шпаги в чулан. Петр Андреич! Этого я от тебя не ожидала. Как тебе не совестно? Добро Алексей Иваныч: он за душегубство и из гвардии выписан, он и в Господа Бога не верует; а ты-то что? туда же лезешь?»

Иван Кузмич вполне соглашался с своею супругою и приговаривал: «А слышишь ты, Василиса Егоровна правду говорит. Поединки формально запрещены в воинском артикуле¹». Между тем Палашка взяла у нас наши шпаги и отнесла в чулан. Я не мог не засмеяться. Швабрин сохранил свою важность. «При всем моем уважении к вам, — сказал он ей хладнокровно, — не могу не заметить, что напрасно вы изволите беспокоиться, подвергая нас вашему суду. Предоставьте это Ивану Кузмичу: это его дело». — «Ах, мой батюшка! — возразила комендантша, — да разве муж и жена не один дух и единая плоть? Иван Кузмич! Что ты зеваешь? Сейчас рассади их по разным углам на хлеб да на воду, чтоб у них дурь-то прошла; да пусть отец Герасим наложит на них эпитимию², чтоб молили у Бога прощения да кались перед людьми».

Иван Кузмич не знал, на что решиться. Марья Ивановна была чрезвычайно бледна. Мало-помалу буря утихла; комендантша успокоилась и заставила нас друг друга поцеловать. Палашка принесла нам наши шпаги. Мы вышли от коменданта, по-видимому, примиренные. Иван Игнатьич нас сопровождал. «Как вам не стыдно было, — сказал я ему сердито, — доносить на нас коменданту после того, как дали мне слово того не делать?» — «Как Бог свят, я Ивану Кузмичу того не говорил, — отвечал он. — Василиса Егоровна выведала все от меня. Она всем и распорядилась без ведома коменданта. Впрочем, слава Богу, что все так кончилось». С этим словом он повернул домой, а Швабрин и я остались наедине. «Наше дело этим кончиться не может», — сказал я ему. «Конечно, — отвечал

¹ *Воинский артикул* — сборник законов о воинских обязанностях, преступлениях и наказаниях, действовавший в XVIII — начале XIX века.

² *Эпитимия* (*епитимия*) — церковное наказание (поклоны, пост, длительные молитвы).

А. С. Пушкин. «Капитанская дочка». Савельич останавливает дуэль, Худ. П. Соколов. 1891

Швабрин, — вы своею кровью будете отвечать мне за вашу дерзость; но за нами, вероятно, станут присматривать. Несколько дней нам должно будет притворяться. До свидания!» — И мы расстались как ни в чем не бывало.

Возвратясь к комендату, я, по обыкновению своему, подсел к Марье Ивановне. Ивана Кузмича не было дома; Василиса Егоровна занята была хозяйством. Мы разговаривали вполголоса, Марья Ивановна с нежностью выговаривала мне за беспокойство, причиненное всем моею ссорой с Швабриным. «Я так и обмерла, — сказала она, — когда сказали нам, что вы намерены биться на шпагах. Как мужчины странны! За одно слово, о котором через неделю, верно б, они позабыли, они готовы резаться и жертвовать не только жизнью, но и совестью и благополучием тех, которые... Но я уверена, что не вы зачинщик ссоры. Верно, виноват Алексей Иванович».

— А почему же вы так думаете, Марья Ивановна?

— Да так... он такой насмешник! Я не люблю Алексея Ивановича. Он очень мне противен; а странно: ни за что б я

не хотела, чтоб и я ему так же не нравилась. Это меня беспокоило бы страх.

— А как вы думаете, Марья Ивановна? Нравитесь ли вы ему или нет?

Марья Ивановна заикнулась и покраснела.

— Мне кажется, — сказала она, — я думаю, что нравлюсь.

— Почему же вам так кажется?

— Потому что он за меня сватался.

— Сватался! Он за вас сватался? Когда же?

— В прошлом году. Месяца два до вашего приезда.

— И вы не пошли?

— Как изволите видеть. Алексей Иванович, конечно, человек умный, и хорошей фамилии, и имеет состояние; но как подумаю, что надобно будет под венцом при всех с ним поцеловаться... Ни за что! ни за какие благополучия!

Слова Марьи Ивановны открыли мне глаза и объяснили мне многое. Я понял упорное злоречие, которым Швабрин ее преследовал. Вероятно, замечал он нашу взаимную склонность и старался отвлечь нас друг от друга. Слова, подавшие повод к нашей ссоре, показались мне еще более гнусными, когда, вместо грубой и непристойной пасмешки, увидел я в них обдуманную клевету. Желание наказать дерзкого злоязычника сделалось во мне еще сильнее, и я с нетерпением стал ожидать удобного случая.

Я дожидался недолго. На другой день, когда сидел я за элегией и грыз перо в ожидании рифмы, Швабрин постучался под моим окошком. Я оставил перо, взял шпагу и к нему вышел. «Зачем откладывать? — сказал мне Швабрин, — за нами не смотрят. Сойдем к реке. Там никто нам не помешает». Мы отправились молча. Спустились по крутой тропинке, мы остановились у самой реки и обнажили шпаги. Швабрин был искуснее меня, но я сильнее и смелее, и monsieur Бопре, бывший некогда солдатом, дал мне несколько уроков в фехтовании, которыми я и воспользовался. Швабрин не ожидал найти во мне столь опасного противника. Долго мы не могли сделать друг другу никакого вреда; наконец, приметя, что Швабрин ослабевает, я стал с живостию на него наступать и загнал его почти в самую реку. Вдруг услышал я своим именем, громко произнесенное. Я оглянулся и увидел Са-

Савельича, сбегавшего ко мне по нагорной тропинке... В это самое время меня сильно кольнуло в грудь пониже плеча; я упал и лишился чувств.

ГЛАВА V

Любовь

Ах ты, девка, делька красная!
Не ходи, девка, молода замуж;
Ты спроси, девка, отца, матери,
Отца, матери, роду-племени;
Накопи, девка, ума-разума,
Ума-разума, приданова.

Песня народная.

Буде¹ лучше меня найдешь,
позабудешь.
Если хуже меня найдешь,
воспомянешь.
То же.

Очнувшись, я несколько времени не мог опомниться и не понимал, что со мною сделалось. Я лежал на кровати, в незнакомой горнице, и чувствовал большую слабость. Передо мною стоял Савельич со свечкою в руках. Кто-то бережно развивал перевязи², которыми грудь и плечо были у меня стянуты. Мало-помалу мысли мои прояснились. Я вспомнил свой поединок и догадался, что был ранен. В эту минуту скрипнула дверь. «Что? какой?» — произнес пошепту голос, от которого я затрепетал. «Все в одном положении, — отвечал Савельич со вздохом, — все без памяти, вот уже пятые сутки». Я хотел оборотиться, но не мог. «Где я? кто здесь?» — сказал я с усилием. Марья Ивановна подошла к моей кровати и наклонилась ко мне. «Что? как вы себя чувствуете?» — сказала она. «Слава Богу, — отвечал я слабым голосом, — Это вы, Марья Ивановна? скажите мне...» — я не в силах был продолжать и замолчал. Савельич ахнул. Радость изобразилась на его лице. «Опомнися! опомнися! — повторял он. — Слава тебе, Владыко! Ну, батюшка Петр Андреевич! напугал ты меня! легко ли? пятые сутки!..» Марья Ивановна прервала его речь. «Не говори с ним много, Савельич, — сказала она. — Он еще слаб». Она вышла и тихонько притворила

¹ *Буде* (устар.) — если.

² *Перевязь* (устар.) — повязка.

А. С. Пушкин. «Капитанская дочка». Худ. А. Бенца

дверь. Мысли мои волновались. Итак, я был в доме коменданта, Марья Ивановна входила ко мне. Я хотел сделать Савельичу некоторые вопросы, но старик замотал головою и заткнул себе уши. Я с досадою закрыл глаза и вскоре забылся сном.

Проснувшись, подозвал я Савельича и вместо его увидел перед собою Марью Ивановну; ангельский голос ее меня приветствовал. Не могу выразить сладостного чувства, овладевшего мною в эту минуту. Я схватил ее руку и прильнул к ней, обливаясь слезами умиления. Маша не отрывала ее... и вдруг ее губки коснулись моей щеки, и я почувствовал их жаркий и свежий поцелуй. Огонь пробежал по мне. «Милая, добрая Марья Ивановна, — сказал я ей, — будь моею женой, согласись на мое счастье». Она опомнилась. «Ради Бога успокойтесь, — сказала она, отняв у меня свою руку. — Вы еще в опасности: рана может открыться. Поберегите себя хоть для меня». С этим словом она ушла, оставя меня в упоении восторга. Счастье воскре-

сило меня. Она будет моя! она меня любит! Эта мысль наполнила все мое существование.

С той поры мне час от часу становилось лучше. Меня лечил полковой цирюльник, ибо в крепости другого лекаря не было, и, слава Богу, не умничал. Молодость и природа ускорили мое выздоровление. Все семейство коменданта за мною ухаживало. Марья Ивановна от меня не отходила. Разумеется, при первом удобном случае я принялся за прерванное объяснение, и Марья Ивановна выслушала меня терпеливее. Она без всякого жеманства¹ призналась мне в сердечной склонности и сказала, что ее родители, конечно, рады будут ее счастью. «Но подумай хорошенько, — прибавила она, — со стороны твоих родных не будет ли препятствия?»

Я задумался. В нежности матушкиной я не сомневался; но, зная нрав и образ мыслей отца, я чувствовал, что любовь моя не слишком его тронет и что он будет на нее смотреть как на блажь молодого человека. Я чистосердечно признался в том Марье Ивановне и решился, однако, писать к батюшке как можно красноречивее, прося родительского благословения. Я показал письмо Марье Ивановне, которая нашла его столь убедительным и трогательным, что не сомневалась в успехе его, и предалась чувствам нежного своего сердца со всю доверчивостью молодости и любви.

С Швабриным я помирился в первые дни моего выздоровления. Иван Кузмич, выговаривая мне за поединок, сказал мне: «Эх, Петр Андреич! надлежало бы мне посадить тебя под арест, да ты уж и без того наказан. А Алексей Иваныч у меня-таки сидит в хлебном магазине под караулом, и шпага его под замком у Василисы Егоровны. Пускай он себе надумается да раскается». Я слишком был счастлив, чтобы хранить в сердце чувство неприязненности. Я стал просить за Швабрина, и добрый комендант, с согласия своей супруги, решился его освободить. Швабрия пришел ко мне; он изъявил глубокое сожаление о том, что случилось между нами; признался, что был кругом виноват, и просил меня забыть о прошедшем. Будучи от природы незлопамятен, я искренно простил ему и нашу ссору и рану, мною от него полученную. В клевете его видел я досаду оскорбленного самолюбия и отвергнутой любви и великодушно извинял своего несчастного соперника.

¹ Жеманство — снискаявая пышность, манерность в обращении.

Вскоре я выздоровел и мог перебраться на мою квартиру. С нетерпением ожидал я ответа на посланное письмо, не смея надеяться и стараясь заглушить печальные предчувствия. С Василисой Егоровной и с ее мужем я еще не объяснялся; но предложение мое не должно было их удивить. Ни я, ни Марья Ивановна не старались скрывать от них своих чувств, и мы заранее были уже уверены в их согласии.

Наконец однажды утром Савельич вошел ко мне, держа в руках письмо. Я схватил его с трепетом. Адрес был написан рукою батюшки. Это приуготовило меня к чему-то важному, ибо обыкновенно письма писала ко мне матушка, а он в конце приписывал несколько строк. Долго не распечатывал я пакета и перечитывал торжественную надпись: «Сыну моему Петру Андреевичу Гриневу, в Оренбургскую губернию, в Белогорскую крепость». Я старался по почерку угадать расположение духа, в котором писано было письмо; наконец решился его распечатать и с первых строк увидел, что все дело пошло к черту. Содержание письма было следующее:

«Сын мой Петр! Письмо твое, в котором просишь ты нас о родительском нашем благословении и согласии на брак с Марьей Ивановой дочерью Мироновой, мы получили 15 сего месяца, и не только ни моего благословения, ни моего согласия дать я тебе не намерен, но еще и собираюсь до тебя добраться да за проказы твои проучить тебя путем, как мальчишку, несмотря на твой офицерский чин: ибо ты доказал, что шпагу носить еще не достоин, которая пожалована тебе на защиту отечества, а не для дуэлей с такими же сорванцами, каков ты сам. Немедленно буду писать к Андрею Карловичу, прося его перевести тебя из Белогорской крепости куда-нибудь подальше, где бы дурь у тебя прошла. Матушка твоя, узнав о твоём поединке и о том, что ты ранен, с горести занемогла и теперь лежит. Что из тебя будет? Молю Бога, чтоб ты исправился, хоть и не смею надеяться на Его великую милость.

Отец твой А. Г.»

Чтение сего письма возбудило во мне разные чувства. Жестокое выражения, на которые батюшка не поспешил, глубоко оскорбили меня. Пренебрежение, с каким он упоминал о Марье Ивановне, казалось мне столь же непристойным, как и несправедливым. Мысль о переведении моем из Белогорской крепости меня ужасала, но

всего более огорчило меня известие о болезни матери. Я негодовал на Савельича, не сомневаясь, что поединок мой стал известен родителям через него. Шагая взад и вперед по тесной моей комнате, я остановился перед ним и сказал, взглянув на него грозно: «Видно, тебе не довольно, что я, благодаря тебе, ранен и целый месяц был на краю гроба: ты и мать мою хочешь уморить». Савельич был поражен как громом. «Помилуй, сударь, — сказал он, чуть не зарыдав, — что это изволишь говорить? Я причина, что ты был ранен! Бог видит, бежал я заслонить тебя своей грудью от шпаги Алексея Ивановича! Старость проклятая помешала. Да что ж я сделал матушке-то твоей?» — «Что ты сделал? — отвечал я. — Кто просил тебя писать на меня доносы? разве ты приставлен ко мне в шпионы?» — «Я? писал на тебя доносы? — отвечал Савельич со слезами. — Господи Царю Небесный! Так изволь-ка прочесть, что пишет ко мне барин: увидишь, как я доносил на тебя». Тут он вынул из кармана письмо, и я прочел следующее:

«Стыдно тебе, старый пес, что ты, невзирая на мои строгие приказания, мне не донес о сыне моем Петре Андреевиче и что посторонние принуждены уведомлять меня о его проказах. Так ли исполняешь ты свою должность и господскую волю? Я тебя, старого пса! пошлю свиней пасты за утайку правды и потворство¹ к молодому человеку. С получением сего приказываю тебе немедленно отписать ко мне, каково теперь его здоровье, о котором пишут мне, что поправилось; да в какое именно место он ранен и хорошо ли его залечили».

Очевидно было, что Савельич передо мною был прав и что я напрасно оскорбил его упреком и подозрением. Я просил у него прощения; но старик был неутешен. «Вот до чего я дожил, — повторял он, — вот каких милостей дослужился от своих господ! Я и старый пес, и свинопас, да я ж и причина твоей раны? Нет, батюшка Петр Андреевич! не я, проклятый мусье всему виноват: он научил тебя тыкаться железными вертелами да притопывать, как будто тыканием да топанием убережешься от злого человека! Нужно было нанимать мусье да тратить лишние деньги!»

¹ *Потворство* — поощрение, содействие в чем-либо предосудительном, позволительном.

А. С. Пушкин. «Капитанская дочка». Гринев и Маша Миронова.
Худ. С. Герасимов. 1951

Но кто же брал на себя труд уведомить отца моего о моем поведении? Генерал? Но он, казалось, обо мне не слишком заботился; а Иван Кузмич не почел за нужное рапортовать о моем поединке. Я терялся в догадках. Подозрения мои остановились на Швабрине. Он один имел выгоду в доносе, коего следствием могло быть удаление мое из крепости и разрыв с комендантским семейством. Я пошел объявить обо всем Марье Ивановне. Она встретила меня на крыльце. «Что это с вами сделалось? — сказала она, увидев меня. — Как вы бледны!» — «Все кончено!» — отвечал я и отдал ей батюшкино письмо. Она побледнела в свою очередь. Прочитав, она возвратила мне письмо дрожащею рукою и сказала дрожащим голосом: «Видно, мне не судьба... Родные ваши не хотят меня в свою семью. Буди во всем воля Господня! Бог лучше нашего знает, что нам надобно. Делать нечего, Петр Андреич; будьте хоть вы

счастливы...» — «Этому не бывать! — вскричал я, схватив ее за руку, — ты меня любишь; я готов на все. Пойдем, кинемся в ноги к твоим родителям; они люди простые, не жестокосердые гордецы... Они нас благословят; мы обвенчаемся... а там, со временем, я уверен, мы умолим отца моего; матушка будет за нас; он меня простит...»

— Нет, Петр Андреич, — отвечала Маша, — я не выйду за тебя без благословения твоих родителей. Без их благословения не будет счастья. Покоримся воле Божией. Коли найдешь себе суженую¹, коли полюбишь другую — Бог с тобою, Петр Андреич, а я за вас обоих...

Тут она заплакала и ушла от меня; я хотел было войти за нею в комнату, но чувствовал, что был не в состоянии владеть самим собою, и воротился домой.

Я сидел погруженный в глубокую задумчивость, как вдруг Савельич прервал мои размышления.

— Вот, сударь, — сказал он, подавая мне исписанный лист бумаги, — посмотри, доносчик ли я на своего барина и стараюсь ли я помутить сына с отцом.

Я взял из рук его бумагу: это был ответ Савельича на полученное им письмо. Вот он от слова до слова:

«Государь Андрей Петрович, отец наш милостивый!

Милостивое писание ваше я получил, в котором изволишь гневаться на меня, раба вашего, что-де стыдно мне не исполнять господских приказаний, — а я не старый пес, а верный ваш слуга, господских приказаний слушаюсь и усердно вам всегда служил и дожил до седых волос. Я ж про рану Петра Андреича ничего к вам не писал, чтоб не испугать понапрасну, и, слышно, барыня, мать наша Авдотья Васильевна и так с испугу слегла, и за ее здоровье Бога буду молить. А Петр Андреич ранен был под правое плечо, в грудь, под самую косточку, в глубину на полтора вершка, и лежал он в доме коменданта, куда принесли мы его с берега, и лечил его здешний цирюльник Степан Пармонов; и теперь Петр Андреич, слава Богу, здоров, и про него, кроме хорошего, нечего и писать. Командиры, слышно, им довольны, а у Василисы Егоровны он как родной сын. А что с ним случилась такая оказия², то была молод-

¹ Суженая — невеста.

² Оказия — здесь: редкий, из ряда вон выходящий случай.

цу не укора: конь и о четырех ногах, да спотыкается. А изволите вы писать, что сошлете меня свиной пасти, и на то ваша боярская воля. За сим кланяюсь рабски.

Верный холоп ваш *Архип Савельев*.

Я не мог несколько раз не улыбнуться, читая грамоту¹ доброго старика. Отвечать батюшке я был не в состоянии; а чтоб успокоить матушку, письмо Савельича мне показалось достаточным.

С той поры положение мое переменялось. Марья Ивановна почти со мной не говорила и всячески старалась избегать меня. Дом коменданта стал для меня постыл. Мало-помалу приучился я сидеть один у себя дома. Василиса Егоровна сначала за то мне пеняла², но, видя мое упрямство, оставила меня в покое. С Иваном Кузмичом виделся я только, когда того требовала служба. С Швабриным встречался редко и неохотно, тем более что замечал в нем скрытую к себе неприязнь, что и утверждало меня в моих подозрениях. Жизнь моя сделалась мне несносна. Я впал в мрачную задумчивость, которую питали одиночество и бездействие. Любовь моя разгоралась в уединении и час от часу становилась мне тягостнее. Я потерял охоту к чтению и словесности. Дух мой упал. Я боялся или сойти с ума, или удариться в распутство. Неожиданные происшествия, имевшие важное влияние на всю мою жизнь, дали вдруг моей душе сильное и благое потрясение.

ГЛАВА VI

Пугачевщина

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, старые старики, будем
сказывать.

Песня.

Прежде нежели приступлю к описанию странных происшествий, коим я был свидетель, я должен сказать несколько слов о положении, в котором находилась Оренбургская губерния в конце 1773 года.

Сия обширная и богатая губерния обитаема была множеством полудиких народов, признавших еще недавно влады-

¹ *Грамота* — здесь: письмо.

² *Пенять* — укорять, выговаривать кому-нибудь.

чество российских государей. Их поминутные возмущения, непривычка к законам и гражданской жизни, легкомыслие и жестокость требовали со стороны правительства непре- ставного надзора для удержания их в повиновении. Крепо- сти выстроены были в местах, признанных удобными, и заселены по большей части казаками, давнишними облада- телями яицких берегов. Но яицкие казаки, долженствовав- шие охранять спокойствие и безопасность сего края, с неко- торого времени были сами для правительства беспокойными и опасными подданными. В 1772 году произошло возмуще- ние в их главном городке. Причиною тому были строгие ме- ры, предпринятые генерал-майором Траубенбергом, дабы привести войско к должному повиновению. Следствием бы- ло варварское убийство Траубенберга, своевольная перемена в управлении и, наконец, усмирение бунта картечью и жест- токими наказаниями.

Это случилось несколько времени перед прибытием моим в Белогорскую крепость. Все было уже тихо или казалось таковым; начальство слишком легко поверило мнимому раскаянию лукавых мятежников, которые злоб- ствовали втайне и выжидали удобного случая для возоб- новления беспорядков.

Обращаюсь к своему рассказу.

Однажды вечером (это было в начале октября 1773 года) сидел я дома один, слушая вой осеннего ветра и смотря в ок- но на тучи, бегущие мимо луны. Пришли меня звать от име- ни коменданта. Я тотчас отправился. У коменданта нашел я Швабрина, Ивана Игнатьича и казацкого урядника. В ком- нате не было ни Василисы Егоровны, ни Марьи Ивановны. Комендант со мною поздоровался с видом озабоченным. Он запер двери, всех усадил, кроме урядника, который стоял у дверей, вынул из кармана бумагу и сказал нам: «Господа офицеры, важная новость! Слушайте, что пишет генерал». Тут он надел очки и прочел следующее:

«Господину коменданту
Белогорской крепости капитану Миронову.

По секрету

Сим извещаю вас, что убежавший из-под караула дон- ской казак и раскольник¹ Емельян Пугачев, учиня непро-

¹ Пугачев, будучи раскольником, в церковь никогда не ходил. (А. С. Пушкин. «История Пугачева».)

стительную дерзость принятием на себя имени покойного императора Петра III, собрал злодейскую шайку, произвел возмущение в яицких селениях и уже взял и разорил несколько крепостей, производя везде грабежи и смертные убийства. Того ради, с получением сего, имее-те вы¹, господин капитан, немедленно принять надлежащие меры к отражению помянутого злодея и самозванца, а буде можно, и к совершенному уничтожению оного², если он обратится на крепость, вверенную вашему попечению³».

— Принять надлежащие меры! — сказал комендант, снимая очки и складывая бумагу. — Слышь ты, легко сказать. Злодей-то, видно, силен; а у нас всего сто тридцать человек, не считая казаков, на которых плоха надежда, не в укор буди тебе сказано, Максимыч (урядник усмехнулся). Однако делать нечего, господа офицеры! Будьте исправны, учредите караулы да ночные дозоры; в случае нападения запирайте ворота да выводите солдат. Ты, Максимыч, смотри крепко за своими казаками. Пушку осмотреть да хорошенько вычистить. А пуще всего содержите все это в тайне, чтоб в крепости никто не мог о том узнать преждевременно.

Раздав сии повеления, Иван Кузмич нас распустил. Я вышел вместе с Швабриным, рассуждая о том, что мы слышали.

«Как ты думаешь, чем это кончится?» — спросил я его. «Бог знает, — отвечал он, — посмотрим. Важного покамест еще ничего не вижу. Если же...» Тут он задумался и в рассеянии стал насвистывать французскую арию.

Несмотря на все наши предосторожности, весть о появлении Пугачева разнеслась по крепости. Иван Кузмич хоть и очень уважал свою супругу, но ни за что на свете не открыл бы ей тайны, вверенной ему по службе. Получив письмо от генерала, он довольно искусным образом выпроводил Василису Егоровну, сказав ей, будто бы отец Герасим получил из Оренбурга какие-то чудные известия, которые содержит в великой тайне. Василиса Егоровна тотчас захотела отправиться в гости к попадье и, по совету

¹ *Имеете вы* — здесь: должны вы.

² *Оный* (кажд.) — вышеупомянутый.

³ *Попечение* — здесь: забота, наблюдение.

Ивана Кузмича, взяла с собою и Машу, чтоб ей не было скучно одной.

Иван Кузмич, оставшись полным хозяином, тотчас послал за нами, а Палашку запер в чулан, чтоб она не смогла нас подслушать.

Василиса Егоровна возвратилась домой, не успев ничего выведать от попадьи, и узнала, что во время ее отсутствия было у Ивана Кузмича совещание и что Палашка была под замком. Она догадалась, что была обманута мужем, и приступила к нему с допросом. Но Иван Кузмич приготовился к нападению. Он нимало не смутился и бодро отвечал своей любопытной сожительнице: «А слышь ты, матушка, бабы наши вздумали печи топить соломой; а как от того может произойти несчастье, то я и отдал строгий приказ впредь соломою бабам печей не топить, а топить хворостом и валежником». — «А для чего ж было тебе запирасть Палашку? — спросила комендантша. — За что бедная девка просидела в чулане, пока мы не воротились?» Иван Кузмич не был приготовлен к такому вопросу; он запутался и пробормотал что-то очень нескладное. Василиса Егоровна увидела коварство своего мужа; но, зная, что ничего от него не добьется, прекратила свои вопросы и завела речь о соленых огурцах, которые Акулина Памфиловна приготовляла совершенно особенным образом. Во всю ночь Василиса Егоровна не могла заснуть и никак не могла догадаться, что бы такое было в голове ее мужа, о чем бы ей нельзя было знать.

На другой день, возвращаясь от обедни¹, она увидела Ивана Игнатьича, который вытаскивал из пушки тряпочки, камешки, щепки, бабки и сор всякого рода, запиханный в нее ребятишками. «Что бы значили эти военные приготовления? — думала комендантша, — уж не ждут ли нападения от киргизцев? Но неужто Иван Кузмич стал бы от меня таить такие пустяки?» Она кликнула Ивана Игнатьича с твердым намерением выведать от него тайну, которая мучила ее дамское любопытство.

Василиса Егоровна сделала ему несколько замечаний касательно хозяйства, как судия, начинающий следствие

¹ Обедня — утренняя или ранняя дневная церковная служба.

вопросами посторонними, дабы сперва усыпить осторожность ответчика. Потом, помолчав несколько минут, она глубоко вздохнула и сказала, качая головою:

— Господи Боже мой! Вишь какие новости! Что из этого будет?

— И, матушка! — отвечал Иван Игнатьич. — Бог милостив: солдат у нас довольно, пороху много, пушку я вычистил. Авось дадим отпор Пугачеву. Господь не выдаст, свинья не съест!

— А что за человек этот Пугачев? — спросила комендантша.

Тут Иван Игнатьич заметил, что проговорился, и закусил язык. Но уже было поздно. Василиса Егоровна принудила его во всем признаться, дав ему слово не рассказывать о том никому.

Василиса Егоровна сдержала свое обещание и никому не сказала ни одного слова, кроме как попадье, и то потому только, что корова ее ходила еще в степи и могла быть захвачена злодеями.

Вскоре все заговорили о Пугачеве. Толки были различные. Комендант послал урядника с поручением разведать хорошенько обо всем по соседним селениям и крепостям. Урядник возвратился через два дня и объявил, что в степи верст за шестьдесят от крепости видел он множество огней и слышал от башкирцев, что идет неведомая сила. Впрочем, не мог он сказать ничего положительного, потому что схватить далее побоялся.

В крепости между казаками заметно стало необыкновенное волнение; во всех улицах они толпились в кучки, тихо разговаривали между собою и расходились, увидя драгуна или гарнизонного солдата. Подосланы были к ним лазутчики¹. Юлай, крещеный калмык, сделал коменданту важное донесение. Показания урядника, по словам Юлая, были ложны; по возвращении своем лукавый казак объявил своим товарищам, что он был у бунтовщиков, представлялся самому их предводителю, который допустил его к своей руке и долго с ним разговаривал. Комендант немедленно посадил урядника под караул, а Юлая назначил на его место. Эта новость принята была казаками с явным неудовольствием. Они гром-

¹ Лазутчик — разведчик.

ко роптали, и Иван Игнатьич, исполнитель комендантского распоряжения, слышал своими ушами, как они говорили: «Вот уж тебе будет, гарнизонная крыса!» Комендант думал в тот же день допросить своего арестанта; но урядник бежал из-под караула, вероятно, при помощи своих единомышленников.

Новое обстоятельство усилило беспокойство коменданта. Схвачен был башкирец с возмутительными листами. По сему случаю комендант думал опять собрать своих офицеров и для того хотел опять удалить Василису Егоровну под благовидным предлогом. Но как Иван Кузмич был человек самый прямодушный и правдивый, то и не нашел другого способа, кроме как единожды уже им употребленного.

«Слышь ты, Василиса Егоровна, — сказал он ей, покашливая. — Отец Герасим получил, говорят, из города...» — «Полно врать, Иван Кузмич, — прервала комендантша, — ты, знать, хочешь собрать совещание да без меня потолковать об Емельяне Пугачеве; да лих¹ не проведешь!» Иван Кузмич вытаращил глаза. «Ну, матушка, — сказал он, — коли ты уже все знаешь, так, пожалуй, оставайся; мы потолкуем и при тебе». — «То-то, батька мой, — отвечала она, — не тебе бы хитрить; посылай-ка за офицерами».

Мы собрались опять. Иван Кузмич в присутствии жены прочел нам воззвание Пугачева, писанное каким-нибудь полуграмотным казаком. Разбойник объявлял о своем намерении немедленно идти на нашу крепость; приглашал казаков и солдат в свою шайку, а командиров увещевал² не сопротивляться, угрожая казнью в противном случае. Воззвание написано было в грубых, но сильных выражениях и должно было произвести опасное впечатление на умы простых людей.

— Каков мошенник! — воскликнула комендантша. — Что смеет еще нам предлагать! Выйти к нему навстречу и положить к ногам его знамена! Ах он собачий сын! Да разве не знает он, что мы уже сорок лет в службе и всего, слава Богу, насмотрелись? Неужто нашлись такие командиры, которые послушались разбойника?

¹ *Дя лих* (устар.) — да нет уж.

² *Увещевать* — убеждать.

— Кажется, не должно бы, — отвечал Иван Кузмич. — А слышно, злодей завладел уж многими крепостями.

— Видно, он в самом деле силен, — заметил Швабрин.

— А вот сейчас узнаем настоящую его силу, — сказал комендант. — Василиса Егоровна, дай мне ключ от анбара. Иван Игнатьич, приведи-ка башкирца да прикажи Юлаку принести сюда илетьей.

— Постой, Иван Кузмич, — сказала комендантша, вставая с места. — Дай уведу Машу куда-нибудь из дому; а то услышит крик, перепугается. Да и я, правду сказать, не охотница до розыска¹. Счастливо оставаться.

Пытка в старину так была укоренена в обычаях судопроизводства, что благодетельный указ², уничтоживший оную, долго оставался безо всякого действия. Думали, что собственное признание преступника необходимо было для его полного обличения, — мысль не только неосновательная, но даже и совершенно противная здравому юридическому смыслу: ибо, если отрицание подсудимого не приемлется в доказательство его невинности, то признание его и того менее должно быть доказательством его виновности. Даже и ныне случается мне слышать старых судей, жалеющих об уничтожении варварского обычая. В наше же время никто не сомневался в необходимости пытки, ни судьи, ни подсудимые. Итак, приказание коменданта никого из нас не удивило и не встревожило. Иван Игнатьич отправился за башкирцем, который сидел в анбаре под ключом у комендантши, и через несколько минут невольника привели в переднюю. Комендант велел его к себе представить.

Башкирец с трудом шагнул через порог (он был в колодке) и, сняв высокую свою шапку, остановился у дверей. Я взглянул на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого человека. Ему казалось лет за семьдесят. У него не было ни носа, ни ушей. Голова его была выбрита; вместо бороды торчало несколько седых волос; он был малого росту, тощ и спорблен; но узенькие глаза

¹ *Розыск* — дознание, следствие.

² Имелся в виду указ Александра I об отмене пыток, на практике не выполнявшийся.

его сверкали еще огнем. «Эхе! — сказал комендант, узнав, по страшным его приметам, одного из бунтовщиков, наказанных в 1741 году¹. — Да ты, видно, старый волк, побывал в наших капканах. Ты, знать, не впервой уже бунтуешь, коли у тебя так гладко выстрога-на башка. Подойди-ка поближе; говори, кто тебя подослал?»

Старый башкирец молчал и глядел на коменданта с видом совершенного бессмыслия. «Что же ты молчишь? — продолжал Иван Кузмич, — али бельмес² по-русски не разумеешь? Юлай, спроси-ка у него по-вашему, кто его подослал в нашу крепость?»

Юлай повторил на татарском языке вопрос Ивана Кузмича. Но башкирец глядел на него с тем же выражением и не отвечал ни слова.

— Якци³, — сказал комендант, — ты у меня заговоришь. Ребята! сымите-ка с него дурацкий полосатый халат да выстрочите ему спину. Смотри ж, Юлай: хорошенько его!

Два инвалида стали башкирца раздевать. Лицо несчастного изобразило беспокойство. Он оглядывался на все стороны, как зверок, пойманный детьми. Когда же один из инвалидов взял его руки и, положив их себе около шеи, поднял старика на свои плечи, а Юлай взял плеть и замахнулся, тогда башкирец застонал слабым, умоляющим голосом и, кивая головою, открыл рот, в котором вместо языка шевелился короткий обрубок.

Когда вспомню, что это случилось на моем веку и что ныне дожил я до кроткого царствования императора Александра, не могу не дивиться быстрым успехам просвещения и распространению правил человеколюбия. Молодой человек! если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений.

Все были поражены.

¹ В 1740 году произошло восстание в Башкирии, жестоко подавленное самодержавием. Многим участникам восстания в наказание обрезали носы и уши.

² *Бельмес* — ничего (от татарск. «бильмес» — не знает).

³ *Якци* (татарск.) — хорошо.

— Ну, — сказал комендант, — видно, нам от него толку не добиться. Юлай, отведи башкирца в анбар. А мы, господа, кой о чем еще потолкуем.

Мы стали рассуждать о нашем положении, как вдруг Василиса Егоровна вошла в комнату, задыхаясь и с видом чрезвычайно встревоженным.

— Что это с тобою сделалось? — спросил изумленный комендант.

— Батюшки, беда! — отвечала Василиса Егоровна. — Нижнеозерная взята сегодня утром. Работник отца Герасима сейчас оттуда воротился. Он видел, как ее брали. Комендант и все офицеры перевешаны. Все солдаты взяты в полон. Того и гляди, злодеи будут сюда.

Неожиданная весть сильно меня поразила. Комендант Нижнеозерной крепости, тихий и скромный молодой человек, был мне знаком: месяца за два перед тем проезжал он из Оренбурга с молодой своей женою и останавливался у Ивана Кузмича. Нижнеозерная находилась от нашей крепости верстах в двадцати пяти. С часу на час должно было и нам ожидать нападения Пугачева. Участь Марьи Ивановны живо представилась мне, и сердце у меня так и замерло.

— Послушайте, Иван Кузмич! — сказал я коменданту. — Долг наш защищать крепость до последнего нашего издыхания; об этом и говорить нечего. Но надобно подумать о безопасности женщин. Отправьте их в Оренбург, если дорога еще свободна, или в отдаленную, более надежную крепость, куда злодеи не успели бы достигнуть.

Иван Кузмич оборотился к жене и сказал ей:

— А слышь ты, матушка, и в самом деле, не отправить ли вас подале, пока не управимся мы с бунтовщиками?

— И, пустоё! — сказала комендантша. — Где такая крепость, куда бы пули не залетали? Чем Белогорская надежна? Слава Богу, двадцать второй год в ней проживаем. Видали и башкирцев и киргизцев: авьсь и от Пугачева отсидимся!

— Ну, матушка, — возразил Иван Кузмич, — оставайся, пожалуй, коли ты на крепость нашу надеешься. Да с Машей-то что нам делать? Хорошо, коли отсидимся или дождемся сикурса¹; ну, а коли злодеи возьмут крепость?

¹ Сикурс (воен., устар.) — помощь.

— Ну, тогда... — Тут Василиса Егоровна заикнулась и замолчала с видом чрезвычайного волнения.

— Нет, Василиса Егоровна, — продолжал комендант, замечая, что слова его подействовали, может быть, в первый раз в его жизни. — Маше здесь оставаться негоже. Отправим ее в Оренбург к ее крестной матери: там и войска, и пушек довольно, и стена каменная. Да и тебе советовал бы с нею туда же отправиться; даром ты старуха, а посмотри, что с тобою будет, коли возьмут фортецию приступом.

— Добро, — сказала комендантша, — так и быть, отправим Машу. А меня и во сне не проси: не поеду. Нечего мне под старость лет расставаться с тобою да искать одинокой могилы на чужой сторонке. Вместе жить, вместе и умирать.

— И то дело, — сказал комендант. — Ну, медлить нечего. Ступай готовить Машу в дорогу. Завтра чем свет ее и отправим, да дадим ей и конвой, хоть людей лишних у нас и нет. Да где же Маша?

— У Акулины Памфиловны, — сказала комендантша. — Ей сделалось дурно, как услышала о взятии Нижнеозерной; боюсь, чтобы не занемогла. Господи владыко, до чего мы дожили!

Василиса Егоровна ушла хлопотать об отъезде дочери. Разговор у коменданта продолжался, но я уже в него не мешался и ничего не слушал. Марья Ивановна явилась к ужину бледная и заплаканная. Мы отужинали молча и встали из-за стола скорее обыкновенного; простясь со всем семейством, мы отправились по домам. Но я нарочно забыл свою шпагу и воротился за нею: я предчувствовал, что застаю Марью Ивановну одну. В самом деле, она встретила меня в дверях и вручила мне шпагу. «Прощайте, Петр Андреич! — сказала она мне со слезами. — Меня посылают в Оренбург. Будьте живы и счастливы; может быть, Господь приведет нас друг с другом увидеться; если же нет...» Тут она зарыдала. Я обнял ее. «Прощай, ангел мой, — сказал я, — прощай, моя милая, моя желанная! Что бы со мною ни было, верь, что последняя моя мысль и последняя молитва будет о тебе!» Маша рыдала, прильнув к моей груди. Я с жаром ее поцеловал и поспешно вышел из комнаты.

Приступ

Голова моя, головушка,
 Голова послуживая!
 Послужила моя головушка
 Ровно тридцать лет и три года.
 Ах, не выслужила головушка
 Ни корысти себе, ни радости,
 Как ни слова себе доброго
 И ни рангу¹ себе высокого;
 Только выслужила головушка
 Два высокие столбика,
 Перекладинку кленовую,
 Еще петельку шелковую.

Народная песня.

В эту ночь я не спал и не раздевался. Я намерен был отправиться на заре к крепостным воротам, откуда Марья Ивановна должна была выехать, и там проститься с нею в последний раз. Я чувствовал в себе великую перемену: волнение души моей было мне гораздо менее тягостно, нежели то уныние, в котором еще недавно был я погружен. С грустью разлуки сливались во мне и неясные, но сладостные надежды, и нетерпеливое ожидание опасностей, и чувства благородного честолюбия. Ночь прошла незаметно. Я хотел уже выйти из дому, как дверь моя отворилась и ко мне явился капрал с донесением, что наши казаки ночью выступили из крепости, взяв насильно с собою Юлая, и что около крепости разъезжают неведомые люди. Мысль, что Марья Ивановна не успеет выехать, ужаснула меня; я поспешно дал капралу несколько наставлений и тотчас бросился к коменданту.

Уже рассветало. Я летел по улице, как услышал, что зовут меня. Я остановился. «Куда вы? — сказал Иван Игнатьич, догоняя меня. — Иван Кузмич на валу и послал меня за вами. Пугач пришел». — «Уехала ли Марья Ивановна?» — спросил я с сердечным трепетом. «Не успела, — отвечал Иван Игнатьич, — дорога в Оренбург отрезана, крепость окружена. Плохо, Петр Андреич!»

Мы пошли на вал, возвышение, образованное природой и укрепленное частоколом. Там уже толпились все жители

¹ Ранг — здесь: чин, звание.

крепости. Гарнизон стоял в ружье¹. Пушку туда перетащили накануне. Комендант расхаживал перед своим малочисленным строем. Близость опасности одушевляла старого воина бодростью необыкновенной. По степи, не в дальнем расстоянии от крепости, разъезжали человек двадцать верхами. Они, казалось, казаки, но между ими находились и башкирцы, которых легко можно было распознать по их рысьим шапкам и по колчанам. Комендант обошел все свое войско, говоря солдатам: «Ну, детушки, постоим сегодня за матушку государыню и докажем всему свету, что мы люди brave и присяжные²!» Солдаты громко изъявили усердие. Швабрин стоял подле меня и пристально глядел на неприятеля. Люди, разъезжающие в степи, заметя движение в крепости, съехались в кучку и стали между собою толковать. Комендант велел Ивану Игнатьичу навести пушку на их толпу и сам приставил фитиль. Ядро зажужжало и пролетело над ними, не сделав никакого вреда. Навозники, рассеясь, тотчас ускакали из виду, и степь опустела.

Тут явилась на валу Василиса Егоровна и с нею Маша, не хотевшая отстать от нее. «Ну, что? — сказала комендантша. — Каково идет баталия? Где же неприятель?» — «Неприятель недалече, — отвечал Иван Кузмич. — Бог даст, все будет ладно. Что, Маша, страшно тебе?» — «Нет, папсенька, — отвечала Марья Ивановна, — дома одной страшнее». Тут она взглянула на меня и с усилием улыбнулась. Я невольно стиснул рукоять моей шпаги, вспомня, что накануне получил ее из ее рук, как бы на защиту моей любезной. Сердце мое горело. Я воображал себя ее рыцарем. Я жаждал доказать, что был достоин ее доверенности, и с нетерпением стал ожидать решительной минуты.

В это время из-за высоты, находившейся в полверсте от крепости, показались новые конные толпы, и вскоре степь усеялась множеством людей, вооруженных копьями и сайдаками³. Между ими на белом коне ехал человек в красном кафтане, с обнаженной саблею в руке: это был сам Пугачев. Он остановился; его окружили, и, как видно, по его повелению, четыре человека отделились и во весь опор

¹ Т. е. был в боевой готовности.

² Присяжные — здесь: присягнувшие, принявшие присягу.

³ Сайдак — лук с колчаном и стрелами.

подскакали под самую крепость. Мы в них узнали своих изменников. Один из них держал под шапкою лист бумаги; у другого на копыте воткнута была голова Юлая, которую, стряхнув, перекинул он к нам через частокол. Голова бедного калмыка упала к ногам коменданта. Изменники кричали: «Не стреляйте; выходите вон к государю. Государь здесь!»

«Вот я вас! — закричал Иван Кузмич. — Ребята! стреляй!» Солдаты наши дали залп. Казак, державший письмо, зашатался и свалился с лошади; другие поскакали назад. Я взглянул на Марью Ивановну. Пораженная видом окровавленной головы Юлая, оглушенная залпом, она казалась без памяти. Комендант подозвал капрала и велел ему взять лист из рук убитого казака. Капрал вышел в поле и возвратился, ведя под уздцы лошадь убитого. Он вручил коменданту письмо. Иван Кузмич прочел его про себя и разорвал потом в клочки. Между тем мятежники, видимо, приготовлялись к действию. Вскоре пули начали свистать около наших ушей, и несколько стрел воткнулись около нас в землю и в частокол. «Василиса Егоровна! — сказал комендант. — Здесь не бабье дело; уведи Машу; видишь: девка ни жива ни мертва».

Василиса Егоровна, присмирившая под пулями, взглянула на стель, на которой заметно было большое движение; потом оборотилась к мужу и сказала ему: «Иван Кузмич, в животе и смерти¹ Бог волен: благослови Машу. Маша, подойди к отцу».

Маша, бледная и трепещущая, подошла к Ивану Кузмичу, стала на колени и поклонилась ему в землю. Старый комендант перекрестил ее трижды; потом поднял и, поцеловав, сказал ей изменившимся голосом: «Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу: Он тебя не оставит. Коли найдется добрый человек, дай Бог вам любовь да совет. Живите, как жили мы с Василисой Егоровной. Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же ее поскорее». (Маша кинулась ему на шею и зарыдала.) «Поцелуемся ж и мы, — сказала, заплакав, комендантша. — Прощай, мой Иван Кузмич. Отпусти мне², коли в чем я тебе досадила!» — «Прощай, прощай, матушка! — сказал комендант, обняв

¹ *В животе и смерти* (устар.) — в жизни и смерти.

² *Отпусти мне* (устар.) — прости меня.

свою старуху. — Ну, довольно! Ступайте, ступайте же домой; да коли успеешь, надень на Машу сарафан». Комендантша с дочерью удалились. Я глядел вослед Марьи Ивановны: она оглянулась и кивнула мне головой. Тут Иван Кузмич оборотился к нам, и все внимание его устремилось на неприятеля. Мятежники съезжались около своего предводителя и вдруг начали слезать с лошадей. «Теперь стойте крепко, — сказал комендант, — будет приступ...» В эту минуту раздался страшный визг и крики; мятежники бегом бежали к крепости. Пушка наша заряжена была картечью. Комсидант подпустил их на самое близкое расстояние и вдруг выпалил опять. Картечьхватила в самую середину толпы. Мятежники отхлынули в обе стороны и попятились. Предводитель их остался один впереди... Он махал саблею и, казалось, с жаром их уговаривал. Крик и визг, умолкнувшие на минуту, тотчас снова возобновились. «Ну, ребята, — сказал комендант, — теперь отворяй ворота, бей в барабан. Ребята, вперед, на вылазку, за мною!»

Комендант, Иван Игнатьич и я мигом очутились за крепостным валом; но обробелый гарнизон не тронулся. «Что ж вы, детушки, стоите? — закричал Иван Кузмич. — Умирать так умирать: дело служивое!» В эту минуту мятежники набежали на нас и ворвались в крепость. Барабан умолк; гарнизон бросил ружья; меня сшибли было с ног, но я встал и вместе с мятежниками вошел в крепость. Комендант, раненный в голову, стоял в кучке злодеев, которые требовали от него ключей. Я бросился было к нему на помощь: несколько дюжих казаков схватили меня и связали кушаками, приговаривая: «Вот уж вам будет, государевым послушникам!» Нас потащили по улицам; жители выходили из домов с хлебом и солью. Раздавался колокольный звон. Вдруг закричали в толпе, что государь на площади ожидает пленных и принимает присягу. Народ повалил на площадь; нас погнали туда же.

Пугачев сидел в креслах на крыльце комендантского дома. На нем был красивый казацкий кафтан, обшитый галунами. Высокая соболья шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза. Лицо его показалось мне знакомо. Казацкие старшины окружали его. Отец Герасим, бледный и дрожащий, стоял у крыльца, с крестом в руках, и, казалось, молча умолял его за пред-

стоящие жертвы. На площади ставили наскоро виселицу. Когда мы приблизились, башкирцы разогнали народ и нас представили Пугачеву. Колокольный звон утих; настала глубокая тишина. «Который комендант?» — спросил самозванец. Наш урядник выступил из толпы и указал на Ивана Кузмича. Пугачев грозно взглянул на старика и сказал ему: «Как ты смел противиться мне, своему государю?» Комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал твердым голосом: «Ты мне не государь, ты вор¹ и самозванец, слышь ты!» Пугачев мрачно нахмурился и махнул белым платком. Несколько казаков подхватили старого капитана и потащили к виселице. На ее перекладине очутился верхом изувеченный башкирец, которого допрашивали мы накануне. Он держал в руке веревку, и через минуту увидел я бедного Ивана Кузмича, вздернутого на воздух. Тогда привели к Пугачеву Ивана Игнатьича. «Присягай, — сказал ему Пугачев, — государю Петру Федоровичу!» — «Ты нам не государь, — отвечал Иван Игнатьич, повторяя слова своего капитана. — Ты, дядюшка, вор и самозванец!» Пугачев махнул опять платком, и добрый поручик повис подле своего старого начальника.

Очередь была за мною. Я глядел смело на Пугачева, готовясь повторить ответ великодушных² моих товарищей. Тогда, к неопisanному моему изумлению, увидел я среди мятежных старшин Швабрина, обстриженного в кружок и в казацком кафтане. Он подошел к Пугачеву и сказал ему на ухо несколько слов. «Вешать его!» — сказал Пугачев, не взглянув уже на меня. Мне накинули на шею петлю. Я стал читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяние во всех моих прегрешениях и моля Его о спасении всех близких моему сердцу. Меня притащили под виселицу. «Не бось, не бось», — повторяли мне губители, может быть и вправду желая меня ободрить. Вдруг услышал я крик: «Постойте, окаянные! погодите!..» Палачи остановились. Гляжу: Савельич лежит в ногах у Пугачева. «Отец родной! — говорил бедный дядька. — Что тебе в смерти барского дитяти? Отпусти его;

¹ Вор — здесь: разбойник, изменник.

² Великодушный — здесь: человек, обладающий величием души (в отличие от малодушный).

за него тебе выкуп дадут; а для примера и страха ради вели повесить хоть меня старика!» Пугачев дал знак, и меня тотчас развязали и оставили. «Батюшка наш тебя милует», — говорили мне. В эту минуту не могу сказать, чтоб я обрадовался своему избавлению, не скажу, однако ж, чтоб я о нем и сожалел. Чувствования мои были слишком смутны. Меня снова привели к самозванцу и поставили перед ним на колени. Пугачев протянул мне жилистую свою руку. «Целуй руку, целуй руку!» — говорили около меня. Но я предпочел бы самую лютую казнь такому подлому унижению. «Батюшка Петр Андреич! — шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня. — Не упрямься! что тебе стоит? плюнь да поцелуй у злод... (тьфу!) поцелуй у него ручку». Я не шевелился. Пугачев опустил руку, сказав с усмеянкою: «Его благородие, знать, одурел от радости. Поднимите его!» Меня подняли и оставили на свободе. Я стал смотреть на продолжение ужасной комедии.

Жители начали присягать. Они подходили один за другим, целуя распятие и потом кланяясь самозванцу. Гарнизонные солдаты стояли тут же. Ротный портной, вооруженный тупыми своими ножницами, резал у них косы. Они, отряхиваясь, подходили к руке Пугачева, который объявлял им прощение и принимал в свою шайку. Все это продолжалось около трех часов. Наконец Пугачев встал с кресел и сошел с крыльца в сопровождении своих старшин. Ему подвели белого коня, украшенного богатой сбруей. Два казака взяли его под руки и посадили на седло. Он объявил отцу Герасиму, что будет обедать у него. В эту минуту раздался женский крик. Несколько разбойников вытащили на крыльцо Василису Егоровну, растрепанную и раздетую донага. Один из них успел уже прятиться в ее душегрейку. Другие таскали перины, сундуки, чайную посуду, белье и всю рухлядь. «Батюшки мои! — кричала бедная старушка. — Отпустите душу на покаяние. Отцы родные, отведите меня к Ивану Кузмичу». Вдруг она взглянула на виселицу и узнала своего мужа. «Злодеи! — закричала она в испуге. — Что это вы с ним сделали? Свет ты мой, Иван Кузмич, удалая солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие; не в честном бою положил ты свой живот, а спину от беглого каторжника!» — «Унять старую ведь-

му! — сказал Пугачев. Тут молодой казак ударил ее саблей по голове, и она упала мертвая на ступени крыльца. Пугачев уехал; народ бросился за ним.

ГЛАВА VIII Незванный гость

Незванный гость хуже татарина.

*Пословица*¹.

Площадь опустела. Я все стоял на одном месте и не мог привести в порядок мысли, смущенные столь ужасными впечатлениями.

Неизвестность о судьбе Марьи Ивановны хуже всего меня мучила. Где она? что с нею? успела ли спрятаться? надежно ли ее убежище?.. Полный тревожными мыслями, я вошел в комендантский дом... Все было пусто; стулья, столы, сундуки были переломаны; посуда перебита; все растаскано. Я избежал по маленькой лестнице, которая вела в светлицу, и в первый раз отроду вошел в комнату Марьи Ивановны. Я увидел ее постелю, перерытую разбойниками; шкаф был разломан и ограблен; лампадка теплилась еще перед опустелым кивотом². Уцелело и зеркальце, висевшее в простенке... Где ж была хозяйка этой смиренной девической кельи³? Страшная мысль мелькнула в уме моем: я вообразил ее в руках у разбойников... Сердце мое сжалось... Я горько, горько заплакал и громко произнес имя моей любезной... В эту минуту послышался легкий шум, и из-за шкафа явилась Палаша, бледная и трепещущая.

— Ах, Петр Андренч! — сказала она, сплеснув руками. — Какой денек! какие страсти!

— А Марья Ивановна? — спросил я нетерпеливо. — Что Марья Ивановна?

— Барышня жива, — отвечала Палаша, — Она спрятана у Акулины Памфиловны.

— У попадьи! — вскричал я с ужасом. — Боже мой! да там Пугачев!..

¹ Пословица сложилась во времена монгольского нашествия на Русь. По имени одного из племен русские называли монголов татарами.

² *Кивот* (*киот*) — небольшой шкаф, подставка для икон.

³ *Келья* — здесь: небольшая комната уединенно живущего человека.

Я бросился вон из комнаты, мигом очутился на улице и опрометью побежал в дом священника, ничего не видя и не чувствуя. Там раздавались крики, хохот и песни... Пугачев пировал со своими товарищами. Палаша прибежала туда же за мною. Я подослал ее вызвать тихонько Акулину Памфиловну. Через минуту попадья вышла ко мне в сени с пустым штофом в руках.

— Ради Бога! где Марья Ивановна? — спросил я с незвяснимым волнением.

— Лежит, моя голубушка, у меня на кровати, там за перегородкою, — отвечала попадья. — Ну, Петр Андрейч, чуть было не стряслась беда, да, слава Богу, все прошло благополучно: злодей только что уселся обедать, как она, моя бедняжка, очнется да застонет!.. Я так и обмерла. Он услышал: «А кто это у тебя охает, старуха?» Я вору в пояс: «Племянница моя, государь; захворала, лежит, вот уж другая неделя». — «А молода твоя племянница?» — «Молода, государь». — «А покажи-ка мне, старуха, свою племянницу». У меня сердце так и екнуло, да нечего делать. «Изволь, государь; только девка-то не может встать и прийти к твоей милости». — «Ничего, старуха, я и сам пойду погляжу». И ведь пошел окаянный за перегородку; как ты думаешь! ведь отдернул занавес, взглянул ястребиными своими глазами — и ничего... Бог вынес! А веришь ли, я и батька мой так уж и приготовились к мученической смерти. К счастью, она, моя голубушка, не узнала его. Господи Владыко, дождались мы праздника! Нечего сказать! бедный Иван Кузмич! кто бы подумал!.. А Василися-то Егоровна? А Иван-то Игнатьич? Его-то за что?.. Как это вас пощадил? А каков Швабрин, Алексей Иваныч? Ведь остригся в кружок и теперь у нас тут же с ними пирует! Проворен, нечего сказать! А как сказала я про больную племянницу, так он, веришь ли, так взглянул на меня, как бы ножом насквозь; однако не выдал, спасибо ему и за это.

В эту минуту раздались пьяные крики гостей и голос отца Герасима. Гости требовали вина, хозяин кликал сожительницу. Попадья расхлопоталась.

— Ступай себе домой, Петр Андрейч, — сказала она, — теперь не до вас; у злодеев попойка идет. Беда, попадетесь под пьяную руку. Прощайте, Петр Андрейч. Что будет, то будет; авось Бог не оставит!

Попадья ушла. Несколько успокоенный, я отправился к себе на квартиру. Проходя мимо площади, я увидел несколько башкирцев, которые теснились около виселицы и стаскивали сапоги с повешенных; с трудом удержал я порыв негодования, чувствуя бесполезность заступления. По крепости бегали разбойники, грабя офицерские дома. Везде раздавались крики пьянствующих мятежников. Я пришел домой. Савельич встретил меня у порога.

— Слава Богу! — вскричал он, увидя меня. — Я было думал, что злодеи опять тебя подхватили. Ну, батюшка Петр Андрееч! веришь ли? все у нас разграбили, мошеники: платье, белье, вещи, посуду — ничего не оставили. Да что уж! Слава Богу, что тебя живого отпустили! А узнал ли ты, сударь, атамана?

— Нет, не узнал; а кто ж он такой?

— Как, батюшка? Ты и позабыл того пьяницу, который выманил у тебя тулуп на постоялом дворе? Заячий тулупчик совсем новешенький; а он, бестия, его так и распарол, напивая на себя!

Я изумился. В самом деле, сходство Пугачева с моим вожатым было разительное. Я удостоверился, что Пугачев и он были одно и то же лицо, и понял тогда причину пощады, мне оказанной. Я не мог не удивиться странному сцеплению обстоятельств: детский тулуп, подаренный бродяге, избавлял меня от петли, и пьяница, шатавшийся по постоялым дворам, осаждал крепости и потрясал государством!

— Не изволишь ли покушать? — спросил Савельич, неизменный в своих привычках. — Дома ничего нет, пойду пошарю да что-нибудь тебе изготовлю.

Оставшись один, я погрузился в размышления. Что мне было делать? Остаться в крепости, подвластной злодею, или следовать за его шайкою было неприлично офицеру. Долг требовал, чтоб я явился туда, где служба моя могла еще быть полезна отечеству в настоящих затруднительных обстоятельствах... Но любовь сильно советовала мне оставаться при Марье Ивановне и быть ей защитником и покровителем. Хотя я и предвидел скорую и несомненную перемену в обстоятельствах, но все же не мог не трепетать, воображая опасность ее положения.

Размышления мои были прерваны приходом одного из знаков, который прибежал с объявлением, «что-де великий государь требует тебя к себе».

— Где же он? — спросил я, готовясь повиноваться.

— В комендантском, — отвечал казак. — После обеда батюшка наш отправился в баню, а теперь отдыхает. Ну, ваше благородие, по всему видно, что персона знатная: за обедом скушать изволил двух жареных поросят, а парится так жарко, что и Тарас Курочкин не вытерпел, отдал веление Фомке Бикбасву да насыду холодной водой откачался. Батюшка скажет: все приемы такие важные... А в бане, слышно, показывал царские свои знаки на грудях: на одной двуглавый орел, величиною с пятак, а на другой перстень его.

Я не почел нужным оспаривать мнения казака и с ним вместе отправился в комендантский дом, заранее воображая себе свидание с Пугачевым и стараясь предугадать, чем оно кончится. Читатель легко может себе представить, что я не был совершенно хладнокровен.

Начинало смеркаться, когда пришел я к комендантскому дому. Виселица с своими жертвами страшно чернела. Тело бедной комендантши все еще валялось под крыльцом, у которого два казака стояли на карауле. Казак, приведший меня, отправился про меня доложить и, тотчас же воротившись, ввел меня в ту комнату, где накануне так нежно процался я с Марьей Ивановой.

Необыкновенная картина мне представилась. За столом, накрытым скатертью и установленным штофами и стаканами, Пугачев и человек десять казацких старшин сидели, в шапках и цветных рубашках, разгоряченные вином, с красными рожам и блистающими глазами. Между ними не было ни Швабрина, ни нашего урядника, новобраных изменников. «А, ваше благородие! — сказал Пугачев, увидя меня. — Добро пожаловать; честь и место, милости просим». Собеседники потеснились. Я молча сел на краю стола. Сосед мой, молодой казак, стройный и красивый, налил мне стакан простого вина, до которого я не коснулся.

С любопытством стал я рассматривать сборище. Пугачев на первом месте сидел, облокотясь на стол и подпирая черную бороду своим широким кулаком. Черты лица его,

правильные и довольно приятные, не изъясляли ничего свирепого. Он часто обращался к человеку лет пятидесяти, называя его то графом, то Тимофеичем, а иногда величая его дядюшкой. Все обходились между собою как товарищи и не оказывали никакого особенного предпочтения своему предводителю. Разговор шел об утреннем приступе, об успехе возмущения и о будущих действиях. Каждый хвастал, предлагал свои мнения и свободно оспаривал Пугачева.

И на сем странном военном совете решено было идти к Оренбургу: движение дерзкое, и которое чуть было не увенчалось бедственным успехом! Поход был объявлен к завтрашнему дню.

«Ну, братцы, — сказал Пугачев, — затынем-ка на сон грядущий мою любимую цесенку. Чумаков! Начинай!» — Сосед мой затянул тонким голосом заунывную бурлацкую песню, и все подхватили хором:

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мешай мне доброму молодцу думу думати.
Что завтра мне доброму молодцу в допрос идти
Перед грозного судью, самого царя.
Еще станет государь-царь меня спрашивать:
Ты скажи, скажи, детинушка крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Еще много ли с тобой было товарищей?
Я скажу тебе, надежа православный царь,
Всею правду скажу тебе, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первый мой товарищ темная ночь,
А второй мой товарищ булатный нож,
А как третий-то товарищ, то мой добрый конь,
А четвертый мой товарищ, то тугой лук,
Что рассыльчики мои, то калены стрелы.
Что возговорит надежа православный царь:
Исполать¹ тебе, детинушка крестьянский сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожалуйю
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами с перекладиной.

¹ *Исполать* (устар.) — хвалит, слава.

Невозможно рассказать, какое действие произвела на меня эта простонародная песня про виселицу, распеваемая людьми, обреченными виселице. Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным, — все потрясло меня каким-то психическим¹ ужасом.

Гости выпили еще по стакану, встали из-за стола и простились с Пугачевым. Я хотел за ними последовать, но Пугачев сказал мне: «Сиди, я хочу с тобою переговорить». Мы остались глаз на глаз.

Несколько минут продолжалось обоюдное наше молчание. Пугачев смотрел на меня пристально, изредка прищуривая левый глаз с удивительным выражением плутовства и насмешливости. Наконец он засмеялся, и с такою непритворной веселостью, что и я, глядя на него, стал смеяться, сам не зная чему.

— Что, ваше благородие? — сказал он мне. — Струсил ты, признайся, когда молодцы мои накинули тебе веревку на шею? Я чай², небо с овчинку показалось... А покачался бы на перекладине, если б не твой слуга. Я тотчас узнал старого хрыча. Ну, думал ли ты, ваше благородие, что человек, который вывел тебя к умету, был сам великий государь? (Тут он взял на себя вид важный и таинственный.) Ты крепко передо мною виноват, — продолжал он, — но я помиловал тебя за твою добродетель³, за то, что ты оказал мне услугу, когда принужден я был скрываться от своих недругов. То ли еще увидишь! Так ли еще тебя пожалую, когда получу свое государство! Обещаешься ли служить мне с усердием?

Вопрос мошенника и его дерзость показались мне так забавны, что я не мог не усмехнуться.

— Чему ты усмехаешься? — спросил он меня нахмуясь. — Или ты не веришь, что я великий государь? Отвечай прямо.

Я смутился. Признать бродягу государем был я не в состоянии: это казалось мне малодушием непростительным. Назвать его в глаза обманщиком — было подвергнуть себя пошибе; и то, на что был я готов под виселицею в глазах

¹ Психический (устар.) — психический.

² Я чай — здесь: я думаю.

³ Добродетель — добро, стремление к добру.

всего народа и в первом пылу негодования, теперь казалось мне бесполезной хвастливостью. Я колебался. Пугачев мрачно ждал моего ответа. Наконец (и еще ныне с самодовольствием поминая эту минуту) чувство долга восторжествовало во мне над слабостию человеческою. Я отвечал Пугачеву:

— Слушай; скажу тебе всю правду. Рассуди, могу ли я признать в тебе государя? Ты человек смышленный; ты сам увидел бы, что я лукавствую.

— Кто же я таков, по твоему разумению?

— Бог тебя знает; но кто бы ты ни был, ты шутишь опасную шутку.

Пугачев взглянул на меня быстро. «Так ты не веришь, — сказал он, — чтоб я был государь Петр Федорович? Ну, добро. А разве нет удачи удалому? Разве в старину Гришка Отрепьев¹ не царствовал? Думай про меня что хочешь, а от меня не отставай. Какое тебе дело до иного-прочего? Кто ни поп, тот батька. Послужи мне верой и правдою, и я тебя пожалую и в фельдмаршалы и в князья. Как ты думаешь?»

— Нет, — отвечал я с твердостью. — Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу. Коли ты в самом деле желаешь мне добра, так отпусти меня в Оренбург.

Пугачев задумался. «А коли отпущу, — сказал он, — так общаешься ли по крайней мере против меня не служить?»

— Как могу тебе в этом обещаться? — отвечал я. — Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя — пойду, делать нечего. Ты теперь сам начальник; сам требуешь повиновения от своих. На что это будет похоже, если я от службы откажусь, когда служба моя понадобится? Голова моя в твоей власти: отпустишь меня — спасибо; казнишь — Бог тебе судья; а я сказал тебе правду.

Моя искренность поразила Пугачева. «Так и быть, — сказал он, ударя меня по плечу. — Казнить так казнить, миловать так миловать. Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь. Завтра приходи со мною про-

¹ Григорий Отрепьев — самозванец, ставленник польских панов, под именем Дмитрия, сына Ивана IV, захвативший в 1605 году русский престол. Убит в 1606 году во время парадного восстания.

статься, а теперь ступай себе спать, и меня уж дрема сонит».

Я оставил Пугачева и вышел на улицу. Ночь была тихая и морозная. Месяц и звезды ярко сияли, освещая площадь и виселицу. В крепости все было спокойно и темно. Только в кабаке светился огонь и раздавались крики застывших гуляк. Я взглянул на дом священника. Ставни и ворота были заперты. Казалось, все в нем было тихо.

Я пришел к себе на квартиру и нашел Савельича, горюющего по моему отсутствию. Весть о свободе моей обрадовала его несказанно. «Слава Тебе, Владыко! — сказал он, перекрестившись. — Чем свет оставим крепость и пойдем, куда глаза глядят. Я тебе кое-что заготовил; покушай-ка, батюшка, да и почивай себе до утра, как у Христа за пазухой».

Я последовал его совету и, поужинав с большим аппетитом, заснул на голом полу, утомленный душевно и физически.

ГЛАВА IX

Разлука

Сладко было спознаваться
Мне, прекрасная, с тобой;
Грустно, грустно расставаться,
Грустно, будто бы с душой.
Херасков.¹

Рано утром разбудил меня барабан. Я пошел на сборное место. Там строились уже толпы пугачевские около виселицы, где все еще висели вчерашние жертвы. Казаки стояли верхами, солдаты под ружьем. Знамена развевались. Несколько пушек, между коих узнал я и нашу, поставлены были на походные лафеты. Все жители находились тут же, ожидая самозванца. У крыльца комендантского дома казак держал под уздцы прекрасную белую лошадь киргизской породы. Я искал глазами тело комендантши. Оно было отнесено немного в сторону и прикрыто рогожею. Наконец Пугачев вышел из сеней. Народ снял шапки. Пугачев остановился на крыльце и со всеми поздоровался. Один из старшин подал ему мешок с медными деньгами, и он стал их метать пригоршнями.

¹ М. М. Херасков. (1733—1807) — русский поэт и драматург.

Народ с криком бросался их подбирать, и дело обошлось не без увечья. Пугачева окружили главные из его сообщников. Между ими стоял и Швабрин. Взоры наши встретились; в моем он мог прочесть презрение, и он отворотился с выражением искренней злобы и притворной насмешливости. Пугачев, увидев меня в толпе, кивнул мне головою и позвал к себе. «Слушай, — сказал он мне. — Ступай сей же час в Оренбург и объяви от меня губернатору и всем генералам, чтоб ожидали меня к себе через неделю. Присоветуй им встретить меня с детскою любовью и послушанием; не то не избежать им лютой казни. Счастливым путем, ваше благородие!» Потом обратился он к народу и сказал, указывая на Швабрину: «Вот вам, детушки, новый командир. Слушайтесь его во всем, а он отвечает мне за вас и за крепость». С ужасом услышал я сии слова: Швабрин делался начальником крепости; Марья Ивановна оставалась в его власти! Боже, что с нею будет! Пугачев сошел с крыльца. Ему подвели лошадей. Он проворно вскочил в седло, не дождавшись кззиков, которые хотели было посадить его.

В это время из толпы народа, вижу, выступил мой Савельич, подходит к Пугачеву и подает ему лист бумаги. Я не мог придумать, что из того выйдет. «Это что?» — спросил важно Пугачев. «Прочитай, так изволишь увидеть», — отвечал Савельич. Пугачев принял бумагу и долго рассматривал с видом значительным. «Что ты так мудрено пишешь? — сказал он наконец. — Наши светлые очи не могут тут ничего разобрать. Где мой обер-секретарь¹?»

Молодой малый в капральском мундире проворно подбежал к Пугачеву. «Читай вслух», — сказал самозванец, отдавая ему бумагу. Я чрезвычайно любопытствовал узнать, о чем дядька мой вздумал писать Пугачеву. Обер-секретарь громогласно стал по складам читать следующее:

«Два халата, миткалевый² и шелковый полосатый, на шесть рублей».

— Это что значит? — сказал, нахмурясь, Пугачев.

— Прикажи читать далее, — отвечал спокойно Савельич.

¹ Обер-секретарь — главный секретарь.

² Миткаль — дешевая хлопчатобумажная ткань.

Обер-секретарь продолжал:

«Мундир из тонкого зеленого сукна, на семь рублей.
Штаны белые суконные, на пять рублей.

Двенадцать рубах полотняных голландских с манжетами, на десять рублей.

Погребец с чайною посудою, на два рубля с полтиною...»

— Что за вранье? — прервал Пугачев. — Какое мне дело до погребцов и до штанов с манжетами?

Савельич крикнул и стал объясняться. «Это, батюшка, изволишь видеть, реестр¹ барскому добру, раскраденному злодеями...»

— Какими злодеями? — спросил грозно Пугачев.

— Виноват: обмолвился, — отвечал Савельич. — Злодей не злодей, а твои ребята-таки пошарили да порастаскали. Не гневись: конь и о четырех ногах да спотыкается. Прикажи уж дочитать.

— Дочитывай, — сказал Пугачев.

Секретарь продолжал:

«Одеяло ситцевое, другое тафтяное², на хлопчатой бумаге, четыре рубля.

Шуба лисья, крытая алым ратином³, 40 рублей.

Еще заячий тулудчик, пожалованный твоей милости на постоялом дворе, 15 рублей».

— Это что еще! — вскричал Пугачев, сверкнув огненными глазами.

Признаюсь, я перепугался за бедного моего дядьку. Он хотел было пуститься опять в объяснения, но Пугачев его прервал: «Как ты смел лезть ко мне с такими пустяками? — вскричал он, выхватя бумагу из рук секретаря и бросив ее в лицо Савельичу. — Глупый старик! Их обобрали: экая беда! Да ты должен, старый хрыч, вечно Бога молить за меня да за моих ребят за то, что ты и с баринком-то своим не висите здесь вместе с моими ослушниками... Заячий тулуд! Я-те дам заячий тулуд! Да знаешь ли ты, что я с тебя живого кожу велю содрать на тулуды?»

— Как изволишь, — отвечал Савельич, — а я человек подневольный и за барское добро должен отвечать.

¹ *Реестр* — список, перечень.

² *Тафта* — тонкая блестящая шелковая ткань.

³ *Ратин* — шерстяная ткань для верхней одежды.

Пугачев был, видно, в припадке великодушия. Он отворотился и отъехал, не сказав более ни слова. Швабрин и старшины последовали за ним. Шайка выступила из крепости в порядке. Народ пошел провожать Пугачева. Я остался на площади один с Савельичем. Дядька мой держал в руках свой реестр и рассматривал его с видом глубокого сожаления.

Видя мое доброе согласие с Пугачевым, он думал употребить оное в пользу; но мудрое намерение ему не удалось. Я стал было его бранить за неуместное усердие и не мог удержаться от смеха.

— Смейся, сударь, — отвечал Савельич, — смейся; а как придется нам сызнова заводиться всем хозяйством, так посмотрим, смешно ли будет.

Я сишел в дом священника увидеться с Марьей Ивановной. Попадья встретила меня с печальным известием. Ночью у Марьи Ивановны открылась сильная горячка. Она лежала без памяти и в бреду. Попадья ввела меня в ее комнату. Я тихо подошел к ее кровати. Перемена в ее лице поразила меня. Больная меня не узнала. Долго стоял я перед нею, не слушая ни отца Герасима, ни доброй жены его, которые, кажется, меня утешали. Мрачные мысли волновали меня. Состояние бедной, беззащитной сироты, оставленной посреди злобных мятежников, собственное мое бессилие утешали меня. Швабрин, Швабрин пуще всего терзал мое воображение. Облеченный властью от самозванца, предводительствуя в крепости, где оставалась несчастная девушка — невинный предмет его ненависти, он мог решиться на все. Что мне было делать? Как подать ей помощь? Как освободить из рук злодея? Оставалось одно средство: я решился тот же час отправиться в Оренбург, дабы торопить освобождение Белогорской крепости и по возможности тому содействовать. Я простился с священником и с Акулиной Памфиловной, с жаром поручая ей ту, которую почитал уже своею женою. Я взял руку бедной девушки и поцеловал ее, орошая слезами. «Прощайте, — говорила мне попадья, провожая меня, — прощайте, Петр Андреич. Авось увидимся в лучшее время. Не забывайте нас и пишите к нам почаще. Бедная Марья Ивановна, кроме вас, не имеет теперь ни утешения, ни покровителя».

Вышед на площадь, я остановился на минуту, взглянул на виселицу, поклонился ей, вышел из крепости и пошел по Оренбургской дороге, сопровождаемый Савельичем, который от меня не отставал... Я шел, занятый своими размышлениями, как вдруг услышал за собою конский топот. Отглянулся; вижу: из крепости скачет казак, держа башкирскую лошадь в поводья и делая издали мне знаки. Я остановился и вскоре узнал нашего урядника. Он, подскочив, слез с своей лошади и сказал, отдавая мне поводья другой:

— Ваше благородие! Отец наш вам жалует лошадь и шубу с своего плеча (к седлу привязан был овчинный тулуп). Да еще, — прибавил, запинаясь, урядник, — жалует он вам... полтину денег... да я растерял ее дорогою: простите великодушно.

Савельич посмотрел на него косо и проворчал:

— Растерял дорогою! А что же у тебя побрякивает за пазухой? Вессовестный!

— Что у меня за пазухой-то побрякивает? — возразил урядник, нимало не смутясь. — Бог с тобою, старинушка! Это бречит уздечка, а не полтина.

— Добро, — сказал я, прерывая спор. — Благодарю от меня того, кто тебя прислал; а растерянную полтину постарайся подобрать на возвратном пути и возьми себе на водку.

— Очень благодарен, ваше благородие, — отвечал он, поворачивая свою лошадь, — вечно за вас буду Бога молить.

При сих словах он поскакал назад, держась одной рукою за пазуху, и через минуту скрылся из виду.

Я надел тулуп и сел верхом, посадив за собою Савельича.

— Вот видишь ли, сударь, — сказал старик, — что я недаром подаю мошенику челобитье¹: вору-то стало совестно, хоть башкирская долговязая кляча да овчинный тулуп не стоят и половины того, что они, мошеники, у нас украли, и того, что ты сам изволил пожаловаться; да все же пригодится, а с лихой собаки хоть шерсти клок.

¹ *Челобитье* (устар.) — прошение (от *бить челом* — кланяться до земли).

ГЛАВА X
Осада города

Заняв дуга и горы,
С вершинц, как орел, бросал
на град он взоры.
За станом¹ повелел соорудить
раскат²
И, в нем перуны³ скрыв,
в ночи⁴ привести под град.
Херасков.

Приближаясь к Оренбургу, увидели мы толпу колодников⁵ с обритыми головами, с лицами, обезображенными щипцами палача. Они работали около укреплений, под надзором гарнизонных инвалидов. Иные вывозили в тележках сор, наполнявший ров; другие лопатками копали землю; на валу камешники таскали кирпичи и чинили городскую стену. У ворот часовые остановили нас и потребовали наших паспортов. Как скоро сержант услышал, что я еду из Белогорской крепости, то повел меня прямо в дом генерала.

Я застал его в саду. Он осматривал яблони, обнаженные дыханием осени, и с помощью старого садовника бережно их укутывал теплой соломой. Лицо его изображало спокойствие, здоровье и добродушие. Он мне обрадовался и стал расспрашивать об ужасных происшествиях, коим⁶ я был свидетель. Я рассказал ему все. Старик слушал меня со вниманием и между тем отрезывал сухие ветви. «Бедный Миронов! — сказал он, когда кончил я свою печальную повесть. — Жаль его: хороший был офицер. И мадам Миронов добрая была дама и какая майстерица грибы солить! А что Маша, капитанская дочка?» Я отвечал, что она осталась в крепости на руках у попадья. «Ай, ай, ай! — заметил генерал. — Это плохо, очень плохо. На дисциплину разбойников никак нельзя положиться. Что будет с бедной девушкою?» Я отвечал, что до Белогорской крепости неда-

¹ Стан — лагерь.

² Раскат — плоская насыпь для установки пушек.

³ Перун — бог грома в древнеславянской мифологии. Здесь под перунами подразумеваются луки.

⁴ В ночи (устар.) — ночью.

⁵ Колодник — арестант, узник в колодежках.

⁶ Кбим (устар.) — которм.

дело и что, вероятно, его превосходительство не замедлит выслать войско для освобождения бедных ее жителей. Генерал покачал головою с видом недоверчивости. «Посмотрим, посмотрим, — сказал он, — Об этом мы еще успеем потолковать. Прошу ко мне пожаловать на чашку чаю: сегодня у меня будет военный совет. Ты можешь нам дать верные сведения о бездельнике Пугачеве и об его войске. Теперь покамест поди отдохни».

Я пошел на квартиру, мне отведенную, где Савельич уже хозяйничал, и с нетерпением стал ожидать назначенного времени. Читатель легко себе представит, что я не преминул¹ явиться на совет, долженствовавший иметь такое влияние на судьбу мою. В назначенный час я уже был у генерала.

Я застал у него одного из городских чиновников, помнится, директора таможи², толстого и румяного старичка в глазетовом³ кафтане. Он стал расспрашивать меня о судьбе Ивана Кузмича, которого называл кумом, и часто прерывал мою речь дополнительными вопросами и нравоучительными замечаниями, которые если и не обличали в нем человека сведущего в военном искусстве, то по крайней мере обнаруживали сметливость и природный ум. Между тем собрались и прочие приглашенные. Между ими, кроме самого генерала, не было ни одного военного человека. Когда все уселись и всем разнесли по чашке чаю, генерал изложил весьма ясно и пространно, в чем состояло дело. «Теперь, господа, — продолжал он, — надлежит решить, как нам действовать противу мятежников: наступательно или оборонительно? Каждый из оных способов имеет свою выгоду и невыгоду. Действие наступательное представляет более надежды на скорейшее истребление неприятеля; действие оборонительное более верно и безопасно... Итак, начнем собирать голоса по законному порядку, то есть начиная с младших по чину. Г-н прапорщик⁴! — продолжал он, обращаясь ко мне. — Извольте объяснить нам ваше мнение». Я встал и, в коротких сло-

¹ Не преминул (устар.) — не забыл.

² Таможня — учреждение для контроля над провозом товара через границу.

³ Глазёт — узорчатая шелковая ткань.

⁴ Прапорщик — младший офицерский чин в царской армии.

вах описав сперва Пугачева и шайку его, сказал утвердительно, что самозванцу способа не было устоять противу правильного оружия¹.

Мнение мое было принято чиновниками с явною неблагосклонностию. Они видели в нем опрометчивость и дерзость молодого человека. Поднялся ропот, и я услышал явственно слово «молокосос», произнесенное кем-то вполголоса. Генерал обратился ко мне и сказал с улыбкою: «Господин прапорщик! Первые голоса на военных советах подаются обыкновенно в пользу движений наступательных: это законный порядок. Теперь станем продолжать собиране голосов. Господин коллежский советник², скажите нам ваше мнение!»

Старичок в глазетовом кафтане поспешно допил третью свою чашку, значительно разбавленную ромом, и отвечал генералу: «Я думаю, ваше превосходительство, что не должно действовать ни наступательно, ни оборонительно».

— Как же так, господин коллежский советник? — возразил изумленный генерал. — Других способов тактика³ не представляет: движение оборонительное или наступательное...

— Ваше превосходительство, двигайтесь подкупательно.

— Эх-хс-хе! мнение ваше весьма благоразумно. Движения подкупательные тактикою допускаются, и мы воспользуемся вашим советом. Можно будет обещать за голову бездельника... рублей семьдесят или даже сто... из секретной суммы...

— И тогда, — прервал таможенный директор, — будь я киргизский баран, а не коллежский советник, если эти воры не выдадут нам своего атамана, скованного по рукам и по ногам.

— Мы еще об этом подумаем и потолкуем, — отвечал генерал. — Однако надлежит во всяком случае предпринять и военные меры. Господа, подайте голоса ваши по законному порядку.

Все мнения оказались противными моему. Все чиновники говорили о ненадежности войск, о неверности удачи,

¹ *Правильное оружие* — здесь: регулярные войска.

² *Коллежский советник* — гражданский чин VI класса (по Табели о рангах).

³ *Тактика* — наука о ведении боя.

об осторожности и тому подобном. Все полагали, что благо-разумнее оставаться под прикрытием пушек за крепкой каменной стеною, нежели на открытом поле испытывать счастье оружия. Наконец генерал, выслушав все мнения, вытряхнул пепел из трубки и произнес следующую речь:

— Государи мои! должен я вам объяснить, что с моей стороны я совершенно с мнением господина прапорщика согласен: ибо мнение сие основано на всех правилах здра-вой тактики, которая всегда почти наступательные движе-ния оборонительным предпочитает.

Тут он остановился и стал набивать свою трубку. Само-любие мое торжествовало. Я гордо посмотрел на чиновни-ков, которые между собой перешептывались с видом неу-довольствия и беспокойства.

— Но, государи мои, — продолжал он, выпустив вместе с глубоким вздохом густую струю табачного дыму. — Я не смею взять на себя столь великую ответственность, когда дело идет о безопасности вверенных мне провинций ее императорским величеством, все милостивейшей моею государыней. Итак, я соглашаюсь с большинством голо-сов, которое решило, что всего благоразумнее и безопаснее внутри города ожидать осады, а нападения неприятеля си-лой артиллерии и (буде окажется возможным) вылазка-ми — отражать.

Чиновники в свою очередь насмешливо взглядели на меня. Совет разошелся. Я не мог не сожалеть о слабости почтенного воина, который, наперекор собственному убеж-дению, решился следовать мнению людей несведущих и неопытных.

Спустя несколько дней после сего знаменитого совета узнали мы, что Пугачев, верный своему обещанию, прибли-жался к Оренбургу. Я увидел войско мятежников с высоты городской стены. Мне показалось, что число их вдесятеро увеличилось со времени последнего приступа, коему был я свидетель. При них была и артиллерия, взятая Пугачевым в малых крепостях, им уже покоренных. Вспомня решение совета, я предвидел долговременное заключение в стенах оренбургских и чуть не плакал от досады.

Не стану описывать оренбургскую осаду, которая при-надлежит истории, а не семейственным запискам. Скажу вкратце, что осада по неосторожности местного начальства была гибельна для жителей, которые претерпели голод и

всевозможные бедствия. Легко можно себе вообразить, что жизнь в Оренбурге была самая несносная. Все с унынием ожидали решения своей участи; все охали от дороговизны, которая в самом деле была ужасна. Жители привыкли к ядрам, залетающим на их дворы; даже приступы Пугачева уже не привлекали общего любопытства. Я умирал от скуки. Время шло. Писем из Белогорской крепости я не получал. Все дороги были отрезаны. Разлука с Марьей Ивановной становилась мне нестерпима. Неизвестность о ее судьбе меня мучила. Единственное развлечение мое состояло в наездничестве. По милости Пугачева, я имел добрую лошадь, с которой делился скудной пищею и на которой ежедневно выезжал я за город перестреливаться с пугачевскими наездниками. В этих перестрелках перевес был обыкновенно на стороне злодеев, сытых, пьяных и доброконных. Тощая городская конница не могла их одолеть. Иногда выходила в поле и наша голодная пехота, но глубина снега мешала ей действовать удачно противу рассеянных наездников. Артиллерия тщетно гремела с высоты вала, а в поле вязла и не двигалась по причине изурения лошадей. Таков был образ наших военных действий! И вот что оренбургские чиновники называли осторожностью и благоразумием!

Однажды, когда удалось нам как-то рассеять и прогнать довольно густую толпу, наехал я на казака, оставшего от своих товарищей; я готов был уже ударить его своею турецкою саблею, как вдруг он снял шапку и закричал: «Здравствуйте, Петр Андреич! Как вас Бог милует!»

Я взглянул и узнал нашего урядника. Я несквозанно ему обрадовался. «Здравствуй, Максимыч, — сказал я ему. — Давно ли из Белогорской?»

— Недавно, батюшка Петр Андреич; только вчера воротился. У меня есть к вам письмецо.

— Где же оно? — вскричал я, весь так и вспыхнув.

— Со мною, — отвечал Максимыч, положив руку за пазуху. — Я обедался Палаше уж как-нибудь да вам доставить. — Тут он подал мне сложенную бумажку и тотчас ускакал. Я развернул ее и с трепетом прочел следующие строки:

«Богу угодно было лишить меня вдруг отца и матери; не имею на земле ни родни, ни покровителей. Прибегаю к

вам, зная, что вы всегда желали мне добра и что вы всякому человеку готовы помочь. Молю Бога, чтоб это письмо как-нибудь до вас дошло! Максимыч обещал вам его доставить. Пялаша слышала также от Максимыча, что вас он часто издали видит на вылазках и что вы совсем себя не бережете и не думаете о тех, которые за вас со слезами Бога молят. Я долго была больна; а когда выздоровела, Алексей Иванович, который командует у нас на месте покойного батюшки, принудил отца Герасима выдать меня ему, застращав Пугачевым. Я живу в нашем доме под караулом. Алексей Иванович принуждает меня выйти за него замуж. Он говорит, что спас мне жизнь, потому что прикрыл обман Акулины Памфиловны, которая сказала злодеям, будто бы я ее племянница. А мне легче было бы умереть, нежели сделаться женою такого человека, каков Алексей Иванович. Он обходится со мною очень жестоко и грозится, коли не одумаюсь и не соглашусь, то привезет меня в лагерь к злодею, и с вами-де то же будет, что с Лизаветой Харловой¹. Я просила Алексея Ивановича дать мне подумать. Он согласился ждать еще три дня; а коли через три дня за него не выду, так уж никакой пощады не будет. Батюшка Петр Андреевич! вы один у меня покровитель, заступитесь за меня, бедную. Упросите генерала и всех командиров прислать к нам поскорее сикурсу да приезжайте сами, если можете. Остаюсь вам покорная бедная сирота.

Марья Миронова*.

Прочитав это письмо, я чуть с ума не сошел. Я пустился в город, без милосердия прищпоривая бедного моего коня. Дорогою придумывал я и то и другое для избавления бедной девушки и ничего не мог выдумать. Прискакав в город, я отправился прямо к генералу и опрометью к нему вбежал. Генерал ходил взад и вперед по комнате, куря свою пенковую² трубку. Увидя меня, он остановился. Вероятно, вид мой поразил его; он заботливо осведомился о причине моего поспешного прихода.

¹ *Лизавета Харлова* — жена коменданта Нижнеозерной крепости, убитая пугачевцами (историческое лицо).

² *Пенковый* — изготовленный из пенки — легкого огнестойкого материала.

— Ваше превосходительство, — сказал я ему, — прибегаю к вам, как к отцу родному; ради Бога, не откажите мне в моей просьбе: дело идет о счастье всей моей жизни.

— Что такое, батюшка? — спросил изумленный старик. — Что я могу для тебя сделать? Говори.

— Ваше превосходительство, прикажите взять мне роту солдат и полсотни казаков и пустите меня очистить Белогорскую крепость.

Генерал глядел на меня пристально, полагая, вероятно, что я с ума сошел (в чем почти не ошибался).

— Как это? Очистить Белогорскую крепость? — сказал он наконец.

— Ручаюсь вам за успех, — отвечал я с жаром. — Только отпустите меня.

— Нет, молодой человек, — сказал он, качая головою. — На таком великом расстоянии неприятелю легко будет отрезать вас от коммуникаций¹ с главным стратегическим пунктом² и получить над вами совершенную победу. Пересеченная коммуникация...

Я испугался, увидя его завлеченного в военные рассуждения, и спешил его прервать.

— Дочь капитана Миронова, — сказал я ему, — пишет ко мне письмо; она просит помощи; Швабрин принуждает ее выйти за него замуж.

— Неужто? О, этот Швабрин превеликий Schelm³, и если попадется ко мне в руки, то я велю его судить в двадцать четыре часа, и мы расстреляем его на парпете⁴ крепости. Но покамест надобно взять терпение...

— Взять терпение! — вскричал я вне себя. — А он между тем женится на Марье Ивановне!..

— О! — возразил генерал. — Это еще не беда; лучше ей быть покамест женою Швабрина; он теперь может оказать ей протекцию⁵, а когда его расстреляем, тогда, Бог даст, сыщутся ей и женишки. Миленькие вдовушки в девках не сидят, то есть, хотел я сказать, что вдовушка скорее найдет себе мужа, нежели девица.

¹ Коммуникация — сообщение, связь, здесь: пути сообщения.

² Стратегический пункт — место, район, имеющий важное военное значение.

³ Шельма, мошенник (нем.).

⁴ Парпет — здесь: ял, прикрытые от прижесских пуль и ядер.

⁵ Протекция — покровительство, поддержка.

— Скорее соглашусь умереть, — сказал я в бешенстве, — нежели уступить ее Швабрину!

— Ба, ба, ба, ба! — сказал старик. — Теперь понимаю: ты, видно, в Марью Ивановну влюблен. О, дело другое! Великий малый! Но все же я никак не могу дать тебе роту солдат и полсотни казаков. Эта экспедиция была бы неблагодарна; я не могу взять ее на свою ответственность.

Я потушил голову; отчаяние мною овладело. Вдруг мысль мелькнула в голове моей: в чем она состояла, читатель увидит из следующей главы, как говорят старинные романисты.

ГЛАВА XI

Мятежная слобода

В ту пору лев был сыт,
хоть с роду он свиреп.
«Зачем пожаловать изволил
в мой вертеп¹?» —
Спросил он ласково.

А. Сумиранов².

Я оставил генерала и поспешил на свою квартиру. Савельич встретил меня с обыкновенным своим увещанием. «Охота тебе, сударь, переведываться³ с пьяными разбойниками! Боярское ли это дело? Не ровен час: ни за что пропадешь. И добро бы уж ходил ты на турку или на шведа, а то грех и сказать на кого».

Я прервал его речь вопросом: «Сколько у меня всего-на-все денег?» — «Будет с тебя, — отвечал он с довольным видом. — Мошенники как там ни шарилы, а я все-таки успею утаить». И с этим словом он вынул из кармана длинный вязаный кошелек, полный серебра. «Ну, Савельич, — сказал я ему, — отдай же мне теперь половину; а остальное возьми себе. Я еду в Белогорскую крепость».

— Батюшка Петр Андреич! — сказал добрый дядька дрожащим голосом. — Побойся Бога; как тебе пускаться в дорогу в нынешнее время, когда никуда проезду нет от разбойников! Пожалей ты хоть своих родителей, коли сам себя не жалеешь. Куда тебе ехать? Зачем? погоди малень-

¹ *Вертеп* (старослав.) — пещера.

² Этот винграф сочинен Пупкиным и приписан Сумарокову.

³ *Переведываться* — здесь: перестраиваться, выходить на поединок.

ко: войска придут, переловят мошенников; тогда поезжай себе хоть на все четыре стороны.

Но намерение мое было твердо принято.

— Поздно рассуждать, — отвечал я старику. — Я должен ехать, я не могу не ехать. Не тужи, Савельич; Бог милостив; авось увидимся! Смотри же, не совестись и не скупись. Покупай, что тебе будет нужно, хоть втридорога. Деньги эти я тебе дарю. Если через три дня не ворочусь...

— Что ты это, сударь? — прервал меня Савельич. — Чтоб я тебя пустил одного! Да этого и во сне не проси. Коли ты уж решился ехать, то я хоть пешком да пойду за тобой, а тебя не покину. Чтоб я стал без тебя сидеть за каменной стеною! Да разве я с ума сошел? Воля твоя, сударь, а я от тебя не отстану.

Я знал, что с Савельичем спорить было нечего, и позволил ему приготовляться в дорогу. Через полчаса я сел на своего доброго коня, а Савельич на тощую и хромую клячу, которую даром отдал ему один из городских жителей, не имея более средств кормить ее. Мы приехали к городским воротам; караульные нас пропустили; мы выехали из Оренбурга.

Начинало смеркаться. Путь мой шел мимо Бердской слободы, пристанища пугачевского. Прямая дорога занесена была снегом, но по всей степи видны были конские следы, ежедневно обновляемые. Я ехал крупной рысью. Савельич едва мог следовать за мною издали и кричал мне поминутно: «Потише, сударь, ради Бога потише! Проклятая клячонка моя не успевает за твоим долгоногим бесом. Куда спешить? Добро бы на пир, а то под обух, того и гляди... Петр Андреич... батюшка Петр Андреич!.. Не погуби!.. Господи Владыко, пропадет барское дитя!»

Вскоре засверкали бердские огни. Мы подъехали к оврагам, естественным укреплениям слободы. Савельич от меня не отставал, не прерывая жалобных своих молений. Я надеялся объехать слободу благополучно, как вдруг увидел в сумраке прямо перед собой человек пять мужиков, вооруженных дубинами: это был передовой караул пугачевского пристанища. Нас окликали. Не зная пароля, я хотел молча проехать мимо их; но они меня тотчас окружили, и один из них схватил лошадь мою за узду. Я выхватил саблю и ударил мужика по голове: шапка спасла его, однако он зашатался и выпустил из рук узду. Прочие

смуглись и отбежали; я воспользовался этой минутой, прищипорил лошадь и поскакал.

Темнота приближающейся ночи могла избавить меня от всякой опасности, как вдруг, оглянувшись, увидел я, что Савельича со мною не было. Бедный старик на своей хромой лошади не мог ускакать от разбойников. Что было делать? Подождав его несколько минут и удостоверясь в том, что он задержан, я повернул лошадь и отправился его выручать.

Подъезжая к оврагу, услышал я издали шум, крики и голос моего Савельича. Я поехал скорее и вскоре очутился снова между караульными мужиками, остановившими меня несколько минут тому назад. Савельич находился между ими. Они стащили старика с его клячи и готовились вязать. Прибытие мое их обрадовало. Они с криком бросились на меня и мигом стащили с лошади. Один из них, по-видимому, главный, объявил нам, что он сейчас поведет нас к государю. «А наш батюшка, — прибавил он, — волеи приказати: сейчас ли вас повесить, али дожждаться свету Божия». Я не противился; Савельич последовал моему примеру, и караульные повели нас с торжеством.

Мы перебрались через овраг и вступили в слободу. Во всех избах горели огни. Шум и крики раздавались везде. На улице я встретил множество народу; но никто в темноте нас не заметил и не узнал во мне оренбургского офицера. Нас привели прямо к избе, стоявшей на углу перекрестка. У ворот стояло несколько винных бочек и две пушки. «Вот и дворец, — сказал один из мужиков, — сейчас об нас доложим». Он вошел в избу. Я взглянул на Савельича; старик крестился, читая про себя молитву. Я дождался долго; наконец мужик воротился и сказал мне: «Ступай; наш батюшка велел впустить офицера».

Я вошел в избу, или во дворец, как называли ее мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою; впрочем, лавки, стол, рукомойник на веревочке, полотенце на гвозде, ухват в углу и широкий шесток¹, уставленный горшками, — все было как в обыкновенной избе. Пугачев сидел под образами, в красном кафтане, в высокой шапке и важно подбочась. Около него стояло несколько из главных его товарищей, с

¹ Шесток — площадка в передней части русской печи.

видом притворного подобострастия. Видно было, что весть о прибытии офицера из Оренбурга пробудила в бутовщиках сильное любопытство и что они приготовились встретить меня с торжеством. Пугачев узнал меня с первого взгляда. Поддельная важность его вдруг исчезла. «А, ваше благородие! — сказал он мне с живостью. — Как поживаешь? Зачем тебя Бог принес?» Я отвечал, что ехал по своему делу и что люди его меня остановили. «А по какому делу?» — спросил он меня. Я не знал, что отвечать. Пугачев, полагая, что я не хочу объясняться при свидетелях, обратился к своим товарищам и велел им выйти. Все послушались, кроме двух, которые не тронулись с места. «Говори смело при них. — сказал мне Пугачев, — от них я ничего не таю». Я взглянул наискосок на наперсников¹ самозванца. Один из них, тщедушный и сгорбленный старичок с седою бородкою, не имел в себе ничего замечательного, кроме голубой ленты, надетой чрез плечо² по верому армяку. Но звек не забуду его товарища. Он был высокого росту, дороден и широкоплеч, и показался мне лет сорока пяти. Густая рыжая борода, серые сверкающие глаза, нос без ноздрей и красноватые пятна на лбу и на щеках придавали сто рябому, широкому лицу выражение непонятное. Он был в красной рубахе, в киргизском халате и в казацких шароварах. Первый (как узнал я после) был беглый капитан Белобородов; второй — Афанасий Соколов (прозванный Хлопушей³), ссыльный преступник, три раза бежавший из сибирских рудников. Несмотря на чувства, исключительно меня волновавшие, общество, в котором я так нечаянно очутился, сильно развлекало мое воображение. Но Пугачев привел меня в себя своим вопросом: «Говори, по какому же делу выехал ты из Оренбурга?»

Странная мысль пришла мне в голову: мне показалось, что провидение⁴, вторично приведшее меня к Пугачеву, подавало мне случай привести в действие мое намерение.

¹ *Наперсник* (устар.) — любимец, человек, пользующийся особым доверием.

² Пугачев выдавал своих приближенных за царских вельмож. Голубую ленту через плечо носили награжденные высшим орденом — Анны Первозванного.

³ *Белобородов* и *Хлопуша* — видные участники Пугачевского восстания (исторические лица).

⁴ *Провидение* — высшая Божественная сила, судьба.

А. С. Пушкин. «Капитанская дочка». Худ. С. Герасимов

Я решился им воспользоваться и, не успев обдумать то, на что решался, отвечал на вопрос Пугачева:

— Я ехал в Белогорскую крепость избавить сироту, которую там обижают.

Глаза у Пугачева засверкали. «Кто из моих людей смеет обижать сироту? — закричал он. — Будь он семи пядень во лбу, а от суда моего не уйдет. Говори: кто виноватый?»

— Швабрин виноватый, — отвечал я. — Он держит в неволе ту девушку, которую ты видел, больную, у попады, и насильно хочет на ней жениться.

— Я проучу Швабрина, — сказал Пугачев. — Он узнает, каково у меня свосвольничать и обижать народ. Я его повешу.

— Прикажи слово молвить, — сказал Хлопуша хриплым голосом. — Ты поторопился назначить Швабрина а коменданты крепости, а теперь торопишься его вешать. Ты уж оскорбил казаков, посадив дворянина им в начальники; не пугай же дворян, казня их по первому наговору¹.

— Нечего их ни жалеть, ни жаловать! — сказал старичок в голубой ленте. — Швабрина сказнить не беда; а не худо и господина офицера допросить порядком: зачем изволил пожаловать. Если он тебя государем не признает, так нечего у тебя и управы искать; а коли признает, что же он до сегодняшнего дня сидел в Оренбурге с твоими супостатами²? Не прикажешь ли свести его в приказную³ да запалить там огоньку: мне сдается, что его милость подослан к нам от оренбургских командиров.

Логика старого злодея показалась мне довольно убедительной. Мороз пробежал по всему моему телу при мысли, в чьих руках я находился. Пугачев заметил мое смущение. «Ась, ваше благородие? — сказал он мне, подмигивая. — Фельдмаршал мой, кажется, говорит дело. Как ты думаешь?»

Насмешка Пугачева возвратила мне бодрость. Я спокойно отвечал, что я нахожусь в его власти и что он волен поступать со мною, как ему будет угодно.

— Добро, — сказал Пугачев. — Теперь скажи, в каком состоянии ваш город.

— Славу Богу, — отвечал я, — все благополучно.

— Благополучно? — повторил Пугачев. — А народ мрет с голоду!

Самозванец говорил правду; но я по долгу присяги стал уверять, что все это пустые слухи и что в Оренбурге довольно всяких запасов.

— Ты видишь, — подхватил старичок, — что он тебя в глаза обманывает. Все беглецы согласно показывают, что в

¹ *Наговор* — клевет, клевета.

² *Супостат* (устар.) — враг.

³ *Приказник* (*приказная изба*) — помещение, где допрашивали арестованных.

Оренбурге голод и мор, что там едят мертвечину, и то за честь; а его милость уверяет, что всего вдоволь. Коли ты Швабрина хочешь повесить, то уж на той же виселице повесь и этого молодца, чтоб никому не было завидно.

Слова проклятого старика, казалось, поколебали Пугачева. К счастью, Хлопуша стал противоречить своему товарищу.

— Полно, Наумыч, — сказал он ему. — Тебе бы все душисть да резать. Что ты за богатырь? Поглядеть, так в чем душа держится. Сам в могилу смотришь, а других губишь. Разве мало крови на твоей совести?

— Да ты что за угодник¹? — возразил Белобородов. — У тебя-то откуда жалость взялась?

— Конечно, — отвечал Хлопуша, — и я грешен, и эта рука (тут он сжал свой костлявый кулак и, засуча рукава, открыл косматую руку), и эта рука повинна в пролитой христианской крови. Но я губил супротивника, а не гостя; на вольном перспутье да в темном лесу, не дома, сидя за печью; кистенем² и обухом, а не бабьим наговором.

Старик отвернулся и проворчал слова: «Рваные ноздри!..»

— Что ты там шепчешь, старый хрыч? — закричал Хлопуша. — Я тебе дам рваные ноздри; погоди, придет и твое время; Бог даст, и ты щипцов понюхаешь... А покамест смотри, чтоб я тебе бородинки не вырвал!

— Господа енералы! — провозгласил важно Пугачев. — Полно вам ссориться. Не беда, если б и все оренбургские собаки дрыгали ногами под одной перекладиной: беда, если наши кобели меж собою перегрызутся. Ну, помиритесь.

Хлопуша и Белобородов не сказали ни слова и мрачно смотрели друг на друга. Я увидел необходимость переменивать разговор, который мог кончиться для меня очень невыгодным образом, и, обратясь к Пугачеву, сказал ему с веселым видом: «Ах! я было и забыл благодарить тебя за лошадь и за тулуп. Без тебя я не добрался бы до города и замера бы на дороге».

¹ Угодник — так верующие называли некоторых святых (буквально: человек, угодивший Богу).

² Кистень — старинное ручное оружие (тяжелый ябалдашник на короткой рукоятке).

Уловка моя удалась. Пугачев развеселился. «Долг платежом красен, — сказал он, мигая и прищуриваясь. — Расскажи-ка мне теперь, какое тебе дело до той девушки, которую Швабрин обижает? Уж не зазноба¹ ли сердцу молодцецкому? а?»

— Она невеста моя, — отвечал я Пугачеву, видя благоприятную перемену погоды и не находя нужды скрывать истину.

— Твоя невеста! — закричал Пугачев. — Что ж ты прежде не сказал? Да мы тебя женим и на свадьбе твоей попируем! — Потом, обращаясь к Белобородову: — Слушай, фельдмаршал! Мы с его благородием старые приятели; сядем-ка да поужинаем; утро вечера мудренее. Завтра посмотрим, что с ним сделаем.

Я рад был отказаться от предлагаемой чести; но делать было нечего. Две молодые казачки, дочери хозяина избы, накрыли стол белой скатертью, принесли хлеба, ухи и несколько штофов с вином и пивом, и я вторично очутился за одною трапезою с Пугачевым и с его страшными товарищами.

Оргия², коей я был невольным свидетелем, продолжалась до глубокой ночи. Наконец хмель начал одолевать собеседников. Пугачев задремал, сидя на своем месте; товарищи его встали и дали мне знак оставить его. Я вышел вместе с ними. По распоряжению Хлопуши, караульный отвел меня в приказную избу, где я нашел и Савельича и где меня оставили с ним взаперти. Дядька был в таком изумлении при виде всего, что происходило, что не сделал мне никакого вопроса. Он улехя в темноте и долго вздыхал и охал; наконец захрапел, а я предался размышлениям, которые во всю ночь ни на одну минуту не дали мне задремать.

Поутру принесли меня звать от имени Пугачева. Я пошел к нему. У ворот его стояла кибитка, запряженная тройкою татарских лошадей. Народ толпился на улице. В сенях встретил я Пугачева: он был одет по-дорожному, в шубе и в киргизской шапке. Вчерашние собеседники окружали его, приняв на себя вид подобострастия, который сильно противоречил всему, чему я был свидетелем накануне. Пугачев весело со мною поздоровался и велел мне садиться с ним в кибитку.

¹ *Зазноба* (народн.) — любимая, возлюбленная.

² *Оргия* — попойка, шумная пирушка.

Мы уселись. «В Белогорскую крепость!» — сказал Пугачев широкоплечему татарину, стоя правящему тройкою. Сердце мое сильно забилось. Лошади тронулись, колокольчик загремел, кибитка полетела...

«Стой! Стой!» — раздался голос, слишком мне знакомый, — и я увидел Савельича, бежавшего нам навстречу. Пугачев велел остановиться. «Батюшка Петр Андреич! — кричал дядька. — Не покинь меня на старости лет посреди этих мошен...» — «А, старый хрыч! — сказал ему Пугачев. — Опять Бог дал свидеться. Ну, садись па облучок».

— Спасибо, государь, спасибо, отец родной! — говорил Савельич, усаживаясь. — Дай Бог тебе сто лет здравствовать за то, что меня старика призрил¹ и успокоил. Век за тебя буду Бога молить, а о заячьем тулупе и упоминать уж не стану.

Этот заячий тулуп мог наконец не на шутку рассердить Пугачева. К счастью, самозванец или не расслышал, или пренебрег неуместным намеком. Лошади поскакали; народ на улице останавливался и кланялся в пояс. Пугачев кивал головою на обе стороны. Через минуту мы выехали из слободы и помчались по гладкой дороге.

Легко можно себе представить, что чувствовал я в эту минуту. Через несколько часов должен я был увидеться с той, которую почитал уже для меня потерянною. Я воображал себе минуту нашего соединения... Я думал также и о том человеке, в чьих руках находилась моя судьба и который по странному стечению обстоятельств таинственно был со мною связан. Я вспоминал об опрометчивой жестокости, о кроваво-жадных привычках того, кто вызывался быть избавителем моей любезной! Пугачев не знал, что она была дочь капитана Миронова; озлобленный Швабрии мог открыть ему все; Пугачев мог проведать истину и другим образом... Тогда что станет с Марьей Ивановной? Холод пробежал по моему телу, и волосы становились дыбом... Вдруг Пугачев прервал мои размышления, обратясь ко мне с вопросом:

— О чем, ваше благородие, изволил задуматься?

— Как не задуматься, — отвечал я ему. — Я офицер и дворянин; вчера еще дрался противу тебя, а сегодня еду с тобой в одной кибитке, и счастье всей моей жизни зависит от тебя.

— Что ж? — спросил Пугачев. — Страшно тебе?

¹ *Призрѣть* (устар.) — позаботиться, взять под свою опеку.

— Я отвечал, что, быв однажды уже им помилован, я надеялся не только на его пощаду, но даже и на помощь.

— И ты прав, ей-богу прав! — сказал самозванец. — Ты видел, что мои ребята смотрели на тебя косо; а старик и сегодня настаивал на том, что ты шпион и что надобно тебя пытать и повесить; но я не согласился, — прибавил он, понизив голос, чтоб Савельич и татарин не могли его услышать, — помня твой стакан вина и заячий тулуп. Ты видишь, что я не такой еще кровопийца, как говорит обо мне ваша братья.

— Я вспомнил взятие Белогорской крепости, по не почел нужным его оспаривать и не отвечал ни слова.

— Что говорят обо мне в Оренбурге? — спросил Пугачев, помолчав немного.

— Да говорят, что с тобою сладить трудновато; нечего сказать: дал ты себя знать.

Лицо самозванца изобразило довольное самолюбие. «Да! — сказал он с веселым видом. — Я воюю хоть куда. Знают ли у вас в Оренбурге о сражении под Юзеевой? Сорок генералов убито, четыре армии взято в полон. Как ты думаешь: прусский король мог ли бы со мною потягаться?»

Хвастливость разбойника показалась мне забавна.

— Сам как ты думаешь? — сказал я ему, — управился ли бы ты с Фридериком¹?

— С Федором Федоровичем? А как же нет? С вашими генералами ведь я же управляюсь; а они его бивали. Доселе оружие мое было счастливо. Дай срок, то ли еще будет, как пойду на Москву.

— А ты полагаешь идти на Москву?

Самозванец несколько задумался и сказал вполголоса:

— Бог весть. Улица моя тесна; воли мне мало. Ребята мои умничают. Они воры. Мне должно держать ухо востро; при первой неудаче они свою шею выкупят моею головою.

— То-то! — сказал я Пугачеву. — Не лучше ли тебе отстать от них самому, заблаговременно, да прибегнуть к милосердию государыни?

Пугачев горько усмехнулся. «Нет, — отвечал он, — поодно мне каяться. Для меня не будет помилования. Буду

¹ *Фридерик* («Федор Федорович») — Фридрих II (1712—1786), прусский король, армия которого в середине XVIII века была разгромлена русскими войсками.

продолжать, как начал. Как знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьев ведь поцарствовал же над Москвою».

— А знаешь ты, чем он кончил? Его выбросили из окна, зарезали, сожгли, зарядили его пеплом пушку и выпалили!

— Слушай, — сказал Пугачев с каким-то диким вдохновением. — Расскажу тебе сказку, которую в ребячестве мне рассказывала старая калмычка. Однажды орел спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живешь ты на белом свете триста лет, а я всего-навсего только тридцать три года? — Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьешь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орел подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орел да ворон. Вот завидели падую лошадь; спустились и сели. Ворон стал клевать да похваливать. Орел клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон; чем триста лет питаться падалью, лучше раз папиться живой кровью, а там что Бог даст! — Какова калмыцкая сказка?

— Затеялива, — отвечал я ему. — Но жить убийством и разбоем значит по мне клевать мертвечину.

Пугачев посмотрел на меня с удивлением и ничего не отвечал. Оба мы замолчали, погружаясь каждый в свои размышления. Татарин затянул унылую песню; Савельич, дремя, качался на облучке. Кибитка летела по гладкому зимнему пути... Вдруг увидел я деревушку на крутом берегу Яика, с частоколом и с колокольней — и через четверть часа въехали мы в Белогорскую крепость.

ГЛАВА XII

Сирота

Как у нашей у яблоньки
Ни верхушки нет, ни отросточек;
Как у нашей у княгиноньки
Ни отца нету, ни матери.
Сызрядить-то ее некому,
Благословить-то ее некому.

Свадебная песня.

Кибитка подъехала к крыльцу комендантского дома. Народ узнал колокольчик Пугачева и толпою бежал за нами. Швабрин встретил самозванца на крыльце. Он был одет казаком и отрастил себе бороду. Изменник помог Пугачеву вылезть из кибитки, в подлых выражениях изъяс-

ля свою радость и усердие. Увидя меня, он смутился, но вскоре оправился, протянул мне руку, говоря: «И ты наш? Давно бы так!» — Я отвернулся от него и ничего не отвечал.

Сердце мое заныло, когда очутились мы в давно знакомой комнате, где на стене висел еще диплом покойного коменданта, как печальная эпитафия¹ прошедшему времени. Пугачев сел на том диване, на котором, бывало, дремал Иван Кузмич, усиленный ворчанием своей супруги. Швабрин сам поднес ему водки. Пугачев выпил рюмку и сказал ему, указав на меня: «Попотчуй и его благородие». Швабрин подошел ко мне с своим подносом; но я вторично от него отвернулся. Он казался сам не свой. При обыкновенной своей сметливости он, конечно, догадался, что Пугачев был им недоволен. Он трусил перед ним, а на меня поглядывал с недоверчивостию. Пугачев осведомился о состоянии крепости, о слухах про неприятельские войска и тому подобном и вдруг спросил его неожиданно: «Скажи, братец, какую девушку держишь ты у себя под караулом? Покажи-ка мне ее».

Швабрин побледнел как мертвый. «Государь, — сказал он дрожащим голосом... — Государь, она не под караулом... она больна... она в светлице лежит».

«Веди ж меня к ней», — сказал самозванец, вставая с места. Отговориться было невозможно. Швабрин повел Пугачева в светлицу Марьи Ивановны. Я за ними последовал.

Швабрин остановился на лестнице. «Государь! — сказал он. — Вы властны требовать от меня, что вам угодно, но не прикажите постороннему входить в спальню к жене моей».

Я затрепетал. «Так ты женат!» — сказал я Швабрину, готовясь его растерзать.

— Тише! — прервал меня Пугачев. — Это мое дело. А ты, — продолжал он, обращаясь к Швабрину, — не умичай и не ломайся: жена ли она тебе или не жена, а я веду к ней кого хочу. Ваше благородие, ступай за мною.

У дверей светлицы Швабрин опять остановился и сказал прерывающимся голосом: «Государь, предупреждаю вас, что она в белой горячке и третий день как бредит без умолку».

¹ Эпитафия — надгробная, надгильная надпись.

— Отворяй! — сказал Пугачев.

Швабрин стал искать у себя в карманах и сказал, что не взял с собою ключа. Пугачев толкнул дверь ногою; замок отскочил; дверь отворилась, и мы вошли.

Я взглянула и обмер. На полу, в крестьянском оборванном платье, сидела Марья Ивановна, бледная, худая, с растрепанными волосами. Перед нею стоял кувшин воды, накрытый ломтем хлеба. Увидя меня, она вздрогнула и закричала. Что тогда со мною стало — не помню.

Пугачев посмотрел на Швабрина и сказал с горькой усмешкою: «Хорош у тебя лазарет!» Потом, подошед к Марье Ивановне: «Скажи мне, голубушка, за что твой муж тебя наказывает? в чем ты перед ним провинилась?»

— Мой муж! — повторила она. — Он мне не муж. Я никогда не буду его женою! Я лучше решилась умереть, и умру, если меня не забудят.

Пугачев взглянул грозно на Швабрину: «И ты смел меня обманывать!» — сказал он ему. — Знаешь ли, бездельник, чего ты достоин?»

Швабрин упал на колени... В эту минуту презрение заглушило во мне все чувства ненависти и гнева. С омерзением глядел я на дворянина, валяющегося в ногах беглого казака. Пугачев смягчился. «Милую тебя на сей раз, — сказал он Швабрину, — но знай, что при первой вине тебе припомнится и эта». Потом обратился он к Марье Ивановне и сказал ей ласково: «Выходи, красная девица; дарую тебе волю. Я государь».

Марья Ивановна быстро взглянула на него и догадалась, что перед нею убийца ее родителей. Она закрыла лицо обеими руками и упала без чувств. Я кинулся к ней; но в эту минуту очень смело в комнату втерлась моя старинная знакомая Палаша и стала ухаживать за своею барышнею. Пугачев вышел из светлицы, и мы трое сошли в гостиную.

— Что, ваше благородие? — сказал, смеясь, Пугачев. — Выручили красную девицу! Как думаешь, не послать ли за попом, да не заставить ли его обвенчать племянницу? Пожалуй, я буду посаженным отцом, Швабрин дружкою¹; закутим, запьем — и ворота запрем!

Чего я опасался, то и случилось, Швабрин, услыша предложение Пугачева, вышел из себя. «Государь! — за-

¹ Дружка — распорядитель на свадьбе.

кричал он в исступлении. — Я виноват, я вам солгал; но и Гринев вас обманывает. Эта девушка не племянница здешнего попа: она дочь Ивана Миронова, который казнен при взятии здешней крепости».

Пугачев устремил на меня огненные свои глаза. «Это что еще?» — спросил он меня с недоумением.

— Швабрин сказал тебе правду, — отвечал я с твердостью.

— Ты мне этого не сказал, — заметил Пугачев, у коего лицо омрачилось.

— Сам ты рассуди, — отвечал я ему, — можно ли было при твоих людях объявить, что дочь Миронова жива. Да они бы ее загрызли. Ничто ее бы не спасло!

— И то правда, — сказал, смеясь, Пугачев. — Мои пьяницы не пощадили бы бедную девушку. Хорошо сделала кумушка-попадья, что обманула их.

— Слушай, — продолжал я, видя его доброе расположение. — Как тебя назвать, не знаю, да и звать не хочу... Но Бог видит, что жизнью моей рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести. Ты мой благодетель. Доверши как начал: отпусти меня с бедною сиротою, куда нам Бог путь укажет. А мы, где бы ты ни был и что бы с тобою ни случилось, каждый день будем Бога молить о спасении грешной твоей души...

Казалось, суровая душа Пугачева была тронута. «Ии быть по-твоему! — сказал он. — Казнить так казнить, жаловать так жаловать: таков мой обычай. Возьми себе свою красавицу; вези ее куда хочешь, и дай вам Бог любовь да совет!»

Тут он оборотился к Швабрину и велел ему выдать мне пропуск во все заставы и крепости, подвластные ему. Швабрин, совсем уничтоженный, стоял как остоупелый. Пугачев отправился осматривать крепость. Швабрин его сопровождал; а я остался под предлогом приготовлений к отъезду.

Я побежал в светлицу. Двери были заперты. Я постучался. «Кто там?» — спросила Палаша. Я назвалса. Милый голосок Марьи Ивановны раздался из-за дверей. «Погодите, Петр Андреевич. Я переодеваюсь. Ступайте к Акулине Памфиловне; я сейчас туда же буду». Я повиновался и пошел в дом отца Герасима. И он и попадья выбе-

жали ко мне навстречу. Савельич их уже предупредил. «Здравствуйте, Петр Андреич, — говорила попадья. — Привел Бог опять увидеться. Как поживаете? А мы-то про вас каждый день поминали. А Марья-то Ивановна всего натерпелась без вас, моя голубушка!». Да скажите, мой отец, как это вы с Пугачевым-то поладили! Как он это вас не укукошил? Добро, спасибо злодею и за это». — «Полно, старуха, — прервал отец Герасим. — Не все то ври, что знаешь. Неть спасения во многом глаголании¹. Батюшка Петр Андреич! войдите, милости просим. Давно, давно не видались».

Попадья стала угощать меня чем Бог послал. А между тем говорила без умолку. Она рассказала мне, каким образом Швабрин принудил их выдать ему Марью Ивановну; как Марья Ивановна плакала и не хотела с ними расставаться; как Марья Ивановна имела с нею всегдашние сношения через Палашку (девку бойкую, которая и урядника заставляет плясать по своей дудке); как она присоветовала Марье Ивановне написать ко мне письмо и прочее. Я в свою очередь рассказал ей вкратце свою историю. Поп и попадья крестились, услыша, что Пугачеву известен их обман. «С нами сила крестная! — говорила Акулина Памфиловна. — Промчи Бог тучу мимо. Ай да Алексей Иваныч, вечере сказать: хорош гусь!» В самую эту минуту дверь отворилась, и Марья Ивановна вошла с улыбкою на бледном лице. Она оставила свое крестьянское платье и одета была по-прежнему, просто и мило.

Я схватил ее руку и долго не мог вымолвить ни одного слова. Мы оба молчали от полноты сердца. Хозяева наши почувствовали, что нам было не до них, и оставили нас. Мы остались одни. Все было забыто. Мы говорили и не могли наговориться. Марья Ивановна рассказала мне все, что с нею ни случилось с самого взятия крепости; описала мне весь ужас ее положения, все испытания, которым подвергал ее гнусный Швабрин. Мы вспомнили и прежнее счастливое время. Оба мы плакали... Наконец я стал объяснять ей мои предположения. Оставаться ей в крепости, подвластной Пугачеву и управляемой Швабриным, было невозможно. Нельзя было думать и об Оренбурге, претерпевающим все бедствия осады. У ней не было на свете ни

¹ Многоглаголие не дает спасения (старослав.).

одного родного человека. Я предложил ей ехать в деревню к моим родителям. Она сначала колебалась: известное ей неблагорасположение отца моего ее пугало. Я ее успокоил. Я знал, что отец почтет за счастье и вменит себе в обязанность принять дочь заслуженного воина, погибшего за отечество. «Милая Марья Ивановна! — сказал я наконец. — Я почитаю тебя своєю женою. Чудные обстоятельства соединили нас неразрывно: ничто на свете не может нас разлучить». Марья Ивановна выслушала меня просто, без притворной застенчивости, без затейливых отговорок. Она чувствовала, что судьба ее соединена была с моею. Но она повторила, что не иначе будет моею женою, как с согласия моих родителей. Я ей и не противоречил. Мы поцеловались горячо, искренно — и таким образом все было между нами решено.

Через час урядник принес мне пропуск, подписанный каракульками Пугачева, и позвал меня к нему от его имени. Я нашел его готового пуститься в дорогу. Не могу изъяснить то, что я чувствовал, расставаясь с этим ужасным человеком, извергом, злодеем для всех, кроме одного меня. Зачем не сказать истины? В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему. Я пламенно желал вырвать его из среды злодеев, которыми он предводительствовал, и снасти его голову, пока еще было время. Швабри и народ, толпящийся около нас, помешали мне высказать все, чем исполнено было мое сердце.

Мы расстались дружески. Пугачев, увидя в толпе Акулину Памфиловну, погрозил пальцем и мигнул значительно; потом сел в кибитку, велел ехать в Берду, и когда лошади тронулись, то он еще раз высунулся из кибитки и закричал мне: «Прощай, ваше благородие! Авось увидимся когда-нибудь». — Мы точно с ним увиделись, но в каких обстоятельствах!..

Пугачев уехал. Я долго смотрел на белую стену, по которой неслась его тройка. Народ разошелся. Швабри скрылся. Я воротился в дом священника. Все было готово к нашему отъезду; я не хотел более медлить. Добро наше все было уложено в старую комендантскую повозку. Ямщики мигом заложили лошадей.

Марья Ивановна пошла проститься с могилами своих родителей, похороненных за церковью. Я хотел ее проводить, но она просила меня оставить ее одну. Через не-

сколько минут она воротилась, обливаясь молча тихими слезами. Повозка была подана. Отец Герасим и жена его вышли на крыльцо. Мы сели в кибитку втроем: Марья Ивановна с Палашей и я. Савельич забрался на облучок. «Прощай, Марья Ивановна, моя голубушка! Прощайте, Петр Андреич, сокол наш ясный! — говорила добрая попадья. — Счастливым путем, и дай Бог вам обоим счастья!» Мы поехали. У окошка комендантского дома я увидел стоящего Швабрина. Лицо его изображало мрачную злобу. Я не хотел торжествовать над уничтоженным врагом и обратил глаза в другую сторону. Наконец мы выехали из крепостных ворот и навек оставили Белогорскую крепость.

ГЛАВА XIII

Арест

— Не гневайтесь, сударь:
по долгу моему
Я должен сей же час отправить
вас в тюрьму.
— Извольте, я готов; но я в
такой надежде,
Что дело объявить позволите
мне прежде.
Княжнин.

Соединенный так нечаянно с милой девушкой, о которой еще утром я так мучительно беспокоился, я не верил самому себе и воображал, что все со мною случившееся было пустое сновидение. Марья Ивановна глядела с задумчивостью то на меня, то на дорогу и, казалось, не успела еще вспомниться и прийти в себя. Мы молчали. Сердца наши слишком были утомлены.

Неприметным образом часа через два очутились мы в ближней крепости, также подвластной Пугачеву. Здесь мы переменили лошадей. По скорости, с какой их запрягали, по торопливой услужливости бородатого казака, поставленного Пугачевым в коменданты, я увидел, что, благодаря болтливости ямщика, нас привезшего, меня принимали как придворного временщика¹.

¹ *Временщик* — человек, достигший большой власти веледетвие близости к царю или царице.

Мы отправились далее. Стало смеркаться. Мы приближались к городку, где, по словам бородатого коменданта, находился сильный отряд, идущий на соединение к самозванцу. Мы были остановлены караульными. На вопрос: «кто едет?» — ямщик отвечал громогласно: «Государев кум со своею хозяйюшкою». Вдруг толпа гусаров окружила нас с ужасною бранью. «Выходи, бесов кум! — сказал мне усатый вахмистр¹. — Вот уже тебе будет баня, и с твоею хозяйюшкою!»

Я вышел из кибитки и требовал, чтоб отвели меня к их начальнику. Увидя офицера, солдаты прекратили брань. Вахмистр повел меня к майору. Савельич от меня не отставал, поговаривая про себя: «Вот тебе и государев кум! Из огня да в полымя... Господи Владыко! чем это все кончится?» Кибитка шагом поехала за нами.

Через пять минут мы пришли к домику, ярко освещенному. Вахмистр оставил меня при карауле и пошел обо мне доложить. Он тотчас же воротился, объявив мне, что его высокоблагородию некогда меня принять, а что он велел отвести меня в острог, а хозяйюшку к себе привести.

— Что это значит? — закричал я в бешенстве. — Да разве он с ума сошел?

— Не могу знать, ваше благородие, — отвечал вахмистр. — Только его высокоблагородие приказал ваше благородие отвести в острог, а ее благородие приказано привести к его высокоблагородию, ваше благородие!

Я бросился на крыльцо. Караульные не думали меня удерживать, и я прямо вбежал в комнату, где человек шесть гусарских офицеров играли в банк². Майор метал³. Каково было мое изумление, когда, взглянув на него, узнал я Ивана Ивановича Зурина, некогда обыгравшего меня в симбирском трактире!

— Возможно ли? — вскричал я. — Иван Иваныч! ты ли?

— Ба, ба, ба, Петр Андреич! Какими судьбами? Откуда ты? Здорово, брат. Не хочешь ли поставить карточку!⁴

¹ *Вахмистр* — унтер-офицер в кавалерии.

² *Банк* — карточная азартная игра.

³ *Метать* — здесь: держать банк, т. е. вести игру, поставить деньги на кон.

⁴ *Поставить карту* — здесь: принять участие в карточной игре.

— Благодарен. Прикажи-ка лучше отвести мне квартиру.

— Какую тебе квартиру? Оставайся у меня.

— Не могу: я не один.

— Ну, подавай сюда и товарища.

— Я не с товарищем; я... с дамою.

— С дамою? Где же ты ее подцепил? Эге, брат! (При сих словах Зурин засвистел так выразительно, что все захохотали, а я совершенно смутился.)

— Ну, — продолжал Зурин, — так и быть. Будет тебе квартира. А жаль... Мы бы попиروвали по-старинному... Гей! малой! Да что ж сюда не ведут кумушку-то Пугачева? или она упрямится? Сказать ей, чтоб она не боялась: барин-де прекрасный, ничем не обидит, да хорошенько ее в шею.

— Что ты это? — сказал я Зурину. — Какая кумушка Пугачева? Это дочь покойного капитана Миронова. Я вывез ее из плена и теперь провожаю до деревни батюшкиной, где и оставлю ее.

— Как! Так это о тебе мне сейчас докладывали? Помилуй! что же это значит?

— После все расскажу. А теперь, ради Бога, успокой бедную девушку, которую гусары твои перепугали.

Зурин тотчас распорядился. Он сам вышел на улицу извиняться перед Марьей Ивановной в невольном недоразумении и приказал вахмистру отвести ей лучшую квартиру в городе. Я остался ночевать у него.

Мы отужинали, и, когда остались вдвоем, я рассказал ему свои похождения. Зурин слушал меня с большим вниманием. Когда я кончил, он покачал головою и сказал: «Все это, брат, хорошо; одно нехорошо: зачем тебя черт несет жениться? Я, честный офицер, не захочу тебя обманывать: поверь же ты мне, что женитьба блажь. Ну, куда тебе возиться с женою да нянчиться с ребятишками? Эй, плюнь. Послушай меня: развяжись ты с капитанскою дочкой. Дорога в Симбирск мною очищена и безопасна. Отправь ее завтра ж одну к родителям твоим, а сам оставайся у меня в отряде. В Оренбург возвращаться тебе незачем. Попадешься опять в руки бунтовщикам, так вряд ли от них еще раз отделаешься. Таким образом любовная дурь пройдет сама собою, и все будет ладно».

Хотя я не совсем был с ним согласен, однако ж я чувствовал, что долг чести требовал моего присутствия в войске императрицы.

Я решился последовать совету Зурина: отправить Марью Ивановну в деревню и остаться в его отряде.

Савельич явился меня раздевать; я объявил ему, чтобы на другой же день готов он был ехать в дорогу с Марьей Ивановной. Он было заупрямился. «Что ты, сударь? Как же я тебя-то покину? Кто за тобою будет ходить? Что скажут родители твои?»

Зная упрямство дядьки моего, я вознамерился убедить его лаской и искренностью. «Друг ты мой, Архип Савельич! — сказал я ему. — Не откажи, будь мне благодетелем; в прислуге здесь я нуждаться не стану, а не буду спокоен, если Марья Ивановна поедет в дорогу без тебя. Служа ей, служишь ты и мне, потому что я твердо решился, как скоро обстоятельства дозволят, жениться на ней».

Тут Савельич сплеснул руками с видом изумления неопisanного. «Жениться! — повторил он. — Дитя хочет жениться! А что скажет батюшка, а матушка-то что подумает?»

— Согласятся, верно согласятся, — отвечал я, — когда узнают Марью Ивановну. Я надеюсь и на тебя. Батюшка и матушка тебе верят: ты будешь за нас ходатаем¹, не так ли?

Старик был тронут. «Ох, батюшка ты мой Петр Андреевич! — отвечал он. — Хоть раненько задумал ты жениться, да зато Марья Ивановна такая добрая барышня, что грех и пропустить оказию. Ин быть по-твоему! Провожу ее, ангела Божия, и рабски буду доносить твоим родителям, что такой невесте не надобно и приданого».

Я благодарил Савельича и лег спать в одной комнате с Зуриным. Разгоряченный и взволнованный, я разболтался. Зурин сначала со мною разговаривал охотно; но мало-помалу слова его стали реже и бессвязнее; наконец, вместо ответа на какой-то запрос, он захравел и присвиистнул. Я замолчал и вскоре последовал его примеру.

На другой день утром пришел я к Марье Ивановне. Я сообщил ей свои предположения. Она признала их благоразумие и тотчас со мною согласилась. Отряд Зурина

¹ *Ходатай* — заступник, защитник.

должен был выступить из города в тот же день. Нечего было медлить. Я тут же расстался с Марьей Ивановной, поручив ее Савельичу и дав ей письмо к моим родителям. Марья Ивановна заплакала. «Прощайте, Петр Андреич! — сказала она тихим голосом. — Придется ли нам увидаться или нет, Бог один это знает; по век не забуду вас; до могилы ты один останешься в моем сердце». Я ничего не мог отвечать. Люди нас окружали. Я не хотел при них предаваться чувствам, которые меня волновали. Наконец она уехала. Я возвратился к Зурину, грустен и молчалив. Он хотел меня развеселить; я думал себя рассеять; мы провели день шумно и буйно и вечером выступили в поход.

Это было в конце февраля. Зима, затруднявшая военные распоряжения, проходила, и наши генералы готовились к дружному содействию. Пугачев все еще стоял под Оренбургом. Между тем около его отряды соединялись и со всех сторон приближались к злодейскому гнезду. Бунтующие деревни при виде наших войск приходили в повиновение; шайки разбойников везде бежали от нас, и все предвещало скорое и благополучное окончание.

Вскоре князь Голицын, под крепостью Татищевой, разбил Пугачева, рассеял его толпы, освободил Оренбург и, казалось, нанес бунту последний и решительный удар. Зурин был в то же время отряжен противу шайки мятежных башкирцев, которые рассеялись прежде, нежели мы их увидали. Весна осадила нас в татарской деревушке. Речки разлились, и дороги стали непроходимы. Мы утешались в нашем бездействии мыслию о скором прекращении скучной и мелочной войны с разбойниками и дикарями.

Но Пугачев не был пойман. Он явился на сибирских заводах, собрал там новые шайки и снова начал злодействовать. Слух о его успехах снова распространился. Мы узнали о разорении сибирских крепостей. Вскоре весть о взятии Казани и о походе самозванца на Москву встревожила начальников войск, беспечно дремавших в надежде на бессилие презренного бунтовщика. Зурин получил повеление переправиться через Волгу.

Не стану описывать нашего похода и окончания войны. Скажу коротко, что бедствие доходило до крайности. Мы проходили через селения, разоренные бунтовщиками, и поневоле отбирали у бедных жителей то, что успели они спасти. Правление было повсюду прекращено; помещики

укрывались по лесам. Шайки разбойников злодействовали повсюду; начальники отдельных отрядов самовластно наказывали и милдовали; состояние всего обширного края, где свирепствовал пожар, было ужасно... Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!

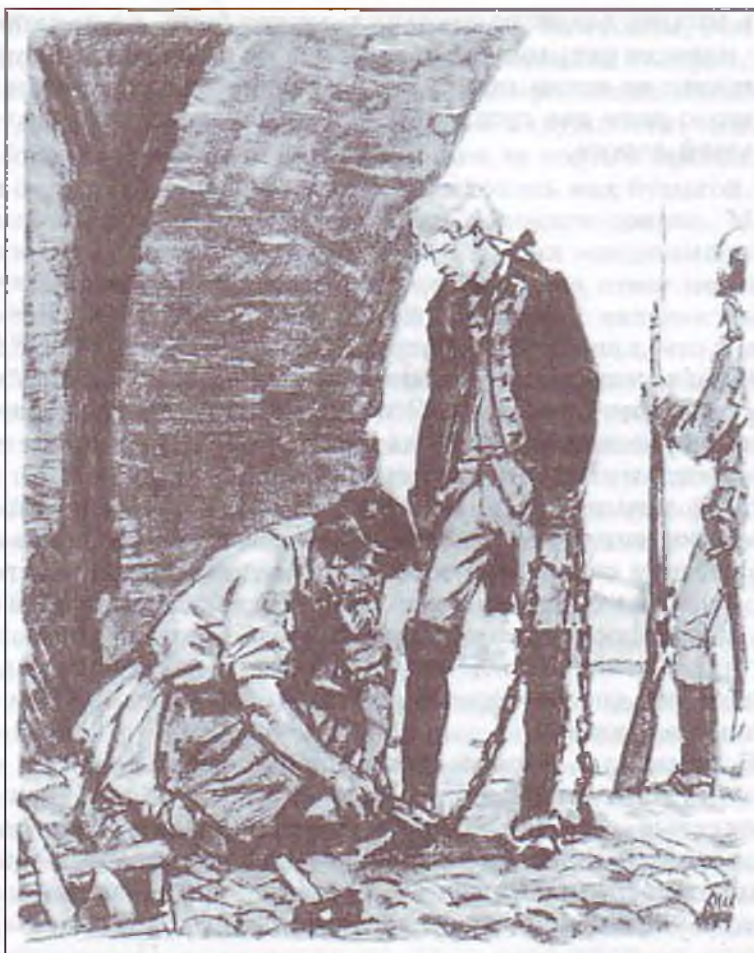
Пугачев бежал, преследуемый Иваном Ивановичем Михальсоном¹. Вскоре узнали мы о совершенном его разбитии. Наконец Зурин получил известие о поимке самозванца, а вместе с тем и повеление остановиться. Война была кончена. Наконец мне можно было ехать к моим родителям! Мысль их обнять, увидеть Марию Ивановну, от которой не имел я никакого известия, одушевляла меня восторгом. Я прыгал как ребенок. Зурин смеялся и говорил, пожимая плечами: «Нет, тебе несдобровать! Женишься — ни за что пропадешь!»

Но между тем странное чувство отравляло мою радость: мысль о злодее, обрызганном кровию стольких невинных жертв, и о казни, его ожидающей, тревожила меня поневоле. «Емеля, Емеля! — думал я с досадою, — зачем не наткнулся ты на штык или не подвернулся под картечь? Лучше ничего не мог бы ты придумать». Что прикажете делать? Мысль о нем неразлучна была во мне с мыслию о пощаде, данной мне им в одну из ужасных минут его жизни, и об избавлении моей невесты из рук гнусного Швабина.

Зурин дал мне отпуск. Через несколько дней должен я был опять очутиться посреди моего семейства, увидеть опять мою Марию Ивановну... Вдруг неожиданная гроза меня поразила.

В день, назначенный для выезда, в самую ту минуту, когда готовился я пуститься в дорогу, Зурин вошел ко мне в избу, держа в руках бумагу, с видом чрезвычайно озабоченным. Что-то кольнуло меня в сердце. Я испугался, сам не зная чего. Он выслал моего денщика и объявил, что имеет до меня дело. «Что такое?» — спросил я с беспокойством. «Маленькая неприятность, — отвечал он, подавая мне бумагу. — Прочитай, что сейчас я получил». Я стал ее читать: это был секретный приказ ко всем отдельным на-

¹ *И. И. Михальсов* (1740—1807) — во времена Пугачевского восстания подполковник, впоследствии генерал. Один из умиротворителей Пугачевского восстания.

А. С. Пушкин. «Капитанская дочка». Худ. Д. Шмаринев

чалыникам арестовать меня, где бы ни попался, и немедленно отправить под караулом в Казань, в Следственную комиссию, учрежденную по делу Пугачева.

Бумага чуть не выпала из моих рук. «Делать нечего! — сказал Зурин. — Долг мой повиноваться приказу. Вероятно, слух о твоих дружеских путешествиях с Пугачевым как-нибудь да дошел до правительства. Надеюсь, что дело не будет иметь никаких последствий и что ты оправдаешься перед комиссией. Не унывай и отправляйся». Совесть моя была чиста; я суда не боялся; но мысль отсро-

чить минуту сладкого свидания, может быть, на несколько еще месяцев утрапала меня. Тележка была готова. Зурин дружески со мною простился. Меня посадили в тележку. Со мною сели два гусара с саблями наголо, и я поехал по большой дороге.

ГЛАВА XIV

Суд

Мирская молва —
Морская волна.

Пословица.

Я был уверен, что виною всему было самовольное мое отсутствие из Оренбурга. Я легко мог оправдаться: наездничество не только никогда не было запрещено, но еще всеми силами было ободряемо. Я мог быть обвинен в излишней запальчивости, а не в осудшении. Но приятельские сношения мои с Пугачевым могли быть доказаны множеством свидетелей и должны были казаться по крайней мере весьма подозрительными. Во всю дорогу размышляя я о допросах, меня ожидающих, обдумывал свои ответы и решился перед судом объявить суцую правду, полагая сей способ оправдания самым простым, а вместе и самым надежным.

Я приехал в Казань, опустошенную и погорелую. По улицам, вместо домов, лежали груды углей и торчали закоптелые стены без крыш и окон. Таков был след, оставленный Пугачевым! Меня привезли в крепость, уцелевшую посреди сгоревшего города. Гусары сдали меня караульному офицеру. Он велел кликнуть кузисца. Надели мне на ноги цепи и заковали наглухо. Потом отвели меня в тюрьму и оставили одного в тесной и темной конурке, с одними голыми стенами и с окошечком, загороженным железною решеткою.

Таковое начало не предвещало мне ничего доброго. Однако ж я не терял ни бодрости, ни надежды. Я прибегнул к утешению всех скорбящих и, впервые вкусив сладость молитвы, изливающей из чистого, но растерзанного сердца, спокойно заснул, не заботясь о том, что со мною будет.

На другой день тюремный сторож меня разбудил с объявлением, что меня требуют в комиссию. Два солдата повели меня через двор в комендантский дом, остановились в передней и впустили одного во внутренние комнаты.

Я вошел в залу довольно обширную. За столом, покрытым бумагами, сидели два человека: пожилой генерал, виду строгого и холодного, и молодой гвардейский капитан, лет двадцати осьми, очень приятной наружности, ловкий и свободный в обращении. У окошка за особым столом сидел секретарь с пером за ухом, наклонясь над бумагой, готовый записывать мои показания. Начался допрос. Меня спросили о моем имени и звании. Генерал осведомился, не сын ли я Андрея Петровича Гринева? И на ответ мой возразил сурово: «Жаль, что такой почтенный человек имеет такого недостойного сына!» Я спокойно отвечал, что, каковы бы ни были обвинения, тяготеющие на мне, я надеюсь их рассеять чистосердечным объяснением истины. Уверенность моя ему не понравилась. «Ты, брат, востер, — сказал он мне нахмурясь, — но видали мы и не таких!»

Тогда молодой человек спросил меня: по какому случаю и в какое время вошел я в службу к Пугачеву и по каким поручениям был я им употреблен?

Я отвечал с негодованием, что я, как офицер и дворянин, ни в какую службу к Пугачеву вступать и никаких поручений от него принять не мог.

— Каким же образом, — возразил мой допросчик, — дворянин и офицер один пощажен самозванцем, между тем как все его товарищи злодейски умерщвлены? Каким образом этот самый офицер и дворянин дружески пирует с бунтовщиками, принимает от главного злодея подарки, шубу, лошадь и полтину денег? Отчего произошла такая странная дружба и на чем она основана, если не на измене или по крайней мере на гнусном и преступном малодушии?

Я был глубоко оскорблен словами гвардейского офицера и с жаром начал свое оправдание. Я рассказал, как началось мое знакомство с Пугачевым в степи, во время бурана; как при взятии Белогорской крепости он меня узнал и пощадил. Я сказал, что тулуп и лошадь, правда, не посоветился я принять от самозванца; но что Белогорскую крепость защищал я противу злодея до последней крайности. Наконец я сослался и на моего генерала, который мог засвидетельствовать мое усердие во время бедственной оренбургской осады.

Строгий старик взял со стола открытое письмо и стал читать его вслух:

«На запрос вашего превосходительства касательно прапорщика Гринева, якобы замешанного в нынешнем смятении¹ и вошедшего в сношения с злодеем, службою недозволенные и долгу присяги противные, объяснить имею честь: оный прапорщик Гринев находился на службе в Оренбурге от начала октября прошлого 1773 года до 24 февраля нынешнего года, в которое число он из города отлучился и с той поры уже в команду мою не являлся. А слышно от перебежчиков, что он был у Пугачева в слободе и с ним вместе ездил в Белогорскую крепость, в коей прежде находился он на службе; что касается до его поведения, то я могу...» Тут он прервал свое чтение и сказал мне сурово: «Что ты теперь скажешь себе в оправдание?»

Я хотел было продолжать, как начал, и объяснить мою связь с Марьей Ивановной так же искренно, как и все прочее. Но вдруг почувствовал непреодолимое отвращение. Мне пришло в голову, что если я назову ее, то комиссия потребует ее к ответу; и мысль выгнать ее между гнусными извещениями² злодеев и ее самую привести на очную с ними ставку — эта ужасная мысль так меня поразила, что я замялся и спутался.

Судьи мои, начинавшие, казалось, выслушивать ответы мои с некоторою благосклонностию, были снова предубеждены противу меня при виде моего смущения. Гвардейский офицер потребовал, чтоб меня поставили на очную ставку с главным доносителем. Генерал велел кликнуть *вчерашнего злодея*. Я с живостию обратился к дверям, ожидая появления моего обвинителя. Через несколько минут загремели цепи, двери отворились и вошел — Швабрин. Я изумился его перемене. Он был ужасно худ и бледен. Волоса его, недавно черные как смоль, совершенно поседели; длинная борода была всклокочена. Он повторил обвинения свои слабым, но смелым голосом. По его словам, я отряжен был от Пугачева в Оренбург шпионом; ежедневно выезжал на перестрелки, дабы передавать письменные известия о всем, что делалось в городе; что, наконец, явно передался самозванцу, разъезжал с ним из крепости в крепость, стараясь всячески губить своих товарищей-изменников, дабы занимать их места и пользоваться награ-

¹ *Смятѣние* — здесь: смута, мятеж, беспорядок.

² *Извѣстїи* (устар.) — донос, клевета.

дами, раздаваемыми от самозванца. Я выслушал его молча и был доволен одним: имя Марьи Ивановны не было произнесено гнусным злодеем, оттого ли, что самолюбие его страдало при мысли о той, которая отвергла его с презрением; оттого ли, что в сердце его таилась искра того же чувства, которое и меня заставляло молчать, — как бы то ни было, имя дочери белогорского коменданта не было произнесено в присутствии комиссии. Я утвердился еще более в моем намерении, и, когда судьи спросили, чем могу опровергнуть показания Швабрина, я ответил, что держусь первого своего объяснения и ничего другого в оправдание себе сказать не могу. Генерал велел нас вывести. Мы вышли вместе. Я спокойно взглянул на Швабрина, но не сказал ему ни слова. Он усмехнулся злобной усмешкою и, приподняв свои цепи, опередил меня и ускорил свои шаги. Меня опять отвели в тюрьму и с тех пор уже к допросу не требовали.

Я не был свидетелем всему, о чем остается мне уведомить читателя; но я так часто слышал о том рассказы, что малейшие подробности врезались в мою память и что мне кажется, будто бы я тут же невидимо присутствовал.

Марья Ивановна принята была моими родителями с тем искренним радушием, которое отличало людей старого века. Они видели благодать Божию в том, что имели случай приютить и обласкать бедную сироту. Вскоре они к ней искренне привязались, потому что нельзя было ее узнать и не полюбить. Моя любовь уже не казалась батюшке пустой блажью; а матушка только того и желала, чтоб ее Петруша женился на милой капитанской дочке.

Слух о моем аресте поразил все мое семейство. Марья Ивановна так просто рассказала моим родителям о странном знакомстве моем с Пугачевым, что оно не только не беспокоило их, но еще заставляло часто смеяться от чистого сердца. Батюшка не хотел верить, чтобы я мог быть замешан в гнусном бунте, коего целью была испровержение престола и истребление дворянского рода. Он строго допросил Савельича. Дядька не утаил, что барин бывал в гостях у Емельки Пугачева и что-де злодей его таки жаловал; но клялся, что ни о какой измене он и не слыхивал. Старики успокоились и с нетерпением стали ждать благоприятных вестей. Марья Ивановна сильно была встревожена, но мол-

чала, ибо в высшей степени была одарена скромностью и осторожностью.

Прошло несколько недель... Вдруг батюшка получает из Петербурга письмо от нашего родственника князя В**¹. Князь писал ему обо мне. После обыкновенного приступа¹ он объявил ему, что подозрения насчет участия моего в замыслах бунтовщиков, к несчастю, оказались слишком основательными, что примерная казнь должна была бы меня постигнуть, но что государыня, из уважения к заслугам и преклонным летам отца, решила помиловать преступного сына и, избавляя его от позорной казни, повелела только сослать в отдаленный край Сибири на вечное поселение.

Сей неожиданный удар едва не убил отца моего. Он лишился обыкновенной своей твердости, и горечь его (обыкновенно немая) изливалась в горьких жалобах. «Как! — повторял он, выходя из себя. — Сын мой участвовал в замыслах Пугачева! Боже праведный, до чего я дожил! Государыня избавляет его от казни! От этого разве мне легче? Не казнь страшна: пращур² мой умер на Лобном месте³, отстаивая то, что почитал святынею своей совести; отец пострадал вместе с Волынским и Хрущевым⁴. Но дворянину изменить своей присяге, соединиться с разбойниками, с убийцами, беглыми холопами!.. Стыд и срам нашему роду!..» Испуганная его отчаянием матушка не смела при нем плакать и старалась возратить ему бодрость, говоря о неверности молвы, о шаткости людского мнения. Отец мой был неутешен.

Марья Ивановна мучилась более всех. Будучи уверена, что я мог оправдаться, когда бы только захотел, она догадывалась об истине и почитала себя виновницею моего несчастья. Она скрывала от всех свои слезы и страдания и между тем непрестанно думала о средствах, как бы меня спасти.

Однажды вечером батюшка сидел на диване, перевертывая листы Придворного календаря; но мысли его были

¹ *Приступ* — здесь: вступление.

² *Пращур* — предок.

³ *Лобное место* — возвышение на Красной площади в Москве. По преданию, возле него казнили важных государственных преступников.

⁴ *А. П. Волынский*, *А. Ф. Хрущев* — видные государственные деятели XVIII века, сторонники ограничения самодержавия, казнены за «государственную измену».

далеко, и чтение не производило над ним обыкновенного своего действия. Он насвистывал старинный марш. Матушка молча вязала шерстяную фуфайку, и слезы изредка капали на ее работу. Вдруг Марья Ивановна, тут же сидевшая за работой, объявила, что необходимость ее заставляет ехать в Петербург и что она просит дать ей способ отправиться. Матушка очень огорчилась. «Зачем тебе в Петербург? — сказала она. — Неужто, Марья Ивановна, хочешь и ты нас покинуть?» Марья Ивановна отвечала, что вся будущая судьба ее зависит от этого путешествия, что она едет искать покровительства и помощи у сильных людей, как дочь человека, пострадавшего за свою верность.

Отец мой потупил голову: всякое слово, напоминающее мнимое преступление сына, было ему тягостно и казалось колким упреком. «Поезжай, матушка! — сказал он ей со вздохом. — Мы твоему счастью помехи сделать не хотим. Дай Бог тебе в женихи доброго человека, не ошельмованного изменника». Он встал и вышел из комнаты.

Марья Ивановна, оставшись наедине с матушкою, отчасти объяснила ей свои предположения. Матушка со слезами обняла ее и молила Бога о благополучном конце замышленного дела. Марью Ивановну снарядили, и через несколько дней она отправилась в дорогу с верной Палашей и с верным Савельичем, который, насильственно разлученный со мною, утешался по крайней мере мыслию, что служит нареченной¹ моей невесте.

Марья Ивановна благополучно прибыла в Софию² и, узнав, что Двор³ находился в то время в Царском Селе, решила тут остановиться. Ей отвели уголок за перегородкой. Жена смотрителя тотчас с нею разговорилась, объявила, что она племянница придворного истопника, и посвятила ее во все таинства придворной жизни. Она рассказала, в котором часу государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофей, прогуливалась; какие нельможи находились в то время при ней; что изволила она вчерашний день говорить у себя за столом, кого принимала вече-

¹ Нареченная — объявленная, признанная всеми.

² София — почтовая станция недалеко от Царского Села под Петербургом.

³ Двор — царский двор (царь и приближенные к нему лица).

ром, — словом, разговор Анны Власьевны стоил нескольких страниц исторических записок и был бы драгоценен для потомства. Марья Ивановна слушала ее со вниманием. Они пошли в сад. Анна Власьева рассказала историю каждой аллеи и каждого мостика, и, нагулявшись, они возвратились на станцию очень довольные друг другом.

На другой день рано утром Марья Ивановна проснулась, оделась и тихонько пошла в сад. Утро было прекрасное, солнце освещало вершины лип, пожелтевших уже под свежим дыханием осени. Широкое озеро сияло неподвижно. Проснувшиеся лебеди важно выплывали из-под кустов, осеняющих берег. Марья Ивановна пошла около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева¹. Вдруг белая собачка английской породы залаяла и побежала ей навстречу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. В эту самую минуту раздался приятный женский голос: «Не бойтесь, она не укусит». И Марья Ивановна увидела даму, сидевшую на скамейке противу памятника. Марья Ивановна села на другом конце скамейки. Дама пристально на нее смотрела; а Марья Ивановна, с своей стороны бросив несколько косвенных взглядов, успела рассмотреть ее с ног до головы. Она была в белом утреннем платье, в почном чепце и в душегрейке. Ей казалось лет сорок. Лицо ее, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а голубые глаза и легкая улыбка имели прелесть неизъяснимую. Дама первая прервала молчание.

— Вы, верно, не здешние? — сказала она.

— Точно так-с: я вчера только приехала из провинции.

— Вы приехали с вашими родными?

— Никак нет-с. Я приехала одна.

— Одна! Но вы так еще молоды.

— У меня нет ни отца, ни матери.

— Вы здесь, конечно, по каким-нибудь делам?

— Точно так-с. Я приехала подать просьбу государыне.

— Вы сирота: вероятно, жалуетесь на несправедливость и обиду?

— Никак нет-с. Я приехала просить милости, а не правосудия.

¹ П. А. Румянцева (1725—1796) — крупный военачальник времен Екатерины II.

— Позвольте спросить, кто вы таковы?

— Я дочь капитана Миронова.

— Капитана Миронова! того самого, что был комендантом в одной из оренбургских крепостей?

— Точно так-с.

Дама, казалось, была тронута. «Извините меня, — сказала она голосом еще более ласковым, — если я вмешиваюсь в ваши дела; но я бываю при дворе; изъясните мне, в чем состоит ваша просьба, и, может быть, мне удастся вам помочь».

Марья Ивановна встала и почтительно ее благодарила. Все в неизвестной даме невольно привлекало сердце и внушало доверенность. Марья Ивановна вынула из кармана сложенную бумагу и подала ее незнакомой своей покровительнице, которая стала читать про себя.

Сначала она читала с видом внимательным и благосклонным; но вдруг ее лицо переменялось, — и Марья Ивановна, следившая глазами за всеми ее движениями, испугалась строгому выражению этого лица, за минуту столь приятному и спокойному.

— Вы просите за Гринева? — сказала дама с холодным видом. — Императрица не может его простить. Он пристал к самозванцу не из невежества и легковерия, но как безправственный и вредный негодяй.

— Ах, неправда! — воскликнула Марья Ивановна.

— Как неправда! — возразила дама, вся вспыхнув.

— Неправда, ей-богу, неправда! Я знаю все, я все вам расскажу. Он для одной меня подвергался всему, что постигло его. И если он не оправдался перед судом, то разве потому только, что не хотел запутать меня. — Тут она с жаром рассказала все, что уже известно моему читателю.

Дама выслушала ее со вниманием. «Где вы остановились? — спросила она потом; и, услыша, что у Анны Власьевны, промолвила с улыбкой: — А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрече. Я надеюсь, что вы недолго будете ждать ответа на ваше письмо».

С этим словом она встала и вышла в крытую аллею, а Марья Ивановна возвратилась к Анне Власьевне, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила ее за раннюю осеннюю прогулку, вредную, по ее словам, для здоровья молодой девушки. Она принесла самовар и за чашкою чая только было при-

А. С. Пушкин. «Капитанская дочка». Худ. П. Соколов

нялась за бесконечные рассказы о дворе, как вдруг придворная карета остановилась у крыльца и камер-лакей¹ вошел с объявлением, что государыня изволит к себе приглашать девицу Миронову.

Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась. «Ахти, Господи! — закричала она. — Государыня требует вас ко двору. Как же это она про вас узнала? Да как же вы, матушка, представитесь к императрице? Вы, я чай, и ступить по-придворному не умеете. Не проводить ли мне вас? Все-таки я вас хоть в чем-нибудь да могу предостеречь. И как же вам ехать в дорожном платье? Не послать ли к повивальной бабушке за ее желтым роброном²?» Камер-лакей объявил, что государыне угодно было, чтоб Марья Ивановна ехала одна и в том, в чем ее застанут. Делать было нечего: Марья Ивановна села в карету и поехала во дворец, сопровождаемая советами и благословениями Анны Власьевны.

¹ Камер-лакей — придворный слуга.

² Роброн (устар.) — широкое женское платье.

Марья Ивановна предчувствовала решение нашей судьбы; сердце ее сильно билось и замирало. Через несколько минут карета остановилась у дворца. Марья Ивановна с трепетом пошла по лестнице. Двери перед ней отворились настежь. Она прошла длинный ряд пустых великолепных комнат; камер-лакей указывал дорогу. Наконец, подошед к запертым дверям, он объявил, что сейчас об ней доложит, и оставил ее одну.

Мысль увидеть императрицу лицом к лицу так утрашала ее, что она с трудом могла держаться на ногах. Через минуту двери отворились, и она вошла в уборную¹ государыни.

Императрица сидела за своим туалетом. Несколько придворных окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково к ней обратилась, и Марья Ивановна узнала в ней ту даму, с которой так откровенно изъяснялась она несколько минут тому назад. Государыня подозвала ее и сказала с улыбкой: «Я рада, что могла сдержать вам свое слово и исполнить вашу просьбу. Дело ваше кончено. Я убеждена в невинности вашего жениха. Вот письмо, которое сами потрудитесь отвезти к будущему свекру²».

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою и, заплакав, упала к ногам императрицы, которая подняла ее и поцеловала. Государыня разговорилась с нею: «Знаю, что вы не богаты, — сказала она, — по я в долгу перед дочерью капитана Миронова. Не беспокойтесь о будущем. Я беру на себя устроить ваше состояние».

Обласкав бедную сироту, государыня ее отпустила. Марья Ивановна уехала в той же придворной карете. Анна Власьевна, нетерпеливо ожидавшая ее возвращения, осыпала ее вопросами, на которые Марья Ивановна отвечала кое-как. Анна Власьевна хотя и была недовольна ее беспамятством, но приписала оное провинциальной застенчивости и извинила великодушно. В тот же день Марья Ивановна, не полюбопытствовав взглянуть на Петербург, обратно поехала в деревню...

¹ Уборная — здесь: комната, где одеваются и приводят себя в порядок (от слова *убраться* — украсить, нарядиться).

² Свекор — отец мужа.

Здесь прекращаются записки Петра Андреевича Гринева. Из семейственных преданий известно, что он был освобожден от заключения в конце 1774 года, по именному повелению¹, что он присутствовал при казни Пугачева, который узнал его в толпе и кивнул ему головою, которая через минуту, мертвая и окровавленная, показана была народу. Вскоре потом Петр Андреевич женился на Марье Ивановне. Потомство их благоденствует в Симбирской губернии. В тридцати верстах от*** находится село, принадлежащее десятерым помещикам. В одном из барских флигелей показывают собственноручное письмо Екатерины II за стеклом и в рамке. Оно писано к отцу Петра Андреевича и содержит оправдание его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана Миронова. Рукопись Петра Андреевича Гринева доставлена была нам от одного из его внуков, который узнал, что мы заняты были трудом, относящимся ко временам, описанным его дедом. Мы решились, с разрешения родственников, издать ее особо, приискав к каждой главе приличный эпиграф и дозволив себе перемешать некоторые собственные имена.

Издатель.

19 окт. 1836.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ТРУД А. С. ПУШКИНА

Давно известно, что Пушкину в высшей степени присуще историческое чувство и историческое мышление. Историзм — одно из тех свойств художественного гения поэта, которое легло краеугольным камнем в основание его реализма.

Можно сказать, что историю, особенно русскую, Пушкин воспринимал исключительно лично, интимно, и это несколько не мешало, наоборот, помогало ему видеть истинный, хотя подчас затаенный, отнюдь не лежащий на поверхности ее смысл. Свою жизнь Пушкин вписывал в историю России, которую, в свою очередь, просматривал и через призму своей судьбы человека и поэта. Это органическое слияние личного

¹ *Именное повеление* — повеление царя или царицы.

удела и исторического движения покорилось на убеждении Пушкина в неостановимости исторического процесса, который определяет вполне постигаемые чувством и разумом законы, побуждающие людей, участников исторического действия, выбирать ту или иную позицию, не оставаться пассивными и равнодушными зрителями.

В «Истории Пугачевского бунта» Пушкина интересовала прежде всего «пугачевщина», то есть само восстание, а не его инициаторы, вожди и вдохновители. Они обрисованы Пушкиным скупой, а отчасти, например, от «Капитанской дочки», где столь выразительны портреты Пугачева, Хлопуши, Белобородова и даже рядовых участников крестьянской войны. В «Истории Пугачевского бунта» все повествование занял размах восстания и как бы «образ» восстания в народном сердце и в народной памяти.

Взрыв возмущенной народной стихии, по мысли Пушкина, лишен какой-либо четкой политической сознательности, хотя ее элементы проскальзывают в действиях восставших. В «Капитанской дочке» Пугачев рассказывает Гриневу притчу об орле и вороне. Смысл ее многозначен: с одной стороны, народ возжаждал вольной и яркой жизни, где его силы могли бы развернуться.

Однако, с другой стороны, смысл притчи оттеняет и политическую наивность народа, пользующегося моментом. Он действует импульсивно, словно в экстазе. Им руководит не сознание, а социальный инстинкт. Ощувив свободу, он превращает ее в разгул, и она сразу оборачивается своеволием и произволом. Мечта Пугачева, как признается он Гриневу, — «поцарствовать». Пушкинский герой в ответ на притчу Пугачева резонно замечает: «Но жить убийством и разбоем значит по мне клевать мертвечину».

Повесть Пушкина вобрала в себя богатый материал, освоенный и обобщенный в «Истории Пугачевского бунта». И это касается самых разнообразных деталей: золоченого «дворца» Пугачева, портретов мятежников, их реплик, характеристик персонажей, описаний Оренбурга и Казани, предметов быта и обихода, разговоров и поведения. За каждой строкой чувствуется полное погружение в эпоху, в психологию исторических лиц. Но главное все же в том, что вымышленные герои Пушкина включились в большое историческое движение, определившее их судьбы, заставившее их делать выбор. Они невольно оказываются причастными к истории, слушают ее, непосред-

венно извлекая нравственные уроки. И по воле Пушкина они переживают самые яркие, самые счастливые минуты, каких уже никогда, пожалуй, не будет в их жизни: чувство первой застенчивой любви, смертельные опасности, отчаяние, разлуки, тревоги, гибель родных, наветы, клевету, суд и наказание, неожиданные милости и прощения, — все им дано испытать и не запятнать чести, не потерять достоинства, закалить себя, укрепиться в любви и тихо, мирно, покойно окончить свои дни. Немногим выпадает на долю жить в поворотные, крутые моменты истории и быть в самой гуще ее роковых событий. Пушкинские герои общаются с главными ее участниками, с теми, кто ее творит. История прошла через их сердца. Они встречаются с Пугачевым и Екатериной II, воюют с восставшими и обращаются к ним за помощью.

Следуя исторической истине, Пушкин не привел Гринева в стан Пугачева. Его герой не признал самозванца Петром III. Пушкин знал, что ни один дворянин из «хороших» (то есть древних, потомственных) фамилий не служил Пугачеву. Лишь Шванвич (один из прототипов Швабрина) оказался изменником, да и то уклонялся от поручений и при первой возможности сбежал и явился с повинной. В повести Швабрин делается предателем по собственной воле из-за своей человеческой низости. На самом деле он попал в плен. Так что из общего закона, столь отчетливо выведенного Пушкиным, Шванвич не исключался. Как бы то ни было, Гринев Пугачеву не служит, но самозванец его помиловал и даже оказал помощь, вырвав Марью Ивановну из рук Швабрина.

Ясно, что в «Капитанской дочке» исторические события призваны оттенить человеческие качества героев. Это равно относится и к Гриневу, и к Пугачеву, и к второстепенным персонажам. Например, генерал Рейнсдорп в «Истории Пугачевского бунта» — нерешительный, глуповатый, лишенный военного таланта незадачливый полководец. В «Капитанской дочке» у Андрея Карловича Р. эти качества сохранены, но, кроме них, он еще и верен старой дружбе, и добр, и способен на сожаление.

Задачи, стоявшие перед Пушкиным в «Истории Пугачевского бунта» и в «Капитанской дочке», обусловили отличающийся подход к изображению исторических фигур. Прежде всего это относится к Пугачеву.

Первый план исторического труда заняло крестьянское движение, а в «Капитанской дочке» — Пугачев. В «Истории Пугачевского

го бунта» последовательно описан ход восстания: противостояние лагерей, расслоение внутри каждого из них, действия бунтовщиков и правительственных начальников. Тут — сама история, как она реально совершалась.

Пугачев нарисован в «Капитанской дочке» куда более живо, чем в «Истории Пугачевского бунта». «Его видишь, его слышишь», — писал Вяземский. И надо сказать, что это имеет первостепенное значение для художественной мысли Пушкина. Если «Историей Пугачевского бунта» поэт преследовал практическую цель — указать на необходимость преобразований, то «Капитанской дочкой» он художественно решал более отдаленную, но не менее глубокую гуманистическую проблему: как достичь единства нации, как примирить противоречия и на какой основе это возможно. Оказалось, что почва для сближения «мужицкого царя», повстанца Пугачева, и дворянина Гринева есть, она еще не в настоящем, а в будущем. Пугачев и Гринев — в разных лагерях, но человечность, уважение к личности других людей, к их простым чувствам объединяют пушкинских героев. Пугачев, следуя народной нравственности, заступает за сироту, он как-то по-отечески сочувствует Гриневу и предлагает даже сыграть свадьбу и попить. А Гринев, проявляя жалость к замерзающему мужику, предостерегая его от предвидимого печального конца, искренне желает Пугачеву добра, и тот это чувствует и ценит. Так дворянин и враг дворян находят общий язык, между ними на короткий срок устанавливается взаимопонимание, и Пушкину оно особенно дорого.

Человечность Вожатого в «Капитанской дочке» высвечена ярче, чем в «Истории Пугачевского бунта». Но не забудем, сколь многим в «Капитанской дочке» поэт был обязан добросовестному и проницательному историку, автору «Истории Пугачевского бунта».

В. Коровин

Вопросы и задания

1. В чем заключался историзм Пушкина? В чем разница подхода А. С. Пушкина к пугачевскому восстанию в «Истории Пугачевского бунта» и «Капитанской дочке»?
2. Внимательно прочитайте статью об историческом труде Пушкина и постарайтесь пересказать ее содержание.
3. Сопоставьте главы из «Истории Пугачевского бунта» с текстом «Капитанской дочки». Найдите разницу и объясните ее.

Глава I. Сержант гвардии

1. Глава называется «Сержант гвардии». О ком рассказывается в этой главе? Какова была семья Гринева? Какую роль в его детстве играли Савельич и Вопре? Как провожали Петрушу родители на службу и какими словами напутствовал его отец?
2. Как характеризует Гринева и Савельича случай с Зуриным?

Глава II. Вожатый

1. Почему глава начинается народной песней? Как характеризует Гринева разговор с Савельичем, какой характер Савельича?
Дорога, буран — расскажите об этом. Какой смысл для дальнейших событий имеет сон Петруши? Опишите портрет Вожатого, его таинственный разговор с хозяином. В чем его пророческая способность?
2. Как отблагодарил Гринев Вожатого?
3. Чем интересен разговор Гринева с генералом? Как Гринев объяснил генералу выражение «держать в оловянных рукавицах»? Каков истинный смысл этого выражения? Проверьте, как объясняется этот оборот в фразеологическом словаре.

Глава III. Крепость

1. Что представляли собой Белогорская крепость, порядки, введенные в ней? Чем объяснить такой «семейный» характер отношений между людьми в крепости? Расскажите о ее обитателях — Иване Кузмище, его жене, Швабрине, Марье Ивановне. Какое значение имеет солдатская песня, стоящая эпиграфом к третьей главе?
2. Каковы ваши впечатления о каждом из героев?

Глава IV. Поединок

1. Как проявили себя Гринев и Швабрин в главе «Поединок»?
2. Что нового вы узнали о них? Какие черты характера стали проявляться в Гриневе?

Глава V. Любовь

1. Перескажите подробно главу. Расскажите, какие черты характера проявили герои во взаимоотношениях друг с другом. Какой смысл вкладывает автор в народную песню — эпиграф?
2. Что можно сказать о Швабрине?
3. Как вы понимаете слова Гринева о «благом потрясении»?

Глава VI. Пугачевщина

1. Опишите губернию, которая «обитаема была множеством полудиких народов». Можно ли считать, что этим описанием Пушкин как бы подготавливает читателя к событиям, которые произойдут в Белогорской крепости?
2. Какие приготовления начались в крепости после получения письма от генерала?

Глава VII. Преступ

1. О чем говорит песня, поставленная в эпиграф к этой главе? Почему так быстро удалось Пугачеву взять крепость?
2. Как вели себя немногочисленные защитники крепости? О чем хочет сказать автор фразой: «Народ повалил на площадь; нас погнали туда же»? Как приняли смерть Иван Кузьмич, Иван Игнатьич, Василиса Егоровна?

Глава VIII. Незванный гость

1. В чем смысл эпиграфа к этой главе?
2. Кого Гринев называет «новобранными изменниками» и почему?
3. Какие настроения пугачевцев передает бурлацкая песня?
4. Каким предстал Петруше военный совет Пугачева? Почему Пугачев простил дерзкие и правдивые речи Гриневу?

Глава IX. Разлука

1. Швабрин на службе у Пугачева. Савельич предъявляет счет Пугачеву. Прощание с Марьей Ивановной. Прочитайте и прокомментируйте названные эпизоды.
2. Подготовьте близкий к тексту пересказ эпизодов.

Глава X. Осада города

1. Как встретился Гринев с генералом? Что происходило в городе на военном совете? О каком «подкупательном движении» говорили на совете?
2. Что происходило при осаде города?
3. О чем писала Марья Ивановна?

Глава XI. Мятежная слобода

1. Как держался Гринев в пугачевском стане и как вели себя пугачевцы? Чем интересен разговор Пугачева и Гринева?
2. Что значат слова Пугачева: «Улица моя тесна; воли мне мало»?
3. Какое значение имеет сказка Пугачева об орле и как отреагировал на нее Гринев? В чем смысл этого диалога?

Глава XII. Сирота

1. Как в этой главе рассказчик называет Швабринна?
2. Почему Пугачев решил помиловать Марью Ивановну?

Глава XIII. Арест

Почему Гриневу пришлось расстаться с Марьей Ивановной?

Глава XIV. Суд

1. По чьей вине Гринев привлечен к суду и почему оправдан?
2. Как сложилась дальнейшая судьба героев?
3. Подумайте, как происходило взросление героя: от недоросля к человеку достойному и частному. Вспоминаются ли при этом «блаженные потрясения»?
4. Как относится автор к героям? Подтвердите свое мнение цитатами из текста произведения. Что можно сказать о пушкинском отношении к восстанию, восставшим, Гриневу, Пугачеву, Мане Мироновой?

Подведем итоги

1. Кто главные герои романа? Почему он назван «Капитанская дочка»?
2. Известно, что по России в 1831 году прокатилась волна холерных бунтов, вооруженных выступлений. Об этом знал Пушкин. Роман же посвящен народным выступлениям XVIII века. Исследователи пушкинского творчества считают, что истоки настоящего лежали в прошлом России и что там надо было искать и найти ответы на вопросы, которые волновали поэта. Согласны ли вы с этим суждением?
3. Приступая к роману, Пушкин изучил документы, манифесты, указы Елизаветы II, воспоминания современников Пугачевского восстания, он искал: «Я прочел со вниманием все, что было напечатано о Пугачеве, и сверх того 18 толстых томов разных рукописей, указов, дописаний и проч. Я посетил места, где произошли главные события эпохи, лично описанной, проверяя мертвые документы словами еще живых, но престарелых очевидцев...», затем создал научный труд «История Пугачевского бунта». Найдите на «Карте путешествий А. С. Пушкина» те места, где пришлось побывать поэту, когда он подготавливал материалы для исторической повести о Пугачеве и «Капитанской дочке». Расскажите, что вы об этом знаете.
4. Сопоставьте отрывки из книги «История Пугачевского бунта» Пушкина с прочитанным вами романом. Какие документы, описания событий, по вашему мнению, в той или иной степени отражены в пушкинском тексте «Капитанской дочки»? Сравните портрет Пугачева в романе и в «Истории Пугачевского бунта». В чем сходство и в чем разница?

Как вы думаете, что старался подчеркнуть А. С. Пушкин, описывая Пугачевское восстание, людей, окружающих своего атамана, офицеров царской армии?

Известный историк В. О. Ключевский признавал, что в «Капитанской дочке» больше истории, чем в «Истории Пугачевского бунта». Как вы понимаете это высказывание? Что хотел сказать этим историк?

5. Подготовьте рассказы о действующих лицах романа --- Пугачеве, Швабрише, Гриневе, Маше, Савельиче.
6. Вспомните, какой поговоркой начинается первая глава. Что хотел сказать ею автор? Каковы тема и идея «Капитанской дочки»? Какова концовка романа «Капитанская дочка» и в чем ее смысл?
7. Какие «проверки» устраивает автор Гриневу и Швабрику на честность и на милосердие? В чем смысл четырех встреч героев? Какие особенности человеческих характеров и человеческого общения они раскрывают?
8. Подняться над жестоким веком, сохранив в себе гуманность, человеческое достоинство и уважение к живой жизни людей, — такой видят главную мысль романа некоторые литературоведы. Согласны ли вы с такой точкой зрения? Можно ли считать, что Пушкин мечтал, чтобы Гринев соблюдал честь дворянина, Савельич — честь крестьянина и чтобы человечность объединяла все сословия? Какие герои «Капитанской дочки» и когда проявляют человечность (сочувствие, сострадание, доброту, честность)?
9. Рассмотрите иллюстрации к историческим произведениям А. С. Пушкина. Найдите в тексте и прочитайте эпизоды из повести, изображенные на рисунках. Опишите портреты героев.

Развивайте дар слова

1. В чем состоят исторический и современный аспекты «Капитанской дочки»? Какие вечные проблемы поднимает А. С. Пушкин в этом произведении? Подготовьте сообщение на эту тему.
2. Итак, мы выяснили, что внимание к истории для крупного писателя не ограничивается только произведениями, посвященными историческим событиям, что в любом произведении, как пишет литературовед В. И. Корвин, прошедшем испытание временем, в той или иной степени автор касается истории, жизни и деятельности людей определенной эпохи, следовательно, отражает историческое время, характеры людей этой эпохи, своеобразие их поступков, взаимоотношений. Кроме того, не существует в подобном случае ограничения жанра

произведений. Согласны ли вы с этим суждением литературоведа?

Постарайтесь на примерах произведений разных жанров одного писателя подтвердить эту точку зрения. Подготовьте сообщение по этой проблеме в письменной или устной форме.

СТИХОТВОРЕНИЯ

«19 октября» (1825). В послании «19 октября», первом стихотворении, посвященном лицейской годовщине, Пушкин, вспоминая друзей-лицеистов, славил дружеский союз («прекрасен наш союз»), лицейское братство, которое помогает противостоять натиску «судьбины» и даже усмирить ее «гнев». Он приветствовал пир жизни, наслаждение ее радостями, творчеством и общением родственных душ. Поэт был уверен, что заточение скоро закончится и свобода стоит на пороге его дома:

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!

Стихотворение отразило и прилив могучих творческих сил поэта, полного новых, невиданных дотоле замыслов.

19 октября

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружающих гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,

Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.
Я пью один; вотще воображенья
Вокруг меня товарищей зовет;
Знакомое не слышно приближенья,
И милого душа моя не ждет.

Я пью один, и на берегах Невы
Меня друзья сегодня именуют...
Но многие ль и там из вас пируют?
Еще кого не досчитались вы?
Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлек холодный свет?
Чей глас умолк на братской переключке?
Кто не пришел? Кого меж нами нет?

Он не пришел, кудрявый наш певец,
С огнем в очах, с гитарой сладкогласной;
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русской могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашел привет унылый
Сын севера, бродя в краю чужом.

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полуночных морей?
Счастливым путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальные нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечталися тебе;
Ты простираал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в младой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!»

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, принял ласкающей главой...
С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет,
Друзьям иным душой преданся нежной;
Но горек был небратский их привет.

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пушкин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнания день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
Хвала тебе — фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Всё тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись,
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев.
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волнение мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел.
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты гордый пел для муз и для души;
Свой дар как жизнь я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам!

Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир: оставим заблужденья!
Сокроем жизнь под сень уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый друг —
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!
О, сколько слез и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует Лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честно, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Полней, полней! и, сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье,
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.

Пируйте же, пока еще мы тут!
Увы, наш круг час от часу редеет;
Кто в гробе спит, кто дальний сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладеа,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

Несчастный друг! среди новых поколений
Доучный гость и лишний и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...
Пускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш ональный,
Его провел без горя и забот.

Вопросы и задания

1. Кого вспоминает поэт в связи с датой 19 октября?
2. Как вы понимаете слова: «предсказанье», «завет», «заточение»?
3. Какие чувства вызывают у поэта воспоминания о друзьях?
4. Подготовьте выразительное чтение текста, вытонационно выделяя слова поэта, обращенные к друзьям-лицеистам.

«Туча» (1835). Стихотворение «Туча» можно рассматривать и как зарисовку природы, и как отклик на десятилетие восстания декабристов, и как философское размышление.

Центральное четверостишие посвящено прошлому, когда туча была могучей, царила в природе, повелевая и небом, и землей. Но в природе (и в обществе) все меняется, ничто не остается неизменным. Наступили новые времена, и туча только досадное пятно на

чистом и ярком солнечном небе. Новое время беспощадно «гонит» ее, говоря при этом жестокие слова и не помня прежнего величия.

Если рассматривать стихотворение «Туча» с философской точки зрения, то оно посвящено, с одной стороны, вечному закону изменения, господствующему в природе и во всем бытии. Этот закон, с точки зрения Пушкина, благ и справедлив: он символизирует вечное движение, вечное изменение — условие неиссякаемости, неисчерпаемости жизни. Но, с другой стороны, это вызывает грусть, ибо само прошлое и то ценное, что было в нем, уходит и в прошлом уже нет нужды. Выполнив свою миссию, оно должно считаться с тем, что наступили новые времена, в которых ему нет места. Этот закон объемлет все сферы жизни, он универсален, следовательно, в орбиту его действия попадает и поэт.

В этом случае в стихотворении тайно присутствует и усматривается серьезный личный смысл: недавно бывший кумиром общества, властителем дум поколения, поэт ныне вынужден сойти с жизненной и литературной сцены и уступить площадку другим кумирам. Всеобщий закон обновления жизни торжествует повсюду, но и прощание, разлука с прошлым, с его ценностями и достижениями не выступают только личными переживаниями, а тоже являются всеобщими, универсальными, свойственными всем. Так уравниваются в своем значении и гармонически примиряются печаль частного человека и его же победительная, неискоренимая вера в жизнь.

Туча

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облетала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки деревьев,
Тебя с успокоенных гонит небес.

1. О чем это стихотворение — о рассеянной буре и туче или о настроении поэта, связанном с картиной, которую он наблюдает? Или о чем-то другом?
2. Как вы понимаете выражения, «рассеянная буря», «унылая тень», «ликующий день», «таинственный гром», «алчная земля» и т. д.?
3. Какие приметы тучи выделяет поэт, используя слова и выражения «наводишь», «печалишь», «издавала гром» и т. д.? Как называются литературные приемы, используемые поэтом?
4. Выучите стихотворение наизусть, прочитайте его выразительно в классе, выделив интонационно настроение поэта, переданное через наблюдаемые им явления природы.

К*** («Я помню чудное мгновенье...») (1852). В шесть строк Пушкин вложил целую историю встреч и разлук с А. П. Керн. Сначала (первые две строфы) — мимолетная встреча, потом (следующие две строфы) — унылая жизнь в заточении, когда лирический герой «забыл» «голос нежный» и его затворничество протекало

Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

И наконец, последние две строфы — пробуждение души, упоение творчеством, жизнью, наслаждение красотой, увенчанные любовью:

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Стихотворение «К***», однако, не только автобиографично. В нем есть другой план, в котором раскрыта тема красоты, тема поэтического вдохновения. Любовь пришла к Пушкину после того, как «душе настало пробужденье», когда все духовные силы поэта встрепенулись для приятия жизни, все творческие способности раскрылись и чувствам стала внятна красота. Тогда и приходит любовь, гармонически венчающая всю картину. Стихотворение «К***» дает возможность понять очень важные черты Пушкина-художника. Жизнь вне гармонии, без красоты, без любви, без творчества бедна и однообразна. Поэт оторгнут от мира, он не слышит бытия, не ви-

дит его красок. Но вот приходит чудо преображения души, и исчезают «томленья грусти безнадежной», «тревоги шумной суеты». Душа открывается всему миру, и мир открывается душе. Поэт готов внимать бытию и отвечать ему поэтическим словом. Мир предельно расширяется, поэт вбирает его впечатления, обретает гармонию с ним. В душе поэта также утверждается согласие. Приобщение к бытию происходит необъяснимым образом, благодаря «чудному мгновенью», преображающая сила которого сродни религиозному откровению («как мимолетное виденье») и явлению неземного ангельского лика («как гений чистой красоты»).

К***

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

1. О чем это стихотворение?
2. Как вы понимаете слова «вдохновенье», «уноенье», «пробуждение»?
3. С чем связано вдохновение поэта? Почему ему так важно пробуждение души?
4. Подготовьте выразительное чтение стихотворения наизусть, интонационно подчеркнув слова, повествующие о пробуждении души и пришедшем к поэту вдохновении.

О повести «Пиковая дама»

Прочитайте самостоятельно еще одно произведение А. С. Пушкина — «Пиковая дама».

Эта философско-психологическая повесть, написанная в 1833 году, давно признана шедевром Пушкина. Завязка повести, как следует из записанных биографом поэта П. И. Бартевым слов П. В. Нащокина, которому рассказал сам Пушкин, основана на действительном случае. Внук княгини Н. П. Голицыной князь С. Г. Голицын («Фирс») рассказывал Пушкину, что, однажды проигравшись, пришел к бабке просить денег. Та денег ему не дала, но назвала три карты, назначенные ей в Париже Сен-Жерменом. С. Г. Голицын поставил на названные Н. П. Голицыной карты и отыгрался. Дальнейшее развитие повести вымышлено.

Сюжет повести основан на игре случайностей, необходимости и закономерности. В связи с этим каждый герой связан с определенной темой: Германн (фамилия, а не имя!) — с темой социальной неудовлетворенности, графиня Анна Федотовна — с темой судьбы, Лизавета Ивановна — с темой социального смирения, Томский — с темой незаслуженного счастья. Одни герои, такие, как Томский, избраны судьбой, другие, как Германн, стремятся поймать удачу. Удача — удел Томского, а неудача — участь Германна.

В главном герое — Германне — сконцентрированы разум, расчетливость, твердая воля, способная подавить честолюбие, сильные страсти и огненное воображение. Он игрок в душе. Игра в карты в повести символизирует игру с судьбой. Этот превратный смысл карточной игры отчетливо обнаруживается читателями.

Расчетливость, рациональность Германна, подчеркнутые его немецким происхождением, фамилией и профессией военного

инженера, вступают в противоречие со страстями и воображением. В повести герой сравнивается с Наполеоном и Мефистофелем. Германи хотел подчинить себе судьбу, но независимо от собственных усилий подпадает под власть обстоятельств и делается сам орудием чужой, непонятной и не понятой им тайной силы, которая превращает его в жалкую игрушку. Так в повести появляется не только необычный, таинственный герой, но и мистика.

вопросы и задания

1. Какую роль играют в повести три карты?
2. В чем состоит значение мистики и в каких сценах и эпизодах она проявляется?
3. С какой целью Пушкин сравнивает игру в карты графини с ее партнерами в XVIII веке и Германина с карточными игроками в XIX веке?
4. Почему Германи наказан сумасшествием?

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ

1814—1841

На позиции художественного историзма в литературе вслед за Пушкиным переходит и Лермонтов. Поэт понимает историзм как совокупность признаков, определяющих национальное своеобразие. К таким признакам он относит климат, верования, язык, обычаи. Под их влиянием складывается характер народа и характер человека.

В начале своего творчества Лермонтов убежден, что история представляет собой арену борьбы свободы и тирании, добра и зла. Однако такой взгляд на историю во второй половине 1830-х годов утрачивает для поэта свою притягательность. Он проникается мыслью, что личное вольнолюбие и личное стремление к свободе при всей их ценности терпят крушение и что причиной катастрофы выступают не личные убеждения и пороки гордых и смело вступающих в борьбу с деспотизмом и его проявлениями героев, а стоящая над ними власть обстоятельств. Она мыслится сначала роковой предначертанностью событий, Божьей волей.

Мцыри чувствует свою зависимость не только от того, что, рожденный в естественной среде, он воспитывался в неволе монастыря, которая оставила неизгладимый «след» в его душе и повлияла на его судьбу, помешав обрести волю, но и зависимость своей участи от высших сил. Лермонтов дает понять, что движение истории зависит не только от усилий личности, но и от пока еще неясных, таинственных обстоятельств, которые управляют самой личностью.

От произведения к произведению историзм Лермонтова становился все более глубоким. Так, уже в «Песне про царя Ивана Васильевича... и удалого купца Калашникова» сам конфликт и характеры героев — Ивана Васильевича, Кирибеевича и Калашникова —

определены укладом жизни в Древней Руси, ее обычаями, ее психологией и духовным строем, ее нравственными понятиями, образом жизни русских людей. Купец Калашников, его жена, его братья держатся старых патриархальных порядков. В их доме царит размеренный, веками укоренившийся быт. Таковы и отношения в семье: муж — защитник жены и младших братьев, которые ему подчиняются беспрекословно. В случае смерти или гибели мужа и старшего брата младшие занимают его место, берут на себя его долю ответственности и все заботы о семье. Поэтому они обещают Калашникову, если он будет побит в бою с Кирибеевичем, снова вступить в схватку с обидчиком. Но патриархальный быт уже терпит крушение. Его устои нарушают, с одной стороны, деспотический царь, который не подчиняется вековым обычаям, хотя сам же должен их соблюдать, и, с другой стороны, его слуга Кирибеевич, противопоставляющий общим народным установлениям личную волю, личный произвол. Царь тем самым ставит себя над народом, Кирибеевич не желает считаться с народной моралью. Конфликт в поэме перерастает семейно-бытовые рамки и превращается в исторический. В поэме Лермонтова, наполненной широким эпическим содержанием, повествуется о важном переломе в русской жизни, в русской истории.

В этой поэме Лермонтов на стороне купца Калашникова, который был выразителем вековой народной нравственности. Недаром о нем не забывает народ, сохранивший его имя в песнях и в своей памяти. По мысли поэта, единство с народом придает величие и бессмертие отдельному человеку.

Та же мысль, но с противоположным знаком присутствует и в поэме «Беглец». В отличие от купца Калашникова горец Гарун изменил обычаям, образу жизни своего народа и был обречен на одиночество и забвение.

С течением времени Лермонтов перестал изображать, как это было в начале 1830-х годов, своих героев, взятых из истории, носителями современного ему сознания. Он уже не переносил исторические, социальные, психологические понятия, свойственные его времени, в прошедшие исторические эпохи. Герои Лермонтова думали и говорили так, как они могли думать и говорить в те годы, когда они жили и действовали. Это особенно хорошо видно в стихотворении «Бородино», где передано патриотическое чувство русских людей, в том числе старого солдата-артиллериста, рассказывающего своим языком с присущими ему живыми интонациями о сражении при Бородине. С глубоким сожалением Лермонтов передает и свое ощущение: нынешнее племя стало мельче, в нем нет богатырей, подобных старым русским воинам, победившим в Оте-

чественную войну 1812 года. Это досадное переживание сменялось, однако, более светлым, в котором сквозила надежда.

Через три года Лермонтов написал знаменитую «Родину», где вновь сказал о богатырстве в России и о любви к ней. Теперь родина представилась ему страной, как бы предназначенной для жизни богатырей: бесконечные степи, огромные просторы, широкие, подобные морям реки. Но поэт увидел и другую сторону: печаль, бедность, скромный быт. В этих противоречиях открылась поэту Россия, и, признаваясь в любви к ней, он искренне радовался нехитрому довольству крестьянской жизни, если ему удавалось его заметить. В таком понимании России Лермонтову помог подлинный историзм. Он стал складываться в его творчестве по мере постижения жизни народа в прошлом и настоящем.

В. Коровин

Вопросы и задания

1. Постарайтесь передать близко к тексту содержание статьи В. И. Коровина о поэте.
2. Вспомните, какие произведения на историческую тему, созданные Лермонтовым, вам известны. Расскажите о них.
3. Прочитайте наизусть одно из стихотворных произведений поэта на историческую тему.

Мцыри¹

Вкушая, вкусих мало меда, и се
аз умираю.

1-я Книга Царств²

1

Немного лет тому назад,
Там, где, сливаясь, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,

¹ *Мцыри* — на грузинском языке значит «неслужащий монах», нечто вроде «послушника». (Прим. Лермонтова.) *Послушник* — человек, живущий в монастыре и готовящийся принять монашество.

² «Вкушая, вкусих мало меда, и се аз умираю». — «Я попробовал немного меда, и вот я умираю» — слова из Библии. Смысл апитографа: немногие радости пришлось испытать герою, и вот он должен умереть.

И башни, и церковный свод;
Но не курится уж под ним
Кадилаица¹ благовонный дым,
Не слышно пенье в поздний час
Молящих иноков за нас.
Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертью забыт,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой — и о том,
Как, удручен своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год,
Вручал России свой народ.

И Божья благодать сошла
На Грузию! она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков.

2

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вез.
Тот занемог, не перенес
Трудов² далекого пути;
Он был, казалось, лет шести;
Как серна гор, пуглив и дик
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нем мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился, даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал
И тихо, гордо умирал.
Из жалости один монах

¹ *Кадилаица* — сосуд для благовонных курений во время церковной службы.

² *Труды* — здесь: трудности, мучения.

Больного призрел, и в стенах
Хранительных остался он,
Искусством дружеским спасен.
Но, чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел, вздыхая, на восток,
Томим неясною тоской
По стороне своей родной.
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещен святым отцом
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет¹,
Как вдруг однажды он исчез
Осенней ночью. Темный лес
Тянулся по горам кругом.
Три дня все поиски по нем
Напрасны были, но потом
Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель принесли.
Он страшно бледен был и худ
И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь иль голод испытал.
Он на вопрос не отвечал
И с каждым днем приметно вял.
И близок стал его конец;
Тогда пришел к нему чернец
С увещеваньем и мольбой;
И, гордо выслушав, больной
Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил:

3

«Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел, благодарю.
Все лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь,

¹ *Обет* — обещание религиозного характера. *Изречь монашеский обет* — принять монашество, стать монахом.

Но людям я не делал зла,
И потому мои дела
Немного пользы вам узнать, —
А душу можно ль рассказать?
Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть;
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душевных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской;
Ее пред небом и землей
Я ныне громко признаю
И о прощенье не молю.

4

Старик! я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас —
Зачем?.. Угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах
Душой — дитя, судьбой — монах.
Я никому не мог сказать
Священных слов „отец“ и „мать“.
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен, —
Напрасно: звук их был рожден
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ — могил!
Тогда, пустых не тратя слез,
В душе я клятву произнес:

Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы! теперь мечтанья те
Погибли в полной красоте,
И я, как жил, в земле чужой
Умру рабом и сиротой.

5

Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной вечной тишине;
Но с жизнью жаль расстаться мне.
Я молод, молод... Знал ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил;
Как сердце билось живей
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж и где порой
В глубокой скважине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свет
Тебе постыл; ты слаб, ты сед,
И от желаний ты отвык.
Что за нужда? Ты жил, старик!
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил, — я также мог бы жить!

6

Ты хочешь знать, что видел я
На воле? — Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежую толпой,
Как братья в пляске круговой.
Я видел груды темных скал,
Когда поток их разделял,

И думы их я угадал:
Мне было свыше то дано!
Простерты в воздухе давно
Объятъя каменные их
И жаждут встречи каждый миг;
Но дни бегут, бегут года —
Им не сойтись никогда!
Я видел горные хребты,
Причудливые, как мечты,
Когда в час утренней зари
Курились, как алтари,
Их выси в небе голубом,
И облачко за облачком,
Покинув тайный свой ночлег,
К востоку направляло бег —
Как будто белый караван
Залетных птиц из дальних стран!
Вдали я видел сквозь туман,
В снегах, горящих, как алмаз,
Седой, незыблемый Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему,
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней...

7

И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше, и кругом
В тени рассыпанный аул;
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов.
Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;
И блеск оправленных ножен
Кинжалов длинных... и как сон
Все это смутной чередой
Вдруг пробегало предо мной.

А мой отец? Он как живой
В своей одежде боевой
Являлся мне, и помнил я
Кольчуги звон, и блеск ружья,
И гордый непреклонный взор,
И молодых моих сестер...
Лучи их сладостных очей
И звук их песен и речей
Над колыбелию моей...
В ущелье там бежал поток,
Он шумел был, но неглубок:
К нему, на золотой песок,
Играть я в полдень уходил
И взором ласточек следил,
Когда они перед дождем
Волны касались крылом.
И вспомнил я наш мирный дом
И пред вечерним очагом
Рассказы долгие о том,
Как жили люди прежних дней,
Когда был мир еще пышной,

8

Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил — и жизнь моя
Вся этих трех блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре¹,
Вы ниц² лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат

¹ *Алтарь* — главная часть церкви, отделенная иконостасом (стенной с иконами) от общего помещения.

² *Ниц* — ничком.

Обняться с бурей был бы рад!
Глазами тучи я следил,
Рукою молнии ловил...
Скажи мне, что среди этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой
Меж бурным сердцем и грозой?..

9

Бежал я долго — где, куда?
Не знаю! Ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.
Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов,
И только! Много я часов
Бежал и наконец, устав,
Прилег между высоких трав;
Прислушался: погони нет.
Гроза утихла. Бледный свет
Тянулся длинной полосой
Меж темным небом и землей,
И различал я, как узор,
На ней зубцы далеких гор;
Недвижим, молча я лежал.
Порой в ущелии шакал
Кричал и плакал, как дитя,
И, гладкой чешуей блестя,
Змея скользила меж камней;
Но страх не сжал души моей:
Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз и прятался, как змей.

10

Внизу глубоко подо мной
Поток, усиленный грозой,
Шумел, и шум его глухой
Сердитых сотне голосов
Подобился. Хотя без слов,
Мне внятен был тот разговор,
Немолчный ропот, вечный спор
С упрямой грудью камней.

То вдруг стихал он, то сильней
Он раздавался в тишине;
И вот, в туманной вышине
Запели птички, и восток
Озолотился; ветерок
Сырые шевельнул листы;
Дохнули сонные цветы,
И, как они, навстречу дню,
Я поднял голову мою...
Я осмотрелся; не таю:
Мне стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежал,
Где выл, крутясь, сердитый вал:
Туда вели ступени скал;
Но лишь злой дух по ним шагал,
Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез¹.

11

Кругом меня цвел Божий сад;
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слез,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж дерёв
Прозрачной зеленью листов;
И грозды полные на них,
Серег подобье дорогих,
Висели пышно, и порой
К ним птиц летал пугливый рой.
И снова я к земле припал,
И снова вслушиваться стал
К волшебным, странным голосам;
Они шептались по кустам,
Как будто речь свою вели
О тайнах неба и земли;
И все природы голоса
Сливались тут; не раздался
В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас.

¹ Имеется в виду легенда об ангеле, согрешившем перед Богом и за это низвергнутом с небес.

Все, что я чувствовал тогда,
Те думы — им уж нет следа;
Но я б желал их рассказать,
Чтоб жить, хоть мысленно, опять.
В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полет
Прилежный взор следить бы мог;
Он так прозрачно был глубок,
Так полон ровной синевой!
Я в нем глазами и душой
Тонул, пока полдневный зной
Мои мечты не разогнал,
И жаждой я томиться стал.

12

Тогда к потоку с высоты,
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,
Спускаться начал. Из-под ног
Сорвавшись, камень иногда
Катился вниз — за ним бразда
Дымилась, прах¹ вился столбом;
Гудя и прыгая, потом
Он поглощаем был волной;
И я висел над глубиной,
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я с крутых высот
Спустился, свежесть горных вод
Повеяла навстречу мне,
И жадно я припал к волне.
Вдруг — голос — легкий шум шагов...
Мгновенно скрывшись меж кустов,
Невольным трепетом объят,
Я поднял боязливый взгляд
И жадно вслушиваться стал;
И ближе, ближе все звучал
Грузинки голос молодой,
Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный, будто он

¹ Прах (устар.) — здесь: пыль.

Лишь звуки дружеских имен
Произносить был приучен.
Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настает,
Незримый дух ее поет.

13

Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей.
И беден был ее наряд;
И шла она легко, назад
Изгибы дливные чадры¹
Откинув. Летние жары
Покрыли тенью золотой
Лицо и грудь ее; и зной
Дышал от уст ее и щек.
И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,
Что думы пылкие мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звон, — когда струя
Вливалась медленно в него,
И шорох... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко:
И шла, коть тише, — по легко,
Стройна под ношею своей,
Как тополь, царь ее полей!
Недалеко, в прохладной мгле,
Казалось, приросли к скале
Две сакли дружною четой;
Над плоской кровлею одной
Дымок струился голубой,
Я вижу будто бы теперь,

¹ *Чадра* — легкая ткань, которой женщины-мусульманки укрывали голову, лицо и фигуру.

Как отперлась тихонько дверь...
И затворилась опять!..
Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
И если б мог, — мне было б жаль:
Воспоминанья тех минут
Во мне, со мной пускай умрут.

14

Трудами ночи изнурен,
Я лег в тени. Отрадный сон
Сомкнул глаза неволью мне...
И снова видел я во сне
Грузинки образ молодой.
И странной, сладкою тоской
Опять моя заняла грудь.
Я долго силился вздохнуть —
И пробудился. Уж луна
Вверху сияла, и одна
Лишь тучка кралась за ней,
Как за добычею своей,
Объятья жадные раскрыв.
Мир темен был и молчалив;
Лишь серебристой бахромой
Вершины цепи снеговой
Вдали сверкали предо мной,
Да в берега плескал поток.
В знакомой сакле огонек
То трепетал, то снова гас:
На небесах в полночный час
Так гаснет яркая звезда!
Хотелось мне... но я туда
Взойти не смел. Я цель одну,
Пройти в родимую страну,
Имел в душе, — и превозмог
Страданье голода, как мог.
И вот дорогою прямой
Пустился, робкий и немой.
Но скоро в глубине лесной
Из виду горы потерял
И тут с пути сбиваться стал.

Напрасно в бешенстве порой
 Я рвал отчаянной рукой
 Терновник¹, спутанный плющом:
 Все лес был, вечный лес кругом,
 Страшней и гуще каждый час;
 И миллионом черных глаз
 Смотрела ночи темнота
 Сквозь ветви каждого куста...
 Моя кружилась голова;
 Я стал влезать на дерева,
 Но даже на краю небес
 Все тот же был зубчатый лес.
 Тогда на землю я упал;
 И в иступлении рыдал,
 И грыз сырую грудь земли,
 И слезы, слезы потекли
 В нее горючею росой...
 Но, верь мне, помощи людской
 Я не желал... Я был чужой
 Для них навек, как зверь степной;
 И если б хоть минутный крик
 Мне изменил — клянусь, старик,
 Я б вырвал слабый мой язык.

Ты помнишь детские года:
 Слезы не знал я никогда;
 Но тут я плакал без стыда.
 Кто видеть мог? Лишь темный лес
 Да месяц, плывший средь небес!
 Озарена его лучом,
 Покрыта мохом и песком,
 Непроницаемой стеной
 Окружена, передо мной
 Была поляна. Вдруг по ней
 Мелькнула тень, и двух огней
 Промчались искры... и потом
 Какой-то зверь одним прыжком

¹ Терновник — низкий колючий кустарник.

Из чащи выскочил и лег,
Играя, навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость —
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц, — и на нем
Шерсть отливалась серебром.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы; сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела иным путем...
Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удальцов.

17

Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный, как стон,
Раздался вдруг... и начал он
Сердито лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилег,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертию грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надежный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

18

Ко мне он кинулся на грудь;
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть

М. Ю. Лермонтов. «Мцырь». Худ. И. Тудзе. 1940

Мое оружие... Он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле.
И я был страшен в этот миг;
Как барс пустынный, зол и дик,
Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рожден
В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.

Казалось, что слова людей
Забыл я — и в груди моей
Родился тот ужасный крик,
Как будто с детства мой язык
К иному звуку не привык...
Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно — и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к лицу,
Как в битве следует бойцу!..

19

Ты видишь на груди моей
Следы глубокие когтей;
Еще они не заросли
И не закрылись, но земли
Сырой покров их освежит
И смерть навеки заживит.
О них тогда я позабыл,
И, вновь собрав остаток сил,
Побрел я в глубине лесной...
Но тщетно спорил я с судьбой:
Она смеялась надо мной!

20

Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день, и хоровод
Светил напутственных исчез
В его лучах. Туманный лес
Заговорил. Вдали аул
Куриться начал. Смутный гул
В долине с ветром пробежал...
Я сел и вслушиваться стал;
Но смолк он вместе с ветерком.
И кинул взоры я кругом:
Тот край, казалось, мне знаком,
И страшно было мне, понять

Не мог я долго, что опять
Вернулся я к тюрьме моей;
Что бесполезно столько дней
Я тайный замысел ласкал,
Терпел, томился и страдал,
И все зачем?.. Чтоб в цвете лет,
Едва взглянув на Божий свет,
При звучном ропоте дубрав
Блаженство вольности познав,
Унести в могилу за собой
Тоску по родине святой,
Надежд обманутых укор
И вашей жалости позор!..
Еще в сомненье погружен,
Я думал — это страшный сон...
Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишине —
И тут все ясно стало мне...
О! я узнал его тотчас!
Он с детских глаз уже не раз
Сгонял виденья снов живых
Про милых ближних и родных,
Про волю дикую степей,
Про легких, беженных коней,
Про битвы чудные меж скал,
Где всех один я побеждал!..
И слушал я без слез, без сил.
Казалось, звон тот выходил
Из сердца — будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.
И смутно повял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.

21

Да, заслужил я жеребий мой!
Могучий конь, в степи чужой,
Плохого сбросив седока,
На родину издалека
Найдет прямой и краткий путь...
Что я пред ним? Напрасно грудь
Полна желаньем и тоской:

То жар бессильный и пустой,
Игра мечты, болезнь ума.
На мне печать свою тюрьма
Оставила... Таков цветок
Темничный: вырос одинок
И бледен он меж плит сырых
И долго листья молодых
Не распускал, все ждал лучей
Живительных. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печалью тронулась цветка,
И был он в сад перенесен,
В соседство роя. Со всех сторон
Дышала сладость бытия...
Но что ж? Едва взошла заря,
Палящий луч ее обжег
В тюрьме воспитанный цветок...

22

И как его, палил меня
Огонь безжалостного дня.
Напрасно прятал я в траву
Мою усталую главу:
Иссохший лист ее венцом
Терновым над моим челом
Свивался, и в лицо огнем
Сама земля дышала мне.
Сверкая быстро в вышине,
Кружились искры; с белых скал
Струился пар. Мир Божий спал
В оцепенении глухом
Отчаянья тяжелым сном.
Хотя бы крикнул коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья
Ребячий лепет... Лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Как будто надписью златой
Покрытый донизу клинок,
Браздя рассыпчатый песок,
Скользила бережно; потом,

Играя, нежась на нем,
Тройным связалась кольцом;
То, будто вдруг обожжена,
Металась, прыгала она
И в дальних пряталась кустах...

23

И было все на небесах
Светло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернели две горы.
Наш монастырь из-за одной
Сверкал зубчатою степой.
Внизу Арагва и Кура,
Обвив каймой из серебра
Подошвы свежих островов,
Бежали дружно и легко...
До них мне было далеко!
Хотел я встать — передо мной
Все закружилось с быстротой;
Хотел кричать — язык сухой
Беззвучен и недвижим был...
Я умирал. Меня томил
Предсмертный бред. Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки — и была
Кругом таинственная мгла.
И, жажду вечную поя,
Как лед холодная струя,
Журча, вливалась мне в грудь...
И я боялся лишь заснуть, —
Так было сладко, любо мне...
А надо мною в вышине
Волна теснилась к волне
И солнце сквозь хрусталь волны
Сияло сладостней лупы...
И рыбок пестрые стада
В лучах играли иногда.
И помню я одну из них:
Она приветливей других
Ко мне ласкалась. Чешуей
Была покрыта золотой
Ее спина. Она видлась

Над головой моей не раз,
И взор ее зеленых глаз
Был грустно нежен и глубок...
И надвигаться я не мог:
Ее серебристый голосок
Мне речи странные шептал,
И пел, и снова замолкал.
Он говорил: „Дитя мое,
Останься здесь со мной:
В воде привольное житье
И холод и покой.“

*

Я созову моих сестер:
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой.

*

Усни, постель твоя мягка,
Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов.

*

О милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю как вольную струю,
Люблю как жизнь мою...“

*

И долго, долго слушал я;
И мнилось, звучная струя
Сливала тихий ропот свой
С словами рыбки золотой.
Тут я забылся. Вожий свет
В глазах угас. Безумный бред
Бессилью тела уступил...

Так я найдён и поднят был...
 Ты остальное знаешь сам.
 Я кончил. Верь моим словам.
 Или не верь, мне все равно.
 Меня печалит лишь одно:
 Мой гроб холодный и немой
 Не будет тлеть в земле родной,
 И повесть горьких мук моих
 Не призовет меж стен глухих
 Вниманье скорбное ничье
 На имя темное мое.

Прощай, отец... дай руку мне:
 Ты чувствуешь, моя в огне...
 Знай, этот пламень с юных дней,
 Таясь, жил в груди моей;
 Но ныне пищи нет ему,
 И он прожест свою тюрьму
 И возвратится вновь к Тому,
 Кто всем законной чередой
 Даст страданье и покой...
 Но что мне в том? — пускай в рай,
 В святом, заоблачном краю
 Мой дух найдёт себе приют...
 Увы! — за несколько минут
 Между крутых и темных скал,
 Где я в ребячестве играл,
 Я б рай и вечность променял...

Когда я стану умирать,
 И, верь, тебе не долго ждать,
 Ты перенести меня вели
 В наш сад, в то место, где цвели
 Акаций белых два куста...
 Трава меж ними так густа,
 И свежий воздух так душист,
 И так прозрачно-золотист
 Играющий на солнце лист!

Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня
Упьюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне пришлет,
Пришлет с прохладным ветерком...
И близ меня перед концом
Родной опять раздастся звук!
И стану думать я, что друг
Иль брат, склонившись надо мной,
Отер внимательной рукой
С лица кончины хладный пот
И что вполголоса поет
Он мне про милую страну...
И с этой мыслью я засну
И никого не прокляну!..»

НАЧАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О РОМАНТИЗМЕ

Романтизм — художественное направление в искусстве и литературе большинства стран Европы, в том числе и России, а также в литературе США.

Общей исторической почвой, на которой возник европейский романтизм, явилась переломная эпоха, связанная с Великой французской революцией (1789), с ощущением безграничной свободы личности и одновременно невозможностью в полной мере осуществить эту свободу в реальной действительности. Таким образом, романтизм изначально противоречив и проявился в литературе именно в этой противоречивости — как очарование возможностями личности, ставшей свободной, и как разочарование личности, не способной на деле воспользоваться свободой для полного и гармоничного расцвета.

Личность и земной мир в лице государства, общества, быта и личность в романтизме — враги, и согласие между ними невозможно. Вместе с тем личность может влиять на внешний мир в положительном или отрицательном смысле, так же, как внешний мир может влиять на личность. Но в ходе всегда непримиримого конфликта личность чаще всего гибнет, оставаясь верной своим убеждениям. Внешний мир может погубить романтического героя, но

не может изменить его душу. Он не властен над внутренним содержанием личности.

Таким образом, в романтизме мир и герой резко противопоставлены друг другу. Отсюда возникает основной принцип романтического изображения — контраст, обнаженное и бескомпромиссное столкновение главных героев, которые отстаивают противоположные нравственные ценности. При этом художник-романтик не ставит перед собой задачи точно воспроизвести реальную действительность. Его цель — передать свое отношение к ней, создать свой, вымышленный образ мира, чтобы с помощью контраста героя с окружающей жизнью выразить свой идеал и свое неприятие отрицаемого им мира. Стало быть, события, происходящие в романтических произведениях, важны для раскрытия особенностей личности, которая интересует автора. Художник-романтик, в частности Лермонтов, в разнообразных формах стремится воспроизвести трагедию современного человека и свое отношение к неудовлетворяющей и отвергаемой действительности.

Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить.

Литература романтизма выдвинула своего героя, чаще всего выражающего авторское отношение к действительности.

Романтическая картина мира контрастна, она представляет собой скопление противоположностей: божественное — дьявольское, возвышенное — низменное, небесное — земное, истинное — ложное и т. д. Романтик находится в вечном противоречии с действительностью. Согласно романтизму, мир совершенен и прекрасен как замысел и несовершенен как воплощение. Поэтому истинной родиной для романтика выступает небесный мир, находящийся за гранью мира земного. К этому идеальному миру романтик устремлен всей душой, всем сердцем. От тусклого, унылого, скучного «здесь», от дольного мира романтик порывается к очаровательному «там», к миру горнему. Так возникает романтическое двоемирие.

Романтический герой неотделим от авторского «я». Именно герой высказывает или выражает своим поведением тайные мысли и чувства автора. Герой романтизма — носитель истинно человеческого нравственного начала, которого лишена действительность. Поэтому для окружающих людей он предстает странным. Его странность проступает в портрете (одухотворенная красота, уродство или физическое безобразие, оттеняющее высокую человечность, болезненная бледность, выразительный взгляд необыкновенно умных и проницательных глаз), в поведении (герой

поступает не так, как обычные люди, его поведение выбивается из существующих норм и приличий). Так образуется целый ряд романтических типов (наивный чудаки, детски простодушный и в глазах общества смешной, трагический одиночка и мечтатель, романтический бродяга или разбойник, разочарованный наблюдатель, демоническая личность, испытывающая трагический разлад с действительностью и самим собой, патриот и гражданин, автобиографический образ, безумный художник, причастный к тайне творчества). Эти романтические герои появляются на фоне особых пейзажей. Природа рисуется романтику вольной стихией, неподвластной человеческому произволу. Поэтому пейзаж всегда таинствен, неопределен: чаще всего избираются либо рассвет, либо вечерние сумерки, либо ночь. Романтик предпочитает бурные стихийные проявления природы или покой, а также прихотливую изменчивость состояний природы.

Романтический герой — исключительная и часто таинственная личность, которая пребывает обычно в исключительных обстоятельствах. Столкновение внешних событий перенесено во внутренний мир героя, в душе которого происходит борьба добра и зла. В результате такого воспроизведения характера романтизм чрезвычайно высоко поднял ценность личности, неисчерпаемой в своих душевных глубинах, открыв ее неповторимый внутренний мир. Человек в романтических произведениях также воплощен с помощью контраста, антитезы: с одной стороны, он понят венцом творения, а с другой — безвольной игрушкой в руках судьбы, неведомых и неподвластных ему сил, играющих его чувствами. Поэтому он часто превращается в жертву своих собственных страстей.

ПОЭМА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «МЦЫРИ» В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ КРИТИКИ

В. Г. Б е л и н с к и й: Можно сказать без преувеличения, что поэт брал цвета у радуги, лучи у солнца, блеск у молнии, грохот у громов, гул у ветров, — что вся природа сама несла и подавала ему материалы, когда писал он эту поэму... Какое разнообразие картин, образов и чувств! Тут и бури духа, и умиление сердца, и вопли отчаяния, и тихие жалобы, и гордое ожесточение, и кроткая грусть, и мрак ночи, и торжественное величие утра, и блеск полудня, и таинственное обаяние вечера!.. Многие положения изумляют своею верностью: таково место, где Мцыри описывает свое за-

мирение подле монастыря, когда грудь его пылала предсмертным огнем, когда над усталую голову уже веяли успокоительные сны смерти и носились ее фантастические видения. Картины природы обличают кисть великого мастера: они дышат грандиозностью и роскошным блеском фантастического Кавказа.

Д. Е. Максимов: Поэма «Мцыри» — одно из самых поразительных поэтических созданий Лермонтова. В русском и мировом искусстве не часто встречаются произведения, в которых воля и свобода, мечта о родине, прославление земной жизни и борьбы — «мира восторг беспредельный» — были бы доведены до такой остроты, до такого могучего напряжения, как в этой поэме.

Мцыри — «естественный человек» в большей степени, чем другие близкие ему персонажи Лермонтова. Мцыри — высокий мятежный герой, ищущий пути из своего заточения на родину, в мир цельного бытия, свободы, борьбы и любви...

Мцыри не только «естественный человек», сохранивший в себе духовные сокровища своей родины. Помимо того, он пострадавший от цивилизации, заточенный ею в монастырь, и этот факт не безразличен для его характеристики.

...В личности Мцыри живо и убедительно сочетаются черты силы и слабости. В этом «двуначалии» и заключается основной принцип индивидуализации его образа. Огненная страстность, жизненность, свободолюбие, непреклонная воля Мцыри — явления «могучего духа» «его отцов» — неотделимы в нем от его физической хилости и болезненности — наследства монастырского режима...

Поэма «Мцыри», в которой рассказывается об уединенных переживаниях кавказского юноши, не является прямым отражением действительности 30-х годов. Тем не менее явленная в «Мцыри» действительность Кавказа, в целом отнюдь не условная, подлинная, просвечивает скрывающейся за нею русской действительностью, но и ею исчерпывается...

Живой и конкретный образ монастырского послушника, помимо своих ярких локальных черт, близок самому Лермонтову и передовым людям его эпохи — страдающим, непокорным, рвущимся к свободе. Вольные и невольные сопоставления Мцыри с лирическим героем Лермонтова и другими персонажами его творчества и произведений современных ему авторов подтверждают это заключение...

Стиховые формы «Мцыри» (четырёхстопный ямб со смежными мужскими рифмами, частыми переносами и отрывистым синтаксисом) оказались влиятельными. Инерция их явно ощущается в поэмах «Разговор» Тургенева, «На Волге» Некрасова.

Личность Мцыри не исчерпывается волей, гордостью, страстью. В ней есть что-то еще: горячее, нежное, трепетное...

Но в душе Мцыри преобладают, определяя его поведение, упругие, мужественные силы. Он полон решимости приблизиться к прекрасному миру. Мцыри — действенный герой, чуждый обезволивающей мировой скорби и презрения к людям как таковым...

В. И. К о р о в и н: Поэма «Мцыри» начинается кратким эпическим зачиком, в котором дана предыстория героя. Действие поэмы отнесено в прошлое. Трагическая и мятежная судьба начинается с того, что Мцыри взят в плен ребенком. Лермонтов сразу же подчеркивает противоречивость героя — он «пуглив и дик», «слаб и гибок», но «в нем мучительный недуг / Развил тогда могучий дух / Его отцов». Могущество внутреннего духа и слабость тела — вот характерное противоречие Мцыри, объясняемое оторванностью от родных мест и неясной тоской по родине. Могучий дух возрос в чужой ему искусственной среде, он питается воспоминаниями и неясными предчувствиями вольной жизни.

Двуплановость образа Мцыри отражена в двуплановости внешнего мира, в монастырской тюрьме и в кавказской природе, в двуплановости поэтической структуры, где стих выражает внутренний мир Мцыри, а сюжет — внешнюю обусловленность его судьбы.

Мцыри поставлен в один ряд с природой, временами он чувствует себя диким и вольным зверем. Именно здесь, в столкновении с природой, слабый телом юноша ощутил необыкновенный прилив сил, гармонию телесного и духовного. Природа напрягает душевные силы юноши, дает ему отдых, утоляет жажду, приносит счастье любви. Эпизод с грузинкой раскрывает духовный мир Мцыри, его жажду счастья, любви, добра, его приверженность прекрасному миру, полноту его желаний и недостижимость для него простого счастья, его принципиальную невозможность. Чувство Мцыри остается томлением, тоской, оно овеяно печалью и грустью.

Природа открывает Мцыри свои душевные и предметные богатства, но как только юноша вступает в непосредственное соприкосновение с ее дарами, его посещает тоска.

Мцыри предлагается один путь — на волю, в действительность. Лермонтов отстаивал героическое деяние, путь борьбы, мужества, жизненной стойкости. Но каковы реальные пути к светлой цели, «лермонтовский человек» еще не знает и над этим почти не задумывается. Он ищет пути, предлагаемые самой жизнью.

Доверие к жизни и к внутренним силам личности провозглашает и поэтизирует Лермонтов в «Мцыри».

РОМАНТИЧЕСКИ-УСЛОВНЫЙ ИСТОРИЗМ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

В творчестве Лермонтова русская и мировая история представлена широко и разнообразно. Поэт обращается и к прошлому человечества, и к настоящему. Прошлое являлось поэту через фольклор («Песня про купца Калашникова...»), через предания, устные рассказы («Бородино»), настоящее выражалось в запомнившихся и лично пережитых событиях. При этом историзм Лермонтова приобретает сугубо индивидуальную, личную окраску и в этом отношении становится романтически-условным. Так, история Мцыри является эпизодом русско-кавказских отношений (генерал привозит пленного ребенка в монастырь). В дальнейшем эта история отходит на второй план, и судьба Мцыри осмыслена в исключительно личном и романтически-условном ключе, где повествование об исторических событиях уже не играет решающей роли. Такой же романтически-условный и целиком личный характер носит история в поэме «Песня про купца Калашникова...» и в стихотворении «Бородино». Конкретные исторические детали служат для прояснения личного восприятия истории.

Поразмышляем над прочитанным...

1. Чем отличается интонация повествования об истории героя от исповеди Мцыри? Что значит слово «исповедь»? Что отстаивает в своей исповеди Мцыри?
2. Каковы история судьбы Мцыри и его характер? Что делал, что видел и о чем вспоминал герой на воле? О чем тоскует он и печалится? Почему не желал Мцыри «помощи людской»? Какова его битва с барсом и как бы вы оценили Мцыри-борца? Как вы понимаете сравнение «...В тюрьме воспитанный цветок» и в чем смысл этого сравнения? На что надеется Мцыри? О чем просит Мцыри в конце исповеди? В чем смысл сравнений Мцыри жизни в монастыре и на воле?
3. Какую роль играют в поэме картины кавказской природы и какие литературные приемы помогли автору показать их?
4. Литературоведы считают, что в поэме «Мцыри» поэт провозглашает и поэтизирует доверие к жизни и внутренним силам личности. Как вы понимаете это утверждение, согласны ли вы с ним? Можете ли показать это на примерах из текста?
5. Совпало ли ваше впечатление в процессе чтения поэмы «Мцыри» с впечатлениями В. Г. Белинского?

Известны ли вам иллюстрации к поэме? Так ли представлялись зрительно герои и эпизоды из произведения?

- Какие мысли литературоведов во взгляде на лермонтовского героя близки друг другу? Что вам показалось особенно важным для создания характеристики Мцыри в их высказываниях?
- Рассмотрите иллюстрацию к поэме. Удалось ли художнику И. Тондзе передать пафос поэмы «Мцыри»?

Совершенствуйте свою речь

- Составьте план и подготовьте характеристику Мцыри, включите в нее цитаты из текста и высказываний литературоведов для подтверждения своих суждений о герое.
- Выберите текст из поэмы для заучивания наизусть (исповедь героя, описание битвы с барсом, начало поэмы — на выбор) и подготовьте его для выразительного чтения в классе.

Николай Васильевич ГОГОЛЬ

1809—1852

Н. В. Гоголь с детства испытывал глубокий интерес к истории. Он хорошо знал не только русскую и украинскую, но и всемирную историю, был сведущ в истории мировой культуры, изобразительного искусства, европейской архитектуры. Любовь к истории и к искусству принимала подчас необычные формы. Гоголь, например, мечтал о том, чтобы в одном из городов отвести улицу, на которой затем разместить образцы архитектуры на протяжении всего исторического развития человеческого общества — от памятников первобытной архитектуры и образцов зодчества Древнего Египта, Древней Греции, Древнего Рима, Средних веков, Возрождения вплоть до архитектурных ансамблей Нового времени.

В собственных сочинениях Гоголь часто обращался к любимой им истории. В сборниках «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород», в «Петербургских повестях», поэме «Мертвые души» у Гоголя встречается множество исторических событий. Он касается в этих произведениях и царствования Екатерины II, и событий Отечественной войны 1812 года, вспоминает народные песни, предания, исторические анекдоты.

Историческая тема (повесть «Тарас Бульба») становится главной в рассказе о Запорожской Сечи. В изложении Гоголя Запорожская Сечь — это особый мир, особая вселенная, со своим укладом, обычаями, отношениями между людьми и в семье — между мужем и женой, детьми и отцом, детьми и матерью.

В основе гоголевского понимания национальной истории лежит представление о том, что история сохраняется в фольклоре, в языке, в народных легендах. Герои легенд — богатыри, сила кото-

рых была непомерной, но потом, со временем, стала исчезать. И вот уже пропала Запорожская Сечь, не слышно веселых песен, не смеются девушки и парубки. В центре Миргорода расположилась вечная лужа, а обитатели городка измельчали и теперь спорят друг с другом из-за пустяков. Причины Гоголь увидел в том, что современные люди не исполняют свой долг граждан, радеющих о благе Отечества, что они поддались корыстным соблазнам и ради них готовы на обман ближних. Каждый мечтает показаться более значительным, чем он есть на самом деле. В итоге исчезает личность, индивидуальность, которую замещают либо прическа, либо галстук, либо воротник, либо бакенбарды, либо шляпка. Уменьшается число настоящих людей, обладающих достоинством, умом, высокими чувствами, умеющих воспитывать в себе подлинных людей, и страна теряет духовные силы, становится слабой, душевно порочной. Души людей подтачивает и изгрызает червь корысти, преклонение перед чином и званием, в людях укореняются низменные инстинкты. Все общество превращается в скопище нравственных уродов, летящих в пропасть.

Эту историческую опасность Гоголь видел в России и стремился ее предотвратить. Он надеялся смехом потрясти до основания человеческое сердце, чтобы, увидев себя в зеркале юмора, иронии, насмешки, — иногда и сатиры, оно, человеческое сердце, ужаснулось бы тому, что же с ним стало, и, ужаснувшись, затрепетало бы, желая иной, лучшей судьбы.

И тогда человек, думал Гоголь, станет воспитывать сам себя в духе священных Божеских и гражданских обязанностей. Он обратится за помощью к Богу и станет исполнять его заветы. Когда это произойдет, в Россию возвратится прежняя мощь, прежнее богатство, удасть, прежняя ширь и страна вновь обретет душевное и духовное богатство. Писатель верил, что Россия станет самой просвещенной, самой величественной и самой божески-человечной страной мира, с которой будут брать пример другие народы и государства.

Пока же, считал Гоголь, надо показать русским людям, в какой мерзости они живут, как обнищали их души. С этой целью писатель вывел в комедии «Ревизор» вымышленный город, одновременно и лохожий и непохожий на провинциальные города России, в котором царит пошлость, все чиновники погрязли в пороках. Их души омертвели, сами они неожиданно для самих себя превратились в глупцов, хотя по природе вовсе и не глупы. Все заняты сплетнями, мелочными, корыстными интересами. На этом фоне душевно и духовно ничтожных людишек появляется незначущий чи-

новник из Петербурга, который всего боится. Провинциальные чиновники страшатся его и неожиданно воображают важным и таинственным ревизором, прибывшим из столицы. Страх становится у Гоголя следствием нравственной пустоты, морального уродства и приводит городничего и городских чиновников к полному духовному краху. Вместо живых лиц внезапно обнаружилось какие-то свиные рыла, непохожие на лица людей. Лица людей искажены до неузнаваемости и напоминают самых грязных животных. Но это не грязь внешняя, легко смываемая, а грязь душевная. Для того чтобы ее смыть и очистить свою душу, надо много и упорно трудиться, нравственно воспитывая себя. К этому и призывал Гоголь, в этом видел исторический путь России к спасению.

Вопросы и задания

1. Что вы можете сказать об интересе Гоголя к истории? В каких произведениях писателя идет речь об истории или исторических событиях?
2. В чем видел Гоголь опасность для России? Что необходимо, по его мнению, чтобы возвратились ее «прежняя мощь и богатство»?
3. Можно ли считать, что мысль Гоголя о создании в одном городе специальной улицы, в архитектурном ансамбле которой отражалось бы развитие мировой культуры, в некоторой степени воплощается в жизнь сегодня (например, при создании «Диснейленда»)? Какой цели служат эти проекты?

О ЗАМЫСЛЕ, НАПИСАНИИ И ПОСТАНОВКЕ «РЕВИЗОРА»

Гоголь мечтал о комедии «со злостью и солью». Он придавал театру исключительно большое общественно-воспитательное значение. Театр представлялся ему «кафедрой, с которой читается разом целой толпе живой урок». Гоголь мечтал о театре, который явился бы «великой школой» для общества и беспощадно карал бы смехом «плевелы»¹ русской действительности. «На сцену их! — восклицает писатель. — Пусть видит их весь народ! Пусть посмеется им! О, смех великое дело! Ничего более не боится человек так, как смеха».

¹ *Плевелы* — сорняки; здесь: вредное, губительное, ненужное.

Сцена V действия первой постановки «Ревизора» в Александринском театре. Гравюра по рисунку В. Самойлова

В октябре 1835 года Гоголь пишет Пушкину: «Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь смешной или несмешной, но русский чисто анекдот. Рука дрожит тем временем написать комедию... Сделайте милость, дайте сюжет; духом будет комедия из пяти актов, и, клянусь — куда смешнее черта!» Впоследствии Гоголь говорил, что мысль о «Ревизоре» ему впервые подсказал Пушкин.

Повсеместно царившее казнокрадство и взяточничество провинциальных властей, их боязнь ревизора из центра — все это было распространенным явлением в тогдашней России. С негодованием и сарказмом писатель раскрыл всю гниль и мерзость людей, воплощающих собой власть в городе, от которого «хоть три дня скачи, ни до какого государства не доедешь». Дикий произвол, взяточничество, казнокрадство, невежество — таковы нравы безвестного города, в который случай заносит Хлестакова.

19 апреля 1836 года на сцене Александринского театра в Петербурге состоялось первое представление «Ревизора». Зал был полон «блистательной публики». Перед самым началом представления в театр прибыл царь с наследником. Вначале в зрительном зале раздавался раскатистый смех. Уже после первого акта, свидетельствует очевидец, недоумение было написано на всех лицах

зрителей, сидящих в партере и ложах. Смех становился все сдержаннее. К концу спектакля недоумение перешло в ярость. Только теперь понял истинный смысл «Ревизора» и Николай I. Выходя из ложи, он заметил:

— Ну и пьеска! Всем досталось, а мне — более всех!

Реакционная критика начала неслыханную свистопляску вокруг имени писателя. Его гениальную комедию стали третировать в печати как «грязное творение», как глупый фарс, недостойный искусства и ничего общего не имеющий с действительностью.

В демократическом лагере комедию Гоголя встретили восторженно. В. В. Стасов рассказывал: «Все были в восторге. Мы наизусть повторяли друг другу... целые сцены, длинные разговоры оттуда...»

25 мая 1836 года «Ревизор» был поставлен в Москве, на сцене Малого театра. Критик Белинский приветствовал в «Ревизоре» «истинно художественное произведение», а впоследствии неутомимо пропагандировал его. Историческую заслугу Гоголя Белинский видел в том, что он осуществил поворот русской драматургии к социальной теме, к изображению реальных процессов русской действительности. Гоголь продолжал дорабатывать пьесу. В окончательном тексте 1842 года появляется знаменитое восклицание городничего: «Чему смеетесь? Над собой смеетесь!» Именно в этом издании впервые был предпослан комедии сатирический эпиграф («На зеркало неча пенять, коли рожа крива»), была изменена и дополнена немая сцена, завершающая комедию.

Гоголь понимал, что успех драматургического произведения зависит во многом от актера, от того, как правильно и глубоко проникнет он в замысел автора. Писатель не устал разъяснять актерам, как надлежит играть пьесу, подчеркивал при этом очень важную мысль, что герои, которых они воплощают, — самые обыкновенные люди, не исключение из своей среды, а самые типичные их представители.

Позднее, в 1846 году, в разгар работы над «Выбранными местами из переписки с друзьями» Гоголь написал «Развязку „Ревизора“». В ней он сообщал, что под провинциальным городом он подразумевал «душевный город» человека, под видом чиновников «бесчинствуют наши страсти», а Хлестаков — это «ветренная светская совесть». Гоголь придал «Ревизору» аллегорическое толкование. «Пестрая куча толков», вызванная появлением «Ревизора», произвела на Гоголя тягостное впечатление. «Теперь я вижу, — отмечает он в письме к Щепкину, — что значит быть комическим

писателем. Малейший признак истины — и против тебя восстают, и не один человек, а целые сословия...»

Гоголь принимает решение уехать за границу. Он надеется там отдохнуть, поправить здоровье...

По книге С. Машинского «Гоголь»

Вопросы и задания

1. О каком театре мечтал Гоголь? Когда был поставлен «Ревизор» в театре (в Петербурге, в Москве)? Какова была реакция зрителей и императора? Что изменилось в окончательном варианте 1842 года?
2. Какую оценку пьесе дал В. Г. Белинский? Какую «развязку» впоследствии придумал Н. В. Гоголь к «Ревизору»?
3. Против чего восстали все сословия? Как это воспринимал автор?

РЕВИЗОР

Комедия в пяти действиях

На зеркало неча пенять,
коли рожа крива.
Народная пословица.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Антон Антонович Сквозник-Дмухановский, городской¹.

Анна Андреевна, жена его.

Марья Антоновна, дочь его.

Лука Лукич Хлонов, смотритель² училищ.

Жена его.

Аммос Федорович Ляпкин-Тяпкин, судья.

Артемий Филиппович Земляника, попечитель богоугодных заведений³.

¹ *Городничий* — начальник уездного города (должность, существовавшая до середины XIX века).

² *Смотритель* — должностное лицо, которому поручался надзор за каким-нибудь учреждением.

³ *Богоугодные заведения* — больницы, приюты, дома для престарелых (создавались частными лицами, чтобы угодить Богу). *Попечитель* — должностное лицо, руководившее сетью учреждений какого-нибудь ведомства на местах.

Иван Кузьмич Шлекин, почтмейстер¹.
Петр Иванович Бобчинский }
Петр Иванович Добчинский } городские помещики.
Иван Александрович Хлестаков, чиновник из Петербурга.

Осип, слуга его.

Христиан Иванович Гибнер, уездный лекарь.

Федор Андреевич Люлюков }
Иван Лазаревич Растаковский } отставные чиновники, почтенные лица в городе.
Степан Иванович Коробкин }

Степан Ильич Уховертов, частный пристав².

Свистунов

Пуговицын

Держиморда

Абдулин, купец.

} полицейские.

Февронья Петровна Пошлаецкина, слесарша.

Жена унтер-офицера.

Мишка, слуга городничего.

Слуга трактирный.

Гости и гости, купцы, мещане, просители.

ХАРАКТЕРЫ И КОСТЮМЫ

Замечания для господ актеров.

Городничий, уже постаревший на службе и очень неглупый по-своему человек. Хотя и взяточник, но ведет себя очень солидно; довольно серьезен, несколько даже резонер³; говорит ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жестки, как у всякого начавшего тяжелую службу с низших чинов. Переход от страха к радости, от низости к высокомерию довольно быстр, как у человека с грубо развитыми склонностями души. Он одет, по обыкновению, в своем мундире с петлицами и в ботфортах⁴ со шпорами. Волоса на нем стриженные, с проседью.

¹ *Почтмейстер* — начальник почтовой конторы (ведет пересылкой почты и перевозкой пассажиров).

² *Частный пристав* — полицейский чиновник, в ведении которого находилась одна из частей города.

³ *Резонер* — человек, любящий вести пространные рассуждения нравочительного характера.

⁴ *Ботфорты* — высокие сапоги с раструбами выше колен.

Анна Андреевна, жена его, провинциальная кокетка, еще не совсем пожилых лет, воспитанная вполнину на романах и альбомах, вполнину на хлопотах в своей кладовой и девицъей¹. Очень любопытна и при случае выказывает тщеславие. Берет иногда власть над мужем потому только, что он не находится, что отвечать ей; но власть эта распространяется только на мелочи и состоит в выговорах и насмешках. Она четыре раза переодевается в разные платья в продолжение пьесы.

Хлестаков, молодой человек лет двадцати трех, толстый, худенький; несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове², — один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими. Говорит и действует без всякого соображения. Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли. Речь его отрывиста, и слова вылетают из уст его совершенно неожиданно. Чем более исполняющий эту роль покажет чистосердечия и простоты, тем более он выиграет. Одет по моде.

Осип, слуга, таков, как обыкновенно бывают слуги несколько пожилых лет. Говорит серьезно, смотрит несколько вниз, резонер и любит себе самому читать нравоучения для своего барина. Голос его всегда почти ровен, в разговоре с барином принимает суровое, отрывистое и несколько даже грубое выражение. Он умнее своего барина и потому скорее догадывается, но не любит много говорить и молча плут. Костюм его — серый или синий поношенный сюртук.

Бобчинский и Добчинский, оба низенькие, коротенькие, очень любопытные; чрезвычайно похожи друг на друга, оба с небольшими брюшками, оба говорят скороговоркою и чрезвычайно много помогают жестами и руками. Добчинский вемпожко выше и серьезнее Бобчинского, но Бобчинский развязнее и живее Добчинского.

Ляпкин-Тяпкин, судья, человек, прочитавший пять или шесть книг, и потому несколько вольнодумен. Охотник большой на догадки, и потому каждому слову своему даст вес. Представляющий его должен всегда сохранять в лице своем значительную мину. Говорит басом, с продолговатой

¹ Девицъей — комната для девиц-служанок.

² Без царя в голове — для понимания этого выражения сравните его с пословицей «Свой ум — царь в голове».

растяжкой, хрипом и сапом, как старинные часы, которые прежде шипят, а потом уже бьют.

Земляника, попечитель богоугодных заведений, очень толстый, неповоротливый и неуклюжий человек, но при всем том проныра и плут. Очень услужлив и суетлив.

Почтмейстер, простодушный до наивности человек.

Прочие роли не требуют особых изъяснений. Оригиналы¹ их всегда почти находятся перед глазами.

Господа актеры особенно должны обратить внимание на последнюю сцену. Последнее произнесенное слово должно произвести электрическое потрясение на всех разом, вдруг. Вся группа должна переменить положение в один миг ока. Звук изумления должен вырваться у всех женщин разом, как будто из одной груди. От несоблюдения этих замечаний может исчезнуть весь эффект.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната в доме городничего.

ЯВЛЕНИЕ I

Городничий, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, судья, частный пристав, лекарь, два квартальных.

Городничий. Я пригласил вас, господа, с тем чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор.

Аммос Федорович. Как ревизор?

Артемий Филиппович. Как ревизор?

Городничий. Ревизор из Петербурга, инкогнито². И еще с секретным предписанием.

Аммос Федорович. Вот-те на!

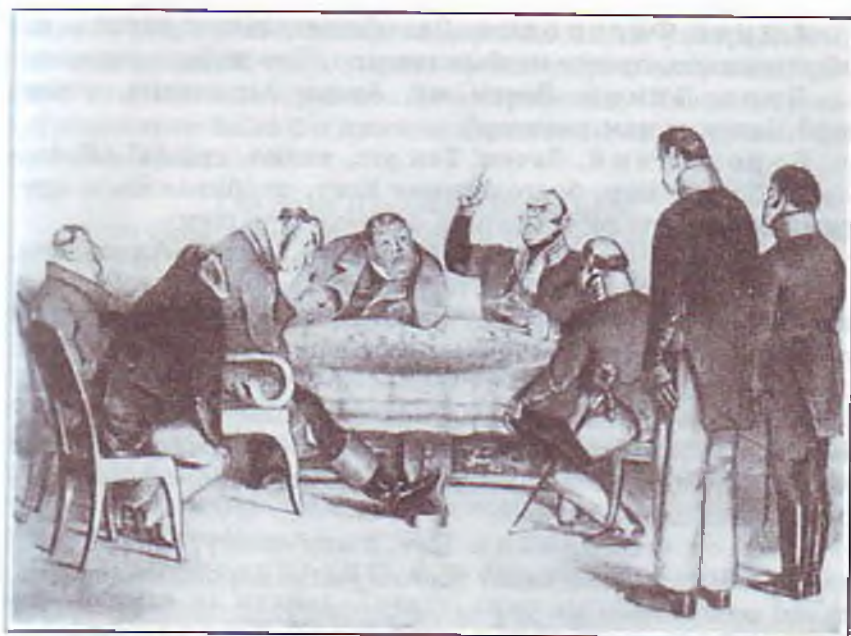
Артемий Филиппович. Вот не было заботы, так подай!

Лука Лукич. Господи Боже! еще и с секретным предписанием!

Городничий. Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, этаких я никогда не видывал: черные, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь.

¹ *Оригиналы* — здесь: подлинник, прототип.

² *Инкогнито* — тайно.

Н. В. Гоголь. «Ревизор». Действие I, явление 1.
Автолитография. Худ. П. Боклевский. 1863

Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Чмыхова, которого вы, Артемий Филиппович, знаете. Вот что он пишет: «Любезный друг, кум и благодетель (*ворочает вполголоса, пробегая скоро глазами*)... и уведомить тебя». А! Вот: «Спешу, между прочим, уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд (*значительно поднимает палец вверх*). Я узнал это от самых достоверных людей, хотя он представляет себя частным лицом. Так как я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывет в руки...» (*остановясь*), ну, здесь свои... «то советую тебе взять предосторожность, ибо он может приехать во всякий час, если только уже не приехал и не живет где-нибудь инкогнито... Вчерашнего дня я...» Ну, тут уж пошли дела семейные: «...сестра Анна Кириловна приехала к нам с своим мужем; Иван Кирилович очень потолстел и все играет на скрышке...» — и прочее, и прочее. Так вот какое обстоятельство!

Аммос Федорович. Да, обстоятельство такое... необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь недаром.

Лука Лукич. Зачем же, Антон Антонович, отчего это? Зачем к нам ревизор?

Городничий. Зачем! Так уж, видно, судьба! (*Вздыхнув.*) До сих пор, благодарение Богу, подбирались к другим городам; теперь пришла очередь к нашему.

Аммос Федорович. Я думаю, Антон Антонович, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это значит вот что: Россия... да... хочет вести войну, и министерия-то¹, вот видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены.

Городничий. Эх куда хватили! Еще и умный человек! В уездном городе измена! Что он, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь.

Аммос Федорович. Нет, я вам скажу, вы не того... вы не... Начальство имеет тонкие виды: даром, что далеко, а оно себе мотает на ус.

Городничий. Мотает или не мотает, а я вас, господа, предупредил². Смотрите, по своей части я кое-какие распоряжения сделал, советую и вам. Особенно вам, Артемий Филиппович! Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения — и потому вы сделайте так, чтобы все было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят по-домашнему.

Артемий Филиппович. Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надеть и чистые.

Городничий. Да, и тоже над каждой кроватью написать по-латыни или на другом каком языке... это уж по вашей части, Христиан Иванович, — всякую болезнь: когда кто заболел, которого дня и числа... Нехорошо, что у вас больные такой крепкий табак курят, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если б их было меньше: тотчас отнесут к дурному смотрению или к неискусству врача.

Артемий Филиппович. О! Насчет врачеванья мы с Христианом Ивановичем взяли свои меры: чем ближе к

¹ *Министерия* — здесь: правительство.

² *Предупредить* — предупредить.

натуре¹, тем лучше; лекарств дорогих мы не употребляем. Человек простой: если умрет, то так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет. Да и Христиану Ивановичу затруднительно было б с ними изъясняться: он по-русски пи слова не знает.

Христиан Иванович издает звук,
отчасти похожий на букву и и несколько на е.

Городничий. Вам тоже посоветовал бы, Аммос Федорович, обратить внимание на присутственные места². У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусенками, которые так и шныряют под ногами. Оно, конечно, домашним хозяйством заведиться всякому похвально, и почему ж сторожу и не завести его? только, знаете, в таком месте неприлично... Я и прежде хотел вам это заметить, но все как-то позабывал.

Аммос Федорович. А я вот их сегодня же велю всех забрать на кухню. Хотите, приходите обедать.

Городничий. Кроме того, дурно, что у вас высушивается в самом присутствии всякая дрянь и над самым шкапом с бумагами охотничий арапник³. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а там, как просдет ревизор, пожалуй, опять его можете повесить. Также заседатель ваш... он, конечно, человек сведущий, но от него такой запах, как будто бы он сейчас вышел из винокуренного завода, — это тоже нехорошо. Я хотел давно об этом сказать вам, но был, не помню, чем-то развлечен. Есть против этого средства, если уже это действительно, как он говорит, у него природный запах. Можно ему посоветовать есть лук, или чеснок, или что-нибудь другое. В этом случае может помочь разными медикаментами Христиан Иванович.

Христиан Иванович издает тот же звук.

Аммос Федорович. Нет, этого уже невозможно выгнать: он говорит, что в детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдает немного водкою.

¹ *Натура* — природа.

² *Присутственное место* — казенное учреждение; здесь: уездный суд.

³ *Арапник* — ременный култ.

Городничий. Да я так только заметил вам. Насчет же внутреннего распоряжения и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить. Нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим Богом устроено, и волтерьянцы¹ напрасно против этого говорят.

Аммос Федорович. Что ж вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Грешки грешкам — рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело.

Городничий. Ну, щенками или чем другим — всё взятки.

Аммос Федорович. Ну нет, Антон Антонович. А вот, например, если у кого-нибудь шуба стоит пятьсот рублей, да супруге шаль...

Городничий. Ну, а что из того, что вы берете взятки борзыми щенками? Зато вы в Бога не веруете; вы в церковь никогда не ходите; а я по крайней мере в вере тверд и каждое воскресенье бываю в церкви. А вы... О, я знаю вас: вы если начнете говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются.

Аммос Федорович. Да ведь сам собою дошел, собственным умом.

Городничий. Ну, в ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было. Впрочем, я так только упомянул об уездном суде; а по правде сказать, вряд ли кто когда-нибудь заглянет туда: это уж такое завидное место, сам Бог ему покровительствует. А вот вам, Лука Лукич, так, как смотрителю учебных заведений, нужно позаботиться особенно насчет учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались в разных коллегиях², но имеют очень странные поступки, натурально³ неразлучные с ученым званием. Один из них, например вот этот, что имеет толстое лицо... не вспомню его фамилии, никак не может обойтись без того, чтобы, взойдя на кафедру,

¹ *Волтерьянцы* (правильно: *вольтерьянцы*) — последователи великого французского писателя и философа Вольтера, борца против феодального строя. «Волтерьянцами» невежды и реакционеры называли всех свободомыслящих людей, критически относившихся к властям.

² *Коллегия* — здесь: высшее учебное заведение.

³ *Натурально* (устар.) — естественно.

не сделать гримасу, вот этак (*делает гримасу*), и потом начнет рукою из-под галстука утюжить свою бороду. Конечно, если он ученику сделает такую рожу, то оно еще ничего: может быть, оно там и нужно так, об этом я не могу судить, но вы посудите сами, если он сделает это посетителю — это может быть очень худо: господин ревизор или другой кто может принять это на свой счет. Из этого черт знает что может произойти.

Лука Лукич. Что ж мне, право, с ним делать? Я уж несколько раз ему говорил. Вот еще на днях, когда зашел было в класс наш предводитель¹, он скроил такую рожу, какой я никогда еще не видывал. Оп-то ве сделал от доброго сердца, а мне выговор: зачем вольнодумные мысли внушаются юношеству.

Городничий. То же я должен вам заметить и об учителе по исторической части. Он ученая голова — это видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну, покамест говорил об ассириянах и вавилонянах — еще ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-богу! Сбежал с кафедры и что силы есть хватить стулом об пол. Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне.

Лука Лукич. Да, он горяч! Я ему это несколько раз уже замечал... Говорит: «Как хотите, для науки я жизни не пощажу».

Городничий. Да, таков уже неизъяснимый закон судеб: умный человек — или пьяница, или рожу такую соорудит, что хоть святых выноси.

Лука Лукич. Не приведи Бог служить по ученой части! Всего боишься: всякий мешается, всякому хочется показать, что он тоже умный человек.

Городничий. Это бы еще ничего, — инкогнито проклятое! Вдруг заглянет: «А, вы здесь, голубчики! А кто, скажет, здесь судья?» — «Ляпкин-Тяпкин». — «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодных заведений?» — «Земляника». — «А подать сюда Землянику!» Вот что худо!

¹ Предводитель — здесь: предводитель дворянства — выборный представитель дворян, ведавший их сословными делами.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и почтмейстер.

Почтмейстер. Объясните, господа, что, какой чиновник едет?

Городничий. А вы разве не слышали?

Почтмейстер. Слышал от Петра Ивановича Бобчинского. Он только что был у меня в почтовой конторе.

Городничий. Ну, что? Как вы думаете об этом?

Почтмейстер. А что думаю? война с турками будет.

Аммос Федорович. В одно слово! я сам то же думал.

Городничий. Да, оба пальцем в небо попали!

Почтмейстер. Право, война с турками. Это все француз гадит.

Городничий. Какая война с турками! Просто нам плохо будет, а не туркам. Это уже известно: у меня письмо.

Почтмейстер. А если так, то не будет войны с турками.

Городничий. Ну что же, как вы, Иван Кузьмич?

Почтмейстер. Да что я? Как вы, Антон Антонович?

Городничий. Да что я? Страху-то нет, а так, немножко... Купечество да гражданство¹ меня смущает. Говорят, что я им солоно пришелся, а я, вот ей-богу, если и взял с иного, то, право, без всякой ненависти. Я даже думаю (*берет его под руку и отводит в сторону*), я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачем же, в самом деле, к нам ревизор? Послушайте, Иван Кузьмич, нельзя ли вам, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этак немножко распечатать и прочесть: не содержится ли в нем какого-нибудь донесения или просто переписки. Если же нет, можно опять запечатать; впрочем, можно даже и так отдать письмо, распечатанное.

Почтмейстер. Знаю, знаю... Этому не учите, это я делаю не то чтоб из предосторожности, а больше из любопытства: смерть, люблю узнать, что есть нового на свете. Я вам скажу, что это преинтересное чтение: иное письмо с

¹ Гражданство (устар.) — вассаление.

наслаждением прочтешь: так описываются разные пассажи¹... а назидательность² какая... Лучше, чем в «Московских ведомостях»³!

Городничий. Ну что ж, скажите: ничего не начитывали о каком-нибудь чиновнике из Петербурга?

Почтмейстер. Нет, о петербургском ничего нет, а о костромских и саратовских много говорится. Жаль, однако ж, что вы не читаете писем. Есть прекрасные места. Вот недавно один поручик пишет к приятелю, и описал бал в самом игривом... очень, очень хорошо: «Жизнь моя, милый друг, течет, говорит, в эмпириях⁴: барышень много, музыка играет, штындарт⁵ скачет...» С большим, с большим чувством описал. Я нарочно оставил его у себя. Хотите, прочту?

Городничий. Ну, теперь не до того. Так сделайте милость, Иван Кузьмич: если на случай попадетя жалоба или донесение, то без всяких рассуждений задерживайте.

Почтмейстер. С большим удовольствием.

Аммос Федорович. Смотрите, достанется вам когда-нибудь за это.

Почтмейстер. Ах, батюшки!

Городничий. Ничего, ничего. Другое дело, если б вы из этого публичное что-нибудь сделали, но ведь это дело семейственное.

Аммос Федорович. Да, нехорошее дело заварилось! А я, признаюсь, шел было к вам, Антон Антонович, с тем, чтобы попотчевать вас собачонкою. Родная сестра тому кобелю, которого вы знаете. Ведь вы слышали, что Чептович с Варховинским затеяли тяжбу, и теперь мне роскошь: травлю зайцев на землях и у того и у другого.

Городничий. Батюшки, не милы мне теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидит в голове. Так и ждешь, что вот отворится дверь и — шась⁶...

¹ *Пассаж* — случай, происшествие.

² *Назидательность* — поучительность.

³ «*Московские ведомости*» — газета, издававшаяся Московским университетом.

⁴ *В эмпириях* — в блаженстве (*эмпирей* в древнегреч. мифологии — самая высокая часть неба, местопребывание богов).

⁵ *Штындарт* (устар.) — военное знамя. Здесь имеется в виду штындарт-юнкер (унтер-офицер из дворян), носивший знамя.

⁶ *Шась* (простореч.) — внезапно войдет.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, Бобчинский и Добчинский,
оба входят, запыхавшись.

Бобчинский. Чрезвычайное происшествие!

Добчинский. Неожиданное известие!

Все. Что? что такое?

Добчинский. Непредвиденное дело: приходим в гостиницу...

Бобчинский (*перебивая*). Приходим с Петром Ивановичем в гостиницу...

Добчинский (*перебивая*). Э, позвольте, Петр Иванович, я расскажу.

Бобчинский. Э, нет, позвольте уж я... позвольте, позвольте... вы уж и слога такого не имеете...

Добчинский. А вы собьетесь и не припомните всего.

Бобчинский. Припомню, ей-богу, припомню. Уж не мешайте, пусть я расскажу, не мешайте! Скажите, господа, сделайте милость, чтоб Петр Иванович не мешал.

Городничий. Да говорите, ради бога, что такое? У меня сердце не на месте. Садитесь, господа! Возьмите стулья! Петр Иванович, вот вам стул!

Все усаживаются вокруг обоих Петров Ивановичей.

Ну, что, что такое?

Бобчинский. Позвольте, позвольте; я все по порядку. Как только имел я удовольствие выйти от вас после того, как вы изволили смутиться полученным письмом, да-е, — так я тогда же забежал... уж, пожалуйста, не перебивайте, Петр Иванович! Я уж все, все, все знаю-е. Так я, вот изволите видеть, забежал к Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотил к Растаковскому, а не заставши Растаковского, зашел вот к Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да, идучи оттуда, встретился с Петром Ивановичем...

Добчинский (*перебивая*). Возле будки, где продаются пироги.

Бобчинский. Возле будки, где продаются пироги. Да, встретившись с Петром Ивановичем, и говорю ему: «Слышали ли вы о новости-та, которую получил Антон Антонович из достоверного письма?» А Петр Иванович

уже услышали об этом от ключницы¹ вашей Авдотьи, которая не знаю за чем-то была послана к Филиппу Антоновичу Почечуеву...

Добчинский (*перебивая*). За бочонком для французской водки.

Бобчинский (*отводя его руки*). За бочонком для французской водки. Вот мы пошли с Петром-то Ивановичем к Почечуеву... Уж вы, Петр Иванович... этого... перебивайте, пожалуйста, не перебивайте!.. Пошли к Почечуеву, да на дороге Петр Иванович говорит: «Зайдем, говорит, в трактир. В желудке-то у меня... с утра я ничего не ел, так желудочное трясение...» — да-с, в желудке-то у Петра Ивановича. «А в трактир, говорит, привезли теперь свежей семги, так мы закусим». Только что мы в гостиницу, как вдруг молодой человек...

Добчинский (*перебивая*). Недурной наружности, в партикулярном² платье...

Бобчинский. Недурной наружности, в партикулярном платье, ходит эдак по комнате, и в лице этакое рассуждение... физиономия... поступки, и здесь (*вертит рукою около лба*) много, много всего. Я будто предчувствовал и говорю Петру Ивановичу: «Здесь что-нибудь неспроста-с». Да. А Петр-то Иванович уж мигнули пальцем и подозвали трактирщика-с, трактирщика Власа; у него жена три недели назад тому родила, и такой пребойкий мальчик, будет так же, как и отец, содержать трактир. Подозвавши Власа, Петр Иванович и спроси его потихоньку: «Кто, говорит, этот молодой человек?» — а Влас и отвечает на это: «Это», — говорит... Э, не перебивайте, Петр Иванович, пожалуйста, не перебивайте. Вы не расскажете, ей-богу не расскажете! вы пришепстываете: у вас, я знаю, один зуб во рту со свистом... «Это, говорит, молодой человек, чиновник, — да-с, — едущий из Петербурга, а по фамилии, говорит, Иван Александрович Хлестаков-с, а едет, говорит, в Саратовскую губернию и, говорит, престранно себя аттестует³: другую уж неделю живет, из трактира не едет, забирает все на счет и ни копейки не хочет платить». Как сказал он мне это, а меня

¹ Ключница — служанка, ведавшая съестными припасами семьи.

² Партикулярный — штатский, гражданский.

³ Аттестует — здесь: обнаруживает свой характер, ведет себя.

так вот свыше и вразумило... «Э!» — говорю я Петру Ивановичу...

Добчинский. Нет, Петр Иванович, это я сказал: «Э!»

Бобчинский. Сначала вы сказали, а потом и я сказал. «Э — сказали мы с Петром Ивановичем. — А с какой стати сидеть ему здесь, когда дорога ему лежит в Саратовскую губернию?» Да-с. А вот он-то и есть этот чиновник.

Городничий. Кто, какой чиновник?

Бобчинский. Чиновник-та, о котором изволили получить нотацию¹, — ревизор.

Городничий (*в страхе*). Что вы, Господь с вами! Это не он.

Добчинский. Он! и денег не платит, и не едет. Кому же б быть, как не ему? И подорожная² прописана в Саратов.

Бобчинский. Он, он, ей-богу он... Такой наблюдательный: все осмотрел. Увидел, что мы с Петром-то Ивановичем ели семгу, — больше потому, что Петр Иванович насчет своего желудка... да, так он и в тарелки к нам заглянул. Меня так и проняло страхом.

Городничий. Господи, помилуй нас, грешных! Где же он там живет?

Добчинский. В пятом номере, под лестницей.

Бобчинский. В том самом номере, где прошлого года подрались проезжие офицеры.

Городничий. И давно он здесь?

Добчинский. А недели две уж. Приехал на Василья Египтянина³.

Городничий. Две недели! (*В сторону.*) Батюшки, сватушки! Выносите, святые угодники! В эти две недели высечена унтер-офицерская жена!⁴ Арестантам не выдавали провизии! На улицах кабак, нечистота! Позор! поношенье! (*Хватается за голову.*)

¹ Нотация -- письменное извещение.

² Подорожная — документ о маршруте и праве пассажира пользоваться определенным количеством почтовых лошадей.

³ Василья Египтянин — имя выдуманного Гоголем святого. Праздники святых приходились на определенные дни года, и потому употребление имен святых нередко имело календарное значение.

⁴ Телесные наказания жем унтер-офицеров были запрещены.

Артемий Филиппович. Что ж, Антон Антонович? — ехать парадом в гостиницу.

Аммос Федорович. Нет, нет! Вперед пустить голову¹, духовенство, купечество; вот и в книге «Деяния Иоанна Масона»²...

Городничий. Нет, нет; позвольте уж мне самому. Бывали трудные случаи в жизни, сходили, еще даже и спасибо получал; авось Бог вынесет и теперь. (*Обращаясь к Бобчинскому.*) Вы говорите, он молодой человек?

Бобчинский. Молодой, лет двадцати трех или четырех с небольшим.

Городничий. Тем лучше: молодого скорее пронюхает. Беда, если старый черт, а молодой весь наверху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь сам, или вот хоть с Петром Ивановичем, приватно³, для прогулки, наведаться, не терпят ли проезжающие неприятностей. Эй, Свистунов!

Свистунов. Что угодно?

Городничий. Ступай сейчас за частным приставом; или нет, ты мне нужен. Скажи там кому-нибудь, чтобы как можно поскорее ко мне частного пристава, и приходи сюда.

Квартальный бежит впопыхах.

Артемий Филиппович. Идем, идем, Аммос Федорович! В самом деле может случиться беда.

Аммос Федорович. Да вам чего бояться? Колпаки чистые надел на больных, да и концы в воду.

Артемий Филиппович. Какое колпаки! Больным велено габерсуп⁴ давать, а у меня по всем коридорам несет такая капуста, что береги только нос.

Аммос Федорович. А я на этот счет спокоен. В самом деле, кто зайдет в уездный суд? А если и заглянет в какую-нибудь бумагу, так он жизни не будет рад. Я вот уже пятнадцать лет сижу на судейском стуле, а как загляну в докладную записку — а! только рукой мах-

¹ Голова — городской голова — выборное лицо, ведавшее городским самоуправлением.

² Иоанн Масон — английский религиозный писатель.

³ Приватно — частным образом.

⁴ Габерсуп — пшеничный суп.

ну. Сам Соломон¹ не разрешит, что в ней правда, а что неправда.

Судья, попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ и почтмейстер уходят и в дверях сталкиваются с возвращающимся квартальным.

ЯВЛЕНИЕ IV

Городничий, Бобчинский, Добчинский
и квартальный.

Городничий. Что, дрожки² там стоят?

Квартальный. Стоят.

Городничий. Ступай на улицу... или нет, постой! Ступай принеси... Да другие-то где? неужели ты только один? Ведь я приказывал, чтоб и Прохоров был здесь. Где Прохоров?

Квартальный. Прохоров в частном доме³, да только к делу не может быть употреблен.

Городничий. Как так?

Квартальный. Да так: привезли его поутру мертвецки. Вот уже два ушата воды вылили, до сих пор не протрезвился.

Городничий (*хватаясь за голову*). Ах, Боже мой, Боже мой! Ступай скорее на улицу! или нет — беги прежде в комнату, слышь и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Петр Иванович, поедем!

Бобчинский. И я, и я... позвольте и мне, Антон Антонович!

Городничий. Нет, нет, Петр Иванович, нельзя, нельзя! Неловко, да и на дрожках не поместимся.

Бобчинский. Ничего, ничего, я так: петушком, петушком побегу за дрожками. Мне бы только немножко в целочку-та, в дверь этак посмотреть, как у него эти поштушки...

Городничий (*принимая шпагу, к квартальному*). Беги сейчас, возьми десятских⁴, да пусть каждый из них возьмет... Эх шпага как исцарапалась! Проклятый куп-

¹ Соломон — иудейский царь, отличавшийся, по библейским преданиям, высокой мудростью.

² Дрожки — легкий четырехколесный экипаж.

³ Частный дом — помещение полицейской части (участка).

⁴ Десятский — служитель при полиции, выбирался из городских жителей (от каждых десяти домов).

чишка Абдулин — видит, что у городничего старая шпага, не прислал новой. О, лукавый народ! А так, мошенники, и думаю, там уж просьбы из-под ноля и готовят. Пусть каждый возьмет в руки по улице... черт возьми, по улице! — по метле! и вывели бы всю улицу, что идет к трактуру, и вывели бы чисто. Слышишь! Да смотри: ты! ты! я знаю тебя: ты там кумаешься¹, да крадешь в ботфорты серебряные ложечки: смотри, у меня ухо востро!.. Что ты сделал с купцом Черняевым, а? Он тебе на мундир дал два аршина сукна, а ты стянул всю штуку. Смотри! не по чину берешь! Стулай!

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и частный пристав.

Городничий. А, Степан Ильич! Скажите, ради бога: куда вы запропастились? На что это похоже?

Частный пристав. Я был тут сейчас за воротами.

Городничий. Ну, слушайте же, Степан Ильич! Чиновник-то из Петербурга приехал. Как вы там распорядились?

Частный пристав. Да так, как вы приказывали. Квартальный Пуговицына я послал с десятскими подчищать тротуар.

Городничий. А Держиморда где?

Частный пристав. Держиморда поехал на пожарной трубе².

Городничий. А Прохоров пьян?

Частный пристав. Пьян.

Городничий. Как же вы это так допустили?

Частный пристав. Да Бог его знает. Вчерашнего дня случилась за городом драка, — поехал туда для порядка, а возвратился пьян.

Городничий. Послушайте ж, вы сделайте вот что: квартальный Пуговицын... он высокого роста, так пусть стоит для благоустройства на мосту. Да разметать наскоро старый забор, что возле сапожника, и поставить соломенную вежу, чтоб было покоеже на планировку. Оно чем боль-

¹ *Кумаешься* — от глагола *куматься* — водиться, знаться, вступать в приятельские отношения.

² *Пожарная труба* — пожарная машина, главную часть которой составляла «заливная труба», т. е. насос.

ше ломки, тем больше означает деятельность градоправителя. Ах, Боже мой! я и позабыл, что возле того забора навалено на сорок телег всякого сору. Что это за скверный город: только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор — черт их знает откуда и нанесут всякой дряни! *(Вздыхает.)* Да если приезжий чиновник будет спрашивать службу¹, довольны ли? — чтобы говорили: «Всем довольны, ваше благородие»; а который будет недоволен, то ему после дам такого неудовольствия... О, ох, хо, хо, ох! грешен, во многом грешен. *(Берет вместо шляпы футляр.)* Дай только, Боже, чтобы сошло с рук поскорее, а там-то я поставлю уж такую свечу, какой еще никто не ставил: на каждую бестию кунца наложу доставить по три пуда воску. О Боже мой, Боже мой! Едем, Петр Иванович! *(Вместо шляпы хочет надеть бумажный футляр.)*

Частный пристав. Аптон Антонович, это коробка, а не шляпа.

Городничий *(бросает ее)*. Коробка так коробка. Черт с ней! Да если спросят, отчего не выстроена церковь при богоугодном заведении, на которую назад тому пять лет была ассигнована² сумма, то не позабыть сказать, что начала строиться, но сгорела. Я об этом и рапорт представлял. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдуру скажет, что она и не начиналась. Да сказать Держиморде, чтобы не слишком давал воли кулакам своим; он для порядка всем ставит фонари под глазами: и правому и виноватому. Едем, едем, Петр Иванович! *(Уходит и возвращается.)* Да не выпускать солдат на улицу безо всего: эта дрянная гарнизона³ наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет.

Все уходит.

ЯВЛЕНИЕ VI

Анна Андреевна и Марья Антоновна вбегают на сцену.

Анна Андреевна. Где ж, где ж они? Ах, Боже мой!.. *(Отворяя дверь.)* Муж! Антоша! Антон! *(Говорит скоро.)* А всё ты, а всё за тобой. И пошла копаться: «Я бу-

¹ Служба — здесь: солдаты и низшие полицейские чины.

² Ассигновать — выделить (деньги).

³ Гарнизон — гарнизонные солдаты.

лавочку, я косынку»... *(Подбегает к окну и кричит.)* Антон, куда, куда? Что, приехал? ревизор? с усами! с какими усами?

Голос городничего. После, после, матушка!

Анна Андреевна. После? Вот новости, после! Я не хочу после... Мне только одно слово: что он, полковник? А? *(С пренебрежением.)* Уехал! Я тебе вспомню это! А все эта: «Маменька, маменька, погодите, зашнурю сзади косынку; я сейчас». Вот тебе и сейчас! Вот тебе ничего и не узнали! А все проклятое кокетство: услышала, что почтмейстер здесь, и давай перед зеркалом жеманиться; и с той стороны, и с этой стороны подойдет. Воображает, что он за ней волочится, а он просто тебе делает гримасу, когда ты отвернешься.

Марья Антоновна. Да что ж делать, маменька? Все равно через два часа мы всё узнаем.

Анна Андреевна. Через два часа! покорнейше благодарю. Вот одолжила ответом! Как ты не догадалась сказать, что через месяц еще лучше можно узнать! *(Свешивается в окно.)* Эй, Авдотья! А? Что, Авдотья, ты слышала, там приехал кто-то?.. Не слышала? Глупая какая! Машет руками? Пусть машет, а ты все бы таки его расспросила. Не могла этого узнать! В голове чепуха, всё женихи сидят, А? Скоро уехали! да ты бы побежала за дрожками. Ступай, ступай сейчас! Слышишь, побегу, расспроси: куда поехали, да расспроси хорошенько, что за приезжий, каков он, слышишь? Подсмотри в щелку и узнай все, и глаза какие: черные или нет, и сию же минуту возвращайся назад, слышишь? Скорее, скорее, скорее, скорее! *(Кричит до тех пор, пока не опускается занавес. Так занавес и закрывает их обеих, стоящих у окна.)*

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Маленькая комната в гостинице. Постель, стол, чемодан, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее.

ЯВЛЕНИЕ I

Осип лежит на барской постели.

Черт побери, есть так хочется, и в животе трескотня такая, как будто бы целый полк затрубил в трубы. Вот, не досдем да и только домой! Что ты прикажешь делать? Вто-

рой месяц пошел, как уже из Питера! Профинтил¹ дорогою денежки, голубчик, теперь сидит и хвост подвернул, и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогопы²; нет, вишь ты, нужно в каждом городе показать себя! (*Дразнит его.*) «Эй, Осип, ступай посмотри комнату, лучшую, да обед спроси самый лучший: я не могу есть дурного обеда, мне нужен лучший обед». Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь елистратишка³ простой! С приезжающими знакомится, а потом в картишки, — вот тебе и доигрался! Эх, надоела такая жизнь! Право, на деревне лучше: оно хоть нет публичности⁴, да и заботности меньше, возьмешь себе бабу, да и лежи весь век на полатях, да ешь пироги. Ну кто ж спорит, конечно, если пойдет на правду, так житье в Питере лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политическая⁵: кеатры, собачки тебе танцуют, и все что хочешь. Разговаривают всё на тонкой деликатности, что разве только дворянству уступит; пойдешь на Щукин⁶ — кушцы тебе кричат: «Почтенный!»; на перевозе в лодке с чиновником сядешь; компании захотел — ступай в лавочку: там тебе кавалер⁷ расскажет про лагеря и объявит, что всякая звезда значит на небе, так вот как на ладони все видишь. Старуха офицерша забредет; горничная иной раз заглянет такая... фу, фу, фу! (*Усмехается и трясет головою.*) Галантерейное⁸, черт возьми, обхождение! Невсжливое слова никогда не услышишь; всякой тебе говорит «вы». Наскучило идти — берешь извозчика и сидишь себе, как барин; а не хочешь заплатить ему, — изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет. Одно плохо: иной раз славно насешься, а в другой чуть не лопнешь с голоду, как теперь, например. А все он виноват. Что с ним сделаешь? Батюшка придет де-

¹ *Профинтил* (разг.) — истратить зря.

² *Прогопы* — плата за проезд на почтовых лошадях.

³ *Елистратишка* — неказенное регистратор. Имеется в виду коллежский регистратор — низший гражданский чин (XIV класса) в царской России.

⁴ *Публичность* (устар.) — наличие публики, общества.

⁵ *Политичный* (простореч.) — вежливый, обходительный.

⁶ *Щукин* (двор) — один из петербургских рынков.

⁷ *Кавалер* — здесь: бывалый солдат.

⁸ *Галантерейный* (разг.) — галантный, любезный, вежливый.

нежки; чем бы их попридержать — и куды!.. пошел кутить: ездит на извозчике, каждый день ты доставай в кетатр билет, а там через неделю, глядь — и посылает на толкучий продавать новый фрак. Иной раз все до последней рубашки спустит, так что на нем всего останется сертушничка да шинелишка, ей-богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублей полтора ста ему один фрак станет, а на рынке спустит рублей за двадцать; а о брюках и говорить нечего — випочем идут. А отчего? оттого, что делом не занимается: вместо того, чтобы в должность, а он идет гулять по прешпекту¹, в картишки играет. Эх, если б узнал это старый барин! Он не посмотрел бы на то, что ты чиновник, а, поднявши рубашонку, таких бы засыпал тебе, что дня б четыре ты почесывался. Коли служить, так служи. Вот теперь трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатим? *(Со вздохом.)* Ах, Боже ты мой, хоть бы какие-нибудь ши! Кажись, так бы теперь весь свет съел. Стучится: верно, это он идет. *(Поспешно схватывается с постели.)*

ЯВЛЕНИЕ II

Осип и Хлестаков.

Хлестаков. На, прими это. *(Отдает фуражку и просточку.)* А, опять валялся на кровати?

Осип. Да зачем же бы мне валяться? Не видал я разве кровати, что ли?

Хлестаков. Врешь, валялся; видишь, вся склочена!

Осип. Да на что мне она? Не знаю я разве, что такое кровать? У меня есть ноги: я и постою. Зачем мне ваша кровать?

Хлестаков *(ходит по комнате)*. Посмотри там в картузе² — табаку нет?

Осип. Да где ж ему быть, табаку? Вы четвертого дня последнее выкурили.

Хлестаков *(ходит и разнообразно сжимает свои губы. Наконец говорит громким и решительным голосом)*. Послушай, эй, Осип!

Осип. Чего изволите?

¹ Прешпéкт — искаженное слово проспект.

² Картуз — здесь: бумажный мешочек для табака.

Хлестаков (*громким, но не столь решительным голосом*). Ты ступай туда.

Осип. Куда?

Хлестаков (*голосом вовсе не решительным и не громким, очень близким к просьбе*). Вниз, в буфет... Там скажи... чтобы мне дали пообедать.

Осип. Да нет, я и ходить не хочу.

Хлестаков. Как ты смеешь, дурак?

Осип. Да так, все равно, хоть и пойду, ничего из этого не будет. Хозяин сказал, что больше не даст обедать.

Хлестаков. Как он смеет не дать? Вот еще вздор!

Осип. «Еще, говорит, и к городничему пойду; третью неделю барил денег не плотит. Вы-де с барином, говорит, мошенники, и барин твой плут. Мы-де, говорит, этаких широмыжников¹ и подлецов видали».

Хлестаков. А ты уж и рад, скотина, сейчас пересказывать мне все это.

Осип. Говорит: «Этак всякий приедет, обживется, задолжается, после и выгнать нельзя. Я, говорит, шутить не буду, я прямо с жалобой, чтоб на съезжую² да в тюрьму».

Хлестаков. Ну, ну, дурак, полно! Ступай, ступай, скажи ему. Такое грубое животное!

Осип. Да лучше я самого хозяина позову к вам.

Хлестаков. На что ж хозяина? Ты поди сам скажи.

Осип. Да, право, сударь...

Хлестаков. Ну, ступай, черт с тобой! позови хозяина.

Осип уходит.

ЯВЛЕНИЕ III

Хлестаков один.

Ужасно как хочется есть! Так немножко прошелся, думал, не пройдет ли аппетит, — нет, черт возьми, не проходит. Да, если б в Пензе я не покутил, стало бы денег досхать домой. Пехотный капитан сильно поддел меня, штосы удивительно, бестия, срезывает³. Всего каких-ни-

¹ *Широмыжник* (правильно: *широмыжник*) — человек, живущий на чужой счет.

² *Съезжал* — помещение при полиции для арестованных.

³ *Штосы срезывать* — выигрывать в карты (*штос* — азартная карточная игра).

будь четверть часа посидел и всё обобрал. А при всем том страх хотелось бы с ним еще раз сразиться, случай только не привел встретиться — на все нужно случай. Какой скверный городишко! В овощных лавках¹ ничего не дают в долг. Это уж просто подло. (*Насвистывает сначала из «Роберта»², потом: «Не шей ты мне, матушка», а наконец ни се ни то.*) Никто не хочет идти.

ЯВЛЕНИЕ IV

Хлестаков, Осип и трактирный слуга.

Слуга. Хозяин приказал спросить, что вам угодно?

Хлестаков. Здравствуй, братец! Ну, что ты, здоров?

Слуга. Слава Богу.

Хлестаков. Ну, что, как у вас в гостинице? хорошо ли все идет?

Слуга. Да, слава Богу, все хорошо.

Хлестаков. Много проезжающих?

Слуга. Да, достаточно.

Хлестаков. Послушай, любезный, там мне до сих пор обеда не приносят, так, пожалуйста, поторопи, чтоб поскорее, видишь, мне сейчас после обеда нужно кое-чем заняться.

Слуга. Да хозяин сказал, что не будет больше отпущать. Он, никак, хотел идти сегодня жаловаться городничему.

Хлестаков. Да что ж жаловаться? Посуди сам, любезный, как же? ведь мне нужно есть. Этак могу я совсем отощать. Мне очень есть хочется, я не шучу это говорю.

Слуга. Так-с. Он говорил. «Я ему обедать не дам, покамест он не заплатит мне за прежнее». Таков уж ответ его был.

Хлестаков. Да ты урезонь, уговори его.

Слуга. Да что ж ему такое говорить?

Хлестаков. Ты растолкуй ему сурьезно, что мне нужно есть. Деньги само собою... Он думает, что, как ему, мужику, ничего, если не поесть день, так и другим тоже. Вот новости!

Слуга. Пожалуй, я скажу.

¹ Овощная лавка — мелочная лавка.

² «Роберт-Дьявол» — название оперы французского композитора Мейснера.

ЯВЛЕНИЕ V

Хлестаков один.

Это скверно, однако ж, если он совсем ничего не даст есть. Так хочется, как еще никогда не хотелось. Разве из платья что-нибудь пустить в оборот? Штаны, что ли, продать? Нет, уж лучше поголодать, да приехать домой в петербургском костюме. Жаль, что Иохим¹ не дал на прокат кареты, а хорошо бы, черт побери, приехать домой в карете, подкатить этаким чертом к какому-нибудь соседу-помещику под крыльцо, с фонарями, а Осипа сзади одеть в ливрею². Как бы, я воображаю, все переполошились: «Кто такой, что такое?» А лакей входит (*вытягиваясь и представляя лакея*): «Иван Александрович Хлестаков, из Петербурга, прикажете принять?» Они, центюхи³, и не знают, что такое значит «прикажете принять». К ним если приедет какой-нибудь гусь-помещик, так и валит, медведь, прямо в гостиную. К дочечке какой-нибудь хорошенькой подойдешь: «Сударыня, как я...» (*Потирает руки и подшаркивает ножкой.*) Тьфу! (*плюет*) даже тошнит, так есть хочется...

ЯВЛЕНИЕ VI

Хлестаков, Осип, потом слуга.

Хлестаков. А что?

Осип. Несут обед.

Хлестаков (*прихлопывает в ладоши и слегка подпрыгивает на стуле*). Несут! несут! несут!

Слуга (*с тарелкой и салфеткой*). Хозяин в последний раз уж дает.

Хлестаков. Ну, хозяин, хозяин... Я плевать на твоего хозяина! Что там такое?

Слуга. Суп и жаркое.

Хлестаков. Как, только два блюда?

Слуга. Только-с.

Хлестаков. Вот вздор какой! я этого не принимаю. Ты скажи ему: что это в самом деле такое!.. этого мало.

¹ *Иохим* (правильно: *Иоаким*) — известный в Петербурге каретный мастер и домовладелец.

² *Ливрея* — форменная парадная одежда для лакеев, швейцаров, кучеров.

³ *Пенлюхи* (простореч.) — неуклюжий, грубоватый человек.

Слуга. Нет, хозяин говорит, что еще много.

Хлестаков. А соуса почему нет?

Слуга. Соуса нет.

Хлестаков. Отчего же нет? Я видел сам, проходя мимо кухни, там много готовилось. И в столовой сегодня поутру двое каких-то коротеньких человека ели семгу и еще много кой-чего.

Слуга. Да оно-то есть, пожалуй, да нет.

Хлестаков. Как нет?

Слуга. Да уж нет.

Хлестаков. А семга, а рыба, а котлеты?

Слуга. Да это для тех, которые почище-с.

Хлестаков. Ах ты, дурак!

Слуга. Да-с.

Хлестаков. Поросенок ты скверный... Как же они едят, а я не ем? отчего же я, черт возьми, не могу также? Разве они не такие же проезжающие, как и я?

Слуга. Да уж известно, что не такие.

Хлестаков. Какие же?

Слуга. Обнаковенно какие! они уж известно: они деньги платят.

Хлестаков. Я с тобою, дурак, не хочу рассуждать. *(Наливает суп и ест.)* Что это за суп? Ты просто воды налил в чашку: никакого вкуса нет, только вопяет. Я не хочу этого супу, дай мне другого.

Слуга. Мы примем-с. Хозяин сказал, коли не хотите, то и не нужно.

Хлестаков *(защищая руками кушанье)*. Ну, ну, ну... оставь, дурак; ты привык там обращаться с другими: я, брат, не такого рода! со мной не советую... *(Ест.)* Боже мой, какой суп! *(Продолжает есть.)* Я думаю, еще ни один человек в мире не едал такого супу: какие-то перья плавают вместо масла. *(Режет курицу.)* Ай, ай, ай, какая курица! Дай жаркое!.. Там супу немного осталось, Осип, возьми себе. *(Режет жаркое.)* Что это за жаркое? Это не жаркое.

Слуга. Да что ж такое?

Хлестаков. Черт его знает, что такое, только не жаркое. Это топор зажаренный, вместо говядины. *(Ест.)* Мошеники, каналы, чем они кормят! и челюсти заболят, если съешь один такой кусок. *(Ковыряет пальцем в зубах.)* Подлецы! совершенно как деревянная кора — ничем выта-

шить нельзя, и зубы почернеют после этих блюд. Мошенники! *(Вытирает рот салфеткой.)* Больше ничего нет?

Слуга. Нет.

Хлестаков. Канальи! подлецы! и даже хотя бы какой-нибудь соус или пирожное. Бездельники! дерут только с проезжающих.

Слуга убирает и уносит тарелки вместе с Осипом.

ЯВЛЕНИЕ VII

Хлестаков, потом Осип.

Хлестаков. Право, как будто и не ел; только что разохотился. Если бы мелочь, послать бы на рынок и купить хоть сайку.

Осип *(входит)*. Там зачем-то городничий приехал, осведомляется и спрашивает о вас.

Хлестаков *(испугавшись)*. Вот тебе па! Эка бестия трактирщик, успел уже пожаловаться! Что, если в самом деле он потащит меня в тюрьму? Что ж? если благородным образом, я, пожалуй... нет, нет, не хочу, там в городе таскаются офицеры и народ, а я, как нарочно, задал тону и перемигнулся с одной купеческой дочкой... Нет, не хочу. Да что он? как он смеет, в самом деле? Что я ему, разве купец или ремесленник? *(Бодрится и выпрямляется.)* Да я ему прямо скажу: «Как вы смеете, как вы...»

У дверей вертится ручка, Хлестаков бледнеет и съеживается.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Хлестаков, городничий и Добчинский. Городничий, вошед, останавливается. Оба в испуге смотрят несколько минут один на другого выщупывая глаза.

Городничий *(немного оправившись и протянув руки по швам)*. Желаю здравствовать!

Хлестаков *(кланяется)*. Мое почтение!..

Городничий. Извините.

Хлестаков. Ничего.

Городничий. Обязанность моя, как градоначальника здешнего города, заботиться о том, чтобы проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений...

Хлестаков (*сначала немного заикается, но к концу речи говорит громко*). Да что ж делать?.. я не виноват... Я, право, заплачу... Мне пришлют из деревни.

Бобчинский выглядывает из дверей.

Он больше виноват: говядину мне подает такую твердую, как бревно; а суп — он черт знает чего плеснул туда, я должен был выбросить его за окно. Он меня морит голодом по целым дням... чай такой странный: воняет рыбой, а не чаем. За что ж я... Вот новости!

Городничий (*робея*). Извините, я, право, не виноват. На рынке у меня говядина всегда хорошая. Привозят холмогорские купцы, люди трезвые и поведения хорошего. Я уж не знаю, откуда он берет такую. А если что не так, то... Позвольте мне предложить вам переехать со мною на другую квартиру.

Хлестаков. Нет, не хочу! Я знаю, что значит на другую квартиру: то есть в тюрьму. Да какое вы имете право? Да как вы смеете?.. Я служу в Петербурге. (*Бодрится.*) Я, я, я...

Городничий (*в сторону*). О, Господи ты Боже, какой сердитый! Всё узнал, всё рассказали проклятые купцы!

Хлестаков (*храбрясь*). Да вот вы хоть тут со всей своей командой — не пойду! Я прямо к министру! (*Стучит кулаком по столу.*) Что вы? Что вы?

Городничий (*вытянувшись и дрожа всем телом*). Помилуйте, не погубите! Жена, дети маленькие... не сделайте несчастным человеком.

Хлестаков. Нет, я не хочу! Вот еще! мне какое дело. Оттого, что у вас жена и дети, я должен идти в тюрьму, вот прекрасно!

Бобчинский выглядывает в дверь и в испуге прячется.

Нет, благодарю покорно, не хочу.

Городничий (*дрожа*). По неопытности, ей-богу, по неопытности. Недостаточность состояния. Сами извольте посудить. Казенного жалованья не хватает даже па чай и сахар. Если ж и были какие взятки, то самая малость: к столу что-нибудь да на пару платья. Что же до унтер-офицерской вдовы, занимающейся купечеством, которую я будто бы высек, то это клевета, ей-богу клевета. Это выду-

мали злодеи мои, это такой народ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Хлестаков. Да что? мне нет никакого дела до них. *(В размышлении.)* Я не знаю, однако ж, зачем вы говорите о злодеях или о какой-то унтер-офицерской вдове... Унтер-офицерская жена совсем другое, а меня вы не смеете высечь, до этого вам далеко... Вот еще! смотри ты какой!.. Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нет. Я потому и сижу здесь, что у меня нет ни копейки.

Городничий *(в сторону)*. О, тонкая штука! Эх куда метнул! какого туману напустил! разбери кто хочет. Не знаешь, с какой стороны и приняться. Ну да уж попробовать, не куды пошло! Что будет, то будет, попробовать на авось. *(Вслух.)* Если вы точно имеете нужду в деньгах или в чем другом, то я готов служить сию минуту. Моя обязанность помогать проезжающим.

Хлестаков. Дайте, дайте мне взаймы, я сейчас же расплачусь с трактирщиком. Мне бы только рублей двести или хоть даже и меньше.

Городничий *(поднося бумажки)*. Ровно двести рублей, хоть и не трудитесь считать.

Хлестаков *(принимая деньги)*. Покорнейше благодарю; я вам тотчас пришлю их из деревки, у меня это вдруг... Я вижу, вы благородный человек. Теперь другое дело.

Городничий *(в сторону)*. Ну, слава Богу! деньги взял. Дело, кажется, пойдет теперь на лад. Я таки ему вместо двухсот четыреста ввернул.

Хлестаков. Эй, Осип!

Осип входит.

Позови сюда трактирного слугу! *(К городничему и Добчинскому.)* А что ж вы стоите? Сделайте милость, садитесь. *(Добчинскому.)* Садитесь, прошу покорнейше.

Городничий. Ничего, мы и так постоим.

Хлестаков. Сделайте милость, садитесь. Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушие, а то, признаюсь, я уж думал, что вы пришли с тем, чтобы меня... *(Добчинскому.)* Садитесь!

Городничий и Добчинский садятся.

Бобчинский выглядывает в дверь и прислушивается.

Городничий (*в сторону*). Нужно быть посмелее. Он хочет, чтобы считали его инкогнитом. Хорошо, подпустим и мы турусы¹: прикинемся, как будто совсем и не знаем, что он за человек. (*Вслух.*) Мы, прохаживаясь по делам должности, вот с Петром Ивановичем Добчинским, здешним помещиком, зашли нарочно в гостиницу, чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проезжающие, потому что я не так, как иной городничий, которому ни до чего дела нет; но я, я, кроме должности, еще по христианскому человеколюбию хочу, чтоб всякому смертному оказывался хороший прием, — и вот, как будто в награду, случай доставил такое приятное знакомство.

Хлестаков. Я тоже сам очень рад. Без вас я, признаюсь, долго бы просидел здесь: совсем не знал, чем заплатить.

Городничий (*в сторону*). Да, рассказывай! не знал, чем заплатить. (*Вслух.*) Осмелюсь ли спросить, куда и в какие места ехать изволите?

Хлестаков. Я еду в Саратовскую губернию, в собственную деревню.

Городничий (*в сторону, с лицом, принимающим ироническое выражение*). В Саратовскую губернию! А? и не покраснеет! О, да с ним нужно ухо остро! (*Вслух.*) Благое дело изволили предпринять. Ведь вот относительно дороги: говорят, с одной стороны, неприятности насчет задержки лошадей, а ведь, с другой стороны, развлечение для ума. Ведь вы, чай, больше для собственного удовольствия едете?

Хлестаков. Нет, батюшка меня требует; рассердился старик, что до сих пор ничего не выслужил в Петербурге. Он думает, что так вот приехал, да сейчас тебе Владимира в петлицу² и дадут. Нет, я бы послал его самого потолкаться в канцелярию.

Городничий (*в сторону*). Прошу посмотреть, какие пули отливают! и старика отца припел! (*Вслух.*) И на долгое время изволите ехать?

Хлестаков. Право, не знаю. Ведь мой отец упрям и глуп, старый хрен, как бревно. Я ему прямо скажу:

¹ Турусы — выдумка, вранье.

² Владимир в петлице — орден Владимира четвертой степени, который носили на груди.

как хотите, я не могу жить без Петербурга. За что ж, в самом деле, я должен погубить жизнь с мужиками? Теперь не те потребности, душа моя жаждет просвещения.

Городничий *(в сторону)*. Славно завязал узелок! Врет, врет — и нигде не оборвется. А ведь какой невзрачный, низенький, кажется — ногтем бы придавил его. Ну да стой, ты у меня проговоришься. Я тебя уж заставлю побольше рассказать! *(Вслух.)* Справедливо изволили заметить. Что можно сделать в глуши? Ведь вот хоть бы здесь: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалеешь ничего, а награда неизвестно еще когда будет. *(Окидывает глазами комнату.)* Кажется, эта комната несколько сыра?

Хлестаков. Скверная комната, и клопы такие, каких я нигде не видывал: как собаки, кусают.

Городничий. Скажите! такой просвещенный гость и терпит, от кого же? от каких-нибудь негодных клопов, которым бы и на свет не следовало родиться. Никак, даже темно в этой комнате?

Хлестаков. Да, совсем темно, хозяин завел обыкновенно не отпускать свечей. Иногда что-нибудь хочется сделать, почитать или придет фантазия сочинить что-нибудь, — не могу: темно, темно.

Городничий. Осмелюсь ли просить вас... но нет, я не достоин.

Хлестаков. А что?

Городничий. Нет, нет! не достоин, не достоин!

Хлестаков. Да что ж такое?

Городничий. Я бы дерзнул... У меня в доме есть прекрасная для вас комната, светлая, покойная... Но нет, чувствую сам, это уж слишком большая честь... Не рассердитесь. Ей-богу, от простоты души предложил.

Хлестаков. Напротив, извольте, я с удовольствием, мне гораздо приятнее в приватном доме, чем в этом кабаке.

Городничий. А уж я так буду рад! А уж как жена обрадуется! У меня уж такой нрав: гостеприимство с самого детства; особенно если гость просвещенный человек. Не подумайте, чтобы я говорил это из лести. Нет, не имею этого порока, от полноты души выражаюсь.

Хлестаков. Покорно благодарю. Я сам тоже, я не люблю людей двуличных. Мне очень нравится ваша откровенность и радушие, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовал, как только оказывай мне преданность и уважение, уважение и преданность.

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же и трактирный слуга, сопровождаемый Осипом.
Бобчинский выглядывает в дверь.

Слуга. Изволили спрашивать?

Хлестаков. Да; подай счет.

Слуга. Я уж давеча подал вам другой счет.

Хлестаков. Я уж не помню твоих глупых счетов. Говори: сколько там?

Слуга. Вы изволили в первый день спросить обед, а на другой день только закусили семги и потом пошли все в долг брать.

Хлестаков. Дурак, еще начал высчитывать. Всего сколько следует?

Городничий. Да вы не извольте беспокоиться, он пождет. *(Слуге.)* Пошел вон, тебе приплюют.

Хлестаков. В самом деле, и то правда. *(Прячет деньги.)*

Слуга уходит, в дверь выглядывает Бобчинский.

ЯВЛЕНИЕ X

Городничий, Хлестаков, Бобчинский.

Городничий. Не угодно ли вам будет осмотреть некоторые заведения в нашем городе, как-то богоугодные и другие?

Хлестаков. А что там такое?

Городничий. А так, посмотрите, какое у нас течение дел... порядок какой... для путешественника...

Хлестаков. С большим удовольствием, я готов.

Бобчинский выставляет голову в дверь.

Городничий. Также, если будет ваше желание, оттуда в уездное училище, осмотреть порядок, в каком преподаются у нас науки.

Хлестаков. Извольте, извольте.

Городничий. Потом, если пожелаете посетить острог и городские тюрьмы¹ — рассмотрите, как у нас содержатся преступники.

Хлестаков. Да зачем же тюрьмы? Уж лучше мы обсмотрим богоугодные заведения.

Городничий. Как вам угодно. Как вы намерены, в своем экипаже или вместе со мною на дрожках?

Хлестаков. Да я лучше с вами на дрожках поеду.

Городничий (*Добчинскому*). Ну, Петр Иванович, вам теперь нет места.

Добчинский. Ничего, я так.

Городничий (*тихо Добчинскому*). Слушайте: вы побегите, да бегом во все лопатки и снесите две записки: одну в богоугодное заведение Землянике, а другую жене. (*Хлестакову*.) Осмелюсь ли я попросить позволения написать в вашем присутствии одну строчку к жене, чтоб она приготовилась к принятию почтенного гостя?

Хлестаков. Да зачем же?.. А впрочем, тут и чернила, только бумаги — не знаю... Разве на этом счете?

Городничий. Я здесь напишу. (*Пишет и в то же время говорит про себя.*) А вот посмотрим, как пойдет дело после фриштика² да бутылки-то толстобрюшки! Да есть у нас губернская мадера: пеказиста на вид, а слона повадит с ног. Только бы мне узнать, что он такое и в какой мере нужно его опасаться. (*Написавши, отдает Добчинскому, который подходит к двери, но в это время дверь обрывается, и подслушивавший с другой стороны Бобчинский летит вместе с нею на сцену. Все издают восклицание. Бобчинский подымается.*)

Хлестаков. Что? не ушиблись ли вы где-нибудь?

Бобчинский. Ничего, ничего-с, без всякого-с помешательства, только сверж носа небольшая нащипка! Я забегу к Христиану Ивановичу, у него-с есть пластырь такой, так вот оно и пройдет.

Городничий (*делая Бобчинскому укорительный знак Хлестакову*). Это-с ничего. Прошу покорнейше, по-

¹ *Острог* — тюремное здание, где содержались осужденные преступники. *Тюрьмы* — места заключения подсудимых, уже получивших приговор, но еще не отпущенных на поселение или на каторгу. Характерное преувеличение: в узком городке есть и острог, и тюрьмы, т. е. царит полицейско-тюремный «порядок».

² *Фриштик* (нем.) — завтрак.

жалуйста! а слуге вашему я скажу, чтобы перенес чемодан. *(Осину.)* Любезнейший, ты перенеси все ко мне, к городничему — тебе всякий покажет. Прошу покорнейше! *(Пропускает вперед Хлестакова и следует за ним, но, обратившись, говорит с укоризной Бобчинскому.)* Уж и вы! не нашли другого места упасть! и растянулся как черт знает что такое. *(Уходит за ним Бобчинский.)*

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ I

Анна Андреевна, Марья Антоновна стоят у окна в тех же самых положениях.

Анна Андреевна. Ну вот, уже целый час дожидаясь, а все ты со своим глупым жеманством: совершенно оделась, нет, еще нужно копать... Было бы не слушать ее вовсе. Экая досада! как нарочно, ни души! как будто вымерло все.

Марья Антоновна. Да, право, маменька, чрез минуты две все узпаем. Уж скоро Авдотья должна прийти. *(Всматривается в окно и вскрикивает.)* Ах, маменька, маменька! кто-то идет, вон в конце улицы.

Анна Андреевна. Где идет? У тебя вечно какие-нибудь фантазии. Ну да, идет. Кто ж это идет? Небольшого роста... во фраке... Кто ж это? а? Это, однако ж, досадно! Кто ж бы это такой был?

Марья Антоновна. Это Добчинский, маменька.

Анна Андреевна. Какой Добчинский? Тебе всегда вдруг вообразится этакое... Совсем не Добчинский. *(Машет платком.)* Эй, вы, ступайте сюда! скорее!

Марья Антоновна. Право, маменька, Добчинский.

Анна Андреевна. Ну вот, нарочно, чтобы только поспорить. Говорят тебе — не Добчинский.

Марья Антоновна. А что? а что, маменька? Видите, что Добчинский.

Анна Андреевна. Ну да, Добчинский, теперь я вижу, — из чего же ты споришь? *(Кричит в окно.)* Скорей, скорей! вы тихо идете. Ну что, где они? А? Да говорите же оттуда — все равно. Что? очень строгий? А? а

муж, муж? *(немного отступя от окна, с досадою)*. Такой глупый: до тех пор, пока не войдет в комнату, ничего не расскажет!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Добчинский.

Анна Андреевна. Ну скажите, пожалуйста: ну не совестно ли вам? Я на вас одних полагалась, как на порядочного человека: все вдруг выбежали, и вы туда ж за ними! и я вот ни от кого до сих пор толку не доберусь. Не стыдно ли вам! Я у вас крестила вашего Ванечку и Лизаньку, а вы вот как со мною поступили!

Добчинский. Ей-богу, кумушка, так бежал засвидетельствовать почтение, что не могу духу перевести. Мое почтение, Марья Антоновна!

Марья Антоновна. Здравствуйте, Петр Иванович!

Анна Андреевна. Ну, что? Ну рассказывайте: что и как там?

Добчинский. Антон Антонович прислал вам записочку.

Анна Андреевна. Ну, да кто он такой? генерал?

Добчинский. Нет, не генерал, а не уступит генералу. Такое образование и важные поступки-с.

Анна Андреевна. А! так это тот самый, о котором было писано мужу.

Добчинский. Настоящий. Я это первый открыл вместе с Петром Ивановичем.

Анна Андреевна. Ну расскажите: что и как?

Добчинский. Да, слава Богу, все благополучно. Сначала он принял было Антона Антоновича немного сурово, да-с; сердился и говорил, что и в гостинице все нехорошо, и к нему не поедет, и что он не хочет сидеть за него в тюрьме; но потом, как узнал невинность Антона Антоновича и как покороче разговорился с ним, тотчас переменял мысли, и, слава Богу, все пошло хорошо. Они теперь поехали осматривать богоугодные заведения... А то, признаюсь, уже Антон Антонович думали, не было ли тайного доноса; я сам тоже перетрухнул немножко.

Анна Андреевна. Да вам-то чего болться? Ведь вы не служите.

Добчинский. Да так, знаете, когда вельможа говорит, чувствуешь страх.

Анна Андреевна. Ну что ж... это все, однако ж, вздор; расскажите, каков он собою? что, стар или молод?

Добчинский. Молодой, молодой человек; лет двадцати трех; а говорит совсем так, как старик. «Извольте, говорит, я поеду и туда, и туда»... *(размахивает руками)* так это все славно. «Я, говорит, и написать и почитать люблю; но мешает, что в комнате, говорит, немножко темно».

Анна Андреевна. А собою каков он: брюнет или блондин?

Добчинский. Нет, больше шантрет¹, и глаза такие быстрые, как зверки, так в смущенье даже приводят.

Анна Андреевна. Что тут пишет он мне в записке? *(Читает.)* «Спешу тебя уведомить, душенька, что состояние мое было весьма печальное; но, уповая на милосердие Божие, за два соленые огурца особенно и полпорции икры рубль двадцать пять копеек...» *(Останавливается.)* Я ничего не понимаю: к чему же тут соленые огурцы и икра?

Добчинский. А это Антон Антонович писали на черновой бумаге, по скорости: там какой-то счет был написан.

Анна Андреевна. А да, точно. *(Продолжает читать.)* «Но, уповая на милосердие Божие, кажется, все будет к хорошему концу. Приготовь поскорее комнату для важного гостя, ту, что выклеена желтыми бумажками; к обеду прибавлять не трудись, потому что закусим в богоугодном заведении у Артемия Филипповича, а вина вели побольше; скажи купцу Абдулину, чтобы прислал самого лучшего, а не то я перерою весь его погреб. Целуя, душенька, твою ручку, остаюсь твой: Антон Сквозник-Дмухановский...» Ах, Боже мой! Это, однако ж, нужно поскорей! Эй, кто там? Мишка!

Добчинский *(бежит и кричит в дверь)*. Мишка! Мишка! Мишка!

Мишка входит.

Анна Андреевна. Послушай: беги к купцу Абдулину... постой, я дам тебе записочку. *(Садится к столу, пишет записку и между тем говорит.)* Эту записку ты отдашь кучеру Сидору, чтоб он побежал с ней к купцу Абдулину и принес оттуда вина. А сам пойдн сейчас прибе-

¹ Шантрет (устар.) — шатен.

ри эту комнату для гостя. Там поставить кровать, руко-
мойник и прочее...

Добчинский. Ну, Анна Андреевна, я побегу теперь
поскорее посмотреть, как там он обзореваает.

Анна Андреевна. Ступайте, ступайте, я не держу
вас.

ЯВЛЕНИЕ III

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ну, Машенька, нам нужно те-
перь заняться туалетом. Он столичная штучка, Боже со-
храни, чтобы чего-нибудь не осмеел. Тебе приличнее всего
надеть твое голубое платье с мелкими оборками.

Марья Антоновна. Фи, маменька, голубое! Мне со-
всем не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходит в голубом, и
дочь Земляники тоже в голубом. Нет, лучше я надену
цветное.

Анна Андреевна. Цветное!. Право, говоришь лишь
бы только наперекор. Оно тебе будет гораздо лучше, пото-
му что я хочу надеть палевое¹, я очень люблю палевое.

Марья Антоновна. Ах, маменька, вам нейдет пале-
вое!

Анна Андреевна. Мне палевое нейдет?

Марья Антоновна. Нейдет, я что угодно даю —
нейдет: для этого нужно, чтобы глаза были совсем темные.

Анна Андреевна. Вот хорошо! а у меня глаза раз-
ве не темные? самые темные. Какой вздор говорит! как
же не темные, когда я и гадаю про себя всегда на тресфо-
вую даму.

Марья Антоновна. Ах, маменька, вы больше чер-
вонная дама.

Анна Андреевна. Пустяки, совершенные пустяки!
Я никогда не была червонная дама. *(Поспешно уходит
вместе с Марьей Антоновной и говорит за сценою.)* Этакое
вдруг вообразится! червонная дама! Бог знает что та-
кое!

По уходе их отворяются двери, и Мишка выбрасывает из них
сор. Из других дверей входит Осип с чемоданом на голове.

¹ Палевый — бледно-желтый.

ЯВЛЕНИЕ IV

Мишка и Осип.

Осип. Куда тут?

Мишка. Сюда, дядюшка, сюда.

Осип. Постой, прежде дай отдохнуть. Ах ты, горемычное житье! На пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

Мишка. Что, дядюшка, скажите: скоро будет генерал?

Осип. Какой генерал?

Мишка. Да барин ваш.

Осип. Барин? Да какой он генерал?

Мишка. А разве не генерал?

Осип. Генерал, да только с другой стороны.

Мишка. Что ж это, больше или меньше настоящего генерала?

Осип. Больше.

Мишка. Вишь ты как! то-то у нас сумятицу подняли.

Осип. Послушай, малый: ты, я вижу, проворный парень; приготовь-ка там что-нибудь поесть!

Мишка. Да для вас, дядюшка, еще ничего не готово. Простого блюда вы не будете кушать, а вот как барин ваш сядет за стол, так и вам того же кушанья отпустят.

Осип. Ну, а простого-то что у вас есть?

Мишка. Щи, каша да пироги.

Осип. Давай их, щи, кашу и пироги! Ничего, все будем есть. Ну, понесем чемодан! Что, там другой выход есть?

Мишка. Есть.

Оба несут чемодан в боковую комнату.

ЯВЛЕНИЕ V

Квартальные створяют обе половинки дверей. Входит Хлестаков: за ним городничий, далее попечитель богоугодных заведений, смотритель училищ, Добчинский и Бобчинский с пластырем на носу; городничий указывает квартальным на полу бумажку — они бегут и снимают ее, толкая друг друга впопыхах.

Хлестаков. Хорошие заведения. Мне нравится, что у вас показывают проезжающим все в городе. В других городах мне ничего не показывали.

Городничий. В других городах, осмелюсь доложить вам, градоправители и чиновники больше заботятся о

своей, то есть, пользе; а здесь, можно сказать, нет другого помышления, кроме того, чтобы благочинием¹ и бдительностью заслужить внимание начальства.

Хлестаков. Завтрак был очень хорош; я совсем объелся. Что, у вас каждый день бывает такой?

Городничий. Нарочно для такого приятного гостя.

Хлестаков. Я люблю поесть. Ведь на то живешь, чтобы срывать цветы удовольствия. Как называлась эта рыба?

Артемий Филиппович (*подбегая*). Лабардан-с².

Хлестаков. Очень вкусная. Где это мы завтракали? в больнице, что ли?

Артемий Филиппович. Так точно-с, в богоугодном заведении.

Хлестаков. Помню, помню, там стояли кровати. А больные выздоровели? там их, кажется, немного.

Артемий Филиппович. Человек десять осталось, не больше, а прочие все выздоровели. Это уж так устроено, такой порядок. С тех пор как я принял начальство, — может быть, вам покажется даже невероятным, — все, как мухи, выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров, и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком.

Городничий. Уж на что, осмелюсь доложить вам, головоломна обязанность градоначальника! Столько лежит всяких дел, относительно одной чистоты, починки, поправки... словом, наимудрейший человек пришел бы в затруднение, но, благодарение Богу, все идет благополучно. Иной городничий, конечно, радел бы о своих выгодах; но, верите ли, что, даже когда ложишься спать, все думаешь: «Господи Боже ты мой, как бы так устроить, чтобы начальство увидело мою ревность³ и было довольным...» Наградит ли оно или нет, конечно, в его воле, но крайней мере, я буду спокоен в сердце. Когда в городе во всем порядок, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяниц мало... то чего ж мне больше? ей-ей, и почестей никаких не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но пред добродетелью всё прах и суета.

¹ *Благочиние* — здесь: соблюдение приличий, порядка.

² *Лабардан* — свеженросоленная треска.

³ *Ревность* — здесь: старание.

Артемий Филиппович (*в сторону*). Эка, бездельник, как расписывает! Дал же Бог такой дар!

Хлестаков. Это правда. Я, признаюсь, сам люблю иногда заумствоваться: иной раз прозой, а в другой и стишки выкинутся.

Бобчинский (*Добчинскому*). Справедливо, все справедливо, Петр Иванович! Замечания такие... видно, что наукам учился.

Хлестаков. Скажите, пожалуйста, нет ли у вас каких-нибудь развлечений, обществ, где бы можно было, например, поиграть в карты?

Городничий (*в сторону*). Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают! (*Вслух.*) Боже сохрани! здесь и слуху нет о таких обществах. Я карт и в руки никогда не брал; даже не знаю, как играть в эти карты. Смотреть никогда не мог на них равнодушно, и если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля или что-нибудь другое, то такое омерзение нападает, что просто плюнешь. Раз как-то случилось, забавляя детей, выстроил будку из карт, да после того всю ночь снились, проклятые. Бог с ними, как можно, чтобы такое драгоценное время убивать на них?

Лука Лукич (*в сторону*). А у меня, подлец, выпонтировал¹ вчера сто рублей.

Городничий. Лучше ж я употребляю это время на пользу государственную.

Хлестаков. Ну, нет, вы напрасно, однако же... Все зависит от той стороны, с которой кто смотрит на вещь. Если, например, забастуешь², тогда как нужно гнуть от трех углов³... ну, тогда конечно... Нет, не говорите, иногда очень заманчиво поиграть.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же, Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Городничий. Осмелюсь представить семейство мое: жена и дочь.

¹ *Выпонтировать* — выиграть в карточной игре.

² *Забастовать* — здесь: перестать увеличивать ставку в игре в банк.

³ *Гнуть от трех углов* — втрое увеличивать ставку в карточной игре.

Хлестаков (*раскланиваясь*). Как я счастлив, сударыня, что имею в своем роде удовольствие вас видеть.

Анна Андреевна. Нам еще более приятно видеть такую особу.

Хлестаков (*рисуеться*). Помилуйте, сударыня, совершенно напротив: мне еще приятнее.

Анна Андреевна. Как можно-с! вы это так изволите говорить, для комплимента. Прошу покорно садиться.

Хлестаков. Возле вас стоять уже есть счастье; впрочем, если вы так уж непременно хотите, я сяду. Как я счастлив, что наконец сижу возле вас.

Анна Андреевна. Помилуйте, я никак не смею принять на свой счет... Я думаю, вам после столицы вояжировка¹ показалась очень неприятною.

Хлестаков. Чрезвычайно неприятна. Привыкши жить, *compagnez vous*², в свете и вдруг очутиться в дороге: грязные трактиры, мрак невежества... Если б, признаюсь, не такой случай, который меня... (*поглядывает на Анну Андреевну и рисуеться перед ней*) так вознаградил за все...

Анна Андреевна. В самом деле, как нам должно быть неприятно.

Хлестаков. Впрочем, сударыня, в эту минуту мне очень приятно.

Анна Андреевна. Как можно-с, вы делаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Хлестаков. Отчего же не заслуживаете? Вы, сударыня, заслуживаете.

Анна Андреевна. Я живу в деревне...

Хлестаков. Да, деревня, впрочем, тоже имеет свои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнит с Петербургом! Эх, Петербург! что за жизнь, право! Вы, может быть, думаете, что я только переписываю: нет, начальник отделения со мной на дружеской ноге. Этак ударит по плечу: «Приходи, братец, обедать!» Я только на две минуты захожу в департамент³, с тем только, чтобы сказать: «это вот так, это вот так!», а там уж чиновник для письма, такая крыса, пером толь-

¹ *Вояжировка* — путешествие.

² Понимаете ли (фр.).

³ *Департамент* — отдел министерства.

Н. В. Гоголь. «Ревизор». Хлестаков рассказывает.
Худ. А. Константиновский. 1951

ко — тр, тр... пошел писать. Хотели было даже меня коллежским ассессором¹ сделать, да, думаю, зачем. И сторож летит еще на лестнице за мною со щеткою: «Позвольте, Иван Александрович, и вам, говорит, сапоги почищу». (*Городничему.*) Что вы, господа, стоите? пожалуйста, садитесь!

Городничий. Чин такой, что еще можно постоять.
Вместе. { Артемий Филиппович. Мы стоим.
Лука Лукич. Не извольте беспокоиться!
Хлестаков. Без чинов, прошу садиться.

Городничий и все садятся.

Я не люблю церемоний. Напротив, я даже стараюсь, стараюсь проскользнуть незаметно. Но никак нельзя скрыться, никак нельзя! Только выйду куда-нибудь, уж и говорят:

¹ Коллежский ассессор — гражданский чин VIII класса.

«Вон, говорят, Иван Александрович идет!» А один раз меня приняли даже за главнокомандующего. Солдаты выскочили из гауптвакты¹ и сделали ружьем. После уж офицер, который мне очень знаком, говорит мне: «Ну, братец, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующего».

Анна Андреевна. Скажите как!

Хлестаков. С хорошенькими актрисами знаком. Я ведь тоже разные водевильчики²... Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: «Ну, что, брат Пушкин?» — «Да так, брат, — отвечает, бывало, — так как-то всё...» Большой оригинал³.

Анна Андреевна. Так вы и пишете? Как это должно быть приятно сочинителю! Вы, верно, и в журналы помещаете?

Хлестаков. Да, и в журналы помещаю. Моих, впрочем, много есть сочинений. «Женитьба Фигаро»⁴, «Роберт-Дьявол», «Норма»⁵. Уж и названий даже не помню. И все случаем: я не хотел писать, но театральная дирекция говорит: «Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь». Думаю себе: «Пожалуй, изволь, братец!» И тут же в один вечер, кажется, все написал, всех изумил. У меня легкость необыкновенная в мыслях. Все это, что было под именем барона Брамбёуса⁶, «Фрегат Надежды»⁷ и «Московский телеграф»⁸... все это я написал.

Анна Андреевна. Скажите, так это вы были Брамбёус?

Хлестаков. Как же, я им всем поправляю статьи. Мне Смирдин⁹ дает за это сорок тысяч.

¹ Гауптвахта — помещение для караула.

² Водевиль — небольшая пьеса с веселым куплетом.

³ Оригина́л — здесь: своеобразный, ни на кого не похожий человек.

⁴ «Женитьба Фигаро» — комедия французского драматурга Бомарше.

⁵ «Норма» — опера итальянского композитора Беллини.

⁶ Барон Брамбёус — псевдоним русского журналиста О. И. Сенковского.

⁷ «Фрегат „Надежда“» — повесть Марлинского (А. А. Бестужева).

⁸ «Московский телеграф» — журнал, издававшийся в 1825—1834 годах.

⁹ А. Ф. Смирдин — известный петербургский книгопродавец и издатель.

Анна Андреевна. Так, верно, и «Юрий Милославский»¹ ваше сочинение?

Хлестаков. Да, это мое сочинение.

Анна Андреевна. Я сейчас догадалась.

Марья Антоновна. Ах, маменька, там написано, что это господина Загоскина сочинение.

Анна Андреевна. Ну вот: я и знала, что даже здесь будешь спорить.

Хлестаков. Ах да, это правда, это точно Загоскина; а есть другой «Юрий Милославский», так тот уж мой.

Анна Андреевна. Ну, это, верно, я ваш читала. Как хорошо написано!

Хлестаков. Я, признаюсь, литературой существую. У меня дом первый в Петербурге. Так уж и известен: дом Ивана Александровича. (*Обращаясь ко всем.*) Сделайте милость, господа, если будете в Петербурге, прошу, прошу ко мне. Я ведь тоже балы даю.

Анна Андреевна. Я думаю, с каким там вкусом и великолепием даются балы!

Хлестаков. Просто не говорите. На столе, например, арбуз — в семьсот рублей арбуз. Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа, открывают крышку — пар, которому подобного нельзя отыскать в природе. Я всякий день на балах. Там у нас и вист² свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я. И уж так уморишься, играя, что просто ни на что не похоже. Как взбежишь по лестнице к себе на четвертый этаж, скажешь только кухарке: «На, Маврушка, шинель...» Что ж я вру — я и позабыл, что живу в бельэтаже. У меня одна лестница стоит... А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я еще не проснулся. Графы и князья толкуются и жужжат там, как шмели, только и слышно: ж... ж... ж... Иной раз и министр...

Геродинчий и прочие с робостью встают со своих стульев.

Мне даже на пакетах пишут: «Ваше превосходительство»³. Один раз я даже управлял департаментом. И странно:

¹ «Юрий Милославский» — роман М. Н. Загоскина.

² Вист — карточная игра между четырьмя партнерами.

³ Ваше превосходительство — обращение в царской России к высшим чинам (III—IV классы — генерал-лейтенантам, генерал-майорам или тайным советникам и действительным статским советникам).

директор уехал — куды уехал, неизвестно. Ну, естественно, пошли толки: как, что, кому занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало, — нет, мудрено. Кажется, и легко на вид, а рассмотришь — просто черт возьми; после, видят, нечего делать, — ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров! Каково положение? — я спрашиваю. «Иван Александрович, ступайте департаментом управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышел в халате, хотел отказаться, но думаю: дойдет до государя; ну да и послужной список тоже... «Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю, говорю, так и быть, говорю, я принимаю, только уж у меня; ни, ни, ни! Уж у меня ухо востро! уж я...» И точно: бывало, как прохожу через департамент, — просто землетрясение, все дрожит и трясется, как лист.

Городничий и прочие трясутся от страха. Хлестаков горячится сильнее.

О! я шутить не люблю; я им всем задал острастку. Меня сам государственный совет¹ боится. Да что в самом деле? Я такой! я не посмотрю ни на кого... я говорю всем: «Я сам себя знаю, сам». Я везде, везде. Во дворец всякий день езжу. Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш... (Поскальзывается и чуть-чуть не шлепается на пол, но с почтеньем поддерживается чиновниками.)

Городничий (подходя и трясясь всем телом, сидит выговорить). А ва-ва-ва... ва...

Хлестаков (быстрым отрывистым голосом). Что такое?

Городничий. А ва-ва-ва-ва... ва...

Хлестаков (таким же голосом). Не разберу ничего, всё вздор.

Городничий. Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?.. вот и комната, и все, что нужно.

Хлестаков. Вздор — отдохнуть. Извольте, я готов отдохнуть. Завтрак у вас, господа, хорош... и доволен, я

¹ Государственный совет — высший законосовещательный орган в России XIX века.

доволен. (С декламацией.) Либардан! лабардан! (Входит в боковую комнату, за ним городничий.)

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, кроме Хлестакова и городничего.

Бобчинский (Добчинскому). Вот это, Петр Иванович, человек-то. Вот оно, что значит человек! В жисть не был в присутствии такой важной персоны, чуть не умер со страху. Как вы думаете, Петр Иванович, кто он такой в рассуждении чина?

Добчинский. Я думаю, чуть ли не генерал.

Бобчинский. А я так думаю, что генерал-то ему и в подметки не станет! а когда генерал, то уж разве сам генералиссимус. Слышали: государственный-то совет как прижал? Пойдем расскажем поскорее Аммосу Федоровичу и Коробкину. Прощайте, Анна Андреевна!

Добчинский. Прощайте, кумушка!

Оба уходят.

Артемий Филиппович (Луке Лукичу). Страшно просто; а отчего, и сам не знаешь. А мы даже и не в мундирах. Ну что как проспится да в Петербург махнет донесение? (Уходит в задумчивости вместе с смотрителем училищ, произнеся:) Прощайте, сударыня.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Анна Андреевна и Марья Антоновна.

Анна Андреевна. Ах, какой приятный!

Марья Антоновна. Ах, милашка!

Анна Андреевна. Но только какое тонкое обращение! сейчас можно увидеть столичную штучку. Приемы и все это такое... Ах, как хорошо! я страх люблю таких молодых людей! я просто без памяти. Я, однако ж, ему очень понравилась: я заметила — все на меня поглядывал.

Марья Антоновна. Ах, маменька, он на меня глядел!

Анна Андреевна. Пожалуйста, с своим вздором подалее! Это здесь вовсе неуместно.

Марья Антоновна. Нет, маменька, право!

Анна Андреевна. Ну вот! Боже сохрани, чтобы не поспорить! нельзя да и полно! Где ему смотреть на тебя? и с какой стати ему смотреть на тебя?

Марья Антоновна. Право, маменька, все смотрел. И как начал говорить о литературе, то взглянул на меня, и потом, когда рассказывал, как играл в вист с посланниками, и тогда посмотрел на меня.

Анна Андреевна. Ну, может быть, один какой-нибудь раз, да и то так уж, лишь бы только. «А, — говорит себе, — дай уж посмотрю на нее!»

ЯВЛЕНИЕ IX

Те же и городничий.

Городничий (*входит на цыпочках*). Чш... ш...

Анна Андреевна. Что?

Городничий. И не рад, что напоил. Ну что, если хоть одна половина из того, что он говорил, правда? (*Задумывается.*) Да как же и не быть правде? Подгулявши, человек все несет наружу: что на сердце, то и на языке. Конечно, прилгнул немного. Да ведь не прилгнувши не говорится никакая речь. С министрами играет и во дворец ездит... Так вот, право, чем больше думаешь... черт его знает, не знаешь, что и делается в голове, просто как будто или стоишь на какой-нибудь колокольне, или тебя хотят повесить.

Анна Андреевна. А я никакой совершенно не ощутила робости; я просто видела в нем образованного, светского, высшего топа человека, а о чинах его мне и нужды нет.

Городничий. Ну, уж вы — женщины! Все кончено, одного этого слова достаточно! Вам все — финтирлюшки!¹ Вдруг брякнут ни из того, ни из другого словцо. Вас посекут, да и только, а мужа и поминай как звали. Ты, душа моя, обращалась с ним так свободно, как будто с каким-нибудь Добчинским.

Анна Андреевна. Об этом я уж советую вам не беспокоиться. Мы кой-что знаем такое... (*Посматривает на дочь.*)

Городничий (*один*). Ну, уж с вами говорить!.. Эка, в самом деле, оказия! До сих пор не могу очнуться от страха. (*Отворяет дверь и говорит в дверь.*) Мишка! позови квартальных, Свистунова и Держиморду: они тут недалеко где-нибудь за воротами. (*После небольшого молчания.*) Чудно все завелось теперь на свете: хоть бы народ-то уж

¹ Финтирлюшка (*финтирлябика*) — ерунда, пустяк.

был видный, а то худенький, тоненький — как его узнаешь, кто он! Еще военный все-таки кажет из себя, а как наденет фрачишку — ну точно муха с подрезанными крыльями. А ведь долго крепился давеча в трактире, заламливал такие аллегории и еквиоки¹, что, кажись, век бы не добился толку. А вот наконец и подался. Да еще и наговорил больше, чем нужно. Видно, что человек молодой.

ЯВЛЕНИЕ X

Те же и Осип, все бегут к нему навстречу, кивая пальцами.

Анна Андреевна. Подойди сюда, любезный!

Городничий. Чш!.. что? что? спит?

Осип. Нет еще, немного потягивается.

Анна Андреевна. Послушай, как тебя зовут?

Осип. Осип, сударыня.

Городничий (*жене и дочери*). Полно, полно нам! (*Осипу.*) Ну что, друг, тебя накормили хорошо?

Осип. Накормили, покорнейше благодарю; хорошо накормили.

Анна Андреевна. Ну что, скажи: к твоему барину слишком, я думаю, много ездит графов и князей?

Осип (*в сторону*). А что говорить? Коли теперь накормили хорошо, значит, после еще лучше накормят.

(*Вслух.*) Да, бывают и графы.

Марья Антоновна. Душенька Осип, какой твой барин хорошенький!

Анна Андреевна. А что, скажи, пожалуйста, Осип, как он...

Городничий. Да перестаньте, пожалуйста! Вы этими пустыми речами только мне мешаете. Ну что, друг?..

Анна Андреевна. А чин какой на твоём барине?

Осип. Чин обыкновенно какой.

Городничий. Ах, Боже мой, вы все с своими глупыми расспросами! Не дадите ни слова поговорить о деле. Ну что, друг, как твой барин?.. строг? любит так распекать или нет?

Осип. Да, порядок любит. Уж ему чтобы все было в исправности.

Городничий. А мне очень нравится твое лицо. Друг, ты должен быть хороший человек. Ну, что...

¹ *Еквиок (эквиок)* — двусмысленность, намек.

Анна Андреевна. Послушай, Осип, а как барин твой там, в мундире ходит?..

Городничий. Полно вам, право, трещотки какие! Здесь нужная вещь. Дело идет о жизни человека... (К Осипу.) Ну что, друг, право, мне ты очень нравишься. В дороге не мецает, знаешь, чайку выпить лишний стаканчик; оно теперь холодновато. Так вот тебе пара целковиков на чай.

Осип (принимая деньги). А покорнейше благодарю, сударь! Дай вам Бог всякого здоровья; бедный человек, по-могли ему.

Городничий. Хорошо, хорошо, я и сам рад. А что, друг...

Анна Андреевна. Послушай, Осип, а какие глаза больше всего нравятся твоему барину?..

Марья Антоновна. Осип, душенька! какой миленький носик у твоего барина!

Городничий. Да постоит, дайте мне! (К Осипу.) А что, друг, скажи, пожалуйста: на что больше барин твой обращает внимание, то есть что ему в дороге больше нравится?

Осип. Любит он, по рассмотрению, что как придется. Больше всего любит, чтобы его приняли хорошо, угощение чтоб было хорошее.

Городничий. Хорошее?

Осип. Да, хорошее. Вот уж на что я, крепостной человек, но и то смотрит, чтобы и мне было хорошо. Ей-богу! бывало, заедем куда-нибудь: «Что, Осип, хорошо тебя угостили?» — «Плохо, ваше высокоблагородие!» — «Э, говорит, это, Осип, нехороший хозяин. Ты, говорит, напомни мне, как приеду». — «А, — думаю себе (махнув рукою), — Бог с ним! я человек простой».

Городничий. Хорошо, хорошо, и дело ты говоришь. Там я тебе дал на чай, так вот еще сверх того на баранки.

Осип. За что жалуете, ваше высокоблагородие? (Прячет деньги.) Разве уж вылью за ваше здоровье.

Анна Андреевна. Приходи, Осип, ко мне, тоже получишь.

Марья Антоновна. Осип, душенька, поцелуй своего барина!

Слышен из другой комнаты
небольшой каптель Хлестакова.

Городничий. Чш! *(Поднимается на цыпочки; вся сцена вполголоса.)* Боже нас сохрани шуметь! идите себе! полно уж нам...

Анна Андреевна. Пойдем, Машенька! Я тебе скажу, что я заметила у гостя такое, что нам вдвоём только можно сказать.

Городничий. О, уж там наговорят! Я думаю, поди только да послушай! и уши потом заткнешь. *(Обращаясь к Осипу.)* Ну, друг...

ЯВЛЕНИЕ XI

Те же, Держиморда и Свистунов.

Городничий. Чш! экие косолапые медведи — стучат сапогами! Так и валится, как будто сорок пуд сбрасывает кто-нибудь с телеги! Где вас черт таскает?

Держиморда. Был по приказанию...

Городничий. Чш! *(Закрывает ему рот.)* Эх как каркнула ворона! *(Дразнит его.)* Был по приказанию! Как из бочки, так рычит! *(К Осипу.)* Ну, друг, ты ступай, приговоряй там, что нужно для барина. Все, что ни есть в доме, требуй.

Осип уходит.

А вы — стоять на крыльце, и ни с места! И никого не впускать в дом стороннего, особенно купцов! Если хоть одного из них впустите, то... Только увидите, что идет кто-нибудь с просьбою, а хоть и не с просьбою, да похож на такого человека, что хочет подать на меня просьбу, взашей так прямо и толкайте! так его! хорошенько! *(Показывает ногою.)* Слышите? Чш... Чш... *(Уходит на цыпочках вслед за квартальными.)*

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Та же комната в доме городничего.

ЯВЛЕНИЕ I

Входят осторожно, почти на цыпочках: Аммос Федорович, Артемий Филиппович, почтмейстер, Лука Лукич, Добчинский и Бобчинский, в полном параде и мундирах. Вся сцена происходит вполголоса.

Аммос Федорович *(строит всех полукругом).* Ради Бога, господа, скорее в кружок, да побольше поряд-

ку! Бог с ним: и во дворец ездит, и государственный совет распекает! Стройтесь! На военную ногу, непременно на военную ногу! Вы, Петр Иванович, забегите с этой стороны, а вы, Петр Иванович, станьте вот тут.

Оба Петра Ивановича забегают на цыпочках.

Артемий Филиппович. Воля ваша, Аммос Федорович, нам нужно бы кое-что предпринять.

Аммос Федорович. А что именно?

Артемий Филиппович. Ну, известно что.

Аммос Федорович. Подсунуть?

Артемий Филиппович. Ну да, хоть и подсунуть.

Аммос Федорович. Опасно, черт возьми, раскричится: государственный человек. А разве в виде приношения со стороны дворянства на какой-нибудь памятник?

Почтмейстер. Или же: «вот, мол, пришли по почте деньги, неизвестно кому принадлежащие».

Артемий Филиппович. Смотрите, чтоб он вас по почте не отправил куда-нибудь подальше. Слушайте: эти дела не так делаются в благоустроенном государстве. Зачем нас здесь целый эскадрон? Представляться нужно поодиночке, да между четырех глаз и того... как там следует — чтобы и уши не слышали! Вот как в обществе благоустроенном делается! Ну вот вы, Аммос Федорович, первый и начните.

Аммос Федорович. Так лучше ж вы: в вашем заведении высокий посетитель вкусиа хлеба.

Артемий Филиппович. Так уж лучше Луке Лукичу, как просветителю юношества.

Лука Лукич. Не могу, не могу, господа! Я, признаюсь, так воспитан, что, заговори со мною одним чином кто-нибудь повыше, у меня просто и души нет, и язык, как в грязь, завязнул. Нет, господа, увольте, право, увольте!

Артемий Филиппович. Да, Аммос Федорович, кроме вас, некому. У вас что ни слово, то Цицерон с языка слетел.

Аммос Федорович. Что вы! что вы: Цицерон! Смотрите, что выдумали! Что иной раз увлечешься, говоря о домашней своре или гончей ищейке...

Все (*пристают к нему*). Нет, вы не только о собаках, вы и о столпотворении¹... Нет, Аммос Федорович, не оставьте нас, будьте отцом нашим!.. Нет, Аммос Федорович!

Аммос Федорович. Отвяжитесь, господа!

В это время слышны шаги и откашливание в комнате Хлестакова. Все спешат наперерыв к дверям, толпятся и стараются выйти, что происходит не без того, чтобы не притиснули кое-кого. Раздаются вполголоса восклицания:

Голос Бобчинского. Ой! Петр Иванович! Петр Иванович! наступили на ногу!

Голос Земляники. Отпустите, господа, хоть душу на покаяние — совсем прижали!

Выхватываются несколько восклицаний «ай! ай!», наконец все выпираются, и комната остается пуста.

ЯВЛЕНИЕ II

Хлестаков один, выходит с заспанными глазами.

Я, кажется, всхрапнул порядком. Откуда они набрали таких тюфяков и перин? даже вспотел. Кажется, они вчера мне подсунули чего-то за завтраком: в голове до сих пор стучит. Здесь, как я вижу, можно с приятностью проводить время. Я люблю радушие, и мне, признаюсь, больше правится, если мне угождают от чистого сердца, а не то чтобы из интереса. А дочка городничего очень недурна, да и матушка такая, что еще можно бы... Нет, я не знаю, а мне, право, правится такая жизнь.

ЯВЛЕНИЕ III

Хлестаков и Аммос Федорович.

Аммос Федорович (*входя и останавливаясь, про себя*). Боже, Боже! вынеси благополучно! так вот колени и ломает. (*Вслух, вытянувшись и придерживая рукою шпагу.*) Имею честь представиться: судья здешнего уездного суда, коллежский ассессор Лянкин-Тяпкин.

Хлестаков. Прошу садиться. Так вы здесь судья?

¹ *Столпотворение* — смешение языков, происшедшее, по библейским преданиям, с жителями Вавилона в наказание за то, что они пытались построить башню до неба.

Аммос Федорович. С восемьсот шестнадцатого был избран на трехлетие по воле дворянства и продолжал должность до сего времени.

Хлестаков. А выгодно, однако же, быть судьей?

Аммос Федорович. За три трехлетия представлен к Владимиру четвертой степени с одобрения со стороны начальства. *(В сторону.)* А деньги в кулаке, да кулак-то весь в огне.

Хлестаков. А мне нравится Владимир. Вот Анна третьей степени¹ уже не так.

Аммос Федорович *(высовывая понемногу вперед сжатый кулак. В сторону)*. Господи Боже! не знаю, где сижу. Точно горячие угли под тобою.

Хлестаков. Что это у вас в руке?

Аммос Федорович *(потерявшись и роняя ни пол ассигнации)*. Ничего-с.

Хлестаков. Как ничего? Я вижу, деньги упали.

Аммос Федорович *(дрожа всем телом)*. Никак нет-с. *(В сторону.)* О Боже! вот уж я и под судом! и тележку подвезли схватить меня!

Хлестаков *(подымая)*. Да, это деньги.

Аммос Федорович *(в сторону)*. Ну, все конечно — пропал! Пронал!

Хлестаков. Знаете ли что? дайте их мне взаймы.

Аммос Федорович *(поспешно)*. Как же-с, как же-с... с большим удовольствием. *(В сторону.)* Ну, смелее, смелее! Вывози, Пресвятая Матерь!

Хлестаков. Я, знаете, в дороге издержался: то да се... Впрочем, я вам из деревни сейчас их пришлю.

Аммос Федорович. Помилуйте! как можно! и без того это такая честь... Конечно, слабыми моими силами, рвением и усердием к начальству... постараюсь заслужить... *(Приподымается со стула, вытянувшись и руки по швам.)* Не смею более беспокоить своим присутствием. Не будет ли какого приказанья?

Хлестаков. Какого приказанья?

Аммос Федорович. Я разумею, не дадите ли какого приказанья здешнему уездному суду?

¹ Анна третьей степени — высшая степень ордена Святой Анны. Орден Владимира четвертой степени был значительно выше ордена Анны третьей степени.

Хлестаков. Зачем же? Ведь мне никакой нет теперь в нем надобности; нет, ничего. Покорнейше благодарю.

Аммос Федорович (*раскланиваясь и уходя, в сторону*). Ну, город наш!

Хлестаков (*по уходе его*). Судья — хороший человек!

ЯВЛЕНИЕ IV

Хлестаков и почтмейстер, входит вытянувшись, в мундире, придерживая шпагу.

Почтмейстер. Имею честь представиться: почтмейстер, надворный советник¹ Шпекин.

Хлестаков. А, милости просим! Я очень люблю приятное общество. Садитесь. Ведь вы здесь всегда живете?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. А мне нравится здешний городок. Конечно, не так многолюдно — ну что ж! Ведь это не столица. Не правда ли, ведь это не столица?

Почтмейстер. Совершенная правда.

Хлестаков. Ведь это только в столице бонтон² и нет провинциальных гусей. Как ваше мнение, не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с. (*В сторону.*) А он, однако ж, ничуть не горд: обо всем расспрашивает.

Хлестаков. А ведь, однако ж, признайтесь, ведь и в маленьком городке можно прожить счастливо?

Почтмейстер. Так точно-с.

Хлестаков. По моему мнению, что нужно? Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренно, — не правда ли?

Почтмейстер. Совершенно справедливо.

Хлестаков. Я, признаюсь, рад, что вы одного мнения со мною. Меня, конечно, назовут странным, но уж у меня такой характер. (*Глядя в глаза ему, говорит про себя.*) А попрошу-ка я у этого почтмейстера взаймы. (*Вслух.*) Какой странный со мной случай: в дороге совершенно издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей взаймы?

Почтмейстер. Почему же? почту за величайшее счастье. Вот-с, извольте. От души готов служить.

¹ Надворный советник — гражданский чин VII класса.

² Хороший тон, светская учтивость (от фр. bon ton).

Хлестаков. Очень благодарен. А я, признаюсь, смерть не люблю отказывать себе в дороге, да и к чему? Не так ли?

Почтмейстер. Так точно-с. *(Встает, вытягивается и придерживает шпагу.)* Не смею долее беспокоить своим присутствием... Не будет ли какого замечания по части почтового управления?

Хлестаков. Нет, ничего.

Почтмейстер раскланивается и уходит.

(Раскуривая сигарку.) Почтмейстер, мне кажется, тоже очень хороший человек; по крайней мере, услужлив. Я люблю таких людей.

ЯВЛЕНИЕ V

Хлестаков и Лука Лукнич, который почти выталкивается из дверей. Сзади его слышен голос почты велух: «Чего робеешь?»

Лука Лукнич *(вытягиваясь не без трепета и придерживая шпагу)*. Имею честь представиться: смотритель училищ, титулярный советник¹ Хлопов.

Хлестаков. А, милости просим! Садитесь, садитесь! Не хотите ли сигарку? *(Подает ему сигару.)*

Лука Лукнич *(про себя, в нерешимости)*. Вот тебе раз! Уж этого я никак не предполагал. Брать или не брать?

Хлестаков. Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка. Конечно, не то, что в Петербурге. Там, батюшка, и курилал сигарочки по двадцати пяти рублей сотенка, — просто ручки себе потом поцелуешь, как выкуришь. Вот огопь, закурите. *(Подает ему свечу.)*

Лука Лукнич пробует закурить и весь дрожит.

Да не с того конца!

Лука Лукнич *(от испуга выронил сигару, плюнул и, махнув рукою, про себя)*. Черт побери все! сгубила проклятая робость!

Хлестаков. Вы, как я вижу, не охотник до сигарок. А я признаюсь: это моя слабость. Вот еще насчет женского полу, никак не могу быть равнодушен. Как вы? Какие вам больше нравятся, брюнетки или блондинки?

Лука Лукнич находится в совершенном недоумении, что сказать. Нет, скажите откровенно, брюнетки или блондинки?

¹ Титулярный советник — гражданский чин IX класса.

Лука Лукич. Не смею знать.

Хлестаков. Нет, нет, не отговаривайтесь. Мне хочется узнать непременно ваш вкус.

Лука Лукич. Осмелюсь доложить... *(В сторону.)* Ну и сам не знаю, что говорю!

Хлестаков. А! а! не хотите сказать. Верно, уж какая-нибудь брюнетка сделала вам маленькую загвоздочку. Признайтесь, сделала?

Лука Лукич молчит.

А! а! покраснели, видите! видите! Отчего ж вы не говорите?

Лука Лукич. Оробел, ваше бла... прес... сият... *(В сторону.)* Продал проклятый язык! продал!

Хлестаков. Оробели? А в моих глазах, точно, есть что-то такое, что внушает робость. По крайней мере, я знаю, что ни одна женщина не может их выдержать, не так ли?

Лука Лукич. Так точно-с.

Хлестаков. Вот со мной престранный случай: в дороге совсем издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей взаймы?

Лука Лукич *(хватаясь за карманы, про себя)*. Вот те штука, если нет? Есть, есть! *(Вынимает и подиет, дрожа, ассигнации.)*

Хлестаков. Покорнейше благодарю.

Лука Лукич *(вытягиваясь и придерживая шлягу)*. Не смею долее беспокоить присутствием...

Хлестаков. Прощайте.

Лука Лукич *(летит вон почти бегом и говорит в сторону)*. Ну, слава Богу! авось не заглянет в классы!

ЯВЛЕНИЕ VI

Хлестаков и Артемий Филиппович, вытянувшись и придерживая шлягу.

Артемий Филиппович. Имею честь представиться: попечитель богоугодных заведений надворный советник Земляника.

Хлестаков. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Артемий Филиппович. Имел честь сопровождать вас и принимать лично во вверенных моему смотрению богоугодных заведениях.

Н. В. Гоголь. «Ревизор». Хлестаков берет деньги у Хлопова.
Худ. А. Константиновский. 1951

Хлестаков. А, да, помню. Вы очень хорошо угостили завтраком.

Артемий Филиппович. Рад стараться на службу отечеству.

Хлестаков. Я — признаюсь, это моя слабость — люблю хорошую кухню. Скажите, пожалуйста, мне кажется, как будто бы вчера вы были немножко ниже ростом, не правда ли?

Артемий Филиппович. Очень может быть. *(Помолчав.)* Могу сказать, что не жалею ничего и ревностно исполняю службу. *(Придвигается ближе с своим стулом и говорит вполголоса.)* Вот здешний почтмейстер совершенно ничего не делает: все дела в большом запущении, посылки задерживаются... извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только что был перед моим приходом, ездит только за зайцами, в присутственных местах держит собак и поведения, — если признаться перед вами, — конечно, для пользы отечества я должен это сде-

лать, хотя он мне родня и приятель, — поведения самого предосудительного. Здесь есть один помещик, Добчинский, которого вы изволили видеть, и как только этот Добчинский куда-нибудь выйдет из дому, то он там уж и сидит у жены его, я присягнуть готов... и нарочно посмотрите на детей: ни одно из них не похоже на Добчинского; но все, даже девочка маленькая, как вылитый судья.

Хлестаков. Скажите, пожалуйста! а я никак этого не думал.

Артемий Филиппович. Вот и смотритель здешнего училища. Я не знаю, как могло начальство поверить ему такую должность. Он хуже, чем якобинец¹, и такие внушает юности неблагонамеренные правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я все это изложу лучше на бумаге?

Хлестаков. Хорошо, хоть на бумаге. Мне очень будет приятно. Я, знаете, так люблю в скучное время прочесть что-нибудь забавное... Как ваша фамилия? Я все забываю.

Артемий Филиппович. Земляника.

Хлестаков. А, да! Земляника. И что же, скажите, пожалуйста, есть у вас детки?

Артемий Филиппович. Как же-с! пятеро; двое уже взрослых.

Хлестаков. Скажите, взрослых! А как они... как они того?..

Артемий Филиппович. То есть не изволите ли вы спрашивать, как их зовут?

Хлестаков. Да, как их зовут?

Артемий Филиппович. Николай, Иван, Елизавета, Марья и Перепетуя.

Хлестаков. Это хорошо.

Артемий Филиппович. Не смея беспокоить своим присутствием, отнимать времени, определенного на священные обязанности... *(Раскланивается, с тем чтобы уйти.)*

Хлестаков *(прощая)*. Нет, ничего. Это все смешно, что вы говорили. Пожалуйста, и в другое тоже время...

¹ *Якобинец* — революционер времен Великой французской буржуазной революции XVIII века; здесь: злодеец, политически неблагонадежный человек.

Я это очень люблю. (*Возвращается и, отворивши дверь, кричит вслед ему.*) Эй вы! как вас! я все позабываю, как ваше имя и отчество.

Артемий Филиппович. Артемий Филиппович.

Хлестаков. Сделайте милость, Артемий Филиппович, со мной странный случай: в дороге совершенно издержался. Нет ли у вас денег взаймы рублей четыреста?

Артемий Филиппович. Есть.

Хлестаков. Скажите, как кстати. Покорнейше вас благодарю.

ЯВЛЕНИЕ VII

Хлестаков, Бобчинский и Добчинский.

Бобчинский. Имею честь представиться: житель здешнего города, Петр Иванов сын Бобчинский.

Добчинский. Помещик Петр Иванов сын Добчинский.

Хлестаков. А, да я уж вас видел. Вы, кажется, тогда упали; что, как ваш нос?

Бобчинский. Слава Богу! Не извольте беспокоиться: присох, теперь совсем присох.

Хлестаков. Хорошо, что присох. Я рад... (*Вдруг и отпрыгивает.*) Денег нет у вас?

Бобчинский. Денег? как денег?

Хлестаков. Взаймы рублей тысячу.

Бобчинский. Такой суммы, ей-богу, нет. А нет ли у вас, Петр Иванович?

Добчинский. При мне-с не имеется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены в приказ общественного призрения¹.

Хлестаков. Да, ну если тысячи нет, так рублей сто.

Бобчинский (*шаря в карманах*). У вас, Петр Иванович, нет ста рублей? У меня всего сорок ассигнациями.

Добчинский (*смотря в бумажник*). Двадцать пять рублей всего.

Бобчинский. Да вы поищите-ка получше, Петр Иванович! У вас там, я знаю, в кармане-то с правой стороны прореха, так в прореху-то, верно, как-нибудь запали.

Добчинский. Нет, право, и в прорехе нет.

¹ Приказ общественного призрения — учреждение, ведавшее больницами, приютами, а также производившее некоторые денежные операции.

Хлестаков. Ну все равно... Я ведь только так. Хорошо, пусть будет шестьдесят пять рублей... это все равно. *(Принимает деньги.)*

Добчинский. Я осмеливаюсь попросить вас относительно одного очень тонкого обстоятельства.

Хлестаков. А что это?

Добчинский. Дело очень тонкого свойства-с: старший-то сын мой, изволите видеть, рожден мною еще до брака...

Хлестаков. Да?

Добчинский. То есть оно так только говорится, а рожден мною так совершенно, как бы и в браке, и все это, как следует, я завершил потом законными-с узами супружества-с. Так я, изволите видеть, хочу, чтобы он теперь уже был совсем, то есть, законным моим сыном-с и назывался бы так, как я: Добчинский-с.

Хлестаков. Хорошо, пусть называется! Это можно.

Добчинский. Я бы и не беспокоил вас, да жаль насчет способностей. Мальчишка-то этакой... большие надежды подает: наизусть стихи разные расскажет и, если где попадет ножик, сейчас сделает маленькие дрожечки так искусно, как фокусник-с. Вот и Петр Иванович знает.

Бобчинский. Да, большие способности имеет.

Хлестаков. Хорошо, хорошо: я об этом постараюсь, я буду говорить... я надюсь... все это будет сделано, да, да... *(Обращаясь к Бобчинскому.)* Не имеете ли вы чего-нибудь сказать мне?

Бобчинский. Как же, имею очень нижайшую просьбу.

Хлестаков. А что, о чем?

Бобчинский. Я прошу вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам¹ и адмиралам, что вот, ваше сиятельство или превосходительство, живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живет Петр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Бобчинский. Да если так и государю придется, то скажите и государю, что вот, мол, ваше императорское ве-

¹ *Сенатор* — член Сената, высшего судебно-административного органа царской России.

личество, в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский.

Хлестаков. Очень хорошо.

Добчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Бобчинский. Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Хлестаков. Ничего, ничего! Мне очень приятно. *(Выпробаживает их.)*

ЯВЛЕНИЕ VIII

Хлестаков один.

Здесь много чиновников. Мне кажется, однако ж, они меня принимают за государственного человека. Верно, я вчера им поддутил пыли. Экое дурачье! Напишу-ка я обо всем в Петербург к Тряпичкину. Он пописывает статейки, пусть-ка он их общелкает хорошенько. Эй, Осип, подай мне бумагу и чернила!

Осип выглянув из дверей, произнесши: «Сейчас».

А уж Тряпичкину, точно, если кто попадет на зубок, — берегись; отца родного не пощадит для слова, и деньгу тоже любит. Впрочем, чиновники эти добрые люди; это с их стороны хорошая черта, что они мне дали займы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денег. Это от судьи триста. Это от почтмейстера триста, шестьсот, семьсот, восемьсот, какая замасленная бумажка! Восемьсот, девятьсот!.. Ого! за тысячу переваляло... Ну-ка, теперь, капитан, ну-ка, пощадись-ка ты мне теперь! Посмотрим, кто кого!

ЯВЛЕНИЕ IX

Хлестаков и Осип с чернилами и бумагою.

Хлестаков. Ну что, видишь, дурак, как меня угощают и принимают? *(Начинает писать.)*

Осип. Да, слава Богу! Только знаете что, Иван Александрович?

Хлестаков *(пишет)*. А что?

Осип. Уезжайте отсюда! Ей-богу, уже пора.

Хлестаков *(пишет)*. Вот вадор! Зачем?

Осип. Да так. Бог с ними со всеми! Погуляли здесь два денька, ну — и довольно. Что с ними долго связываться? Плюньте на них! не ровен час, какой-нибудь другой на-

едет... ей-богу, Иван Александрович! А лошади тут славные — так бы закатали!..

Хлестаков (*пишет*). Нет, мне еще хочется пожить здесь. Пусть завтра.

Осип. Да что завтра! Ей-богу, поедем, Иван Александрович! Оно хоть и большая честь вам, да все, знаете, лучше уехать скорее: ведь вас, право, за кого-то другого приняли... И батюшка будет гневаться, что так замешкались. Так бы, право, закатали славно! А лошадей бы важных здесь дали.

Хлестаков (*пишет*). Ну хорошо. Отнеси только наперед это письмо; пожалуй, вместе и подорожную возьми. Да зито, смотри, чтобы лошади хорошие были! Ямщикам скажи, что я буду давать по целковому; чтобы так, как фельдгегеря¹, катили и песни бы пели!.. (*Продолжает писать*.) Воображаю, Тряпичкин умрет со смеху...

Осип. Я, сударь, отправлю его с человеком здешним, а сам лучше буду укладываться, чтобы не прошло понапрасну время.

Хлестаков (*пишет*). Хорошо. Принеси только свечу.

Осип (*выходит и говорит за сценой*). Эй, послушай, брат! Отнесешь письмо на почту, и скажи почтмейстеру, чтоб он принял без денег, да скажи, чтоб сейчас привели к барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, барин не плотит: прогон, мол, скажи, казенный. Да чтоб все живое, а не то, мол, барин сердится. Стой, еще письмо не готово.

Хлестаков (*продолжает писать*). Любопытно знать, где он теперь живет — в Почтамтской или Гороховой? Он ведь тоже любит часто переезжать с квартиры и недоплачивать. Напишу наудалую и Почтамтскую. (*Свертывает и надписывает*.)

Осип приносит свечу. Хлестаков печатает. В это время слышен голос Держиморды: «Куда лезешь, борода? Говорят тебе, никого не велено пускать».

(*Дает Осипу письмо*.) На, отнеси.

Голоса купцов. Допустите, батюшка! Вы не можете не допустить: мы за делом пришли.

¹ *Фельдгегер* — правительственный или военный курьер.

Голос Держиморды. Пошел, пошел! Не принимает, спит.

Шум увеличивается.

Хлестаков. Что там такое, Осип? Посмотри, что за шум.

Осип (*глядя в окно*). Купцы какие-то хотят войти, да не допускает квартальный. Машут бумагами: верно, вас хотят видеть.

Хлестаков (*подходя к окну*). А что вы, любезные?

Голоса купцов. К твоей милости прибегаем. Прикажите, государь, просьбу принять.

Хлестаков. Впустите их, впустите! пусть идут. Осип, скажи им: пусть идут.

Осип уходит.

(*Принимает из окна просьбы, разворачивает одну из них и читает.*) «Его высокоблагородному Светлости Господину Финансову от купца Абдулина...» Черт знает что: и чина такого нет!

ЯВЛЕНИЕ X

Хлестаков и купцы с кузовом вина и сахарными головами.

Хлестаков. А что вы, любезные?

Купцы. Челом бьем вашей милости.

Хлестаков. А что вам угодно?

Купцы. Не погуби, государь! Обижательство терпим совсем понапрасну.

Хлестаков. От кого?

Один из купцов. Да все от городничего здешнего. Такого городничего никогда еще, государь, не было. Такие обиды чинит, что описать нельзя. Постоем¹ совсем заморил, хоть в петлю полезай. Не по поступкам поступает. Схватит за бороду, говорит: «Ах ты, татарин!» Ей-богу! Если бы, то есть, чем-нибудь не уважили его, а то мы уж порядок всегда исполняем: что следует на платья супружнице его и дочке — мы против этого не стоим. Нет, вишь ты, ему всего мало. Ей-ей! придет в лавку и, что ни попадет, все берет. Сукна увидит штуку, говорит: «Э, милый, это хорошее суконце: снеси-ка его ко мне». Ну и несешь, а в штуке-то будет без мала аршин пятьдесят.

¹ *Постой* — расквартирование военнослужащих в частных домах.

Хлестаков. Неужели? Ах, какой же он мошенник!

Купцы. Ей-богу! такого никто не запомнит городничего. Так все и припрятываешь в лавке, когда его увидишь. То есть, не то уж говоря, чтоб какую деликатность, всякую дрянь берет: чернослив такой, что лет уже по семи лежит в бочке, что у меня сиделец¹ не будет есть, а он целую горсть туда занесет. Именно его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесешь, ни в чем не нуждается. Нет, ему еще подавай: говорит, и на Онуфрия его именины. Что делать? и на Онуфрия несешь.

Хлестаков. Да это просто разбойник!

Купцы. Ей-ей. А попробуй прекословить, наведет к тебе в дом целый полк на постой. А если что, велит запретить двери. «Я тебя, говорит, не буду, говорит, подвергать телесному наказанию или пыткой пытать — это, говорит, запрещено законом, а вот ты у меня, любезный, поешь следки!»

Хлестаков. Ах, какой мошенник! Да за это просто в Сибирь.

Купцы. Да уж куда милость твоя ни запровадит его — все будет хорошо, лишь бы, то есть, от нас подальше. Не обрезгай, отец наш, хлебом и солью. Кланяемся тебе сахарцом и кузовком вина.

Хлестаков. Нет, вы этого не думайте: я не беру совсем никаких взяток. Вот если бы вы, например, предложили мне займы рублей триста, — ну тогда совсем другое дело: займы я могу взять.

Купцы. Изволь, отец наш! *(Вынимают деньги.)* Да что триста! уж лучше пятьсот возьми, помоги только.

Хлестаков. Извольте — займы я ни слова: я возьму.

Купцы *(подносят ему на серебряном подносе деньги)*. Уж, пожалуйста, и подносик вместе возьмите.

Хлестаков. Ну и подносик можно.

Купцы *(кланяясь)*. Так уж возьмите одним разом и сахарцу.

Хлестаков. О нет: я взяток никаких...

Осип. Ваше высокоблагородие! зачем вы не берете? Возьмите! в дороге все пригодится. Давай сюды головы и кулек! Давай все, все пойдет впрок. Что там?

¹ *Сиделец* (устар.) — приказчик в магазине, лавке.

веревочка! давай и веревочку! — и веревочка в дороге пригодится: тележка обломается или что другое, подвязать можно.

Купцы. Так уж сделайте такую милость, ваше сиятельство! Если уже вы, то есть, не поможете в нашей просьбе, то уж не знаем, как и быть: просто хоть в петлю полезай.

Хлестаков. Непременно, непременно! Я постараюсь.

Купцы уходят. Слышен голос женщины: «Нет, ты не смеешь не допустить меня! Я на тебя нажалуюсь ему самому. Ты не толкайся так больно!»

Кто там? (*Подходит к окну.*) А, что ты, матушка?

Голоса двух женщин. Милости твоей, отец, прошу! Повели, государь, выслушать!

Хлестаков (*в окно*). Пропустить ее.

ЯВЛЕНИЕ XI

Хлестаков, слесарша и унтер-офицерша.

Слесарша (*кланяясь в ноги*). Милости прошу...

Унтер-офицерша. Милости прошу...

Хлестаков. Да что вы за женщины?

Унтер-офицерша. Унтер-офицерская жена Иванова.

Слесарша. Слесарша, здешняя мещанка, Февронья Петровна Пошленкина, отец мой...

Хлестаков. Стой, говори прежде одна. Что тебе нужно?

Слесарша. Милости прошу, на городничего челом бью! Пошли ему Бог всякое зло! Чтоб ни детям его, ни ему, мошеннику, ни дядьям, ни теткам его ни в чем никакого прибытку не было!

Хлестаков. А что?

Слесарша. Да мужу-то моему приказал забрить лоб в солдаты¹, и очередь-то на нас не припадала, мошенник такой! да и по закону нельзя: он женатый.

Хлестаков. Как же он мог это сделать?

¹ *Забрить лоб в солдаты* — сдать в солдаты.

Слесарша. Сделал, мошенник, сделал; побей Бог его и на том и на этом свете! Чтобы ему, если и тетка есть, то и тетке всякая пакость, и отец если жив у него, то чтоб и он, кашалья, окошел или поперхнулся навеки, мошенник такой! Следовало взять сына портного, он же пьянюшка был, да родители богатый подарок дали, так он и присыкнулся к сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева тоже подослала к супруге полотна три штуки; так он ко мне. «На что, говорит, тебе муж, он уж тебе не годится». Да я-то знаю: годится или не годится, это мое дело, мошенник такой! «Он, говорит, вор; хоть он теперь и не украд, да все равно, говорит, он украдет, его и без того на следующий год возьмут в рекруты». Да мне-то какво без мужа, мошенник такой! Я слабый человек, подлец ты такой! чтобы всей родне твоей не довелось видеть света Божьего! А если есть теща, то чтоб и теще...

Хлестаков. Хорошо, хорошо. Ну, а ты? *(Выпроставляет старуху.)*

Слесарша *(уходя)*. Не забудь, отец наш! Будь милостив!

Унтер-офицерша. На городничего, батюшка, пришла...

Хлестаков. Ну, да что, зачем? говори в коротких словах.

Унтер-офицерша. Высек, батюшка!

Хлестаков. Как?

Унтер-офицерша. По ошибке, отец мой! Бабы-то наши задрались на рынке, а полиция не подоспела, да и схвати меня. Да так отрапортовали: два дни сидеть не могла.

Хлестаков. Так что ж теперь делать?

Унтер-офицерша. Да делать-то, конечно, нечего. А за ошибку-то повели ему заплатить штраф. Мне от своего счастья неча отказываться, а деньги бы мне теперь очень пригодились.

Хлестаков. Хорошо, хорошо! Ступайте, ступайте! я распоряжусь.

В окно высовываются руки с просьбами.

Да кто там еще! *(Подходит к окну.)* Не хочу, не хочу! не нужно, не нужно! *(Отходя.)* Надоели, черт возьми! не впускать, Осип!

Осип (*кричит в окно*). Пошли, пошли! Не время, завтра приходите!

Дверь отворяется, и выставляется какая-то фигура во фризовой¹ шинели, с небритою бородою, раздутою губою и перевязанною шеею; за ней в перспективе показывается несколько других.

Пошел, пошел! чего лезешь? (*Упирается первому руками в брюхо и выпирается вместе с ним в прихожую, захлопнув за собою дверь.*)

ЯВЛЕНИЕ XII

Хлестаков и Марья Антоновна.

Марья Антоновна. Ах!

Хлестаков. Отчего вы так испугались, сударыня?

Марья Антоновна. Нет, я не испугалась.

Хлестаков (*рисуетя*). Помилуйте, сударыня, мне очень приятно, что вы меня приняли за такого человека, который... Осмелюсь ли спросить вас: куда вы намерены были идти?

Марья Антоновна. Право, я никуда не шла.

Хлестаков. Отчего же, например, вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я думала, не здесь ли маменька...

Хлестаков. Нет, мне хотелось бы знать, отчего вы никуда не шли?

Марья Антоновна. Я вам помешала. Вы занимались важными делами.

Хлестаков (*рисуетя*). А ваши глаза лучше, нежели важные дела... Вы никак не можете мне помешать; никаким образом не можете; напротив того, вы можете принести удовольствие.

Марья Антоновна. Вы говорите по-столичному.

Хлестаков. Для такой прекрасной особы, как вы. Осмелюсь ли быть так счастлив, чтобы предложить вам стул? Но нет, вам должно не стул, а трон.

Марья Антоновна. Право, я не знаю... мне так нужно было идти. (*Села.*)

Хлестаков. Какой у вас прекрасный платочек!

¹ Фриз — толстая, грубая ткань.

Марья Антоновна. Вы насмешники, лишь бы только посмеяться над провинциальными.

Хлестаков. Как бы я желал, сударыня, быть вашим платочком, чтобы обнимать вашу дилейную шейку.

Марья Антоновна. Я совсем не понимаю, о чем вы говорите: какой-то платочек... Сегодня какая странная погода!

Хлестаков. А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода.

Марья Антоновна. Вы все эдакое говорите... Я бы вас попросила, чтоб вы мне написали лучше на память какие-нибудь стишки в альбом. Вы, верно, их знаете много.

Хлестаков. Для вас, сударыня, все, что хотите. Требуйте, какие стихи вам.

Марья Антоновна. Какие-нибудь эдакие — хорошие, новые.

Хлестаков. Да что стихи! я много их знаю.

Марья Антоновна. Ну скажите же, какие же вы мне напишете?

Хлестаков. Да к чему же говорить? я и без того их знаю.

Марья Антоновна. Я очень люблю их...

Хлестаков. Да у меня много их всяких. Ну, пожалуй, и вам хоть это: «О ты, что в горести напрасно на Бога ропщешь, человек!..»¹ Ну и другие... теперь не могу припомнить; впрочем, это все ничего. Я вам лучше вместо этого представлю мою любовь, которая от вашего взгляда... *(Придвигая стул.)*

Марья Антоновна. Любовь! Я не понимаю любовь... и никогда не знала, что за любовь... *(Отдвигает стул.)*

Хлестаков. Отчего ж вы отдвигаете свой стул? нам лучше будет сидеть близко друг к другу.

Марья Антоновна *(отдвигаясь)*. Для чего ж близко? все равно и далеко.

Хлестаков *(придвигаясь)*. Отчего ж далеко: все равно и близко.

Марья Антоновна *(отдвигается)*. Да к чему ж это?

¹ Начальные строки стихотворения М. В. Ломоносова.

Хлестаков (*придвигаясь*). Да ведь это вам кажется только, что близко; а вы вообразите себе, что далеко. Как бы я был счастлив, сударыня, если б мог прижать вас в свои объятия.

Марья Антоновна (*смотрит в окно*). Что это там, как будто бы полетело? Сорока или какая другая птица?

Хлестаков (*целует ее в плечо и смотрит в окно*). Это сорока.

Марья Антоновна (*встает в негодовании*). Нет, это уж слишком... Нярлость такая!..

Хлестаков (*удерживая ее*). Простите, сударыня: я это сделал от любви, точно от любви.

Марья Антоновна. Вы почитаете меня за такую провинциалку... (*Силится уйти.*)

Хлестаков (*продолжая удерживать ее*). Из любви, право, из любви. Я так только, пошутил, Марья Антоновна, не сердитесь! Я готов на коленках у вас просить прощения. (*Падает на колени.*) Простите же, простите. Вы видите, я на коленях.

ЯВЛЕНИЕ XIII

Те же и Анна Андреевна.

Анна Андреевна (*увидя Хлестакова на коленях*). Ах, какой пассаж!

Хлестаков (*вставая*). А, черт возьми!

Анна Андреевна (*дочери*). Это что значит, сударыня? Это что за поступки такие?

Марья Антоновна. Я, маменька...

Анна Андреевна. Поди прочь отсюда! слышишь: прочь, прочь! и не смей показываться на глаза.

Марья Антоновна уходит в слезах.

Извините, я, признаюсь, приведена в такое изумление...

Хлестаков (*в сторону*). А она тоже очень аппетитна, очель недурна. (*Бросается на колени.*) Сударыня, вы видите, я сгораю от любви.

Анна Андреевна. Как, вы на коленях? Ах, встаньте, встаньте, здесь пол совсем нечист.

Хлестаков. Нет, на коленях, непременно на коленях, я хочу знать, что такое мне суждено, жизнь или смерть.

Анна Андреевна. Но позвольте, я еще не понимаю вполне значения слов. Если не ошибаюсь, вы делаете декларацию¹ насчет моей дочери.

Хлестаков. Нет, я влюблен в вас. Жизнь моя на волоске. Если вы не увенчаете постоянную любовь мою, то я недостоин земного существования. С пламенем в груди прошу руки вашей.

Анна Андреевна. Но позвольте заметить: я в некотором роде... я замужем.

Хлестаков. Это ничего. Для любви нет различия, и Карамзин сказал: «Законы осуждают»². Мы удалимся под сень струй... Руки вашей, руки прошу!

ЯВЛЕНИЕ XIV

Те же и Марья Антоновна, вдруг вбегает.

Марья Антоновна. Маменька, папенька сказал, чтобы вы... (*Увидя Хлестакова на коленях, вскрикивает.*) Ах, какой пассаж!

Анна Андреевна. Ну что ты? к чему? зачем? Что за ветреность такая! Вдруг вбежала, как угорелая кошка. Ну что ты нашла такого удивительного? Ну что тебе вздумалось? Право, как дитя каков-нибудь трехлетнее. Не похоже, не похоже, совершенно не похоже на то, чтобы ей было восемнадцать лет. Я не знаю, когда ты будешь благоразумнее, когда ты будешь вести себя, как прилично благвоспитанной девице; когда ты будешь знать, что такое хорошие правила и солидность в поступках.

Марья Антоновна (*сквозь слезы*). Я, право, маменька, не знала...

Анна Андреевна. У тебя вечно какой-то сквозной ветер разгуливает в голове; ты берешь пример с дочерей Ляпкина-Тяпкина. Что тебе глядеть на них? Не нужно тебе глядеть на них. Тебе есть примеры другие — перед тобою мать твоя. Вот каким примерам ты должна следовать.

Хлестаков (*схватывая за руку дочь*). Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучию, благословите постоянную любовь!

Анна Андреевна (*с изумлением*). Так вы в нее?..

¹ Декларация — здесь: предложение.

² «Законы осуждают предмет мой любви» — строчки из песни в повести Н. М. Карамзина «Остров Борнгольм».

Хлестаков. Решите: жизнь или смерть?

Анна Андреевна. Ну вот видишь, дура, ну вот видишь: из-за тебя, этакой дряни, гость изволил стоять на коленях; а ты вдруг вбежала, как сумасшедшая. Ну вот, право, сто́ит, чтобы я нарочно отказала: ты недостойна такого счастья.

Марья Антоновна. Не буду, маме́нька. Право, вперед не буду.

ЯВЛЕНИЕ XV

Те же и городничий впопыхах.

Городничий. Ваше превосходительство! не погубите! не погубите! не погубите!

Хлестаков. Что с вами?

Городничий. Там купцы жаловались вашему превосходительству. Честью уверяю, и наполовину нет того, что они говорят. Они сами обманывают и обмеривают народ. Унтер-офицерша нагала вам, будто бы я ее высек; она врет, ей-богу, врет. Она сама себя высекла.

Хлестаков. Провались унтер-офицерша — мне не до нее.

Городничий. Не верьте, не верьте! это такие лгуны... им вот этакой ребенок не поверит. Они уж и по всему городу известны за лгунов. А насчет мошенничества, осмелюсь доложить: это такие мошенники, каких свет не проводил.

Анна Андреевна. Знаешь ли ты, какой чести удостоивает нас Иван Александрович? Он просит руки нашей дочери.

Городничий. Куда! куда!.. Рехнулась, матушка! Не извольте гневаться, ваше превосходительство, она немного с придурью, такова же была и мать ее.

Хлестаков. Да, я точно прошу руки. Я влюблен.

Городничий. Не могу верить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Да когда говорят тебе?

Хлестаков. Я не шута вам говорю... Я могу от любви свихнуть с ума.

Городничий. Не смею верить, недостойн такой чести.

Хлестаков. Да. Если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я черт знает что готов...

Городничий. Не могу верить! изволите шутить, ваше превосходительство!

Анна Андреевна. Ах, какой чурбан в самом деле! ну, когда тебе толкуют.

Городничий. Не могу верить!

Хлестаков. Отдайте, отдайте — я отчаянный человек, я решусь на все: когда застрелюсь, вас под суд отдадут.

Городничий. Ах, Боже мой! Я, ей-ей, не виноват ни душою, ни телом! Не извольте гневаться! извольте поступать так, как вашей милости угодно! У меня, право, в голове теперь... я и сам не знаю, что делается. Такой дурак теперь сделался, каким еще никогда не бывал.

Анна Андреевна. Ну, благословляй!

Хлестаков подходит с Марьей Антоновной.

Городничий. Да благословит вас Бог, а я не виноват! Хлестаков целуется с Марьей Антоновной. Городничий смотрит на них.

Что за черт! в самом деле! *(Протирает глаза.)* Целуются! Ах, батюшки, целуются! Точный жених! *(Вскрикивает, подпрыгивая от радости.)* Ай, Антон! Ай, Антон! Ай, городничий! Вона как дело-то пошло!

ЯВЛЕНИЕ XVI

Те же и Осип.

Осип. Лошади готовы.

Хлестаков. А, хорошо... я сейчас.

Городничий. Как-с? Изволите ехать?

Хлестаков. Да, еду.

Городничий. А когда же, то есть... Вы изволили сами намекнуть насчет, кажется, свадьбы?

Хлестаков. А это на одну минуту только, на один день к дяде — богатый старик; а завтра же и назад.

Городничий. Не смеем никак удерживать, в надежде благополучного возвращения.

Хлестаков. Как же, как же, я вдруг. Прощайте, любовь моя... нет, просто не могу выразить. Прощайте, душенька! *(Целует ее ручку.)*

Городничий. Да не нужно ли вам в дорогу чего-нибудь? Вы изволили, кажется, нуждаться в деньгах?

Хлестаков. О нег, к чему это? *(Немного подумав.)*
А впрочем, пожалуй.

Городничий. Сколько угодно вам?

Хлестаков. Да вот тогда вы дали двести, то есть не двести, а четыреста: я не хочу воспользоваться вашей ошибкою, — так, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсот.

Городничий. Сейчас! *(Вынимает из бумажника.)*
Еще, как нарочно, самыми новенькими бумажками.

Хлестаков. А, да! *(Берет и рассматривает ассигнации.)* Это хорошо. Ведь это, говорят, новое счастье, когда новенькими бумажками?

Городничий. Так точно-с.

Хлестаков. Прощайте, Антон Антонович! очень обязан за ваше гостеприимство. Я признаюсь от всего сердца, мне нигде не было такого хорошего приема. Прощайте, Анна Андреевна! Прощайте, моя душенька, Марья Антоновна!

Выходят.

За сценой.

Голос Хлестакова. Прощайте, ангел души моей, Марья Антоновна.

Голос городничего. Как же это вы? прямо так на перекладной едете?

Голос Хлестакова. Да, я привык уж так. У меня голова болит от рессор.

Голос ямщика. Тир...

Голос городничего. Так по крайней мере чем-нибудь застлать, хотя бы ковриком. Не прикажете ли, я велю подать коврики?

Голос Хлестакова. Нет, зачем? это пустое; а впрочем, пожалуй, пусть дают коврики.

Голос городничего. Эй, Авдотья! ступай в кладовую: вынь ковер самый лучший, что по голубому полю, персидский, скорей!

Голос ямщика. Тир...

Голос городничего. Когда прикажете ожидать вас?

Голос Хлестакова. Завтра или послезавтра.

Голос Осипа. А, это ковер? давай его сюда, клади вот так! теперь давай-ко с этой стороны сена.

Голос ямщика. Тир...

Голос Осипа. Вот с этой стороны! сюда! еще! Хорошо! Славно будет! (*Бьет рукою по коверу.*) Теперь садитесь, ваше благородие.

Голос Хлестакова. Прощайте, Антон Антонович!

Голос городничего. Прощайте, ваше превосходительство!

Женские голоса. Прощайте, Иван Александрович!

Голос Хлестакова. Прощайте, маменька!

Голос ямщика. Эй вы, залетные!

Колокольчик звенит; занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Та же комната.

ЯВЛЕНИЕ I

Городничий, Анна Андреевна
и Марья Антоновна.

Городничий. Что, Анна Андреевна? а? Думала ли ты что-нибудь об этом? Экой богатый приз, канальство! Ну, признайся откровенно: тебе и во сне не виделось — просто из какой-нибудь городничихи и вдруг... фу ты, канальство!.. с каким дьяволом породнилась!

Анна Андреевна. Совсем нет; я давно это знала. Это тебе в диковинку, потому что ты простой человек, никогда не видел порядочных людей.

Городничий. Я сам, матушка, порядочный человек. Однако ж, право, как подумаешь, Анна Андреевна; какие мы с тобой теперь птицы сделались! а, Анна Андреевна? Высокого полета, черт побери! Пстой же, теперь же я задам перцу всем этим охотникам подавать просьбы и доносы! Эй, кто там?

Входит квартальный.

А это ты, Иван Карпович! Призони-ка сюда, брат, купцов. Вот я их, каналий! Так жаловаться на меня! Вишь ты, проклятый иудейский народ! Пстойте ж, голубчики! Прежде я вас кормил до усов только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всех, кто только ходил бить челом на меня, и вот этих больше всего писак, писак, которые закручивали им просьбы. Да объяви всем, чтоб знали: что вот, дескать, какую честь Бог послал городничему, что выдает дочь свою — не то чтобы за какого-нибудь простого человека, а

за такого, что и на свете еще не было, что может всё сделать, всё, всё, всё! Всем объяви, чтобы все знали. Кричи по весь народ, валяй в колокола, черт возьми! Уж когда торжество, так торжество!

Клартальный уходит.

Так вот как, Анна Андреевна, а? Как же мы теперь, где будем жить? здесь или в Питере?

Анна Андреевна. Натурально, в Петербурге. Как можно здесь оставаться?

Городничий. Ну, в Питере так в Питере; а оно хорошо бы и здесь. Что, ведь, и думаю, уже городничество тогда к черту, а, Анна Андреевна?

Анна Андреевна. Натурально, что за городничество!

Городничий. Ведь оно, как ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чин зашибить, потому что он запанибрата со всеми министрами и во дворец ездит; так поэтому может такое производство сделать, что со временем и в генералы влезешь. Как ты думаешь, Анна Андреевна: можно влезть в генералы?

Анна Андреевна. Еще бы! конечно, можно.

Городничий. А, черт возьми, славно быть генералом! Кавалерию¹ повесят тебе через плечо. А какую кавалерию лучше, Анна Андреевна, красную или голубую?

Анна Андреевна. Уж, конечно, голубую лучше.

Городничий. Э? видишь, чего захотела! хорошо и красную. Ведь почему хочется быть генералом? — потому что, случится, поедешь куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачут везде вперед: «Лошадей!» И там на станциях никому не дадут, все дожидаются: все эти титулярные, капитаны, городничие, а ты себе и в ус не дуешь. Обедаеть где-нибудь у губернатора, а там: стой, городничий! Хе, хе, хе! *(Заливается и помирает со смеху.)* Вот что, канальство, заманчиво!

Анна Андреевна. Тебе все такое грубое нравится. Ты должен помнить, что жизнь нужно совсем переменить, что твои знакомые будут не то, что какой-нибудь судья-со-

¹ *Кавалерия* — здесь: широкая орденская лента, которую носили через плечо при самых высоких орденах (красную — при Станиславе и Анне первой степени, голубую — при Андрее Первозванском).

бачник, с которым ты едешь травить зайцев, или Земляника; напротив, знакомые твои будут с самым тонким обращением: графы и все светские... только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого в хорошем обществе никогда не услышишь.

Городничий. Что ж? Ведь слово не вредит.

Анна Андреевна. Да хорошо, когда ты был городничим; а там ведь жизнь совершенно другая.

Городничий. Да, там, говорят, есть две рыбицы: ряпушка и корюшка, такие, что только слюнка потечет, как начнешь есть.

Анна Андреевна. Ему все бы только рыбки! Я не иначе хочу, чтоб наш дом был первый в столице и чтоб у меня в комнате такое было амбро¹, чтоб нельзя было войти, и нужно бы только этак зажмурить глаза. (*Зажмуривает глаза и нюхает.*) Ах, как хорошо!

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и купцы.

Городничий. А! Здорово, соколики!

Купцы (*кланяясь*). Здравия желаем, батюшка!

Городничий. Что, голубчики, как поживаете? как товар идет ваш? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестии, надувалы морские! жаловаться? Что? много взяли? Вот, думают, так в тюрьму его и засадят!.. Знаете ли вы, семь чертей и одна ведьма вам в зубы, что...

Анна Андреевна. Ах, Боже мой, какие ты, Антоша, слова отпускаешь!..

Городничий (*с неудовольствием*). А, не до слов теперь! Знаете ли, что тот самый чиновник, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? а? что теперь скажете? Теперь я вас!.. у!.. Обманываете народ... Сделаешь подряд с казною, на сто тысяч надуешь ее, поставивши гнилого сукна, да потом пожертвуешь двадцать аршин, да я давай тебе еще награду за это? Да если б знали, так бы тебе... И брюхо сует вперед: он купец; его не тронь. «Мы, говорит, и дворянам не уступим». Да дворянин... ах ты, рожал дворянин учится наукам; его хоть и секут в школе, да за дело, чтоб он знал полезное. А ты что?

¹ Амбро — благоухание.

Н. В. Гоголь. «Ревизор», Действие V, явление 2.
Автолитография. Худ. П. Боклевский. 1863

начинаешь плутнями, тебя хозяин бьет за то, что не умеешь обманывать. Еще мальчишка, «Отче наша»¹ не знаешь, а уж обмериваешь; а как разопрет тебе брюхо да набьешь себе карман, так и заважничал! Фу ты, какая невидаль! Оттого, что ты шестнадцать самоваров выдуешь в день, так оттого и важничаешь? Да я плевать на твою голову и на твою важность!

Купцы (кланяясь). Виноваты, Антон Антонович!

Городничий. Жаловаться? А кто тебе помог сплутовать, когда ты строил мост и написал дерева на двадцать тысяч, тогда как его и на сто рублей не было? Я помог тебе, козлиная борода! Ты позабыл это? Я, показавши это на тебя, мог бы тебя также сировадить в Сибирь. Что скажешь? а?

Один из купцов. Богу виноваты, Антон Антонович. Лукавый попутал. И закаемся вперед жаловаться. Уж какое хошь удовлетворение, не гневись только!

Городничий. Не гневись! вот ты теперь валяешься у ног моих. Отчего? оттого, что мое взяло, а будь хоть не-

¹ «Отче наш» — молитва, которую заучивали еще в детстве.

множко на твоей стороне, так ты бы меня, каналья, втоптал в самую грязь, еще бы и бревном сверху навалил.

Купцы (*кланяются в ноги*). Не погуби, Антон Антонович!

Городничий. «Не погуби!» Теперь: «не погуби!», а прежде что? Я бы вас... (*Махнув рукой.*) Ну, да Бог простит! полно! Я не памятозлобен; только теперь, смотри, держи ухо востро! Я выдаю дочку не за какого-нибудь простого дворянина. Чтоб поздравление было... понимаешь? не то чтоб отбояриться каким-нибудь балычком или головою сахару... Ну, ступай с Богом!

Купцы уходят.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, Аммос Федорович, Артемий Филиппович, потом Растаковский.

Аммос Федорович (*еще в дверях*). Верить ли слухам, Антон Антонович? к вам привалило необыкновенное счастье?

Артемий Филиппович. Имею честь поздравить с необыкновенным счастьем. Я душевно обрадовался, когда услышал. (*Подходит к ручке Анны Андреевны.*) Анна Андреевна! (*Подходит к ручке Марьи Антоновны.*) Марья Антоновна!

Растаковский (*входит*). Антона Антоновича поздравляю. Да продлит Бог жизнь вашу и новой четы и даст вам потомство многочисленное, внучат и правнучат! Анна Андреевна! (*Подходит к ручке Анны Андреевны.*) Марья Антоновна! (*Подходит к ручке Марьи Антоновны.*)

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, Коробкин с женою, Люлюков.

Коробкин. Имею честь поздравить Антона Антоновича! Анна Андреевна! (*Подходит к ручке Анны Андреевны.*) Марья Антоновна! (*Подходит к ее ручке.*)

Жена Коробкина. Душевно поздравляю вас, Анна Андреевна, с новым счастьем.

Люлюков. Имею честь поздравить, Анна Андреевна! (*Подходит к ручке и потом, обратившись к зрителям,*

щелкает языком с видом удалства.) Марья Антоновна! Имею честь поздравить. (*Подходит к ее ручке и обращается к зрителям с тем же удалством.*)

ЯВЛЕНИЕ V

Множество гостей в сюртуках и фраках подходят сначала к ручке Анны Андреевны, говоря: «Анна Андреевна», потом к Марье Антоновне, говоря: «Марья Антоновна!». Бобчинский и Добчинский проталкиваются.

Бобчинский. Имею честь поздравить!

Добчинский. Антон Антонович! имею честь поздравить!

Бобчинский. С благополучным происшествием!

Добчинский. Анна Андреевна!

Бобчинский. Анна Андреевна!

Оба подходят в одно время и сталкиваются лбами.

Добчинский. Марья Антоновна! (*Подходит к ручке.*) Честь имею поздравить. Вы будете в большом, большом счастье, в золотом платье ходить и деликатные разные супы кушать, очень забавно будете проводить время.

Бобчинский (*перебивая*). Марья Антоновна, имею честь поздравить! Дай вам Бог всякого богатства, червонцев и сынка-с этакого маленького, вон этакого-с (*показывает рукою*), чтоб можно было на ладонку посадить, да-с! Все будет мальчишка кричать: уа! уа! уа!

ЯВЛЕНИЕ VI

Еще несколько гостей, подходящих к ручкам,
Лука Лукич с женою.

Лука Лукич. Имею честь.

Жена Луки Лукича (*бежит вперед*). Поздравляю вас, Анна Андреевна! (*Целуются.*) А я так, право, обрадовалась; говорят мне: «Анна Андреевна выдает дочку». — «Ах, Боже мой!» — думаю себе, и так обрадовалась, что говорю мужу: «Послушай, Луканчик, вот какое счастье Анне Андреевне!» «Ну, — думаю себе, — слава Бугу!» И говорю ему: «Я так восхищена, что сгораю нетерпением изъяснить лично Анне Андреевне...» «Ах, Боже мой, — думаю себе, — Анна Андреевна именно ожидала хорошей партии

дли своей дочери, а вот теперь такая судьба: именно так сделалось, как она хотела», и так, право, обрадовалась, что не могла говорить. Плачу, плачу, вот просто рыдаю. Уж Лука Лукич говорит: «Отчего ты, Настенька, рыдаешь?» — «Луканичик, говорю, я и сама не знаю, слезы так вот рекой и льются».

Городничий. Покорнейше прошу садиться, господа! Эй, Мишка! принеси сюда побольше стульев!

Гости садятся.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, частный пристав и квартальные.

Частный пристав. Имею честь поздравить вас, ваше высокоблагородие, и пожелать благоденствия на многие лета!

Городничий. Спасибо, спасибо! Прошу садиться, господа!

Гости усаживаются.

Аммос Федорович. Но скажите, пожалуйста, Антон Антонович, каким образом все это началось: постепенный ход всего дела.

Городничий. Ход дела чрезвычайный: изволил собственноручно сделать предложение.

Анна Андреевна. Очень почтительным и самым тонким образом. Все чрезвычайно хорошо говорил. Говорит: «Я, Анна Андреевна, из одного только уважения к вашим достоинствам...» И такой прекрасный, воспитанный человек, самых благороднейших правил! «Мне, верите ли, Анна Андреевна, мне жизнь — копейка, я только потому, что уважаю ваши редкие качества».

Марья Антоновна. Ах, маменька! Ведь это он мне говорил.

Анна Андреевна. Перестань, ты ничего не знаешь и не в свое дело не мешайся! «Я, Анна Андреевна, изумляюсь...» В таких лестных рассыпался словах... И когда я хотела сказать: «Мы никак не смеем надеяться на такую честь», — он вдруг упал на колени и таким самым благороднейшим образом: «Анна Андреевна! не сделайте меня несчастнейшим! согласитесь отвечать моим чувствам, не то я смертью окончу жизнь свою».

Марья Антоновна. Право, маменька, он обо мне это говорил.

Анна Андреевна. Да, конечно... и об тебе было, я ничего этого не отвергаю.

Городничий. И так даже напугал: говорил, что застрелится. «Застрелюсь, застрелюсь!» — говорит.

Многие из гостей. Скажите пожалуйста!

Аммос Федорович. Экая штука!

Лука Лукич. Вот подлинно, судьба уж так вела.

Артемий Филиппович. Не судьба, батюшка, судьба — индейка, заслуги привели к тому. *(В сторону.)* Этакой свинье лезет всегда в рот счастье!

Аммос Федорович. Я, пожалуй, Антон Антонович, продам вам того кобелька, которого торговали.

Городничий. Нет, мне теперь не до кобельков.

Аммос Федорович. Ну, не хотите, на другой собаке сойдемся.

Жена Коробкина. Ах, как, Анна Андреевна, я рада вашему счастью! вы не можете себе представить.

Коробкин. Где ж теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? Я слышал, что он уехал зачем-то.

Городничий. Да, он отправился на один день по весьма важному делу.

Анна Андреевна. К своему дяде, чтоб испросить благословения.

Городничий. Испросить благословения; но завтра же... *(Чихает.)*

Поздравления сливаются в один гул.

Много благодарен! Но завтра же и назад... *(Чихает.)*

Поздравительный гул; слышнее других голоса:

Частного пристава. Здравия желаем, ваше высокоблагородие!

Бобчинского. Сто лет и куль червонцев!

Добчинского. Продли Бог на сорок сороков!

Артемия Филипповича. Чтоб ты пропал!

Жена Коробкина. Черт тебя поberi!

Городничий. Покорнейше благодарю! И вам того ж желаю.

Анна Андреевна. Мы теперь в Петербурге намерены жить. А здесь, признаюсь, такой воздух... деревенский

уж слишком!.. признаюсь, большая неприятность... Вот и муж мой... он там получит генеральский чин.

Городничий. Да, признаюсь, господа, я, черт возьми, очень хочу быть генералом.

Лука Лукич. И дай Бог получить.

Растаковский. От человека невозможно, а от Бога все возможно.

Аммос Федорович. Большому кораблю — большое плавание.

Артемий Филиппович. По заслугам и честь.

Аммос Федорович *(в сторону)*. Вот выкинет штуку, когда в самом деле сделается генералом! Вот уж кому пристало генеральство, как корове седло! Ну, брат, нет, до этого еще далека песня. Тут и почище тебя есть, а до сих пор еще не генералы.

Артемий Филиппович *(в сторону)*. Эка, черт возьми, уж и в генералы лезет! Чего доброго, может, и будет генералом. Ведь у него важности, лукавый не взял бы его, довольно. *(Обращаясь к нему.)* Тогда, Антон Антонович, и нас не позабудьте.

Аммос Федорович. И если что случится: например, какая-нибудь надобность по делам, не оставьте покровительством!

Коробкин. В следующем году повезу сынка в столицу на пользу государства, так, сделайте милость, окажите ему вашу протекцию, место отца заступите сиротке.

Городничий. Я готов с своей стороны, готов стараться.

Анна Андреевна. Ты, Антоша, всегда готов обещать. Во-первых, тебе не будет времени думать об этом. И как можно и с какой стати себя обременять такими обещаниями?

Городничий. Почему ж, душа моя: иногда можно.

Анна Андреевна. Можно, конечно, да ведь не всякой же мелюзге оказывать покровительство.

Жена Коробкина. Вы слышали, как она трактует¹ нас?

Гостья. Да, она такова всегда была; я ее знаю: посади ее за стол, она и ноги свои...

¹ *Трактовать* — здесь: оценивать (жена Коробкина употребляет это слово, чтобы подчеркнуть свою «образованность»).

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и почтмейстер впопыхах, с распечатанным письмом в руке.

Почтмейстер. Удивительное дело, господа! Чиновник, которого мы приняли за ревизора, был не ревизор. Все. Как не ревизор?

Почтмейстер. Совсем не ревизор, я узнал это из письма.

Городничий. Что вы? что вы? из какого письма?

Почтмейстер. Да из собственного его письма. Приносят ко мне на почту письмо. Взглянул на адрес — вижу: «в Почтамтскую улицу». Я так и обомлел. «Ну, — думаю себе, — верно, нашел беспорядки по почтовой части и уведомляет начальство». Взял да и распечатал.

Городничий. Как же вы?..

Почтмейстер. Сам не знаю: неестественная сила побудила. Призвал было уж курьера с тем, чтобы отправить его с эштафетой¹; но любопытство такое одолело, какого еще никогда не чувствовал. Не могу, не могу, слышу, что не могу! тянет, так вот и тянет! В одном ухе так вот и слышу: «Дй, не распечатывай! пропадешь, как курица»; а в другом словно бес какой шепчет: «Распечатай, распечатай, распечатай!» И как придавил сургуч — по жилам огонь, а распечатал — мороз, ей-богу, мороз. И руки дрожат, и все помутилось.

Городничий. Да как же вы осмелились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

Почтмейстер. В том-то и штука, что он не уполномоченный и не особа!

Городничий. Что ж он, по-вашему, такое?

Почтмейстер. Ни се ни то: черт знает что такое!

Городничий (*запальчиво*). Как ни се ни то? Как вы смевте назвать его ни тем ни сем, да еще черт знает чем? Я вас под арест...

Почтмейстер. Кто? вы?

Городничий. Да, я!

Почтмейстер. Коротки руки!

Городничий. Знаете ли, что он женится на моей дочери, что я сам буду вельможа, что я в самую Сибирь законопачу?

¹ Эштафета (искажен. эстафета) — здесь: срочная почта.

Почтмейстер. Эх, Антон Антонович! что Сибирь? далеко Сибирь. Вот лучше я вам прочту. Господа! позволите прочитать письмо?

Все. Читайте, читайте!

Почтмейстер (*читает*). «Спешу уведомить тебя, душа Тряпичкин, какие со мной чудеса. На дороге обчистил меня кругом пехотный капитан, так что трактирщик хотел уже было посадить в тюрьму; как вдруг, по моей петербургской физиономии и по костюму, весь город принял меня за генерал-губернатора. И я теперь живу у городничего, жуирую¹, волочусь напрапалую за его женой и дочкой; не решился только, с которой начать; думаю, прежде с матушки, потому что, кажется, готова сейчас на все услуги. Помнишь, как мы с тобой бедствовали, обедали нащерамыжку и как один раз было кондитер схватил меня за воротник по поводу съеденных пирожков на счет доходов английского короля; теперь совсем другой оборот. Все мне дают займы сколько угодно. Оригиналы страшные. От смеху ты бы умер. Ты, я знаю, пишешь статейки: помести их в свою литературу. Во-первых: городничий — глуп, как сивый мерин...»

Городничий. Не может быть! там нет этого.

Почтмейстер (*показывает письмо*). Читайте сами.

Городничий (*читает*). «Как сивый мерин». Не может быть! вы это сами написали.

Почтмейстер. Как же бы я стал писать?

Артемий Филиппович. Читайте!

Лука Лукич. Читайте!

Почтмейстер (*продолжая читать*). «Городничий — глуп, как сивый мерин...»

Городничий. О, черт возьми! нужно еще повторять! как будто оно там и без того не стоит.

Почтмейстер (*продолжая читать*). Хм... хм... хм... хм... «сивый мерин. Почтмейстер тоже добрый человек...» (*Оставляя читать*.) Ну, тут обо мне тоже он неприлично выразился.

Городничий. Нет, читайте!

Почтмейстер. Да к чему ж?..

Городничий. Нет, черт возьми, когда уж читать, так читать! Читайте всё!

¹ Жуировать — развлекаться, вести веселую жизнь.

Артемий Филиппович. Позвольте, я прочитаю. *(Надевает очки и читает.)* «Почтмейстер точь-в-точь департаментский сторож Михсев, должно быть, также, подлец, пьет горькую».

Почтмейстер *(к зрителям)*. Ну, скверный мальчишка, которого надо высечь; больше ничего!

Артемий Филиппович *(продолжая читать)*. «Надзиратель над богоугодным заведе... и... и... и...» *(Закрывается.)*

Коробкин. А что ж вы остановились?

Артемий Филиппович. Да нечеткое перо... впрочем, видно, что негодяй.

Коробкин. Дайте мне! Вот у меня, я думаю, получше глаза. *(Берет письмо.)*

Артемий Филиппович *(не давая письма)*. Нет, это место можно пропустить, а там дальше разборчиво.

Коробкин. Да позвольте, уж я знаю.

Артемий Филиппович. Прочитать я и сам прочитаю: далее, право, все разборчиво.

Почтмейстер. Нет, все читайте! ведь прежде все читано.

Все. Отдайте, Артемий Филиппович, отдайте письмо! *(Коробкину.)* Читайте!

Артемий Филиппович. Сейчас. *(Отдает письмо.)* Вот, позвольте... *(Закрывает пальцем.)* Вот отсюда читайте.

Все приступают к нему.

Почтмейстер. Читайте, читайте! вздор, всё читайте!

Коробкин *(читая)*. «Надзиратель за богоугодным заведением Земляника — совершенная свинья в ермолке».

Артемий Филиппович *(к зрителям)*. И неостроумно! свинья в ермолке! где же свинья бывает в ермолке?

Коробкин *(продолжая читать)*. «Смотритель училец протухнул насквозь луком».

Лука Лукич *(к зрителям)*. Ей-богу, я в рот никогда не брал луку.

Аммос Федорович *(в сторону)*. Слава Богу, хоть, по крайней мере, обо мне нет!

Коробкин *(читает)*. «Судья...»

Аммос Федорович. Вот тебе па... *(Вслух.)* Госнода, я думаю, что письмо длинно. Да и черт ли в нем: дрянь такую читать.

Лука Лукич. Нет!

Почтмейстер. Нет, читайте!

Артемий Филиппович. Нет уж, читайте!

Коробкин *(продолжает)*. «Судья Ляпкин-Тяпкин в сильнейшей степени моветон¹...» *(Останавливается.)* Должно быть, французское слово.

Аммос Федорович. А черт его знает, что оно значит! Еще хорошо, если только мошенник, а может быть, и того еще хуже.

Коробкин *(продолжая читать)*. «А впрочем, народ гостеприимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкин. Я сам, по примеру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, брат, так жить, хочешь наконец пиши для души. Вижу: точно, нужно чем-нибудь высоким заняться. Пиши ко мне в Саратовскую губернию, а оттуда в деревню Подкатиловку. *(Переворачивает письмо и читает адрес.)* Его благородию, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкипу, в Санкт-Петербург, в Почтамтскую улицу, в доме под номером девяносто седьмым, поворота па двор, в третьем этаже, направо».

Одна из дам. Какой репримант² неожиданный!

Городничий. Вот когда зарезал, так зарезал! Убит, убит, совсем убит! Ничего не вижу. Вижу какие-то свиные рылы вместо лиц, а больше ничего... Воротить, воротить его! *(Машет рукою.)*

Почтмейстер. Куды воротить! Я, как нарочно, приказал смотрителю дать самую лучшую тройку; черт угодовал дать и вперед предписание.

Жена Коробкина. Вот уж точно, вот беспримерная конфузия!

Аммос Федорович. Однако ж, черт возьми, госнода! он у меня взял триста рублей займа.

Артемий Филиппович. У меня тоже триста рублей.

Почтмейстер *(вздыхает)*. Ох! и у меня триста рублей.

¹ Здесь: человек дурного тона (от фр. mauvais ton).

² Здесь: неприятность (от фр. réprimande — буквально: выговор).

Бобчинский. У нас с Петром Ивановичем шестьдесят пять с на ассигнации-е, да-с.

Аммос Федорович *(в недоумении расставляет руки)*. Как же это, господа? Как это, в самом деле, мы так оплошали?

Городничий *(бьет себя по лбу)*. Как я?.. нет, как я, старый дурак! Выжил, глупый баран, из ума!.. Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести, мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уду. Трех губернаторов обманул!.. что губернаторов! *(махнул рукой)* нечего и говорить про губернаторов...

Анна Андреевна. Но это не может быть, Антоша; он обручился с Машенькой...

Городничий *(в сердцах)*. Обручился! Кукиш с маслом — вот тебе обручился! Лезет мне в глаза с обручением!.. *(В исступлении.)* Вот смотрите, смотрите, весь мир, все христианство, все смотрите, как одурачен городничий! Дурака ему, дурака, старому подлецу! *(Грозит себе самому кулаком.)* Эх ты, толстоносый! Сосульку, тряпку приняв за важного человека! Вот он теперь по всей дороге заливает колокольчиком! Разнесет по всему свету историю; мало того, что пойдешь в посмешище... найдется щелкопер¹, бумагомарака, в комедию тебя вставит, вот что обидно, чина, звания не пощадит, и будут все скалить зубы и бить в ладоши. Чему смеетесь? над собой смеетесь!.. Эх вы!.. *(Стучит со злости ногами об пол.)* Я бы всех этих бумагомарак! У, щелкоперы, либералы² проклятые! чертово семя! Узлом бы вас всех завязал, в муку бы стер вас всех, да черту в подкладку! в шапку туды ему!.. *(Сует кулаком и бьет каблучком в пол. После некоторого молчания.)* До сих пор не могу прийти в себя. Вот, подлинно, если Бог хочет наказать, так отнимет прежде разум. Ну что было в этом вертопрахе³ похожего на ревизора? ничего не было! Вот просто ни на полмизинца не было похожего — и вдруг все: ревизор, ревизор! Ну кто первый вынул, что он ревизор? Отвечайте.

¹ Щелкопёр (устар.) — бумагомаратель, писак, враль.

² Либерал — здесь: свободомыслящий человек.

³ Вертопрах — легкомысленный, ветреный человек.

Артемий Филиппович *(расставляя руки)*. Уж как это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туман какой-то ошеломил, черт попутал.

Аммос Федорович. Да кто выпустил! — вот кто выпустил: эти молодцы! *(Показывает на Добчинского и Бобчинского.)*

Бобчинский. Ей-сй, не я, и не думал...

Добчинский. Я ничего, совсем ничего...

Артемий Филиппович. Конечно, вы!

Лука Лукич. Разумеется. Прибежали как сумасшедшие из трактира: «Приехал, приехал и денег не плотит...» Нашли важную птицу!

Городничий. Естественно, вы! сплетники городские, луны проклятые!

Артемий Филиппович. Чтоб вас черт побрал с вашим ревизором и рассказами!

Городничий. Только рыскаете по городу да смущаете всех, трещотки проклятые! Сплетни сеете, сороки короткохвостые!

Аммос Федорович. Пацкуны проклятые!

Лука Лукич. Колпаки!

Артемий Филиппович. Сморчки короткобрюхие!

Все обступают их.

Бобчинский. Ей-богу, это не я, это Петр Иванович.

Добчинский. Э, нет, Петр Иванович, вы ведь первые того...

Бобчинский. А вот и нет; первые-то были вы.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Те же и жандарм.

Жандарм. Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе. Он остановился в гостинице.

Произнесенные слова поражают, как громом, всех. Звук изумления единодушно излетает из дамских уст, вся группа, вдруг переменявши положение, остается в окаменении.

НЕМАЯ СЦЕНА

Городничий посредине в виде столба с распростертыми руками и закинутою назад головою. По правую сторону его жена и дочь с устремившимся к нему движением всего тела; за ними почтмейстер, превратившийся в вопросительный знак, обращенный к

И. В. Гоголь. «Ревизор». Из вешей сцены. Литография по рис. неизвестного художника. 30-е гг. XIX в.

зрителям; за ним Лука Лукич, потерявшийся самым невинным образом; за ним, у самого края сцены, три дамы, гостьи, прислонившиеся одна к другой с самым сатирическим выражением лиц, относящимся прямо к семейству городничего. По левую сторону городничего: Земляника, наклонивший голову несколько набок, как будто к чему-то прислушивающийся; за ним судья с растопыренными руками, присевший почти до земли и сделавший движение губами, как бы хотел похвастать или произнести: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» За ним Коробкин, обратившийся к зрителям с прищуренным глазом и едким намеком на городничего; за ним, у самого края сцены, Добчинский и Бобчинский с устремившимися движениями рук друг к другу, разинутыми ртами и вышученными друг на друга глазами. Прочие гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменевшая группа сохраняет такое положение. Занавес опускается.

О НОВИЗНЕ «РЕВИЗОРА»

Исключительная быстрота написания «Ревизора» (всего два месяца) говорит о том, насколько органично совпал новый «сюжет» с творческими устремлениями Гоголя...

В 1909 году, когда отмечалось столетие со дня рождения Гоголя, В. И. Немирович-Данченко опубликовал свою речь «Тайны сце-

нического обаяния Гоголя». Он заметил, что разбор «Ревизора» вызывает у исследователей «радостное изумление». Порождает это чувство не только открытие замечательных художественных достоинств комедии, но и осознание их новизны и оригинальности.

Например, удивительная смелость завязки. В «Ревизоре» завязкой является одна первая фраза: «Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор».

С необычайно смелой завязкой гармонирует и финал пьесы. Этот финал представляет одно из самых замечательных явлений сценической литературы.

Далее Немирович-Данченко видит главную особенность действия «Ревизора» в том, что оно последовательно, от начала до конца, вытекает из характеров — и только из них.

В середине 30-х годов тенденция гоголевской мысли и обобщение возросли еще больше. «В „Ревизоре“ я решился собрать в одну кучу все дурное в России, какое я тогда знал, все несправедливости, какие делаются в тех местах и в тех случаях, где больше всего требуется от человека справедливости, и за одним разом посмеяться над всем», — читаем мы в «Авторской исповеди».

Хлестаков — «самый трудный образ в пьесе».

Гоголь не раз предупреждал: Хлестаков — «самый трудный образ в пьесе». Почему? Потому что, сделавшись виновником всеобщего обмана, Хлестаков никого не обманывал. Он с успехом сыграл роль ревизора, не только не намереваясь ее играть, но даже не поняв, что он ее играет. Лишь в середине четвертого действия в голове Хлестакова начинают брезжить смугные догадки, что его принимают за «государственного человека».

Но как раз в непреднамеренности — «сила» Хлестакова... Он спровоцировал всю хитроумную игру городничего и чиновников не хитростью, а чистосердечием...

Страх подготовил почву для обмана. Интересно, что у Хлестакова в противоположность городничему и другим почти совсем нет реплик «в сторону». Такие реплики служили драматургу для передачи внутренней речи персонажа, его тайных намерений. По отношению к Хлестакову этого не требовалось: у него что на уме, то и на языке.

В третьем и четвертом действиях начинаются головокружительные превращения Хлестакова — воображаемые и реальные. В сцене вранья он министр и поважнее министра — до фельдмаршала включительно. В сцене приема чиновников он — взяточник. Потом — нареченный жених Марьи Антоновны.

Но во всех случаях — даже в минуту самого невероятного вранья — Хлестаков искренен. Выдумывает Хлестаков с тем же чистосердечием, с каким ранее говорил правду, — и снова чиновники обманываются. Но на этот раз они принимают за истину то, что было вымыслом.

Образ Хлестакова неисчерпаем, таит в себе ошеломляющие неожиданности. Хлестаков «гениален» исключительной легкостью и «незаданностью» выдумки. Лживость ли это Хлестакова? Но мы знаем, что он лжет чистосердечно. Хвастливость? Но он верит сам в то, что говорит. Поневоле приходишь к выводу, что самым точным и всеобъемлющим будет определение, производное от имени самого персонажа, — хлестаковщина.

По книге Ю. В. Манна «Поэтика Гоголя»

Как вы помните текст комедии

1. Какова тема комедии «Ревизор»?
2. Кто первый сообщил о ревизора? Почему все поверили этому сообщению? Кто такой Хлестаков: мелкий чиновник и ничтожный человек или значительное лицо? Каким он предстает в беседах с чиновниками, купцами, женой и дочкой городничего?
3. Где завязка и развязка комедии? Хотел ли Хлестаков обмануть чиновников и обывателей города?
4. Почему помещики Вобличевский, Добчинский и городничий обманываются? Прочитайте и прокомментируйте сцену в трактире. По какой причине чиновники верят Хлестакову в «сцене вранья»? Вспомните и расскажите или прочитайте вслух эту сцену. Какова роль ремарок в комедии?
5. Что означало известие о прибытии нового ревизора и кто этот новый ревизор — чиновник или совесть каждого персонажа? Прочитайте эту сцену и подготовьте развернутый ответ на вопрос.
6. Прочитайте определения основных этапов развития сюжета. Как вы думаете, какие сцены комедии соответствуют этим этапам?

Экспозиция — предыстория событий, лежащих в основе художественного произведения.

Завязка — исходный эпизод, момент, определяющий последующие действия.

Кульминация — высшая точка напряжения.

Развязка — исход событий.

7. Известно, что Николай I после первого представления пьесы сказал: «Ну и пьеска! Всем досталось, а мне болсе всех!» А Гоголь воскликнул: «Все против меня!» Чем объяснить возмущенные пьесой всех сословий?
8. Воспользовавшись словарем литературоведческих терминов или литературным энциклопедическим словарем, дайте определения терминам: *ремарка*, *монолог*, *диалог*. Проиллюстрируйте эти определения примерами из текста комедии.

Будьте внимательны к слову

Литературовед *Игорь Золотуский* в статье «Еще раз о „Ревизоре“» отводит большую роль языку героев и особенно языку Хлестакова:

«...Принимая от Бобчинского прошение поведать его величеству о том, „что в таком-то городе проживает Петр Иванович Бобчинский“, Хлестаков говорит: „Очень хорошо“. Он намекает, что это ему ничего не стоит.

С этой свободой не в состоянии состязаться косные языки уездных Цицеронов. Хотя Земляника говорит судье: «У вас что ни слово, то Цицерон с языка слетел».

«„Цицерон... слетел“ — это пародия на Цицерона, на красноречие профессионала, которое ничто перед стихийным даром героя Гоголя. Хлестаков красноречивее Цицерона, красноречивее поручика, описывающего балы, красноречивее судьи. Судья толкует о столпотворении и конце мира — у слушателей только волосы дыбом становятся. Хлестаков принимается врать — столпотворение происходит на деле.

Слова в тексте „Ревизора“ играют, скачут, обгоняют одно другое, нагоняют друг друга. В монологе Осипа мы слышим про разги. Потом скаут унтер-офицерскую вдову. Затем почтмейстер говорит, что Хлестакова надо высечь. Тема телесного наказания, таким образом, то возникает, как явь, то уползает в юмор. Она как бы пронизывает над темой высших потерь и высшего возмездия.

Слова у Хлестакова то значительные, то уменьшительные. То мелькают в его речи „министр“, „генерал“, „фельдмаршал“, то „губки“, „шейка“, „платочек“, „глазки“, „стишки“. Он то съезжается, то расширяется. Назвав себя „главнокомандующим“ и „фельдмарш...“ (этого слова Хлестаков не договорил), он побуждает и чиновников именовать себя на военную ногу. Они являютя к нему на прием в мундирах и образуют у его дверей „скадрон“.

В финале комедии Гоголь возвращает легкомысленное хлестаковское словечко „сейчас“ в виде грозного требования жандарма, обращенного к городничему: „Приехавший по именному

повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе". Вновь вступлет в действие минута, вновь время, как будто ухнувшее в бездну вечности, возвращает себе свой счет...»

Вопросы и задания

1. Подумаем, насколько совпадают размышления литературоведа с нашей оценкой.
2. Какие примеры вы могли бы добавить и как развить мысль о языке гоголевской комедии?
3. Проведите наблюдения над фамилиями героев, их языком. Как характеризует героев их поведение и язык?

Поразмышляем над прочитанным...

1. Какова специфическая история комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»? Как была принята она общественностью и критикой?
2. В чем новизна комедии? Как говорит сам автор о замысле своего произведения? Что относил В. И. Немирович-Данченко к «тайнам специфического обаяния Гоголя»?
3. В чем загадка характера Хлестакова? Ю. Манн считает, что «Хлестаков — первое из художественных открытий Гоголя...». Как вы понимаете это суждение? Подготовьте характеристику Хлестакова.
4. Каков образ города в «Ревизоре»? Как строится пирамида этого города (гражданство, купечество, чиновники, городские помещики, городничий)? Как складывается такая же пирамида из женской половины персонажей? Как раскрываются персонажи этой пирамиды?
5. Какова ситуация «Ревизора»? Какую роль играет в системе самодержавно-бюрократического управления страх? Как влияет страх на каждого из персонажей пьесы? Можно ли сказать, что Гоголь «ситуацией ревизора» замкнул всех единым, общим чувством — страхом?
6. Сравним высказывания литературоведов: Г. Гуковский показал, что в «сцене вранья» Хлестаков говорит то, чего от него ждут; В. Ермилов — что испуг Хлестакова заставил его сыграть роль «ревизора». К какому мнению вы бы присоединились и почему?
7. Н. В. Гоголь огорчился, когда зрителям было лишь смешно во время просмотра спектакля. Почему?
«...Миражность¹ возвышения Хлестакова в том, что он играет роль, к которой меньше всего способен, меньше всего достоин

¹ *Миражность, мираж* — обманчивый призрак чего-то.

и которой, в известном смысле, меньше всего добивался... С раскрытия обмана Хлестакова мы все более чувствуем, что комедия переходит... в трагедию...» — читаем мы в книге Ю. Манна «Поэтика Гоголя».

Как вы воспринимаете пьесу Гоголя — в большей степени комической, смешной или трагической, сатирической, грустной?

Против чего направлена пьеса Гоголя «Ревизор»? Как вы определите, что такое «хлестаковщина»?

8. Какой смысл заключен в «немой сцене»? Почему она так важна? По-разному ее трактовали писатели и литературоведы, критики и просто зрители. В. Белинский подчеркнул ее ограниченность, В. Гиппиус считал, что немая сцена выражает идею власти и закона, М. Храпченко видел в ней внешнюю развязку, а подлинной развязкой считал слова городничего: «Чему смеетесь? над собой смеетесь». В. Ермилов видел в немой сцене «парод высеченной подлости». Сам Гоголь говорил, что она выражает идею «закона», при наступлении которого все «побледнело и потряслось». Ю. Манн считал, что немая сцена — завершающий аккорд произведения, что в ней всеобщность переживаний героев, цельность человеческой жизни получает пластическое выражение, что Гоголь дал немую сцену как намек на торжество справедливости, а в результате ощущение тревоги, страха от этой сцены многократно возрастает. Как бы вы рассмотрели эту сцену? Подготовьте устное или письменное рассуждение на эту тему.

Проанализируйте подробно одну из сцен пьесы, характер одного из персонажей, немую сцену, начало пьесы и т. д. — на выбор.

9. Какие произведения Гоголя посвящены историческим темам? Сам Гоголь внимательно изучал историю, читал лекции по истории. Расскажите об одном из произведений писателя, связанных с историей Украины или России.
10. Рассмотрите иллюстрации разных художников к комедии «Ревизор». Кому из художников, на ваш взгляд, удалось передать атмосферу жизни чиновничества, их взаимоотношения, их портреты? Расскажите об одной из иллюстраций подробнее, сопровождая рассказ цитатами из текста.
11. Гоголь считал, что в комедии честное, благородное лицо был «смех». Как вы это понимаете? О каком смехе — развлекательном или грозном — он размышлял? Что осмеивает это «честное, благородное лицо»? Первоосновой комического является закон несоответствия. Имеется в виду то воздействие, которое оказывает несоответствие мнимого истинному, тому, что делается. Подумайте, как закон несоответствия реализован в комедии Н. В. Гоголя.

12. Н. В. Гоголь в «Авторской исповеди» писал: «Я никогда ничего не создавал в воображении и не имел этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной из действительности, из данных мне известных. Угадывать человека я мог только тогда, когда мне представлялись самые мельчайшие подробности его внешности. Я никогда не писал портрета, в смысле простой копии. Я создавал портрет, но создавал его вследствие соображенья, а не воображенья. Чем более вещей принимал я в соображенья, тем у меня верней выходило создать». Можете ли подтвердить слова писателя, опираясь на текст его произведений («Заколдованное место», «Тарас Бульба», «Ревизор»)?
13. Черты художественного историзма Гоголя не оставались неизменными. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» историзм был тесно связан с фольклором, с народной фантастикой. В дальнейшем Гоголь все больше погружался «в сор и дрязь» современной жизни. Он прямо вписывал своих героев в быт, который изображал детально и подробно. Этими свойствами отличается и комедия «Ревизор». Однако в ней, как и в других произведениях писателя второй половины 1830-х годов, историзм связан с религиозными идеями. По мысли Гоголя, в русском обществе исчезла совесть. Души людей утратили ее. Наша совесть есть данный нам Богом ревизор души, но тот ложный, которым предстает Хлестаков, а настоящий, который как символ появляется в финале комедии. Он невидим, но непременно присут всем. И когда он обнаруживается, то наступает дупевный крах для бесчестных, пошлых и бездушных людей. Смех над ними соединяется с горечью, с убийственной иронией. В таком состоянии оказывается городничий.
- Подтвердите эти размышления примерами из текста комедии «Ревизор».

Шинель

В департаменте... по лучше не называть, в каком департаменте. Ничего нет сердитее всякого рода департаментов, полков, канцелярий и, словом, всякого рода должностных сословий. Теперь уже всякий частный человек считает в лице своем оскорбленным все общество. Говорят, весьма недавно поступила просьба от одного каинтан-исправни-

ка¹, не помню какого-то города, в которой он излагает ясно, что гибнут государственные постановления и что священное имя его произносится решительно всуе, в доказательство приложил к просьбе преогромнейший том какого-то романтического сочинения, где, чрез каждые десять страниц, является капитан-исправник, местами даже совершенно в пьяном виде. Итак, во избежание всяких неприятностей, лучше департамент, о котором идет дело, мы назовем одним департаментом. Итак, в одном департаменте служил один чиновник; чиновник нельзя сказать чтобы очень замечательный, низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат, с небольшою лысиной на лбу, с морщинами по обеим сторонам щек и цветом лица, что называется, геморроидальным²... Что ж делать! виноват петербургский климат. Что касается до чина (ибо у нас прежде всего нужно объявить чин), то он был то, что называют вечный титулярный советник³, над которым, как известно, натрунились и наострились вдоволь разные писатели, имеющие похвальное обыкновение налегать на тех, которые не могут кусаться. Фамилия чиновника была Башмачкин. Уже по самому имени видно, что она когда-то произошла от башмака; но когда, в какое время и каким образом произошла она от башмака, ничего этого не известно. И отец, и дед, и даже дурин, и все совершенно Башмачкины ходили в сапогах, переменяя только раза три в год подметки. Имя его было Акакий Акакиевич. Может быть, читателю оно покажется несколько странным и высканятым, но можно уверить, что его никак не искаля, а что сами собою случались такие обстоятельства, что никак нельзя было дать другого имени, и это произошло именно вот как: родился Акакий Акакиевич против ночи, если только не изменяет память, на 23 марта. Покойница матушка, чиновница и очень хорошая женщина, расположилась, как следует, окрестить ребенка. Матушка еще лежала на кровати против дверей, а по правую руку стоял кум, превосходнейший человек, Иван Иванович Ерошкин, служивший столоначальником⁴

¹ *Капитан-исправник* — начальник уездной полиции.

² *Геморроидальный* — свойственный людям, страдающим геморроем.

³ *Титулярный советник* — гражданский чин IX класса.

⁴ *Столоначальник* — начальник стола — отделения в учреждении.

в сенате, и кума, жена квартального офицера, женщина редких добродетелей, Арина Семеновна Белобрюшкова. Родильнице предоставили на выбор любое из трех, какое она хочет выбрать: Моккия, Соссия, или назвать ребенка во имя мученика Хоздазата. «Нет, — подумала покойница, — имена-то все такие». Чтобы угодить ей, развернули календарь в другом месте; вышли опять три имени: Трифилий, Дула и Варахасий. «Вот это наказание, — проговорила старуха, — какие все имена; я, право, никогда и не слыхивала таких. Пусть бы еще Варадат или Варух, а то Трифилий и Варахасий». Еще перевернули страницу — вышли: Павсикахий и Вахтисий. «Ну, уж я вижу, — сказала старуха, — что, видно, его такая судьба. Уж если так, пусть лучше будет он называться, как я отец его. Отец был Акакий, так пусть и сын будет Акакий». Таким образом и произошел Акакий Акакиевич. Ребенка окрестили; причем он заплакал и сделал такую гримасу, как будто бы предчувствовал, что будет титулярный советник. Итак, вот каким образом произошло все это. Мы привели потому это, чтобы читатель мог сам видеть, что это случилось совершенно по необходимости и другого имени дать было никак невозможно. Когда и в какое время он поступил в департамент и кто определил его, этого никто не мог припомнить. Сколько ни переменилось директоров и всяких начальников, его видели все на одном и том же месте, в том же положении, в той же самой должности, тем же чиновником для письма; так что потом уверились, что он, видно, так и родился на свет уже совершенно готовым, в вицмундире и с лысиной на голове. В департаменте не оказывалось к нему никакого уважения. Сторожа не только не вставали с мест, когда он проходил, но даже не глядели на него, как будто бы через приемную пролетела простая муха. Начальники поступали с ним как-то холодно-деспотически. Какой-нибудь помощник столоначальника прямо совал ему под нос бумаги, не сказав даже «перепишите», или: «вот интересное, хорошенькое дельце», или что-нибудь приятное, как употребляется в благовоспитанных службах. И он брал, посмотрев только на бумагу, не глядя, кто ему подложил и имел ли на то право. Он брал и тут же пристраивался писать ее. Молодые чиновники подсмеивались и острили над ним, во сколько хватало канцелярского остроумия,

рассказывали тут же пред ним разные составленные про него истории, про его хозяйку, семидесятилетнюю старуху, говорили, что она бьет его, сирашивали, когда будет их свадьба, сыпали на голову ему бумажки, называя это снегом. Но ни одного слова не отвечал на это Акакий Акакиевич, как будто бы никого и не было перед ним; это не имело даже влияния на занятия его: среди всех этих докук¹ он не делал ни одной ошибки в письме. Только если уж слишком была невыносима шутка, когда толкали его под руку, мешая заниматься своим делом, он произносил: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» И что-то странное заключалось в словах и в голосе, с каким они были произнесены. В нем слышалось что-то такое преклоняющее на жалость, что один молодой человек, недавно определившийся, который, по примеру других, позволил было себе посмеяться над ним, вдруг остановился, как будто пропленный, и с тех пор как будто все переменилось перед ним и показалось в другом виде. Какая-то неестественная сила оттолкнула его от товарищей, с которыми он познакомился, приняв их за приличных, светских людей. И долго потом, среди самых веселых минут, представлялся ему низенький чиновник с лысинкою на лбу, с своими проникающими словами: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» — и в этих проникающих словах звенели другие слова: «Я брат твой». И закрывал себя рукою бедный молодой человек, и много раз содрогался он потом на веку своем, видя, как много в человеке бесчеловечья, как много скрыто свирепой грубости в утонченной, образованной светскости, и, Боже! даже в том человеке, которого свет признает благородным и честным...

Вряд ли где можно было найти человека, который так жил бы в своей должности. Мало сказать: он служил ревностно, — нет, он служил с любовью. Там, в этом переписывании, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир. Наслаждение выражалось на лице его, некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и подсмеивался, и подмигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило

¹ *Докука* — надоедливая просьба.

неро его. Если бы соразмерно его рвению давали ему награды, он, к изумлению своему, может быть, даже попал бы в статские советники; но выслужил он, как выражались остряки, его товарищи, пражку в петлицу да нажил геморрой в поясницу. Впрочем, нельзя сказать, чтобы не было к нему никакого внимания. Один директор, будучи добрый человек и желая вознаградить его за долгую службу, приказал дать ему что-нибудь поважнее, чем обыкновенное переписыванье; именно из готового уже дела велено было ему сделать какое-то отношение в другое присутственное место; дело состояло только в том, чтобы переменить заглавный титул да переменить кое-где глаголы из первого лица в третье. Это задало ему такую работу, что он вспотел совершенно, тер лоб и наконец сказал: «Нет, лучше дайте я перепишу что-нибудь». С тех пор оставили его навсегда переписывать. Вне этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало! Он не думал вовсе о своем платье: вицмундир у него был не зеленый, а какого-то рыжеватого-мучного цвета. Воротничок на нем был узенький, низенький, так что шея его, несмотря на то, что не была длинна, выходя из воротника, казалась необыкновенно длинною, как у тех гипсовых котенков, болтающих головами, которых носят на головах целыми десятками русские иностранцы. И всегда что-нибудь да прилипало к его вицмундиру: или сенца кусочек, или какая-нибудь ниточка; к тому же он имел особенное искусство, ходя по улице, поспевать под окно именно в то самое время, когда из него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вечно уносил на своей шляпе арбузные и дынные корки и тому подобный вздор. Ни один раз в жизни не обратил он внимания на то, что делается и происходит всякий день на улице, на что, как известно, всегда посмотрит его же брат, молодой чиновник, простирающий до того пронизательность своего бойкого взгляда, что заметит даже, у кого на другой стороне тротуара отпоролась внизу панталон стремешка, — что вызывает всегда лукавую усмешку на лице его.

Но Акакий Акакьевич если и глядел на что, то видел на всем свои чистые, ровным почерком выписанные строки, и только разве если, неизвестно откуда взявшись, лошадиная морда помещалась ему на плечо и напускала ноздрями целый ветер в щеку, тогда только замечал он, что

он не на середине строки, а скорее на середине улицы. Приходя домой, он садился тот же час за стол, хлебал наскоро свои щи и ел кусок говядины с луком, вовсе не замечая их вкуса, ел все это с мухами и со всем тем, что ни посылал Бог на ту пору. Заметивши, что желудок начинал пучиться, вставал из-за стола, вынимал бавочку с чернилами и переписывал бумаги, принесенные на дом. Если же таких не случалось, он снимал нарочно, для собственного удовольствия, копию для себя, особенно если бумага была замечательна не по красоте слога, но по адресу к кому-нибудь новому или важному лицу.

Даже в те часы, когда совершенно потухает петербургское серое небо и весь чиновный народ няелся и отобедал, кто как мог, сообразно с получаемым жалованьем и собственной прихотью, — когда все уже отдохнуло после департаментского скрыпенья перьями, беготни, своих и чужих необходимых занятий и всего того, что задает себе добровольно, больше даже, чем нужно, неутомимый человек, когда чиновники спешат предать наслаждению оставшееся время: кто побоище, несется в театр; кто на улицу, определяя его на рассматривание кое-каких шляпенек; кто на вечер — истратить его в комплиментах какой-нибудь смазливой девушке, звезде небольшого чиновного круга; кто, и это случается чаще всего, идет просто к своему брату в четвертый или третий этаж, в две небольшие комнаты с передней или кухней и кое-какими модными претензиями, лампой или иной вещичкой, стоившей многих пожертвований, отказов от обедов, гуляний, — словом, даже в то время, когда все чиновники рассеиваются по маленьким квартиркам своих приятелей поиграть в шуточной вист¹, прихлебывая чай из стаканов с копейными сухарями, затягиваясь дымом из длинных чубуков, расказывая во время сдачи какую-нибудь сплетню, занесшуюся из высшего общества, от которого никогда и ни в каком состоянии не может отказаться русский человек, или даже, когда не о чем говорить, пересказывая вечный анекдот о коменданте, которому пришлось сказать, что подрублен хвост у лошади Фальконева монуumenta², — словом, даже тогда, когда все стре-

¹ Вист — карточная игра.

² Памятник Петру I в Петербурге работы скульптора Фальконе.

мятся развлечься. — Акакий Акакиевич не предавался никакому развлечению. Никто не мог сказать, чтобы когда-нибудь видел его на каком-нибудь вечере. Написавшись всласть, он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: что-то Бог пошлет переписывать завтра. Так протекала мирная жизнь человека, который с четырьмя стами жалованья умел быть довольным своим жребием, и дотекла бы, может быть, до глубокой старости, если бы не было разных бедствий, рассыпанных на жизненной дороге не только титулярным, но даже тайным, действительным, надворным¹ и всяким советникам, даже и тем, которые не дают никому советов, ни от кого не берут их сами.

Есть в Петербурге сильный враг всех, получающих четыреста рублей в год жалованья или около того. Враг этот не кто другой, как наш северный мороз, хотя, впрочем, и говорят, что он очень здоров. В девятом часу утра, именно в тот час, когда улицы покрываются идущими в департамент, начинает он давать такие сильные и колючие щелчки без разбору по всем носам, что бедные чиновники решительно не знают, куда девать их. В это время, когда даже у занимающих высшие должности болит от морозу лоб и слезы выступают в глазах, бедные титулярные советники иногда бывают беззащитны. Все спасение состоит в том, чтобы в тощенькой шинелишке перебежать как можно скорее пять-шесть улиц и потом потоптаться хорошенько ногами в швейцарской, пока не оттают таким образом все замерзнувшие на дороге способности и дарованья к должностным отправлениям. Акакий Акакиевич с некоторого времени начал чувствовать, что его как-то особенно сильно стало пропекать в спину и плечо, несмотря на то что он старался перебежать как можно скорее законное пространство. Он подумал наконец, не заключается ли каких грехов в его шинели. Рассмотрев ее хорошенько у себя дома, он открыл, что в двух-трех местах, именно на спине и на плечах, она сделалась точная серпянка: сукно до того истерлось, что сквозило, и подкладка расплзлась. Надобно знать, что шинель Акакия Акакиевича служила тоже предметом

¹ *Тайный, действительный, надворный* — названия чинов в России XIX века.

насмешек чиновникам; от нее отнимали даже благородное имя шинели и называли ее капотом¹. В самом деле, она имела какое-то странное устройство: воротник ее уменьшался с каждым годом более и более, ибо служил на подтачиванье других частей ее. Подтачиванье не показывало искусства портного и выходило точно мешковато и некрасиво. Увидевши, в чем дело, Акакий Акакиевич решил, что шинель нужно будет снести к Петровичу, портному, жившему где-то в четвертом этаже по черной лестнице, который, несмотря на свой кривой глаз и рябизну по всему лицу, занимался довольно удачно починкой чиновничьих и всяких других паяталон и фраков, — разумеется, когда бывал в трезвом состоянии и не питал в голове какого-нибудь другого предприятия. Об этом портном, конечно, не следовало бы много говорить, но так как уже заведено, чтобы в повести характер всякого лица был совершенно означен, то, нечего делать, подавайте нам и Петровича сюда. Сначала он назывался просто Григорий и был крепостным человеком у какого-то барина; Петровичем он начал называться с тех пор, как получил отпускную и стал пропивать довольно сильно по всяким праздникам, сначала по большим, а потом, без разбору, по всем церковным, где только стоял в календаре крестик. С этой стороны он был верен дедовским обычаям и, споря с женой, называл ее мирскою² женщиной и немкой. Так как мы уже заикнулись про жену, то нужно будет и о ней сказать слова два; но, к сожалению, о ней немного было известно, разве только то, что у Петровича есть жена, носит даже чепчик, а не платок; но красотою, как кажется, она не могла похвастаться; по крайней мере при встрече с нею одни только гвардейские солдаты заглядывали ей под чепчик, моргнувши усом и испутивши какой-то особый голос.

Взбираясь по лестнице, ведущей к Петровичу, которая, надобно отдать справедливость, была вся умащена водой, помоями и проникнута насквозь тем спиртуозным запахом, который ест глаза и, как известно, присутствует неотлучно на всех черных лестницах петербургских домов, — взбираясь по лестнице, Акакий Акакиевич уже

¹ *Капот* — верхняя мужская или женская одежда в виде халата.

² *Мирской* — здесь: обыденный, приземленный.

подумывал о том, сколько запросит Петрович, и мысленно положил не давать больше двух рублей. Дверь была открыта, потому что хозяйка, готовя какую-то рыбу, напустила столько дыму в кухне, что нельзя было видеть даже и самых тараканов. Акакий Акакиевич прошел через кухню, не замеченный даже самою хозяйкою, и вступил наконец в комнату, где увидел Петровича, сидевшего на широком деревянном некрашеном столе и подвернувшего под себя ноги свои, как турецкий паша. Ноги, по обычаю портных, сидящих за работою, были нагипом. И прежде всего бросился в глаза большой палец, очень известный Акакию Акакиевичу, с каким-то изуродованным ногтем, толстым и крепким, как у черепахи череп. На шее у Петровича висел моток шелку и ниток, а на коленях была какая-то ветошь. Он уже минуты с три продавал нитку в иглиное ухо, не попадал и потому очень сердился на темноту и даже на самую нитку, ворча вполголоса: «Не лезет, варварка; усла ты меня, шельма этакая!» Акакию Акакиевичу было неприятно, что он пришел именно в ту минуту, когда Петрович сердился: он любил что-либо заказывать Петровичу тогда, когда последний был уже несколько под куражем, или, как выражалась жена его: «осадился сивухой, одноглазый черт». В таком состоянии Петрович обыкновенно очень охотно уступал и соглашался, всякий раз даже кланялся и благодарил. Потом, правда, приходила жена, плачась, что муж-де был пьян и потому дешево взялся; но гривенник, бывало, один прибавишь, и дело в шляпе. Теперь же Петрович был, казалось, в трезвом состоянии, а потому крут, несговорчив и охотник заламливать черт знает какие цены. Акакий Акакиевич смекнул это и хотел было уже, как говорится, на попятный двор, но уж дело было начато. Петрович прищурил на него очень пристально свой единственный глаз, и Акакий Акакиевич невольно выговорил:

— Здравствуй, Петрович!

— Здравствовать желаю, судырь, — сказал Петрович и покосил свой глаз на руки Акакия Акакиевича, желая рассмотреть, какого рода добычу тот нес.

— А я вот к тебе, Петрович, того...

Нужно знать, что Акакий Акакиевич изъяснялся большею частью предложениями, наречиями и, наконец, такими

Н. В. Гоголь. «Шинель». Акакий Акакиевич у Петровича.
Худ. В. Кустодиев. 1905

частицами, которые решительно не имеют никакого значения. Если же дело было очень затруднительно, то он даже имел обыкновенные совсем не оканчивать фразы, так что весьма часто, начавши речь словами: «Это, право, совершенно того...», а потом уже и ничего не было, и сам он позабывал, думая, что все уже выговорил.

— Что ж такое? — сказал Петрович и обмотрел в то же время своим единственным глазом весь вицмундир его, начиная с воротника до рукавов, спинки, фалд и петлей, — что все было ему очень знакомо, потому что было собственной его работы. Таков уж обычай у портных: это первое, что он сделает при встрече.

— А я вот того, Петрович... шинель-то, сукно... вот видишь, везде в других местах совсем крепкое, оно немножко запылилось, и кажется, как будто старое, а оно новое, да вот только в одном месте немного того... на спине, да еще вот на плече одном немного попротерлось, да вот на этом плече немножко — видишь, вот и все. И работы немного...

Петрович взял капот, разложил его сначала на стол, рассматривал долго, покачал головою и полез рукою на

окно за круглой табакеркой с портретом какого-то генерала, какого именно — неизвестно, потому что место, где находилось лицо, было проткнуто пальцем и потом заклеено четверугольным лоскуточком бумажки. Понюхав табак, Петрович растопырил капот на руках и рассмотрел его против света и опять покачал головою. Потом обратил его подкладкой вверх и вновь покачал, вновь снял крышку с генералом, заклеенным бумажкой, и, натащивши в нос табак, закрыл, сирягал табакерку и, наконец, сказал:

— Нет, нельзя поправить: худой гардероб!

У Акакия Акакиевича при этих словах екнуло сердце.

— Отчего же нельзя, Петрович? — сказал он почти умоляющим голосом ребенка, — ведь только всего что на плечах поистерлось, ведь у тебя есть же какие-нибудь кусочки...

— Да кусочки-то можно найти, кусочки найдутся, — сказал Петрович, — да нашить-то нельзя: дело совсем гнилое, тронешь иглой — а вот уж оно и ползет.

— Пусть ползет, а ты тотчас заплаточку.

— Да заплаточки не на чем положить, укрепиться ей не за что, поддержка больно велика. Только слава, что сукно, а подуй ветер, так разлетится.

— Ну, да уж прикрепи. Как же этак, право, того!..

— Нет, — сказал Петрович решительно, — ничего нельзя сделать. Дело совсем плохое. Уж вы лучше, как придет зимнее холодное время, наделайте из нее себе онучек, потому что чулок не греет. Это немцы выдумали, чтобы побольше себе денег забирать (Петрович любил при случае кольнуть немцев); а шинель уж, видно, вам придется новую делать.

При слове «новую» у Акакия Акакиевича затуманило в глазах, и все, что ни было в комнате, так и пошло перед ним путаться. Он видел ясно одного только генерала с заклеенным бумажкой лицом, находившегося на крышке Петровицовой табакерки.

— Как же новую? — сказал он, все еще как будто находясь во сне, — ведь у меня и денег на это нет.

— Да, новую, — сказал с варварским спокойствием Петрович.

— Ну, а если бы пришлось новую, как бы она того...

— То есть, что будет стоить?

— Да.

— Да три полсотни с лицом надо будет приложить, — сказал Петрович и сжал при этом значительно губы. Он очень любил сильные эффекты, любил вдруг как-нибудь озадачить совершенно и потом поглядеть искося, какую озадаченный сделает рожу после таких слов.

— Полтораста рублей за шинель! — вскрикнул бедный Акакий Акакиевич; вскрикнул, может быть, в первый раз отроду, ибо отличался всегда тихостью голоса.

— Да-с, — сказал Петрович, — да еще какова шинель. Если положить на воротник куницу да пустить калишон на шелковой подкладке, так и в двести войдет.

— Петрович, пожалуйста, — говорил Акакий Акакиевич умоляющим голосом, не слыша и не стараясь слышать сказанных Петровичем слов и всех его эффектов, — как-нибудь поправь, чтобы хоть сколько-нибудь еще послужила.

— Да нет, это выйдет: и работу убивать, и деньги попусту тратить, — сказал Петрович; и Акакий Акакиевич после таких слов вышел совершенно уничтоженный.

А Петрович, по уходе его, долго еще стоял, значительно сжавши губы и не принимаясь за работу, будучи доволен, что и себя не уронил, да и портного искусства тоже не выдал.

Вышед на улицу, Акакий Акакиевич был как во сне. «Этаково-то дело этакое, — говорил он сам себе, — я, право, и не думал, чтобы оно вышло того... — а потом, после некоторого молчания, прибавил: — Так вот как! наконец вот что вышло, а я, право, совсем и предполагать не мог, чтобы оно было так». За сим последовало опять долгое молчание, после которого он произнес: «Так этак-то! вот какое уж, точно никак неожиданное, того... этого бы никак... этакое-то обстоятельство!» Сказавши это, он, вместо того чтобы идти домой, пошел совершенно в противную сторону, сам того не подозревая. Дорогою задел его всем нечистым своим боком трубочист и вычернил все плечо ему; целая шапка извести высыпалась на него с верхушки строившегося дома. Он ничего этого не заметил, и потом уже, когда натолкнулся на будочника¹, который, поставя

¹ Будочник — полицейский часовой.

около себя свою алебарду¹, натряхивал из рожка на мозолистый кулак табак, тогда только немного очнулся, и то потому, что будочник сказал: «Чего лезешь в самое рыло, разве нет тебе труктуара²?» Это заставило его оглянуться и поворотить домой. Здесь только он начал собирать мысли, увидел в ясном и настоящем виде свое положение, стал разговаривать с собою уже не отрывисто, но рассудительно и откровенно, как с благоразумным приятелем, с которым можно поговорить о деле самом сердечном и близком. «Ну нет, — сказал Акакий Акакиевич, — теперь с Петровичем нельзя толковать: он теперь того... жена, видно, как-нибудь поколотила его. А вот я лучше приду к нему в воскресный день утром: он после канцунешной субботы будет косить глазом и заспавшись, так ему нужно будет опохмелиться, а жена денег не даст, а в это время я ему гривенничек и того, в руку, он и будет стоворчивее и шинель тогда и того...» Так рассудил сам с собою Акакий Акакиевич, ободрил себя и дождался первого воскресенья, и, увидев издали, что жена Петровича куда-то выходила из дому, он прямо к нему. Петрович, точно, после субботы сильно косил глазом, голову держал к полу и был совсем заспавшись; но при всем том, как только узнал, в чем дело, точно как будто его черт толкнул. «Нельзя, — сказал, — извольте заказать новую». Акакий Акакиевич тут-то и всунул ему гривенничек. «Благодарствую, судырь, подкреплюсь маленечко за ваше здоровье, — сказал Петрович, — а уж об шинели не извольте беспокоиться: она ни на какую годность не годится. Новую шинель уж я вам сошью на славу, уж на этом постоим».

Акакий Акакиевич еще было насчет починки, но Петрович не дослышал и сказал: «Уж новую я вам сошью бесприменно, в этом извольте положиться, старание приложим. Можно будет даже так, как пошла мода: воротник будет застегиваться на серебряные лапки под апплике³».

Тут-то увидел Акакий Акакиевич, что без новой шинели нельзя обойтись, и поник совершенно духом. Как же, в самом деле, на что, на какие деньги ее сделать? Конечно,

¹ *Алебарда* — старинное оружие.

² *Труктуар* — искаженное *тротуар*.

³ *Аплике* — накладное серебро.

можно бы отчасти положиться на будущее награждение к празднику, но эти деньги давно уже размещены и распределены вперед. Требовалось завести новые панталоны, заплатить сапожнику старый долг за приставку новых головок к старым голенищам, да следовало заказать швее три рубахи, да штуки две того белья, которое неприлично называть в печатном слого, — словом, все деньги совершенно должны были разойтись; и если бы даже директор был так милостив, что вместо сорока рублей наградных определил бы сорок пять или пятьдесят, то все-таки останется какой-нибудь самый вздор, который в шинельном капитале будет капля в море. Хотя, конечно, он знал, что за Петровичем водилась блажь заломить вдруг черт знает какую непомерную цену, так что уж, бывало, сама жена не могла удержаться, чтобы не вскрикнуть: «Что ты с ума сходишь, дурак такой! В другой раз ни за что возьмет работать, а теперь разнесла его нелегкая запросить такую цену, какой и сам не стоит». Хотя, конечно, он знал, что Петрович и за восемьдесят рублей возьмется сделать; однако все же откуда взять эти восемьдесят рублей? Еще половину можно бы найти: половина бы отыскалась; может быть, даже немощко и больше; но где взять другую половину?.. Но прежде читателю должно узнать, где взялась первая половина. Акакий Акакиевич имел обыкновение со всякого истрачиваемого рубля откладывать по грошу в небольшой ящичек, запертый на ключ, с прорезанною в крышке дырочкой для бросания туда денег. По истечении всякого полугода он ревизовал накопившуюся медную сумму и заменял ее мелким серебром. Так продолжал он с давних пор, и, таким образом, в продолжение нескольких лет оказалось накопившейся суммы более, чем на сорок рублей. Итак, половина была в руках, но где же взять другую половину? Где взять другие сорок рублей? Акакий Акакиевич думал, думал и решил, что нужно будет уменьшить обыкновенные издержки, хотя, по крайней мере, в продолжение одного года: изгнать употребление чаю по вечерам, не зажигать по вечерам свечи, а если что понадобится делать, идти в комнату к хозяйке и работать при ее свечке, ходя по улицам, ступать как можно легче и осторожнее по камням и плитам, почти на цыпочках, чтобы таким образом не истереть скоровременно подметок; как можно реже отдавать

прачке мыть белье, а чтобы не занашивалось, то всякий раз, приходя домой, скидать его и оставаться в одном только демикотоновом халате, очень давнем и щадимом даже самым временем. Надобно сказать правду, что сначала ему было несколько трудно привыкать к таким ограничениям, но потом как-то привыкло и пошло на лад; даже он совершенно приучился голодать по вечерам; но зато он питался духовно, нося в мыслях своих вечную идею будущей шинели. С этих пор как будто самое существование его сделалось как-то полнее, как будто бы он женился, как будто какой-то другой человек присутствовал с ним, как будто он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу, — и подруга эта была не кто другая, как та же шинель на толстой вате, на крепкой подкладке без износу. Он сделался как-то живее, даже тверже характером, как человек, который уже определил и поставил себе цель. С лица и с поступков его исчезло само собою сомнение, нерешительность — словом, все колеблющиеся и неопределенные черты. Огонь порою показывался в глазах его, в голове даже мелькали самые дерзкие и отважные мысли: не положить ли точно кунцу на воротник? Размышления об этом чуть не навели на него рассеянности. Один раз, переписывая бумагу, он чуть было даже не сделал ошибки, так что почти вслух вскрикнул: «ух!» и перекрестился. В продолжение каждого месяца он хотя один раз наведывался к Петровичу, чтобы поговорить о шинели, где лучше купить сукна, и какого цвета, и в какую цену, и хотя несколько озабоченный, но всегда довольный возвращался домой, помышляя, что, наконец, придет же время, когда все это купится и когда шинель будет сделана. Дело пошло даже скорее, чем он ожидал. Противу всякого чаяния, директор назначил Акакию Акакиевичу не сорок или сорок пять, а целых шестьдесят рублей: уж предчувствовал ли он, что Акакию Акакиевичу нужна шинель, или само собой так случилось, но только у него чрез это очутилось лишних двадцать рублей. Это обстоятельство ускорило ход дела. Еще каких-нибудь два-три месяца небольшого голодания — и у Акакия Акакиевича набралось точно около восьмидесяти рублей. Сердце его, вообще весьма покойное, начало биться. В первый же день он отправился вместе с Петровичем

в лавки. Купили сукна очень хорошего — и неслучайно, потому что об этом думали еще за полгода прежде и редкий месяц не заходили в лавки применяться к ценам; зато сам Петрович сказал, что лучше сукна и не бывает. На подкладку выбрали коленкору¹, но такого добротного и плотного, который, по словам Петровича, был еще лучше шелку и даже на вид казистей и глянцевитей. Куницы не купили, потому что была точно дорога; а вместо ее выбрали кошку, лучшую, какая только нашлась в лавке, кошку, которую издали можно было всегда принять за куницу. Петрович провозился за шинелью всего две недели, потому что много было стеганья, а иначе она была бы готова раньше. За работу Петрович взял двенадцать рублей — меньше никак нельзя было: все было решительно шито на шелку, двойным мелким швом, и по всякому шву Петрович потом проходил собственными зубами, вытесняя ими разные фигуры. Это было... трудно сказать, в который именно день, но, вероятно, в день самый торжественнейший в жизни Акакия Акакиевича, когда Петрович принес, наконец, шинель. Он принес ее поутру, перед самым тем временем, как нужно было идти в департамент. Никогда бы в другое время не пришлось так кстати шинель, потому что начинались уже довольно крепкие морозы и, казалось, грозили еще более усилиться. Петрович явился с шинелью, как следует хорошему портному. В лице его показалось выражение такое значительное, какого Акакий Акакиевич никогда еще не видал. Казалось, он чувствовал в полной мере, что сделал немалое дело и что вдруг показал в себе бездну, разделяющую портных, которые подставляют только подкладки и переправляют, от тех, которые шьют заново. Он вынул шинель из носового платка, в котором ее принес; платок был только что от прачки; он уже потом свернул его и положил в карман для употребления. Вынувши шинель, он весьма гордо посмотрел и, держа в обеих руках, набросил весьма ловко на плеча Акакия Акакиевичу; потом потянул и осадил ее сзади рукой книзу; потом драпировал ею Акакия Акакиевича несколько нараспашку. Акакий Акакиевич, как человек в летах, хотел попробовать в рукава; Петрович помог надеть и в рукава, — вышло, что и в рукава была

¹ Коленкор — дешвая плотная хлопчатобумажная материя.

хороша. Словом, оказалось, что шинель была совершенно и как раз в пору. Петрович не упустил при сем случае сказать, что он так только, потому что живет без вывески на небольшой улице и притом давно знает Акакия Акакиевича, потому взял так дешево; а на Невском проспекте с него бы взяли за одну только работу семьдесят пять рублей. Акакий Акакиевич об этом не хотел рассуждать с Петровичем, да и боялся всех сильных сумм, какими Петрович любил запускать пыль. Он расплатился с ним, поблагодарил и вышел тут же в новой шинели в департамент. Петрович вышел вслед за ним и, оставаясь на улице, долго еще смотрел издали на шинель и потом пошел нарочно в сторону, чтобы, обогнувши кривым переулком, забежать вновь на улицу и посмотреть еще раз на свою шинель с другой стороны, то есть прямо в лицо. Между тем Акакий Акакиевич шел в самом праздничном расположении всех чувств. Он чувствовал всякий миг минуты, что на плечах его новая шинель, и несколько раз даже усмехнулся от внутреннего удовольствия. В самом деле, две выгоды: одно то, что тепло, а другое, что хорошо. Дороги он не заметил вовсе и очутился вдруг в департаменте; в швейцарской он скинул шинель, осмотрел ее кругом и поручил в особенный надзор швейцару. Неизвестно, каким образом в департаменте все вдруг узнали, что у Акакия Акакиевича новая шинель и что уже капота более не существует. Все в ту же минуту выбежали в швейцарскую смотреть новую шинель Акакия Акакиевича. Начали поздравлять его, приветствовать, так что тот сначала только улыбался, а потом сделалось ему даже стыдно. Когда же все, приступив к нему, стали говорить, что нужно вспрыснуть новую шинель и что, по крайней мере, он должен задать им всем вечер. Акакий Акакиевич потерялся совершенно, не знал, как ему быть, что такое отвечать и как отговориться. Он уже минут через несколько, весь покрасневший, начал было уверять довольно просто душно, что это совсем не новая шинель, что это так, что это старая шинель. Наконец один из чиновников, какой-то даже помощник столоначальника, вероятно для того, чтобы показать, что он ничуть не гордец и знает даже с низшими себя, сказал: «Так и быть, я вместо Акакия Акакиевича даю вечер и прошу ко мне сегодня на чай: я же, как нарочно, сегодня имсидиник».

Чиновники, натурально, тут же поздравили помощника столоначальника и приняли с охотою предложение. Акакий Акакиевич начал было отговариваться, но все стали говорить, что неучтиво, что просто стыд и срам, и он уж никак не мог отказаться. Впрочем, ему потом сделалось приятно, когда вспомнил, что он будет иметь чрез то случай пройтись даже и ввечеру в новой шинели. Этот весь день был для Акакия Акакиевича точно самый большой торжественный праздник. Он возвратился домой в самом счастливом расположении духа, скинул шивель и повесил ее бережно на стене, налюбовавшись еще раз сукном и подкладкой, и потом нарочно вытащил, для сравнения, прежний капот свой, совершенно расползшийся. Он взглянул на него, и сам даже засмеялся: такая была далекая разница! И долго еще потом за обедом он все усмеялся, как только приходило ему на ум положение, в котором находился капот. Пообедал он весело и после обеда уж ничего не писал, никаких бумаг, а так немножко посибаритствовал¹ на постеле, пока не потемнело. Потом, перетягивая дела, оделся, надел на плеча шинель и вышел на улицу. Где именно жил приглашенный чиновник, к сожалению, не можем сказать: память начинаст нам сильно изменять, и все, что ни есть в Петербурге, все улицы и дома слились и смешались так в голове, что весьма трудно достать оттуда что-нибудь в порядочном виде. Как бы то ни было, но верно, по крайней мере, то, что чиновник жил в лучшей части города, — стало быть, очень не далеко от Акакия Акакиевича. Сначала надо было Акакию Акакиевичу пройти кое-какие пустынные улицы с тощим освещением, но по мере приближения к квартире чиновника улицы становились живее, населенней и сильнее освещены. Пешеходы стали мелькать чаще, начали попадаться и дамы, красиво одетые, на мужчинах попадались бровровые воротники, реже встречались валянки с деревянными решетчатыми своими санками, утыканными позолоченными гвоздочками, — напротив, все попадались лихачи в малиновых бархатных шапках, с лакированными санками, с медвежьими одеялами, и пролетали улицу, визжа колесами по снегу, кареты с убранными козлами.

¹ *Сибаритствовать* — вести жизнь сибарита, т. е. человека, предающегося праздности и удовольствиям.

Акакий Акакиевич глядел на все это, как на новость. Он уже несколько лет не выходил по вечерам на улицу. Остановился с любопытством перед освещенным окошком магазина посмотреть на картину, где изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала с себя башмак, обнаживши, таким образом, всю ногу, очень недурную; а за спиной ее, из дверей другой комнаты, выставил голову какой-то мужчина с бакенбардами и красивой эспаньолкой¹ под губой. Акакий Акакиевич покачал головой и усмехнулся и потом пошел своею дорогою. Почему он усмехнулся, потому ли, что встретил вещь вовсе не знакомую, но о которой, однако же, все-таки у каждого сохраняется какое-то чутье, или подумал он, подобно многим другим чиновникам, следующее: «Ну, уж эти французы! что и говорить, уж ежели захотят что-нибудь того, так уж точно того...» А может быть, даже и этого не подумал — ведь нельзя же залезть в душу человеку и узнать все, что он ни думает. Наконец достигнул он дома, в котором квартировал помощник столоначальника. Помощник столоначальника жил на большую ногу: на лестнице светил фонарь, квартира была во втором этаже. Вошедши в переднюю, Акакий Акакиевич увидел на полу целые ряды калош. Между ними, посреди комнаты, стоял самовар, шумя и испуская клубами пар. На стенах висели все шинели да плащи, между которыми некоторые были даже с бобровыми воротниками или с бархатными отворотами. За стеной был слышен шум и говор, которые вдруг сделались ясными и звонкими, когда отворилась дверь и вышел лакей с подносом, уставленным опорожненными стаканами, сливочником и корзиною сухарей. Видно, что уж чиновники давно собрались и выпили по первому стакану чай. Акакий Акакиевич, повесивши сам шинель свою, вошел в комнату, и перед ним мелькнули в одно время свечи, чиновники, трубки, столы для карт, и смутно поразили слух его беглый, со всех сторон подымавшийся разговор и шум передвигаемых стульев. Он остановился весьма неловко среди комнаты, ища и стараясь придумать, что ему сделать. Но его уже заметили, приняли с криком, и все пошло тот же час в переднюю и вновь осмотрели его шипель. Акакий Акакиевич хотя

¹ Эспаньолка — маленькая острокопечная борода.

было отчасти и сконфузился, но, будучи человеком чисто-сердечным, не мог не порадоваться, видя, как все похвалили шинель. Потом, разумеется, все бросили и его и шинель и обратились, как водится, к столам, назначенным для виста. Все это: шум, говор и толпа людей, — все это было как-то чудно Акакию Акакиевичу. Он просто не знал, как ему быть, куда деть руки, ноги и всю фигуру свою; наконец подсел он к игравшим, смотрел в карты, засматривал тому и другому в лица и чрез несколько времени начал зевать, чувствовать, что скучно, тем более что уж давно наступило то время, в которое он, по обыкновению, ложился спать. Он хотел проститься с хозяином, но его не пустили, говоря, что непременно надо выпить в честь обновки по бокалу шампанского. Через час подали ужин, состоявший из винегрета, холодной телятины, паццета, кондитерских пирожков и шампанского. Акакия Акакиевича заставили выпить два бокала, после которых он почувствовал, что в комнате сделалось веселее, однако ж никак не мог позабыть, что уже двенадцать часов и что давно пора домой. Чтобы как-нибудь не вздумал удерживать хозяин, он вышел потихоньку из комнаты, отыскал в передней шинель, которую не без сожаления увидел лежавшею на полу, стряхнул ее, снял с нее всякую пушинку, надел на плеча и обустился по лестнице на улицу. На улице все еще было светло. Кое-какие мелочные давчонки, эти бессменные клубы дворовых и всяких людей, были отперты, другие же, которые были заперты, показывали, однако ж, длинную струю света во всю дверную щель, означавшую, что они не лишены еще общества и, вероятно, дворовые служанки или слуги еще доканчивают свои толки и разговоры, повергая своих господ в совершенное недоумение насчет своего местопребывания. Акакий Акакиевич шел в веселом расположении духа, даже подбежал было вдруг, неизвестно почему, за какою-то дамою, которая, как молния, прошла мимо и у которой всякая часть тела была исполнена необыкновенного движения. Но, однако ж, он тут же остановился и пошел опять по-прежнему, очень тихо, подивясь даже сам неизвестно откуда взявшейся рыси. Скоро потянулись перед ним те пустынные улицы, которые даже и днем не так веселы, а тем более вечером. Теперь они сделались еще глуше и уединеннее: фонари стали мелькать

реже — масла, как видно, уже меньше отпускалось; пошли деревянные дома, заборы; нигде ни души; сверкал только один снег по улицам, да печально чернели с закрытыми ставнями заснувшие низенькие лачужки. Он приблизился к тому месту, где перерезывалась улица бесконечною площадью с едва видимыми на другой стороне ее домами, которая глядела страшною пустынею.

Бдали, Бог знает где, мелькал огонек в какой-то будке, которая казалась стоявшею на краю света. Веселость Акакия Акакиевича как-то здесь значительно уменьшилась. Он вступил на площадь не без какой-то невольной боязни, точно как будто сердце его предчувствовало что-то недоброе. Он оглянулся назад и по сторонам: точное море вокруг него. «Нет, лучше и не глядеть», — подумал и шел, закрыв глаза, и, когда открыл их, чтобы узнать, близко ли конец площади, увидел вдруг, что перед ним стоят почти перед носом какие-то люди с усами, какие именно, уж этого он не мог даже различить. У него затуманило в глазах и забилося в груди. «А ведь шинель-то моя!» — сказал один из них громовым голосом, схвативши его за воротник. Акакий Акакиевич хотел было уже закричать «караул», как другой приставил ему к самому рту кулак величиною в чиновничью голову, промолвив: «А вот только крикни!» Акакий Акакиевич чувствовал только, как сняли с него шинель, дали ему пипка коленом, и он упал навзничь в снег и ничего уж больше не чувствовал. Через несколько минут он опомнился и поднялся на ноги, но уж никого не было. Он чувствовал, что в поле холодно, и шинели вет, стал кричать, но голос, казалось, и не думал долетать до концов площади. Отчаянный, не устывая кричать, пустился он бежать через площадь прямо к будке, подле которой стоял будочник и, опершись на свою алебарду, глядел, кажется, с любопытством, желая знать, какого черта бежит к нему издали и кричит человек. Акакий Акакиевич, прибежав к нему, начал задыхающимся голосом кричать, что он спит и ни за чем не смотрит, не видит, как грабят человека. Будочник отвечал, что он не видал ничего, что видел, как остановили его среди площади какие-то два человека, да думал, что то были его приятели; а что пусть он вместо того, чтобы понапрасну браниться, сходит завтра к надзирателю, так надзиратель отыщет, кто

взял шинель. Акакий Акакиевич прибежал домой в совершенном беспорядке: волосы, которые еще водились у него в небольшом количестве на висках и затылке, совершенно растрепались; бок и грудь и все панталоны были в снегу. Старуха, хозяйка квартиры его, услыша страшный стук в дверь, поспешно вскочила с постели и с башмаком на одной только ноге побежала открывать дверь, придерживая на груди своей, из скромности, рукою рубашку; но, отворив, отступила назад, увидя в таком виде Акакия Акакиевича. Когда же рассказал он, в чем дело, она всплеснула руками и сказала, что нужно идти прямо к частному¹, что квартальный² надует, пообещается и станет водить; а лучше всего идти прямо к частному, что он даже ей знаком, потому что Анна, чухонка³, служившая прежде у нее в кухарках, определилась теперь к частному в няньки, что она часто видит его самого, как он проезжает мимо их дома, и что он бывает также всякое воскресенье в церкви, молится, а в то же время весело смотрит на всех, и что, стало быть, по всему видно, должен быть добрый человек. Выслушав такое решение, Акакий Акакиевич печальный побрел в свою комнату, и, как он провел там ночь, предоставляется судить тому, кто может сколько-нибудь представить себе положение другого. Поутру рано отправился он к частному; но сказали, что спит; он пришел в десять — сказали опять: спит; он пришел в одиннадцать часов — сказали: да нет частного дома; он в обеденное время — но писаря в прихожей никак не хотели пустить его и хотели непременно узнать, за каким делом и какая надобность привела и что такое случилось. Так что, наконец, Акакий Акакиевич раз в жизни захотел показать характер и сказал наотрез, что ему нужно лично видеть самого частного, что они не смеют его не допустить, что он пришел из департамента за казенным делом, а что вот как он на них пожалуется, так вот тогда они увидят. Против этого писаря ничего не посмели сказать, и один из них пошел вызвать частного.

¹ Частный — начальник полицейской части.

² Квартальный — полицейский, под надзором которого находилась определенная часть города (квартал).

³ Чухонка — пренебрежительное название женщины финской национальности в дореволюционной России.

Частный принял как-то чрезвычайно странно рассказ о грабительстве шинели. Вместо того чтобы обратить внимание на главный пункт дела, он стал расспрашивать Акакия Акакиевича: да почему он так поздно возвращался, да не заходил ли он и не был ли в каком непорядочном доме, так что Акакий Акакиевич сконфузился совершенно и вышел от него, сам не зная, возымеет ли надлежащий ход дело о шинели или нет. Весь этот день он не был в присутствии¹ (единственный случай в его жизни). На другой день он явился весь бледный и в старом капоте своем, который сделался еще плачевнее. Повествование о грабеже шинели, несмотря на то, что нашлись такие чиновники, которые не пропустили даже и тут посмеяться над Акакием Акакиевичем, однако же многих тронуло. Решились тут же сделать для него складчину, но собрали самую бездельницу, потому что чиновники и без того уже много истратились, подписавшись на директорский портрет и на одну какую-то книгу, по предложению начальника отделения, который был приятелем сочинителю, — итак, сумма оказалась самая бездельная. Один кто-то, движимый состраданием, решился по крайней мере помочь Акакию Акакиевичу добрым советом, сказавши, чтоб он пошел не к квартальному, потому что хоть и может случиться, что квартальный, желая заслужить одобрение начальства, отыщет каким-нибудь образом шинель, но шинель все-таки останется в полиции, если он не представит законных доказательств, что она принадлежит ему; а лучше всего, чтобы он обратился к одному значительному лицу, что значительное лицо, спишась и снесясь с кем следует, может заставить успешнее идти дело. Нечего делать, Акакий Акакиевич решился идти к значительному лицу. Какая именно и в чем состояла должность значительного лица, это осталось до сих пор неизвестным. Нужно знать, что одно значительное лицо недавно сделался значительным лицом, а до того времени он был незначительным лицом. Впрочем, место его и теперь не почиталось значительным в сравнении с другими, еще значительнейшими. Но всегда найдется такой круг людей, для которых незначительное в глазах прочих есть уже значительное. Впрочем, он старался

¹ *Присутствие* — учреждение в России.

усилить значительность многими другими средствами, именно: завел, чтобы низшие чиновники встречали его еще на лестнице, когда он приходил в должность, чтобы к нему являться прямо никто не смел, а чтоб шло все порядком строжайшим: коллежский регистратор¹ докладывал бы губернскому секретарю, губернский секретарь — титулярному или какому приходилось другому, и чтобы уже, таким образом, доходило дело до него. Так уж на святой Руси все заражено подражанием, всякий дразнит и корчит своего начальника. Говорят даже, какой-то титулярный советник, когда сделали его правителем какой-то отдельной небольшой канцелярии, тотчас же отгородил себе особенную комнату, назвавши ее «комнатой присутствия», и поставил у дверей каких-то капальдинеров с красными воротниками, в галузах, которые брались за ручку дверей и отворяли ее всякому приходившему, хотя в «комнате присутствия» насилу мог уставиться обыкновенный письменный стол. Приемы и обычаи значительного лица были солидны и величественны, но не многосложны. Главным основанием его системы была строгость. «Строгость, строгость и — строгость», — говорил он обыкновенно и при последнем слове обыкновенно смотрел очень значительно в лицо тому, которому говорил. Хотя, впрочем, этому и не было никакой причины, потому что десяток чиновников, составлявших весь правительственный механизм канцелярии, и без того был в надлежащем страхе: завидя его издали, оставлял уже дело и ожидал стоя вытяжку, пока начальник пройдет через комнату. Обыкновенный разговор его с низшими отзывался строгостью и состоял почти из трех фраз: «Как вы смеете? Знаете ли вы, с кем говорите? Понимаете ли, кто стоит перед вами?» Впрочем, он был в душе добрый человек, хорош с товарищами, услужлив, но генеральский чин совершенно сбил его с толку. Получивши генеральский чин, он как-то спутался, сбился с пути и совершенно не знал, как ему быть. Если ему случалось быть с равными себе, он был еще человек как следует, человек очень порядочный, во многих отношениях даже не глухой человек; но как только случалось ему быть в

¹ Коллежский регистратор — нижний гражданский чин в России XIX века.

обществе, где были люди хоть одним чином пониже его, там он был просто хоть из рук вон: молчал, и положение его возбуждало жалость, тем более что он сам даже чувствовал, что мог бы провести время несравненно лучше. В глазах его иногда видно было сильное желание присоединиться к какому-нибудь интересному разговору и кружку, но останавливала его мысль: не будет ли это уж очень много с его стороны, не будет ли фамильярно, и не уронит ли он чрез то своего значения? И вследствие таких рассуждений он оставался вечно в одном и том же молчаливом состоянии, произнося только изредка какие-то односложные звуки, и приобрел таким образом титул скучнейшего человека. К такому-то значительному лицу явился наш Акакий Акакиевич, и явился во время самое неблагоприятное, весьма некстати для себя, хотя, впрочем, кстати для значительного лица. Значительное лицо находился в своем кабинете и разговорился очень-очень весело с одним недавно приехавшим старинным знакомым и товарищем детства, с которым несколько лет не видался. В это время доложили ему, что пришел какой-то Башмачкин. Он спросил отрывисто: «Кто такой?» Ему отвечали: «Какой-то чиновник». — «А! может подождать, теперь не время», — сказал значительный человек. Здесь надобно сказать, что значительный человек совершенно пригнул: ему было время, они давно уже с приятелем переговорили обо всем и уже давно переключивали разговор весьма длинными молчаниями, слегка только потрепливая друг друга по ляжке и приговаривая: «Так-то, Иван Абрамович!» — «Этак-то, Степан Варламович!» Но при всем том, однако же, велел он чиновнику подождать, чтобы показать приятелю, человеку давно не служившему и зажившемуся дома в деревне, сколько времени чиновники дожидаются у него в передней. Наконец наговорившись, а еще более намолчавшись вдоволь и выкуривши сигарку в весьма покойных креслах с откидными спинками, он, наконец, как будто здруг вспомнил и сказал секретарю, остановившемуся у дверей с бумагами для доклада: «Да, ведь там стоит, кажется, чиновник; скажите ему, что он может войти». Увидевши смиренный вид Акакия Акакиевича и его старенький вицмундир, он оборотился к нему вдруг и сказал: «Что вам угодно?» — голосом отрывистым и твердым, которому

нарочно учился заранее у себя в комнате, в уединении и перед зеркалом, еще за неделю до получения нынешнего своего места и генеральского чина. Акакий Акакиевич уже заблаговременно почувствовал надлежащую робость, несколько смутился и, как мог, сколько могла позволить ему свобода языка, изъяснил с прибавлением даже чаще, чем в другое время, частиц «того», что была-де шинель совершенно новая, и теперь ограблен бесчеловечным образом, и что он обращается к нему, чтоб он ходатайством своим как-нибудь того, списался бы с господином обер-полицмейстером или другим кем и отыскал шинель. Генералу, неизвестно почему, показалось такое обхождение фамильярным¹.

— Что вы, милостивый государь, — продолжал он отрывисто, — не знаете порядка? куда вы зашли? не знаете, как водятся дела? Об этом вы бы должны были прежде подать просьбу в канцелярию; она пошла бы к столоначальнику, к начальнику отделения, потом передана была бы секретарю, а секретарь доставил бы ее уже мне...

— Но, ваше превосходительство, — сказал Акакий Акакиевич, стараясь собрать всю небольшую горсть присутствия духа, какая только в нем была, и чувствуя в то же время, что он вспотел ужасным образом, — я ваше превосходительство осмелился утрудить потому, что секретари того... ненадежный народ...

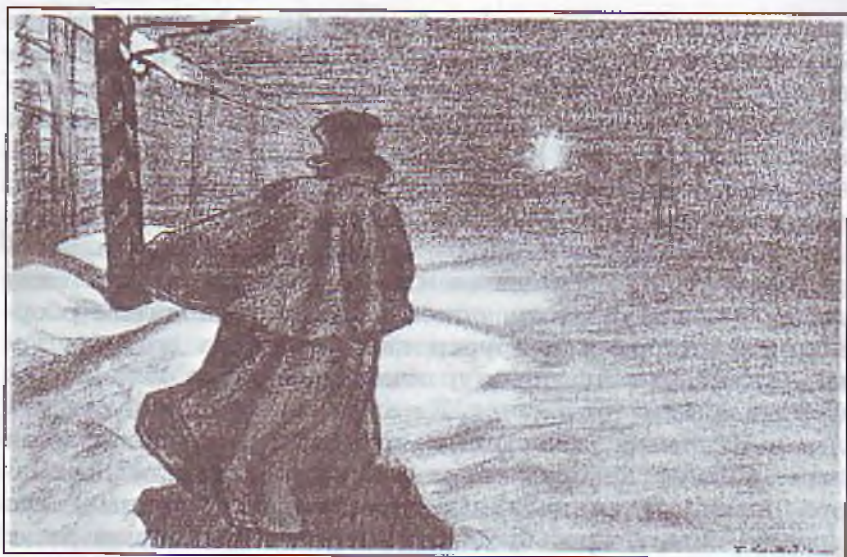
— Что, что, что? — сказал значительное лицо. — Откуда вы набрались такого духу? откуда вы мыслей таких набрались? что за буйство такое распространилось между молодыми людьми против начальников и вышних!

Значительное лицо, кажется, не заметил, что Акакию Акакиевичу забралось уже за пятьдесят лет. Стало быть, если бы он и мог назваться молодым человеком, то разве только относительно, то есть в отношении к тому, кому уже было семьдесят лет.

— Знаете ли вы, кому это говорите? понимаете ли вы, кто стоит перед вами? понимаете ли вы это, понимаете ли это? я вас спрашиваю.

Тут он топнул ногою, возведя голос до такой сильной ноты, что даже и не Акакию Акакиевичу сделалось бы

¹ *Фамильярный* — бесперемолный, неуместно развязный.

Н. В. Гоголь. «Шинель». Акакий Акакиевич возвращается с вечера. Худ. Б. Кустодисв. 1905

страшно. Акакий Акакиевич так и обмер, пошатнулся, затрясся всем телом и никак не мог стоять, если бы не подбежали тут же сторожа поддержать его, он бы шлепнулся на пол; его вынесли почти без движения. А значительное лицо, довольный тем, что эффект превзошел даже ожидание, и совершенно упоенный мыслью, что слово его может лишить даже чувств человека, искоса взглянул на приятеля, чтобы узнать, как он на это смотрит, и не без удовольствия увидел, что приятель его находился в самом неопределенном состоянии и начинал даже с своей стороны сам чувствовать страх.

Как сошел с лестницы, как вышел на улицу, ничего уж этого не помнил Акакий Акакиевич. Он не слышал ни рук, ни ног. В жизнь свою он не был еще так сильно распечен генералом, да еще и чужим. Он шел по вьюге, свистевшей в улицах, разинув рот, сбиваясь с тротуаров; ветер, по петербургскому обычаю, дул на него со всех четырех сторон, из всех переулков. Вмиг надуло ему в горло жабу¹, и добрался он домой, не в силах будучи сказать

¹ Жаба — ангина.

ни одного слова; весь распух и слег в постель. Так сильно иногда бывает надлежащее распеканье! На другой же день обнаружилась у него сильная горячка. Благодаря великодушному вспомоществованию петербургского климата, болезнь пошла быстрее, чем можно было ожидать, и когда явился доктор, то он, пощупавши пульс, ничего не нашелся сделать, как только прописать припарку, единственно уже для того, чтобы больной не остался без благодетельной помощи медицины; а впрочем, тут же объявил ему чрез полтора суток непременный капут¹. После чего обратился к хозяйке и сказал: «А вы, матушка, и времени даром не теряйте, закажите ему теперь же сосновый гроб, потому что дубовый будет для него дорог». Слышал ли Акакий Акакиевич эти произнесенные роковые для него слова, а если и слышал, произвели ли они на него потрясающее действие, пожалел ли он о горемычной своей жизни, — ничего этого неизвестно, потому что он находился все время в бреду и жару. Явления, одно другого страшнее, представлялись ему беспрестанно: то видел он Петровича и заказывал ему сделать шинель с какими-то западнями для воров, которые чудились ему беспрестанно под кроватью, и он поминутно призывал хозяйку вытащить у него одного вора даже из-под одеяла; то спрашивал, зачем висит перед ним старый капот его, что у него есть новая шинель; то чудилось ему, что он стоит перед генералом, выслушивая надлежащее распеканье, и приговаривает: «Винovat, ваше превосходительство!», то, наконец, даже сквернохульничал², произнося самые страшные слова, так что старушка хозяйка даже крестилась, отроду не слыхав от него ничего подобного, тем более что слова эти следовали непосредственно за словом «ваше превосходительство». Далее он говорил совершенную бессмыслицу, так что ничего нельзя было понять; можно было только видеть, что беспорядочные слова и мысли вращались около одной и той же шинели. Наконец бедный Акакий Акакиевич испустил дух. Ни комнаты, ни вещей его не печатавали, потому что, во-первых, не было наследников, а во-вторых, оставалось

¹ *Капут* (нем.) — конец.

² *Сквернохульничал* — то же, что и *сквернословить* — употреблять исприличные слова в речи.

очень немного наследства, именно: пучок гусиных перьев, дещь белой казенной бумаги, три пары носков, две три пуговицы, оторвавшиеся от панталон, и уже известный читателю капот. Кому все это досталось, Бог знает: об этом, признаюсь, даже не интересовался рассказывающий сию повесть. Акакия Акакиевича свезли и похоронили. И Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы в нем его и никогда не было. Исчезло и скрылось существо, никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя внимание и естествонаблюдателя, не пропускающего посадить на булавку обыкновенную муху и рассмотреть ее в микроскоп; существо, переносившее покорно канцелярские насмешки и без всякого чрезвычайного дела сошедшее в могилу, но для которого все же таки, хотя перед самым концом жизни, мелькнул светлый гость в виде шинели, ожививший на миг бедную жизнь, и на которое так же потом нестерпимо обрушилось несчастье, как обрушивалось на царей и повелителей мира... Несколько дней после его смерти послан был к нему на квартиру из департамента сторож, с приказанием немедленно явиться: начальник-де требует; но сторож должен был возвратиться ни с чем, давши отчет, что не может больше прийти, и на запрос «почему?» выразился словами: «Да так, уж он умер, четвертого дня похоронили». Таким образом узнали в департаменте о смерти Акакия Акакиевича, и на другой день уже на его месте сидел новый чиновник, гораздо выше ростом и выставляющий буквы уже не таким прямым почерком, а гораздо наклонное и косее.

Но кто бы мог вообразить, что здесь еще не все об Акакии Акакиевиче, что суждено ему на несколько дней прожить шумно после своей смерти, как бы в награду за не примеченную никем жизнь? Но так случилось, и бедная история наша неожиданно принимает фантастическое окончание. По Петербургу пронеслись вдруг слухи, что у Калинкина моста и далеко подальше стал показываться по ночам мертвец в виде чиновника, ищущего какой-то утащенной шинели, и под видом стащенной шинели сдирающий со всех плеч, не разбирая чина и звания, всякие шинели: на кошках, на бобрах, на вате, енотовые, лисьи, медвежьи шубы — словом, всякого рода меха и

кожи, какие только придумали люди для прикрытия собственной. Один из департаментских чиновников видел своими глазами мертвеца и узнал в нем тотчас Акакия Акакиевича; но это внушило ему, однако же, такой страх, что он бросился бежать со всех ног и оттого не мог хорошенько рассмотреть, а видел только, как тот издали погрозил ему пальцем. Со всех сторон поступали беспрестанно жалобы, что спины и плечи, пускай бы еще только титулярных, а то даже самих тайных советников, подвержены совершенной простуде по причине ночного сдергивания шинелей. В полиции сделано было распоряжение поймать мертвеца во что бы то ни стало, живого или мертвого, и наказать его, в пример другим, жесточайшим образом, и в том едва было даже не успели. Именно, будочник какого-то квартала в Кирюшкином переулке схватил было уже совершенно мертвеца за ворот на самом месте злодеяния, на покушении сдернуть фризавую шинель с какого-то отставного музыканта, свиставшего в свое время на флейте. Схвативши его за ворот, он вызвал своим криком двух других товарищей, которым поручил держать его, а сам полез только на одну минуту за сапог, чтобы вытащить оттуда тавлинку¹ с табаком, освежить на время шесть раз на веку примороженный нос свой; но табак, верно, был такого рода, которого не мог вынести даже и мертвец. Не успел будочник, закрывши пальцем свою правую ноздрю, потянуть левою полгорсти, как мертвец чихнул так сильно, что совершенно забрызгал им всем троим глаза. Покамест они поднесли кулаки протереть их, мертвеца и след пропал, так что они не знали даже, был ли он, точно, в их руках. С этих пор будочники получили такой страх к мертвецам, что даже опасались хватать и живых, и только издали покрикивали: «Эй, ты, ступай своею дорогою!» — и мертвец-чиновник стал показываться даже за Калинкиным мостом, наводя немалый страх на всех робких людей. Но мы, однако же, совершенно оставили одно значительное лицо, который по-настоящему едва ли не был причиною фантастического направления, впрочем, совершенно истинной истории. Прежде всего долг справедливости требует сказать, что одно значительное лицо, скоро по уходе бедного,

¹ Тавлинка — табакерка из бересты.

распеченного в пух Акакия Акакиевича, почувствовал что-то вроде сожаления. Сострадание было ему не чуждо; его сердцу были доступны многие добрые движения, несмотря на то что чин весьма часто мешал им обнаруживаться. Как только вышел из его кабинета приезжий приятель, он даже задумался о бедном Акакии Акакиевиче. И с этих пор почти всякий день представлялся ему бледный Акакий Акакиевич, не выдержавший должностного распеканья. Мысль о нем до такой степени тревожила его, что неделю спустя он решился даже послать к нему чиновника узнать, что он и как и нельзя ли в самом деле чем помочь ему; и когда донесли ему, что Акакий Акакиевич умер скоропостижно в горячке, он остался даже пораженным, слышал упреки совести и весь день был не в духе. Желая сколько-нибудь развлечься и позабыть неприятное впечатление, он отправился на вечер к одному из приятелей своих, у которого нашел порядочное общество, а что всего лучшее — все там были почти одного и того же чина, так что он совершенно ничем не мог быть связан. Это имело удивительное действие на душевное его расположение. Он развернулся, сделался приятен в разговоре, любезен — словом, провел вечер очень приятно. За ужином выпил он стакана два шампанского — средство, как известно, недурно действующее в рассуждении веселости. Шампанское сообщило ему расположение к разным экстремностям, а именно: он решил не схать еще домой, а заехать к одной знакомой даме, Каролине Ивановне, даме, кажется, немецкого происхождения, к которой он чувствовал совершенно приятельские отношения. Надобно сказать, что значительное лицо был уже человек немолодой, хороший супруг, почтенный отец семейства. Два сына, из которых один служил уже в канцелярии, и милостивая шестнадцатилетняя дочь с несколько выгнутым, но хорошеньким носиком приходили всякий день целовать его руку, приговаривая: «bonjour, papa»¹. Супруга его, еще женщина свежая и даже ничуть не дурная, давала ему прежде поцеловать свою руку и потом, переверотивши ее на другую сторону, целовала его руку. Но значительное лицо, совершенно, впрочем, довольный домашними семейными нежностями, нашел приличным

¹ Добрый день, папа (фр.).

иметь для дружеских отношений приятельницу в другой части города. Эта приятельница была ничуть не лучше и не моложе жены его; но такие уж задачи бывают на свете, и судить об них не наше дело. Итак, значительное лицо сошел с лестницы, сел в сани и сказал кучеру: «К Каролине Ивановис», — а сам, закутавшись весьма роскошно в теплую шинель, оставался в том приятном положении, лучше которого и не выдумаешь для русского человека, то есть когда сам ни о чем не думаешь, а между тем мысли сами лезут в голову, одна другой приятнее, не давая даже труда гоняться за ними и искать их. Полный удовольствия, он слегка припоминал все веселые места проведенного вечера, все слова, заставившие хохотать небольшой круг; многие из них он даже повторял вслух и нашел, что они все так же смешны, как и прежде, а потому не мудрено, что и сам посмеивался от души. Изредка мешал ему, однако же, порывистый ветер, который, выхватившись вдруг Бог знает откуда и несть от какой причины, так и резал в лицо, подбрасывая ему туда клочки снега, хлопуча, как парус, шинельный воротник или вдруг с неестественною силою набрасывая ему его на голову и доставляя, таким образом, вечные хлопоты из него выкарабкиваться. Вдруг почувствовал значительное лицо, что его ухватил кто-то весьма крепко за воротник. Обернувшись, он заметил человека небольшого роста, в старом, поношенном вицмундире и не без ужаса узнал в нем Акакия Акакиевича. Лицо чиновника было бледно, как снег, и глядело совершенным мертвецом. Но ужас значительного лица превзошел все границы, когда он увидел, что рот мертвеца покривился и, пахнувши на него страшно могилою, произнес такие речи: «А! так вот ты наконец! наконец я тебя того, поймал за воротник! твоей-то шинели мне и нужно! не похлопотал об моей, да еще и распек, — отдавай же теперь свою!» Бедное значительное лицо чуть не умер. Как ни был он характерен в канцелярии и вообще перед низшими, и хотя, взглянувши на один мужественный вид его и фигуру, всякий говорил: «У, какой характер!» — но здесь он, подобно весьма многим имеющим богатырскую наружность, почувствовал такой страх, что не без причины даже стал опасаться насчет какого-нибудь болезненного припадка. Он сам даже скинул поскорее с плеч шинель свою и

закричал кучеру не своим голосом: «Пошел во весь дух домой!» Кучер, услышавши голос, который произносится обыкновенно в решительные минуты и даже сопровождается кочем гораздо действительнейшим, упрятал на всякий случай голову свою в плечи, замахнулся кнутом и помчался как стрела. Минут в шесть с небольшим значительное лицо уже был пред подъездом своего дома. Бледный, перепуганный и без шинели, вместо того чтобы к Каролине Ивановне, он приехал к себе, доплелся кое-как до своей комнаты и провел ночь весьма в большом беспорядке, так что на другой день поутру за чаем дочь ему сказала прямо: «Ты сегодня совсем бледен, папа». Но папа молчал и никому ни слова о том, что с ним случилось, и где он был, и куда хотел ехать. Это происшествие сделало на него сильное впечатление. Он даже гораздо реже стал говорить подчиненным: «Как вы смее-те, понимаете ли, кто перед вами?»; если же и произносил, то уж не прежде, как выслушавши сперва, в чем дело. Но еще более замечательно то, что с этих пор совершенно прекратилось появление чиновника-мертвеца: видно, генеральская шинель пришлась ему совершенно по плечам; по крайней мере, уже не было нигде слышно таких случаев, чтобы сдергивали с кого шинели. Впрочем, многие деятельные и заботливые люди никак не хотели успокоиться и поговаривали, что в дальних частях города все еще показывался чиновник-мертвец. И точно, один коломенский будочник видел собственными глазами, как показалось из-за одного дома привидение; но, будучи по природе своей несколько бессилен, так что один раз обыкновенный взрослый поросенок, кинувшись из какого-то частного дома, сшиб его с ног, к величайшему смеху стоявших вокруг извозчиков, с которых он вытребовал за такую издевку по грошу на табак, — итак, будучи бессилен, он не посмел остановить его, а так шел за ним в темноте до тех пор, пока наконец привидение вдруг оглянулось и, остановясь, спросило: «Тебе чего хочется?» — и показало такой кулак, какого и у живых не найдешь. Будочник сказал: «Ничего», — да и поворотил тот же час назад. Привидение, однако же, было уже гораздо выше ростом, носило преогромные усы и, направив шаги, как казалось, к Обухову мосту, скрылось совершенно в ночной темноте.

Вопросы и задания

1. Кто главный герой повести «Шинель»? Каков его характер и образ жизни? Что вы могли бы сказать об отношении автора к герою? Против чего направлена повесть и как в ней раскрывается тема возмездия?
2. Какие повести вошли в состав «Петербургских повестей»? Подумайте, каким предстает Петербург в повести «Шинель». Проиллюстрируйте отрывками из текста, как Гоголь описывает зиму, ветер, вьюгу. Почему они получают символическое значение?
3. В книге «Гоголь в Петербурге» (авторы М. И. Гиллельсон, В. А. Михайлов, А. Н. Степанов) читаем: «В „Шинели“ и в „Повести о капитане Копейкине“ реалистически запечатлен непримиримый социальный контраст Петербурга. Недаром Достоевский писал о последующих русских писателях: „Мы все вышли из „Шинели“ Гоголя“. Тема униженных и оскорбленных, тема забытых и замученных вечной нуждой людей, ютящихся в сырых подвалах петербургских домов, начинает свою родословную в произведениях Пушкина и Гоголя». Как вы понимаете это высказывание ученых? Подтвердите свои мысли примерами из прочитанных произведений или подготовьте собственное рассуждение на эту тему на основе прочитанного (на выбор).

СПРАВОЧНЫЙ РАЗДЕЛ

Литературные места России

Александр Сергеевич Пушкин

ОРЕНБУРГ

Собирая материал к «Истории Пугачевского бунта» и «Капитанской дочке», Пушкин предпринял поездку по пугачевским местам Поволжья и Урала. Одним из основных пунктов путешествия был Оренбург. В этот город Пушкин приехал 18 сентября 1833 года и остановился у своего давнего знакомого графа В. А. Перовского, военного губернатора Оренбургской губернии (родного брата писателя Антония Поторельского, автора «Черной курицы...»). Здесь же поэт встретился с другим своим хорошим знакомым, писателем и врачом Владимиром Ивановичем Далем, который служил в это время в Оренбурге. Даль вызвался познакомить Пушкина с достопримечательностями города и окрестностей, связанными с восстанием Пугачева; 19 сентября вместе с В. И. Далем

Оренбург. Худ. Н. Чернышев. 1830-е гг.

Памятник А. С. Пушкину и В. И. Далю в Оренбурге.
Скульпт. Н. Петин

Пушкин отправился в Бердскую слободу, находившуюся в семи верстах от Оренбурга, на левом берегу реки Сакмары (ныне в границах города). Во время осады Оренбурга Берда была столицей бунтовщиков. Отсюда рассылались манифесты, воззвания, «преlestные письма» самозванца. Ко времени приезда Пушкина в Берду там еще был в сохранности «дворец» Пугачева — изба, при самозванце оклеенная внутри золотой бумагой. Теперь на месте «дворца» стоит памятная стела с мемориальными досками. Пушкин встречался со стариками и старухами, помнившими пугачевские события, подробно расспрашивал и записывал их воспоминания в записную книжку. Эпизоды рассказов, записанных в Берде, были затем использованы в «Капитанской дочке». Довольный рассказами, Пушкин дал одной из старух-казачек золотой червонец. В. И. Даль вспоминал, что червонец этот «наделал большую суматоху». Бердские старики ездили в Оренбург доложить начальству, что приезжал чужой человек, подбивал под Пугачева, одаривал золотом...

Утром 20 сентября Пушкин из Оренбурга выехал в Уральск.

Михаил Юрьевич Лермонтов

МОСКВА

М. Ю. Лермонтов родился в ночь со 2 на 3 октября 1814 года в доме, стоящем на месте высотного здания (ул. Садовая-Спасская, 21). Этот дом снимала его бабушка Е. А. Арсеньева. Лермонтова грудным ребенком увезли в село Тарханы Пензенской губернии и вновь привезли в Москву, когда ему было пять лет.

В 1828—1830 годах Лермонтов учился в Благородном пансионе при Московском университете, здание которого находилось на Тверской улице, на том месте, где теперь стоит Центральный телеграф. В пансионе существовало литературное общество, составлялись альманахи и даже ежемесячный журнал, где помещались ранние произведения Лермонтова. В ту пору им были созданы первые поэмы «Черкесы» и «Кавказский пленник».

В 1829 году Лермонтов вместе с бабушкой переезжает на Малую Молчановку. Уютный одноэтажный деревянный особняк с мезонином, некогда утопавший в зелени, сейчас притулился за многоэтажными зданиями Нового Арбата. Мемориальная доска напоминает, что здесь в 1829—1832 годы жил великий русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов. Об этом нам напоминает бюст

Москва. Ул. Малая Молчановка, дом 2

поэта, установленный перед домом-музеем в 1994 году (скульптор А. Ваганов, архитектор М. В. Посохин). Финансировал проект Союз антикваров Москвы, поэтому на постаменте надпись — «Лермонтову — Союз антикваров».

Обстановка этого трепетно-живого музея передает атмосферу, в которой рос и формировался поэт. Три комнаты первого этажа — большая и малая гостиные и комната бабушки Лермонтова Е. А. Арсеньевой, залитые в солнечные дни светом, обставлены мебелью 1830-х годов. В мезонин, где жил юный Лермонтов, ведет внутренняя деревянная лестница. Вот по таким ступеням взбежал он в свою комнату... Сейчас там хранятся рукописи поэта, его библиотека, воссозданная по разработке сотрудников музея, портрет отца.

В этом доме в годы студенчества Лермонтовым было написано около 100 стихотворений, трагедия «Люди и страсти», драма «Странный человек» — во многом автобиографическое произведение, трагедия «Испанцы», «Исповедь», «Джюлио», «Последний сын вольности». Здесь юноша Лермонтов работал над поэмой «Демон», читал друзьям вольнолюбивые стихи, здесь они обсуждали жгучие вопросы современности.

Из этого дома Лермонтов уезжает в Петербург. Может быть, именно эти переулки и улицы, прилегающие к Малой Молчановке, он представлял себе, когда 2 сентября 1832 года из Петербурга писал В. А. Лопухиной: «...Москва — моя родина и всегда ею останется. Там я родился, там много страдал и там же был слишком счастлив!»

К. Стародуб

Николай Васильевич Гоголь

МОСКВА

Впервые Гоголь приехал в Москву в 1832 году, где у него было множество друзей. Он часто бывал в старой столице наездами, жил у хороших знакомых. Здесь же, в белокаменной, он провел последние четыре года своей жизни.

В Москве жил его земляк, выходец из Украины, знаменитый актер Михаил Семенович Щепкин. Щепкин блистательно сыграл роли в гоголевских пьесах: городничего в «Ревизоре», Подколеси-

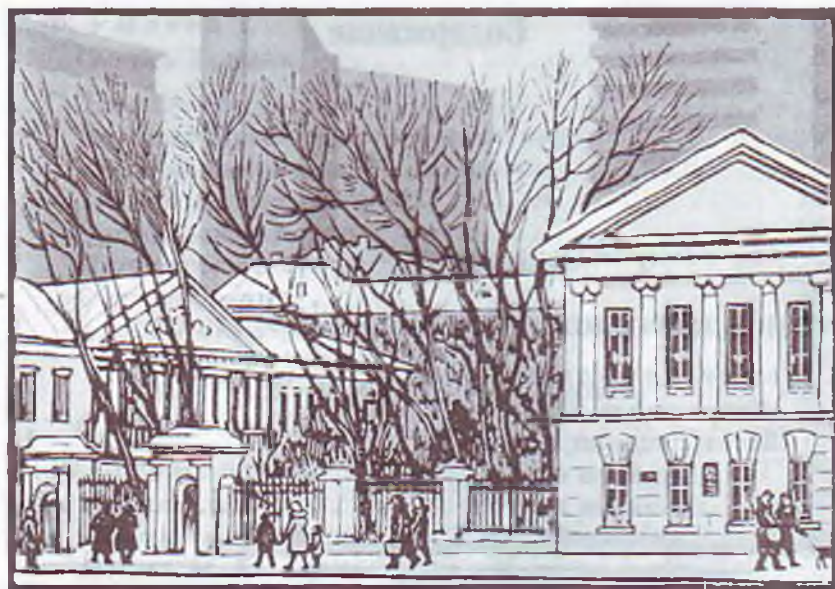
на в «Женитьбе», Утешительного в «Игроках». Критики писали о Сквознике-Дмухановском в исполнении Щепкина: «Кажется, что Гоголь с него списывал своего городничего, а не он выполнял роль, написанную Гоголем», Крепкая дружба, большая сердечная привязанность связывали великого писателя и знаменитого актера. Гоголь часто бывал в доме Щепкина в Большом Каретном переулке (дом не сохранился).

Другой московский адрес Гоголя — дом Аксаковых. Именно здесь, у Аксаковых, Гоголь впервые публично читал главы из «Мертвых душ». Приезжая в Москву, Гоголь неоднократно останавливался в доме профессора Московского университета, известного историка М. П. Погодина (ныне улица Погодинская, на месте домов 10—12). Усадьба Погодина до наших дней не сохранилась. Место усадьбы сегодня мы узнаем по «Погодинской избе», бывшей одним из флигелей усадебного дома, в котором Гоголь жил в 1839—1840, 1841—1842 и 1848 годах. В доме Погодина Гоголь работал над первым томом «Мертвых душ», повестью «Портрет», закончил новую редакцию «Тараса Бульбы».

Москва. «Погодинская изба». Погодинская улица, дом 12.

Худ. А. Каримов

Дом № 7 на Никитском бульваре, где Н. В. Гоголь читал актерам Малого театра комедию «Ревизор». *Худ. А. Каримов*

С 1848 по 1852 год Гоголь жил в доме на Никитском бульваре. В этом доме писатель работал над вторым томом «Мертвых душ». О трагедии, которая произошла в доме № 7 по Никитскому бульвару, М. П. Погодин писал в журнале «Москвитянин». Гоголь в ночь на 12 февраля «...велел открыть трубу как можно тише, чтобы никого не разбудить, и потом подать из шкафа портфель. Когда портфель был принесен, он вынул оттуда связку тетрадей, перевязанных тесемкой, положил ее в печь и зажег свечой из своих рук». Подготовленный к печати второй том «Мертвых душ» был сожжен. Девять дней спустя Гоголь умер. Писателя похоронили на кладбище Свято-Данилова монастыря. В 1931 году прах Гоголя был перенесен на Новодевичье кладбище.

В 1951 году во двор дома на Никитском бульваре был перенесен памятник Н. В. Гоголю работы скульптора Н. А. Андреева (первоначально, в 1909 году, его поставили в начале бульвара). На фасаде дома установлена мемориальная доска. В настоящее время в доме располагается городская библиотека имени Н. В. Гоголя, в которой две комнаты превращены в музей «Мемориальные комнаты Н. В. Гоголя».

Содержание

<i>Русская литература и история</i>	3
УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО	6
Русские народные песни	—
Хороводные и лирические песни	8
Исторические песни	10
Пугачев в темнице	—
Пугачев казнен	11
Частушки	—
Предания	13
О Пугачеве	—
О покорении Сибири Ермаком	14
ИЗ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	18
Повесть о житии и о храбрости благородного и великого князя Александра Невского	19
<i>Русская история в картинах</i>	28
<i>О «Повести о Шемякином суде»</i>	31
Шемякин суд	32
ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА	37
Д. И. Фонвизин	—
<i>Сатиры смелый властелин</i>	40
<i>Недоросль (В сокращении)</i>	41
<i>Фонвизин и классицизм</i>	74
ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА	80
И. А. Крылов	—
Лягушки, просящие царя	82
Обоз	84
О басне «Обоз»	86

К. Ф. Рылеев	88
Смерть Ермака	89
А. С. Пушкин	95
История Пугачевского бунта (<i>отрывки</i>)	97
«Историческая эпоха, развитая в вымышленном повествовании»	102
Капитанская дочка	105
Исторический труд А. С. Пушкина	212
Стихотворения	220
19 октября	—
Туча	225
К*** («Я помню чудное мгновенье...»)	227
О повести «Пиковая дама»	228
М. Ю. Лермонтов	230
Мцыри	232
Начальное представление о романтизме	253
Поэма М. Ю. Лермонтова «Мцыри» в оценке русской критики	255
Романтически-условный историзм М. Ю. Лермонтова	258
Н. В. Гоголь	260
О замысле, написании и постановке «Ревизора»	262
Ревизор	265
О повизне «Ревизора»	352
Шинель	358

СПРАВОЧНЫЙ РАЗДЕЛ 392

Литературные места России	—
Александр Сергеевич Пушкин	—
Оренбург	—
Михаил Юрьевич Лермонтов	394
Москва	—
Николай Васильевич Гоголь	395
Москва	—

Учебное издание

ЛИТЕРАТУРА

8 класс

Учебник для общеобразовательных учреждений

В двух частях

ЧАСТЬ 1

Авторы-составители

**Коровина Вера Яновна,
Журавлев Виктор Петрович,
Коровин Валентин Иванович**

Зав. редакцией В. П. Журавлев

Редактор Е. И. Привоторова

Художественный редактор А. П. Присекина

Художники Ю. В. Христинич, И. И. Пчелко

Техническое редактирование и верстка Н. В. Лукиной

Корректоры Т. М. Андрианова, Т. Ю. Дубровина

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93—933000. Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.09.01. Подписано
в печать с дилезитивов 15.12.08. Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага офсетная.
Гарнитура SchoolBook. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 21,28 + 0,42 форз.
Тираж 50 000 экз. Заказ № 27698.

Открытое акционерное общество «Издательство «Просвещение».
127521, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано в ОАО «Саратовский полиграфический комбинат».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59. www.sarpgk.ru

Бушует полая вода,
Шумит и глухо, и протяжно.
Грачей пролетные стада
Кричат и весело, и важно.

Дымятся черные бугры,
И утром в воздухе нагретом
Густые белые пары
Напоены теплом и светом.

А в полдень лужи под окном
Так разливаются и блещут,
Что ярким солнечным пятном
По залу «зайчики» трепещут.

Меж круглых рыхлых облаков
Невинно небо голубеет,
И солнце ласковое греет
В затишье гумен и дворов.

Весна, весна! И всё ей радо.
Как в забытии каком стоишь
И слышишь свежий запах сада
И теплый запах талых крыш.

Кругом вода журчит, сверкает,
Крик петухов звучит порой,
А ветер, мягкий и сырой,
Глаза тихонько закрывает.

И. Бунин